

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

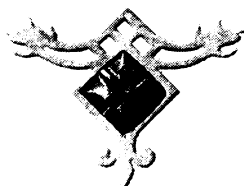

Длинные Руки —
гроссфюрст

Ричард Длинные Руки —
гроссфюрст

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гротграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — гаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст

Ригард Длинные Руки —
гроссфюрст

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
гроссфюрст

ЭКСМО
Москва
2011

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован рисунок
В. Коробейникова

Орловский Г. Ю.
О-66 **Ричард Длинные Руки — гроссфюрст : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2011. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).**
ISBN 978-5-699-51286-7

Клинок выковывают из железа, раскалив докрасна, долго бьют молотами, однако закаленным становится, когда из жаркого горна суют в ледяную воду.

Сэр Ричард, доблестный паладин, попадал как из колдовского огня в полымя дракона, так и под ледяной душ, когда приходилось позорно убегать, спасая шкуру под презрительными женскими взглядами...

Но, может быть, именно так закаляется уже не рыцарь, а политик?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-51286-7

© Орловский Г. Ю., 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

Неверно говорят, что Господь создал мир и человеку в нем жить. Господь всегда в творении и продолжает его создавать. На этот раз — руками человека.

Часть 1

Глава 1

Конт Тулиэль подбежал, такой легкий, что трава не гнется под его изящными сапожками, уши торчат, лицо сияет, как солнышко, дивные удлинённые глаза горят восторгом.

— Вы эльф, — вскричал он ликующе, — вы эльф, сэр Ричард! Вы эльф из эльфов!.. Теперь никто не усомнится!

Я учтиво поклонился.

— Я же говорил, что весь из себя тонкий и нежный, хоть и глубоко в душе, а еще стихи читал как-то и где-то... даже сочинял, стыдно вспомнить!.. Мыться умею, хоть и страсть как не люблю это странное и ненужное дело, такой я деликатный, чувствующий, отзывчивый... особенно когда обещать зовут...

Мы оба повернулись к Синтифаэль, блистательной королеве, рожденной из Света и Солнца. Она уже пришла в себя и смотрит привычно надменно, глаза загадочно непроницаемы, прямоспинная, по светло-голубому платью нескончаемым потоком бегут от плеч к подолу и уходят в землю мириады искр, похожие на светящуюся воду, высокая золотая корона блистает на пышных волосах платинового цвета во всем величии, а яр-

ко-синие шарики на зубчиках померкли и стали нежно-голубыми.

Строгие глаза чуть сузились, я увидел на краткий миг острое недоброжелательство, но она тут же отвела взгляд в сторону и произнесла через силу:

— Конт, распорядитесь начать сбор всех лучников. Полный запас стрел! А еще стоит послать к опушке разведчиков.

— Сделаю, — ответил конт и удалился так быстро, что вернее сказать — исчез.

Она повернулась ко мне, прекрасное молодое лицо словно бы стало старше за счет того, что сдвинула брови и посмотрела испытующе и с недоверием в глазах.

— Сэр Ричард?

— Счастлив был услышать ваши распоряжения, — ответил я искренне и поклонился тоже искренне, не мужчине же, женщине всегда пожалуйста, могу даже дважды, — вы все держите в своих изящных руках, Ваше Величество!

— Не в чужих же, — ответила она с непонятным выражением. — Когда, полагаете, ваш противник пойдет по этой дороге?

— Или сразу, — ответил я, — или очень-очень нескоро. Может быть, никогда. Ему велено ждать возможного вторжения людей с севера, со стороны королевства Варт Генц. Сюда может ринуться только по собственному решению.

Она нахмурилась.

— То есть нарушит королевское повеление?

— Да, — подтвердил я, еще не ощутив, насколько это для нее важно, — он откроет тем самым дорогу противнику, от которого должен защищать северную дорогу. Оправдывает его лишь то, что захочет выбить нас до того, как укрепимся в захваченной столице.

Она не спросила, как нам удалось захватить такой ук-

репленный город, чего я все время опасаясь, не могу же рассказывать про тесное сотрудничество с их вечными врагами гномами, только покачала головой.

— Его ничего не оправдывает, — произнесла она чистым холодным голосом. — Приказы короля или королев вы нерушимы!

Я поддакнул:

— Точно, Ваше Величество! И он будет наказан по заслугам. Ваши лучники выступят вершителями беспристрастного суда высшей и строгой этики.

Она вздохнула, произнесла с тяжестью в голосе:

— Но все же я очень не хотела влезать в такое... Правда, слово есть слово. Мы не люди, мы слово держим.

Я видел, что даже сейчас ищет пути отступления, заговорил торопливо и вдохновенно:

— Ваше Величество! Вы можете снять с себя эту тяжелую ношу.

Взгляд ее был полон подозрения, спросила холодно:

— Как? Это очередная ваша попытка обмануть нас?

— Нет, — поклялся я. — Токмо о благополучии эльфов и думаю, Ваше Величество! Спать ложусь — думаю, во сне думаю, и когда просыпаюсь — думаю. И сейчас надумал...

— Говорите, — сказала она раздраженно.

— Пусть ваши лучники, — сказал я вдохновенно, — кричат, выпуская стрелы: «Слава Ричарду Длинные Руки!.. Слава великому Ричарду!» Ну, еще что-нить придумайте лестное, я как-то совсем не против, когда меня хвалят, хотя я такой застенчивый, такой застенчивый... Это сразу снимет с вас вину, так как ответственность падет тяжким и просто невыносимым грузом на меня и мои хрупкие эльфьи плечи, а также почти горбатую спину. Именно я буду отвечать за эту массовую... показательную порку. И никто из людей не подумает на эль-

фов, Ваше Величество. С чего бы вдруг они начали кричать мне хвалу?

Она смерила меня злым взглядом.

— Да, действительно... Виконт Лихтеэль, распорядитесь!

Молодой эльф из ее свиты поклонился, на меня посмотрел с великим уважением, смешанным с ледяным презрением.

— Будет исполнено, Ваше Величество.

Я не могу забыть, что в битве при Азенкуре три тысячи лучников уничтожили шестьдесят тысяч тяжело вооруженных рыцарей. За четыре часа были истреблены начисто цвет и гордость Франции: пали все герцоги, графы, бароны, король чудом избежал плена, но все командующие армией погибли.

И кто уничтожил — престоное, не имевшее даже доспехов, в руках лишь лук, а за поясом короткий топор. Помня о том ужасающем разгроме, я еще в Амальфи начал усиленно развивать производство композитных луков, а умелым стрелкам велел денно и ночью обучать новичков.

С эльфами получше, они прирожденные стрелки, а луки у них хоть и простые, однако в рост человека, древко прямое, из незнакомого мне дерева, а тетивы тонкие и звенящие при малейшем прикосновении.

Королеву окружили ее фрейлины, на меня поглядывают с брезгливым интересом, как на дикую гориллу.

— Ваше Величество, — напомнила одна, — вас ждут на приеме.

Королева кивнула.

— Иду. Сэр Ричард, оставляю вас... надеюсь, с вашей стороны больше неожиданностей не последует.

Я помотал головой.

— Что вы, Ваше Величество! Никаких. Я и есть неожиданность, все остальное — мелочи. Ждите хороших вестей.

Она кисло улыбнулась, и они удалились яркой стайкой, похожие на умело собранный букет, где красиво подобраны платья пурпурного цвета, оранжевого, синего, зеленого, желтого, серебристые и черные с крупными заездами...

Эльфийские лучники появляются из леса бесшумно. Не слышу приказов, но собираются в отряды, чего-то ждут, а потом быстро исчезают за деревьями.

Меня словно забыли, наконец конт Тулиэль примчался, запыхавшись, выпалил быстро:

— Разведчики говорят, войско людей на конях появилось у леса!

Я охнул:

— Уже? Надо спешить к опушке...

Он сказал успокаивающе:

— Еще далеко, а лес большой. Им нужно обогнуть его, раз уж не решаются углубляться. На повороте дороги, по которой поскачут, задевая стремянами деревья, мы их и встретим.

— Еще долго?

— Если будут ехать быстро, — сказал он, — то окажутся через три-четыре часа.

Я свистнул, конт поморщился от варварского звука. С тяжелым грохотом примчался арбогастр, а Бобик сделал вокруг нас пару кругов и посмотрел с вопросом в коричневых глазах.

— Выступаем, — сказал я.

— Не торопитесь, — посоветовал конт и аристократически наморщил нос с красиво вырезанными тонкими ноздрями. — Там от дороги такая отвратительная пыль...

— Лес защитит, — утешил я.

Он кивнул с довольным видом.

— Да, лес — это все. Если хотите, можем идти, но не торопитесь, успеем.

Мы неспешно углубились в чащу, деревья здесь такие, что даже не зная я про здешних эльфов, сразу бы ощутил, что не сами по себе растут такие изысканные красавцы: высокие, могучие, с красиво расправленными ветвями, внизу где цветущий кустарник, где лужайки с мягкой шелковой травой, где цветники, все вроде бы в беспорядке, но чувствуется рука опытного планировщика, делающего диковатый мирок нарочито, что от натурального диковатого отличается, как небо от земли.

Я все восторгался лесом, помня, что похвала и лесть — два гостеприимных хозяина, только первый поит вдоволь, а второй спаивает, но конт вскоре начал говорить так приподнято и возвышенно, что вот оно, готов, и я аккуратно перевел разговор на обустройство их общества, на положение королевы, только о воинских силах не спрашивал, это насторожит, а все остальное интересно и полезно, конт же рад похвалам так, что чирикает обо всем, услышь королева — повесила бы немедленно, если у эльфов существует смертная казнь.

Наконец он прервал себя на полуслове, указал красивым розовым пальчиком, изящно-длинным, как у музыканта:

— Вон они... видите?

Я присмотрелся, хотел уже сказать честно, что ничего не вижу кроме леса, потом внезапно начал различать затаившихся эльфов. Они расположились за крайними деревьями вдоль длинной дороги, их стрелы будут поражать скачущих еще точнее, чем у лучников при Азенкуре, которых я вспоминаю с настойчивостью маньяка. А значит, не ожидающую здесь противников рыцарскую конницу герцога Ярдширского ждет очень неприятный сюрприз...

К счастью, страшная заря новых времен еще за горизонтом, хотя кровавый свет уже поджег облака, и всяк имеющий глаза да видит. Да только я один знаю, куда смотреть, и хотя сердце иногда сжимается в дурном предчувствии, но все-таки кто предупрежден — тот вооружен.

Конт Тулиэль оглянулся, отыскал меня взглядом.

— Приближаются!

Я удивился:

— Что, так далеко слышно?

— Эльфы видят хуже, — ответил он и добавил торопливо: — На дальность, но со слухом у нас все в порядке.

— А зачем лесным жителям зрение на дальность, — согласился я, — зато самых мелких мошек видите.

Он улыбнулся.

— Да, самых мелких. Даже тех, что плавают в воздухе, как рыбки в воде... Ого, да этих рыцарей больше, чем я думал!

Я приподнялся над кустами.

— Да где вы их видите?

— Пока только слышу, — объяснил он.

Я прислушался и тоже уловил далекий тяжелый грохот, еще даже не грохот, а нечто такое, что предвещает о приближении большой грозы, которая будет выворачивать с корнями деревья, опрокидывать телеги, срывать крыши, а деревья раскачает так, что на землю начнут падать птичьи гнезда.

Конт всмотрелся в мое лицо.

— Услышали?

— Да, — ответил я.

Он хмыкнул.

— Да, вы все-таки из эльфов. Люди так далеко не слышат.

— Я не слышал, — признался я.

— А как?

— Скорее, почуял.

Он посмотрел с уважением.

— Правда? Это даже важнее. Слух можно обмануть, чутье... надежнее. Только не все им обладают.

— Ну, спасибо, — пробормотал я. — Приятно... Так, а теперь уже и слышно! Господи, да вон же они!

Конт посмотрел в ту сторону, куда я указывал вытянутым мечом, спросил озабоченно:

— Судя по выражению вашего лица, их много?

— По четверо в ряд, — сообщил я. — Эх, дорога тут слишком хороша. Протоптали в объезд леса...

Земля отзывается далеким тревожным гулом, чуть позже я начал различать грозный топот. Пыльное облако растет, приближается, в нем заблестали искры, наконец показались скачущие всадники. Я напряг зрение, в руках переднего ряда длинные рыцарские копья, головной отряд весь в полных доспехах и с кольчужными сетками на конях...

— Чего это герцог так осторожничает? — спросил я пораженно. — До столицы еще далековато...

— Кони устанут?

— Люди тоже, — ответил я. — Доспехи проще одеть перед боем. А так выдохнутся...

Конт внимательно всматривался в скачущих далеко на дороге всадников. Я не заметил на его лице удивления.

— Здесь небольшой поворот, — объяснил он. — Дорога вообще прижимается к лесу. Телеги колесами чуть ли не обдирают кору с крайних деревьев.

— Герцог что-то почуял? — спросил я. — Никто из эльфов не показался ему? Или что-то ощутил?

— Скорее второе, — ответил он. — У вас, людей, есть всякие хитрые амулеты... Лучники!

Далеко прокатился как эхо его крик, повторяя это слово на разные голоса.

Я снял с плеча лук и наложил первую стрелу. Конт посмотрел уважительно.

— Думаете сразить герцога?

— Надеюсь, — ответил я.

— Тогда он ваш, — сказал он и крикнул: — Герцога не трогать!..

Конники приближаются с каждым мгновением, ветер срывает пыль с доспехов, и солнце играет на выпуклых панцирях, на плечах, на щитках, закрывающих руки, на шлемах.

Я натянул тетиву и, выбрав скачущего впереди всадника, повел за ним острием стрелы, выжидая, когда приблизится на расстояние выстрела. В нужный момент пальцы как будто сами выпустили кончик, я ухватил вторую, выстрелил, цапнул третью, и тут только воздух наполнился зловещим свистом эльфийских стрел.

Скачущий впереди всадник вздрогнул всем телом, его завалило на круп, повод выскользнул из ослабевших пальцев, и конь испуганно понес в сторону.

Конт закричал тонко и пронзительно:

— За Ричарда Длинные Руки!

Из-за деревьев раздался крики:

— За Армландию!

— За Ричарда!

— Ричард!

— Слава Ричарду!

Еще два всадника под ударами моих стрел вылетели из седел, конт покосился на меня со странным выражением в огромных глазах, я показал наглядно, что могу не только точно, мои стрелы бьют гораздо сильнее и дальше эльфийских.

На дороге все утонуло в грохоте копыт, падении тяжелых тел, криках боли, испуганном конском ржании и продолжающемся злобном шипении летящих стрел.

И все-таки конница не могла остановиться, да и не

хотела, пусть даже десятки всадников уже корчатся на земле, кони вскакивают и, волоча по земле поводья, испуганно мечутся и загораживают дорогу стальному рыцарскому потоку.

Вслед за рыцарями скачут тяжеловооруженные всадники из простых, но элитных воинов. Этих мы выбрали из седел еще легче, на земле катаются и стонут уже сотни раненых, суматоха все растет, но некоторые всадники в облаке поднятой пыли пробиваются через завал тел и устремляются на загнанных хрипящих конях дальше.

Бой показался мне долгим, несколько рыцарей, обнажив мечи, бросились пешими к лесу. Конт, побледнев, что-то прокричал тонким верещащим голосом, и на смельчаков обрушился град стрел.

Все они пали, только двое успели добежать до деревьев, но там, утыканные стрелами так, что стали похожи на разъяренных ежей, зашатались и опустились на землю.

Их самопожертвование дало возможность нескольким десяткам пробиться, закрываясь щитами, через гору трупов, там прищипорить коней и умчаться дальше.

Конт проговорил со странным оттенком в голосе:

— А могли бы повернуть... Уцелело бы больше.

— Столицу торопятся спасти, — пояснил я мрачно. — Уважаю.

— Что теперь?

— Остальные скоро попадают с коней, — сказал я. — Отдых нужен, как воздух. Видимо, почуяли как-то, что их тут ждет, потому разогнались, надеясь проскочить.

— Кому-то удалось, — заметил он.

Я отмахнулся.

— От них уже нет угрозы. Измучены, обессилены, многие ранены. Я раньше них вернусь в столицу, а там встретим.

Он зябко передернул плечами.

— Наши уже ушли. Не могут смотреть на такое... И меня передергивает, чую запах крови, а это отвратительно. Извините, я тоже покину это место. А вы, наверное, пойдете грабить убитых?

Я покачал головой.

— Этим займутся осчастливленные крестьяне ближайших деревень. Оружие и рыцарские доспехи у них потом, правда, заберут, но монеты останутся. Как и разные приятные мелочи.

Он побледнел, зябко передернул плечами, лицо стало таким, будто вот-вот стошнит.

Я вернулся к арбогастру, Бобик встретил обиженным взглядом, я его приласкал, погладил по огромной голове, Зайчик ревниво заржал.

— Возвращаемся, — сказал я и снова обратился к конту: — Ее Величеству передайте, что в ближайшие же дни я объявлю Эльфийский Лес национальным заповедником. Нельзя будет не только охотиться в его чаще, но даже рубить деревья. А сучья разрешим крестьянам собирать только на опушке.

Он поклонился крайне учтиво, несмотря на бледный вид и вздрагивающие руки.

— Я все передам Ее Величеству в точности, — пообещал он.

— И мои уверения в дружбе, уважении, почтении... Ну, вы сами знаете, придумайте что-нить еще.

— Обязательно, ваша светлость!.. А вы сейчас...

— Отбываю в город людей, — объяснил я нетерпеливо. — Хоть я и эльф, но мы же должны нести истину всем существам на свете?

Он пробормотал нерешительно:

— Да, но...

— Что, — удивился я, — люди недостойны?.. Да, знаю-знаю, что недостойны, но чаще всего как раз из самых недостойных детей Господа и вырастают пророки.

Он сказал торопливо:

— Нет-нет, я о другом...

— Слушаю, — сказал я.

— Но как же, — проговорил он, — Гелионтэль, к которой вы стремились так страстно и безумно?

Я отмахнулся.

— Переспим в другой раз. Некогда-некогда.

Эльфийский Лес когда-то был гораздо больше нынешнего, армии людей время от времени вторгались в него, но всякий раз терпели поражения. Частью от стрел, но чаще тонули в болотах, погибали от укусов множества змей... Тогда короли объявили медленное наступление на сам Лес: жители окрестных деревень подрубали кору на крайних деревьях, а когда те погибали и высыхали — жгли, отвоеванную землю распахивали.

Медленно, но люди — существа упорные — настойчиво продвигались так век за веком. Болота, лишённые защиты леса, высыхали, а земля, покрытая илом, всегда давала прекрасный урожай. Наконец от некогда великого Эльфийского Леса осталась едва треть, и хотя для племени эльфов места там с запасом, но это сейчас, однако эльфы живут тысячи лет и понимают, лес исчезнет еще при их жизни, а им самим придется умереть мучительной смертью намного раньше...

И все-таки насколько же психика людей гибче, давно бы уже спохватились и что-то да придумали, а эльфы живут обреченно в ожидании конца своего мира.

Если я хочу сберечь их популяцию, придется в самом деле выполнить все то, что пообещал. Может быть, даже больше, еще подумаю. Пусть цветут все цветы, а эльфы — не худшее в мире.

Пес требовательно гавкнул впереди и остановился, ожидая нас. Арбогастр сбросил скорость, уже запомнил, в каких случаях карьером, а в каких — грунью.

Лес давно остался позади, дорога устремилась через ровную зеленую степь, а далеко впереди у излучины большого ручья блестит металл доспехов, обнаженное оружие, вздымаются дымки десятка костров.

Я рассмотрел, медленно приближаясь, отряд в сотню человек, некоторые расседывают и поят коней, большинство просто лежат на траве, в бессилии раскинув руки, только самые выносливые и обязательные, едва передвигая ноги, разжигают костры, достают из седельных сумок еду.

Я пустил Зайчика шагом, издали вскинул руки ладонями вверх. Бобик воспитанно идет рядом и приветливо помахивает хвостом, даже пасть предусмотрительно закрыл, уже знает, почему-то все бледнеют, как только увидят его зубы.

Навстречу поднялись двое, в руках короткие копыя. Усталые, но с суровыми лицами, молча выставили перед собой блестящие острия и ждут, глядя исподлобья.

С пенька встал рыцарь в сильно помятой кирасе. Светлые волосы прилипли от пота ко лбу и жалкими прядями свисают на плечи, но глаза смотрят прямо и настороженно.

— Кто таков? — спросил он угрюмо.

— Я хотел бы переговорить с герцогом Ярдширским, — сказал я ровным голосом.

— Герцог занят, — отрезал он. — Я граф Мервин.

— И что?

Он повысил голос:

— Он занят, непонятно? Я за него.

— Сожалею, ваша светлость, — сказал я, — но мне, как эрцгерцогу, больше пристало говорить хотя бы с герцогом, если у вас нет благородных людей выше титулом.

Он посопел угрюмо, соображая медленно не столько от тупости, как от смертельной усталости.

— Это какой еще эрцгерцог? — проговорил он мрачно. — У нас нет эрцгерцогов...

— Я не знаю, — отрезал я холодно, — где это у вас, а здесь отныне хозяином изволит быть эрцгерцог Ричард Длинные Руки.

Он переспросил, еще не поняв:

— Кто-кто?

Я сказал громче:

— Эрцгерцог Ричард Длинные Руки готов милостиво принять вашу сдачу, чтобы не завершать полное истребление славного рыцарства королевства Турнедо.

Его глаза в ужасе расширились, руки дернулись, будто хотел броситься на меня, но я предостерегающе опустил ладонь на рукоять меча, а Бобик прижал уши и зарычал.

Офицер отступил на шаг, прокричал, не отрывая от меня все еще неверящего взгляда:

— Джон!..

От костра донесся усталый голос:

— Ваша светлость?

— Сбегай к герцогу! Узнай, может ли говорить?

— Чичас...

С поваленного ствола дерева тяжело поднялся воин, заковылял, прихрамывая, в сторону, где в тени деревьев расположились группы раненых.

Я ждал терпеливо, офицер тоже застыл, глядя то на меня, то на воина, что добежал до группы отдыхающих и начал быстро что-то объяснять, живо жестикулируя.

Там тяжело поднялся из группы мужчин высокий подтянутый воин без доспехов и шлема, грудь перевязана окровавленными тряпками, правая рука висит бесцельно вдоль тела, но в лице видна неугасшая воля к победе, глаза смотрят устало, но сурово.

— Я могу, — ответил он густым хриплым голосом и

сделал в мою сторону несколько нетвердых шагов. Его торопливо поддержали за плечи. — Что случилось?

Офицер нервно вскрикнул:

— К вам... для разговора!

— Я слушаю, — произнес герцог, как понимаю, это он. — Кто этот человек?

Офицер, назвавшийся графом Мервином, прокричал:

— Это... это сам Ричард Завоеватель!

Мужчина остановился, долго всматривался в меня, затем подошел и встал рядом с графом. Еще двое подошли и держат обнаженные мечи наготове, все не отрывая от меня настороженных взглядов.

— Я команду этим войском, — произнес мужчина и добавил горько: — Тем, что теперь осталось от некогда великого и грозного полка. Герцог Кристофер Ярдширский, коннетабль короля Гиллеберда, к вашим услугам.

— Ричард Длинные Руки, — ответил я, — но если вам ближе прозвание «Ричард Завоеватель», то оно тоже мне начинает нравиться, можете пользоваться. Уверен, оно появилось не сегодня?

— Это за победное вторжение в Сен-Мари, — ответил герцог с холодной любезностью, — что вы хотите нам сказать, ваша светлость?

— Я мог бы говорить, — сказал я, — как коннетабль с коннетаблем, ибо я он и есть, коннетабль королевства Фоссано, но особая доверительность разговора мне уже не нужна. Я, эрцгерцог, курфюрст и полный повелитель этой части королевства Турнедо, просто предлагаю сдать-ся. Все ваши титулы и звания будут сохранены. Как и земли. Столица, как вы уже знаете, захвачена моими войсками. С севера ускоренным маршем движется армия короля Фальстронга, вы открыли ему дорогу, покинув вверенный вам пост. С юга наступают войска короля Барбароссы и короля Найтингейла. Ваш сюзерен про-

считался, недооценив их решимость дать отпор... Война проиграна, сэр Кристофер!

Он смотрел угрюмо, бледное лицо осунулось на глазах, я видел, как его терзает боль, гораздо более сильная, чем раны.

— Как вам удалось провести лучников в Эльфийский Лес? — спросил он внезапно.

— Так же, — ответил я любезно, — как и всю армию. Не правда ли, после ночного марша в течение часа она очень красиво захватила якобы неприступную столицу? Все дороги были перекрыты войсками турнедцев, и вы, конечно, догадались, что мы могли пройти только через этот якобы непроходимый лес? К сожалению, должен сообщить, в суматохе при штурме столицы, а затем и дворца погибла вся королевская семья. Увы, дворец напрасно защищали так яростно... Ваш король теперь не имеет наследника, а Его Величество в таком возрасте, что они уже вряд ли появятся.

Он потемнел лицом, щеки опустились, а в глазах появилось затравленное выражение осознаваемого поражения.

— Это не вам решать, — проговорил он тяжелым голосом.

— Да, конечно! — воскликнул я. — Вы абсолютно правы, ваша светлость. Но нам решать, быть королевству Турнедо или нет... Так вот мы решили, что быть ему не следует. То есть королевство Турнедо перестало существовать, дорогой герцог! Земли его уже разделены секретным договором между тремя королями и мною, курфюрстом... можно даже сказать, великим курфюрстом, хотя и нет такого титула, но все в наших руках и в нашей власти. Как и водится среди победителей, верно? Подумайте о месте, которое вам придется занять в этом новом образовании.

Он спросил враждебно:

— Разделены? Война только началась! Королевство в состоянии отразить нападение и десяти соседей. Вы не забыли, что ваша Армландия уже под рукой Его Величества?

Я ухмыльнулся.

— Я мог бы взять Турнедо, а взамен оставить вашему королю Армландию, но... и ее не отдам. Сейчас короли Барбаросса и Найтингейл начинают вытеснять войска Гиллеберда и оттуда, с юга и юго-востока. С севера, как я уже говорил, движается огромная армия короля Фальс-тронга. Согласен, у вас был шанс ее остановить, но сейчас... когда из вашего войска уцелел лишь каждый двадцатый?

— Каждый десятый на ногах, — отрезал он. — И может держать оружие.

— Все равно, — возразил я сочувствующе, — это катастрофа.

Он возразил устало:

— Всех захватчиков остановим и погоним обратно. А вам, сэр Ричард, я настоятельно рекомендую немедленно удалиться. Иначе прикажу своим людям арестовать вас!

Я вежливо поклонился.

— Ухожу-ухожу. Гордые слова, герцог! Я восхищаюсь вами. Мне очень жаль, что столько молодых и сильных людей погибло... вот так глупо. Может быть, подумаете?

Он повернулся в сторону и позвал громко:

— Стража!

— Прощайте, — сказал я.

Арбогастр развернулся на месте, я невольно сдвинул лопатки, будто в спину уже вонзаются стрелы. Пес радостно бросился в указанном направлении, мы понеслись следом.

Глава 2

Остатки войска герцога Ярдширского так и оставались на том же месте несколько дней, отдыхая и залечивая раны. За это время, как докладывают разведчики, к ним присоединилось несколько дружин лордов соседних земель, что не очень-то и хорошо, мне такой патриотический порыв ни к чему, однако за это же время несколько десятков человек тайно покинули воинство, что не может не радовать.

Сэр Климент заподозрил нечто хитрое, велел схватить одного, потом другого, но оказалось, что люди устали и пали духом после неожиданного и ужасающего истребления стрелками Ричарда Завоевателя, засевшими в Эльфийском Лесу, отборного рыцарского войска под началом непобедимого герцога Ярдширского. И еще поверили, что война проиграна, потому многие вообще готовы бросить все и пробираться в свои земли.

Готовность сражаться сохраняют только те, кто прибывает к герцогу именно сейчас, еще не испытавшие сокрушительного удара эльфийских стрел. Кстати, кроме герцога уцелели и все высшие лорды, хотя по ним били особенно тщательно, но знать либо облачена в доспехи, выкованные гномами, либо в нечто старинное, передаваемое из поколения в поколение, а то и вовсе отысканное в руинах и подземельях погибших городов.

Древние оружейники знали некие тайные приемыковки или закалки, из-за чего не только стрелы, но даже тяжелые мечи не оставляют абсолютно никаких царапин на таких доспехах. Только и надежда, что попасть в сочленение...

Я велел отпустить схваченных, пусть разносят весть о сокрушительном поражении войска герцога Ярдширского от лучников Ричарда Завоевателя, а также расска-

жут, что столица тоже захвачена им и король Гиллеберд низложен победителями.

Я осматривал, как идет постройка стены на месте провалившейся в землю, ко мне торопливо подошел барон Саммерсет, на нем все хозяйственные нужды по обороне, издали поклонился коротко.

— Барон? — сказал я.

Он доложил с тревожной ноткой в голосе:

— Ваша светлость... когда ждать подхода союзных войск?

Я спросил обеспокоенно:

— А что случилось?

— Пролом заделывается очень трудно, — проговорил он с тоской. — Это не пролом в стене, она ж вся ушла под землю!.. Приходится строить целиком...

Я поморщился.

— Как это целиком? Фундамент готов, только доращивайте. Привлеките местных жителей, можно кнутом и пряником. Кто будет работать хорошо, тому платите за труд на благо общества... общество — это я, кто совсем упрется — рубите голову на месте за саботаж по законам военного времени... Отечество в опасности, а они будут всякое? Не позволим!

— Сколько у нас дней в запасе?

Я отмахнулся.

— Ни одного. Но не думаю, что придется выдерживать ожесточенную осаду. Пока местные лорды собирают отряды взамен тех, что ушли с Гиллебердом, подойдут войска короля Фальстронга.

— А как, — спросил он с надеждой, — насчет армии Его Величества Барбароссы?

— Тому будет труднее, — признался я. — Ему драться с армией самого Гиллеберда в Армландии, а потом пробиваться в Турнедо! Хотя, если разобьет Гиллеберда там, то можно и не пробиваться...

Виконт Рульф прислушался к нашему разговору, покрутил головой, а, уловив мой вопрошающий взгляд, заметил осторожно:

— Армия Гиллебедрa сильнее, вы сами говорили.

— Сильнее, — согласился я, — но в Армландии не вся армия. Гиллеберд не повторил моей ошибки, в Турнедо тоже оставил войска. Я сокрушил герцога Ярлширского, что защищал именно подступы к столице, но с севера есть еще могучие заслоны под руководством Вигфрида и Аттельстана, опытных полководцев. Король Гиллеберд не ожидал вторжения со стороны Варт Генца, однако береженого Бог бережет, и чтоб у Фальстронга не возникало соблазна, он демонстрировал там надежные гарнизоны в хорошо укрепленных замках.

— Фальстронг будет их осаждать?

Я покачал головой:

— Нет.

— Почему? — удивился он. — Фальстронг не захочет оставлять в своем тылу города с вражескими войсками за стенами!

— Фальстронг будет сбивать только отряды, — объяснил я, — что загородят ему дорогу. Он стремится к столице.

Барон внезапно просиял, а Рульф хлопнул себя по лбу.

— Ну да, ваш договор! Кто первый захватит столицу, тот получает право на две трети Турнедо!..

— Ради этого стоило постараться, — сказал барон.

К нам подошел сэр Волсингейн, настороженный, как всегда, оглядывающий всех из-под насупленных бровей.

— Сэр Каспар, — приветствовал его я.

Он поклонился.

— Ваша светлость?

— На вас возложена охрана порядка... и все прочее, что относится к ней или находится около. Потому проследите, чтобы собрали священников, какие есть в округе.

— Да, ваша светлость...

Я объяснил:

— Пусть очистят дворец от магии. Самым тщательным образом! Что-то я не заметил здесь ни одного распятия, это упущение срочно исправить. Завезти Библии и разложить в ключевых местах, а также отслужить литургии, изгоняющие бесов и всякое колдовство.

Тот сказал с беспокойством:

— Вы тоже почуяли?

— Что?

Тот покрутил пальцами в воздухе, изображая нечто неопределенное.

— Что-то такое в воздухе... И тени какие-то... У меня амулет достаточно мощный, но все не ухватывает. Да и понятно, короли могут себе позволить и магов сильных, и талисманы хитрые...

— Тогда вы тот человек, — сказал я, — кто отвечает еще и за безопасность дворца... по крайней мере, от враждебной магии. Действуйте быстро и решительно.

— Да, ваша светлость!

Он поспешно удалился, а за ним побежали трое громадных диковатого вина воинов в мохнатых шапках и душегрейках мехом наружу, горцев, что составляют большую часть его дружины.

Кабинет Гиллеберда укрыт десятками опаснейших заклинаний. Любой, кто решится войти без разрешения хозяина, в лучшем случае погибнет, а в худшем — искалеченный и растерзанный будет оставлен для допроса.

Более того, заклинания закрывают двери и стены на тот случай, если кто додумается проломиться напрямую, а кроме того, мощные амулеты защищают стол, ящики и ларцы с секретными замочками, но даже это не все: если кто-то сумеет выжить и коснется личной книги короля,

где все его тайны, он тут же превратится в соляной столб, как когда-то жена Лота.

На меня магия не действовала, но я зябко передергивал плечами, представляя, что вот выдвинется из стола отравленный шип или в коленку кольнет некая заноза, что убьют моментально.

Священники полдня очищали от чар, а потом на всякий случай я запустил еще и магов, не помешает, а в конце священники прошлись еще раз и подтвердили, что колдовства было много, но все уже очищено молитвами и святой водой.

— Как только вы уцелели, — сказал один участливо, — вы вошли первым?

— Я паладин, — ответил я скромно и перекрестился. — Господь хранит меня для более трудных дел.

— Спаси вас и сохрани, — ответил священник и перекрестил меня. — Но от стрел из стен вы уж как-то сами, ваша светлость.

Все, как я уже понял из жизненного опыта, удастся энергичному и деятельному человеку, вот только времени и сил уходит вдвое больше. Если что-то рассчитываешь сделать за неделю, смело клади две, а то и три. Уверен, что сделаешь за месяц — будь счастлив, если уложишься в два.

Фальстронг не подошел в рассчитанное время, и даже в ожидаемое нами. Сопротивление местных лордов на севере оказалось ожесточеннее, чем он и я рассчитывали. День за днем король Варт Генца продвигается по Турнедо медленно и упорно, сбивая заграждающие отряды, захватывая лагеря, сам несет тяжелые потери, но мои разведчики радостно докладывают, что его войска все-таки приближаются, не отступая ни на дюйм.

С южной стороны королевства появились первые слухи о тяжелых боях в районе земель Пертуи и Дуншира, а также большом сражении у Торгэрна. Оно закончи-

лось вроде бы победой Гиллеберда над объединенными войсками Барбароссы и Найтингейла, однако отступил все-таки Гиллеберд.

Сообщение о том, что Ричард Завоеватель захватил его столицу, мог счесть дезинформацией, с целью вызвать панику в рядах его войск. Но, возможно, дошли слухи о вторжении с севера королевской армии Варт Генца, чего он тоже никак не ожидал, хотя, будучи крайне предусмотрительным, и оставил с той стороны хороший заслон из кольца прекрасно укрепленных замков с многочисленными гарнизонами и хорошо укомплектованные войска под управлением опытных военачальников.

Мне казалось, что Гиллеберд вот-вот начнет долгие и хитроумные переговоры о мире или хотя бы перемирии, за время которого отойдет от внезапного изменения ситуации и как-то повернет ее в свою пользу, однако то ли на что-то надеется, то ли понял, что я сумел переиграть на его же поле и в переговоры вступать не буду, да и другим докажу, что противника осталось только дожать...

В захваченной столице атмосфера очень недружелюбная, это не демократический и толерантный Геннегау, где всем все по фигу, здесь дубовые патриоты. Простой народ упорно выкрикивает славу Гиллеберду, а нас ненавидит люто и иррационально, хотя мы постарались ни в чем не причинять вреда.

Слуги под руководством Бальзы уже очистили королевский дворец от трупов, заменили залитые кровью ковры и шкуры на полу, отдраили дубовые полы, и хотя все выполняют, но ощущение остается такое, что при первой же возможности вонзят в спину нож.

Я велел заменить их менее преданными предыдущему преступному режиму, но таких почти не нашлось, да и те могут притворяться, так что мы, победители, оказались в огромном дворце почти без слуг.

Я в конце концов занял покои Гиллеберда, так надо, я должен подчеркивать и всячески выказывать, что отныне его власть полностью перешла ко мне, вот трон, вот знаки власти, королевская печать и все регалии.

Охрану дворца поручил сэру Клименту Фицджеральду, он настолько хорошо показал себя при захвате этого весьма и зело укрепленного пункта, что отныне можно рассчитывать на его сообразительность и в других деликатных делах.

Остальные военачальники отвечают за охрану стены и башен, доблестный сэр Геллермин денно и нощно бдит со своими людьми у обрушенного участка, хватая подозрительных с той стороны и с этой, а виконту Каспару Волсингейну поручил при обеспечении спокойствия и безопасности на улицах столицы действовать быстро и решительно, любые искры гасить вовремя.

Сегодня он вошел настороженный, словно и здесь за ним следят враги, коротко поклонился.

— Сэр Каспар, — произнес я.

— Ваша светлость, — ответил он.

Я поинтересовался:

— Как прошла ночь?

— Восемь нападений, — доложил он. — На два больше, чем вчера. Но вчера были ранены четверо наших и один убит, а сегодня убиты уже трое.

— А ранены?

— Восемь.

Я ощутил гнев и горечь, сжал и разжал кулаки.

— Сэр Каспар, — произнес я с большой неохотой, — это мой город, потому я велел обращаться с жителями гуманно, так как они уже не враги, а мои подданные. Подданных нельзя убивать, как врагов, однако слегка наказывать можно... Слегка.

— Ваша светлость?

— Отныне, — сказал я, — разрешается не только за-

щищаться в случае нападения. Всякий, бросивший бранное слово в мой адрес или адрес наших доблестных войск, должен быть схвачен и немедленно повешен!.. Если обстоятельства не позволяют — зарубить на месте.

Он вскрикнул обрадованно:

— Ваша светлость! Позвольте выполнять?

— Действуйте, — разрешил я.

Он умчался, я слышал в коридоре его воспрянувший голос, даже топот изменился. Не помогает львиная шкура — одевай лисью. Но если в лисьей меня не уважают, то мои львиные когти уважать заставят. Или бояться. Что по результатам одно и то же: Одни закон не нарушают потому, что этот нравственный закон у них в душе, а большинство — из страха перед жестоким наказанием. Как результат — на преступление отваживаются совсем уж отпетые.

Думаю, дикие горцы сэра Каспара сумеют внушить достаточное уважение завоеванным. Я не случайно именно ему поручил обеспечивать порядок на улицах, базарах и рынках.

Если здесь милосердие считают слабостью, что ж — могу сыграть и понятнее для вас, олухи.

В коридоре раздались быстрые шаги, ко мне в кабинет заглянул один из стражников, что в коридоре.

— Ваша светлость, — прокричал он, словно мы на противоположных концах дремучего леса, — к вам только что гонец от Барбароссы, ваша светлость!

— Пропусти, — велел я.

В комнату вошел молодой воин, совсем юноша, светлый и быстроглазый, из доспехов только кольчуга с широкими рукавами и до колен, сапоги с простыми шпорами, а на поясе простой короткий меч ратника.

Он быстро и легко преклонил колено, голова опущена, взгляд в пол.

— Ваша светлость...

— Встань, — велел я, — и ответствуй. Как дела у моего дорогого сюзерена и покровителя, которому я так многим обязан?

Он смотрел на меня ясными влюбленными глазами, с почтением протянул увешанный печатями свиток.

— Ваша светлость!.. Его Величество поздравляет вас с неслыханной и невероятной победой. Он рад и счастлив, это все здесь записано!. А еще Его Величество велел передать на словах, что он не подписал бы тот договор... простите, я не знаю, о чем речь, просто передаю дословно... тот договор, если бы не подозревал, что вы спрятали какого-то коня в рукав.

Я сдержанно улыбнулся.

— Его Величество меня переоценивает... Как добирался? У Гиллеберда еще много войск?

Он кивнул.

— Да, ваша светлость. Он блокировал все дороги. Если бы не мой конь, ему нет в Фоссано равных по скорости, и не мои амулеты, оберегающие от чужих взглядов, я бы не пробился через захваченные Гиллебердом земли.

— Гиллеберд хорош, — сказал я с досадой, — только об этом и слышу. К нам докатились слухи о победах при Пертуи и Дуншире, а также большом сражении у Торгэрна...

Его глаза вспыхнули отвагой и юношеской гордостью.

— Это было жестокое сражение, ваша светлость. Мы понесли тяжелые потери, Гиллеберд очень умело руководил своими войсками и, можно сказать, одержал победу. Нам пришлось оставить поле битвы, однако отступил и Гиллеберд, так что сражение будет считаться ничейным.

— Почему отступил Гиллеберд?

Он смотрел на меня чистыми глазами ребенка, кото-

рый передает то, что ему сказали, еще не понимая смысла сложных слов:

— Его Величество считает, что Гиллеберд потерял уверенность. Он все еще сильнее нас, однако, как сказал Его Величество, он не ожидал, что мы все же выступим... и выступим очень всерьез. Почему-то он не рассчитывал, что Его Величество возжелает защитить свои исконные земли... И еще Гиллеберда поразило, так считает Его Величество, что в войну вступил Варт Генц. К тому же неожиданно мощное сопротивление оказал один из армландских лордов, его владения на границе. Он сковал почти треть войска Гиллеберда, это неслыханно, а когда ему грозило окружение, ушел за стены замка. И оттуда постоянно наносит удары в тыл.

— Герой, — сказал я. — Как его имя?

Он пробормотал:

— Вроде бы Тамплиер...

Я подумал, кивнул молча слушающему стражнику.

— Займись нашим молодым другом, покорми и дай отдохнуть. Я составлю ответ Барбароссе и немедленно отправлю с нашими заверениями в любви, уважении и покорности.

— Слушаюсь, ваша светлость!

Он очень вежливо, даже слишком вежливо, поклонился, явно не простой стражник, возможно, из безземельных рыцарей, и остался на том же месте.

Я спросил непонимающе:

— Сэр?

Он поклонился снова и развел руками:

— Простите, ваша светлость... но надо ли это...

Он замялся, я спросил нетерпеливо:

— Что именно?

— Это вот, — сказал он в неловкости, — с заверениями в покорности... Сейчас уже всем видно, — вы никому покоряться не должны...

Я сказал строго:

— Дорогой сэр!.. Вы что-то недоперепонимаете!.. Его Величество для меня — как отец родной! Я всегда буду чувствовать к нему любовь, уважение и даже покорность, если вы понимаете меня правильно. Как бы ни стал я силен, а он дряхл и слаб, но все равно!

Он сказал торопливо:

— Да, но... чувствовать — одно, но зачем умалять свое величие? Вы же не один, мы все купаемся в славе своего вождя!

— Когда слава заслуженная, — отрезал я, — ничто ее не умалит! Действуйте.

Оставшись один в кабинете Гиллеберда, я еще раз прошелся вдоль всех четырех стен. Такой предусмотрительный король не мог не пользоваться тайными ходами, скрытыми тайниками и замаскированными ловушками.

Я выглянул в коридор, кивком велел стражнику войти.

— Как вас зовут?

— Тэд, ваша светлость.

— Тэд, — повторил я. — Значит, полное имя Эдвард. Верно?

— Да, ваша светлость.

— Гордое имя, — сказал я, — дворянское.

Он опустил взгляд, на щеках проступил густой румянец.

— Ваша светлость... я вел себя неподобающе, и отец меня изгнал. А так, вы правы, я дворянин. Отец мой очень уважаемый в наших краях рыцарь...

— Эдвард, — сказал я строго и в то же время отечески, уже привык так держаться и говорить, хотя этот Тэд не моложе меня, — мы живем в бурное время, которое принято называть переходным. Ты видишь, как в одночасье рушатся королевства, династии, величие рассыпается в прах... но в то же время можно очистить свое имя подвигами и верным служением сюзерену, завоевать его дове-

рие и уважение сотоварищей... а к родителям вернуться в славе и доблести, с заслуженно захваченной добычей!

Он вытянулся, в глазах заблестели слезы, я даже не думал, что вот так задену за живое, до чего же я хороший демагог, просто люблю себя...

— Ваша светлость, — проговорил он прерывающимся голосом, — только прикажите! Все сделаю, жизнь отдам по одному слову, одному жесту!

— Ваша жизнь нужна вам и мне, — возразил я. — Так что давайте ближе к делу. Поручаю вам охрану моих покоев. Включая кабинет. Посмотрите, как удобнее расставить людей, если вдруг что случится... А еще оставьте прямо здесь с дюжину крепких воинов.

Он пробормотал:

— А как разместить?

— Тогда с полдюжины, — согласился я. — Остальных — в коридор. Если вдруг что не так, пусть сперва поднимают крик, а чудеса героизма проявляют потом.

Он проговорил с неловкостью:

— Стыдно как-то мужчинам кричать...

— Ради сохранения жизни други своя, — отрезал я, — ничего не стыдно! Поднимать тревогу, ясно? Вы же не себя спасаете, вас не жалко, а меня, замечательного сюзерена!

— Ваша светлость, да что может произойти?

— Не знаю, — сказал я честно. — Но я в кабинете самого Гиллеберда! И должен вести себя по-гиллебердья. Иначе меня отгиллебердят так, что все разгиллебердится.

Глава 3

Древние египтяне тем соседям, что собирались с ними воевать, показывали свои пирамиды, и у тех сразу отпадало желание связываться с людьми, способными на такое.

Если бы все соседи Гиллеберда, близкие и дальние, могли увидеть его дворец, никто не только воевать с ним не решился, но даже насчет сопротивления подумал бы: когда я попал сюда в первый раз, я ахнул, как ни пытался сдерживаться. Ощущение было, что в королевствах Зорра, Кернеля, Алемандрии, Кельвинта и других, через которые пришлось пройти, только-только научились строить простейшие грубые замки из кое-как отесанных камней, а здесь расцвет, замки совершенны, огромны и прекрасны, кроме монументальности везде легкость, умелый дизайн...

Главный зал даже сейчас поражает до глубины души: откуда в таком мрачном краю стены, пол и потолок из драгоценнейшего розового мрамора, залежей которого просто нет нигде? Все колонны выполнены в виде изумительно точно вырезанных атлантов с прекрасно прописанным каждым мускулом.

В окнах витражи из цветного стекла, в изящных каменных кадках растут удивительно красивые деревья, таких на свободе не встретишь...

А сине-фиолетовый зал, а пурпурный, а багровый, а остальные — каждый выполнен в особом стиле, и одновременно все это создает некую законченную картину исполинского роскошного дворца, подчеркивающего могущество и значимость их хозяина.

Вот только в личных покоях Гиллеберда и его кабинете я раньше не бывал, и теперь не столько ахал, поражаясь изысканным красотам, сколько настороженно высматривал все возможные ловушки, что-то становлюсь совсем подозрительным.

Наконец я разложил на столе огромную карту города, у Гиллеберда таких зачем-то несколько, мучительно прикидывал, где могут попытаться проникнуть противники. Город чересчур огромный, он еще в мой первый приезд ошеломил размерами и пышностью.

Я тогда всматривался в башни, и странное чувство копошилось в душе, чудилось, что город если не с довоенных времен, то его выстроили сразу же выбравшиеся из шахт горняки, там в огромных подземных пещерах вполне можно пропустить войну. Но я отчетливо чувствовал исполинскую разницу, скажем, с Вексеном или Дартмутом, что выглядят жалкими сараями рядом с блистательным дворцом.

Но сейчас не до богатства и роскошной архитектуры, беспокоит огромное пространство, что занимает город. К счастью, я провел в него свою небольшую армию практически без потерь, нужно только всех расставить на ключевых местах...

Глаза начала заволакивать пелена от перенапряжения, на карте чернила кое-где расплылись, всматриваюсь до тех пор, пока не начинают появляться темные круги, я откинулся на спинку кресла и посмотрел на стену напротив, чтобы снять напряжение глазного дна.

Кабинет уютен, хоть и великоват, в нем все солидно, массивно, дорого, как цветные стены со сценами битв, так и весьма необычная картина в золотой раме, а может, и не золотой, но явно из очень дорогого материала, к тому же поработали искусные ювелиры.

А на полотне изображена молодая и хорошенькая женщина на фоне деревьев с неправдоподобно красиво изогнутыми ветвями, небо едва проглядывает среди зелени, все внимание на поясном портрете этой красотишки, что не совсем уж и красотишка, но очень беспечная и раскованная с тем непосредственным выражением на хорошенькой мордочке, что больше характерно для обывающихся в королевском замке служанок, чем для высокопородной дамы. Те, начиная с колыбели, уже учатся смотреть строго и надменно, а позировать с прямой спиной и в самых дорогих платьях с множеством драгоценностей.

Я поднялся, сделал несколько наклонов в стороны,

разминая застывшие мышцы, зашел справа, слева, везде портрет следит за мной, знакомый эффект, для этого художнику нужно всего лишь расположить зрачок строго посередине, и сколько бы людей ни было в зале, каждому будет казаться, что портрет следит именно за ним.

Рама на ощупь деревянная, хотя точно не дерево, я долго ощупывал, стараясь уловить что-то знакомое, потому что и не металл, и не камень, а другого материала этот мир не знает, разве что из застывшей смолы вылепить...

Кончики пальцев уловили тепло. Я вздрогнул, прислушался, прижал к раме обе ладони. Так и есть, оттуда пошло отчетливое тепло, странное, ласковое, непонятное.

Я отодвинул ладони, но тепло все еще струится, будто от печки.

— Здорово, — пробормотал я, — хорошо Гиллеберд устроился... Только зачем ему этот камин?

Женщина не ответила, только смотрит все с той же дразнящей улыбкой.

Я вздохнул, поинтересовался:

— Как ты сюда попала, красотка? Очень уж ты... нетипичная.

Она смотрела теми же хитренькими глазками, улыбку художник поймал в самый удачный момент, дразнящую, чуточку виноватую, словно извиняется за какую-то мелкую шалость, на щеке умильная ямочка, подбородок нежный, округлый.

Я уже начал отворачиваться, как вдруг зеленые ветви слегка колыхнулись и снова застыли. Я вздрогнул и замер, словно замороженный в глыбу льда. Женщина не изменилась, все та же улыбка, то же выражение, но у меня странное ощущение, что и она словно бы оживала на кратчайший миг.

Мои ладони снова принялись щупать и поглаживать

раму, передавая ей свое тепло и получая часть обратно. После долгого ожидания ветви качнулись, я отчетливо видел, как их колышет ветер, затем снова застыли, но теперь я сцепил зубы и с колотящимся от возбуждения сердцем принялся тереть раму, как Аладдин медную лампу.

Ветви начали покачиваться, затрепетали листочки, я прислушивался и уловил их шелест. Женщина продолжала с той же застывшей улыбкой рассматривать меня, я вздрогнул с головы до ног, когда в ее взгляде появилось нечто новое, затем длинные ресницы опустились, на мгновение закрыв глаза и бросив тень на щеки, тут же поднялись.

С колотящимся сердцем я жадно рассматривал полные жизни и любопытства глаза, блестящие, с коричневой радужкой, красиво вырезанный нос, слегка приподнятый, изумительно точно очерченные губы и небольшую россыпь веснушек на щеках, что недопустимо для леди.

Она в самом деле смотрит большими удивленными глазами, во рту у меня мгновенно пересохло. Сердце рвется из груди и требует отодвинуться, от женщин вообще ничего хорошего нельзя ждать политику, но... какая женщина!

— Класс, — прошептал я и не узнал своего хриплого голоса, — это же надо... так... ты как живая...

Я протянул руку, кончики пальцев коснулись холста, или же это поверхность чего-то посложнее, ощутилось легкое покалывание. Непроизвольно дернул рукой, изображение неожиданно резво поплыло в сторону, женщина оказалась наполовину за рамой, а с другой стороны открылся вид на зеленый луг, за ним лес и коричневый холм.

Сердце вот-вот разорвется, я осторожно повел пальцами дальше, изображение легко прокручивается, но

дальше разные виды, а из меня неважный натурщик, уже осторожнее потащил бесконечную картинку обратно, пока в рамке не оказалась та озорная девушка с веснушками вокруг вздернутого носа.

На этот раз мне почудилось, что она чуть улыбнулась. Я проговорил с напряжением в голосе:

— Ты... как?

Она не ответила, но во взгляде я увидел интерес, а губы дрогнули в поощрительной улыбке.

— А как тебя зовут?

Ее лицо чуть изменилось, мне послышался ответ, я невольно переспросил:

— Как-как?

От портрета донесся слабый голосок:

— Кри...

Ее глаза в самом деле смотрят на меня, даже голову повернула чуть-чуть, а сам портрет словно бы обрел добавочную объемность. Я отступил, сердце колотится, кровь ударила в голову.

— Кри?..

— Кри, — донесся нежный голос.

— Это же надо, — прохрипел я, — ага, Кри... А полностью?

На этот раз она повернула голову и смотрела на меня уже не краем глаза, а прямо в мое лицо. Мне казалось, что надолго застыла, словно снова умерла, затем голосок прозвучал снова:

— Крис.

Я перевел дыхание, сердце едва не выпрыгнет, страшно и жутко, я уже видел на гобеленах вытканные картины битв, где цветные человечки дерутся на мечах и копьях, не должен бы вот так, но все равно...

— Ну да, — сказал я трясущимися губами, — понятно, дериватное сокращение и аффиксальное словопроизводство. То есть ты... Кристина, да?.. А Кристина —

дериват от Кристианида. Эх, досокращаемся как-нибудь до полной наготы, что вообще-то для кого-то и весьма заманчиво... Кри, а ты кто?

Она долго молчала, что-то там происходит, надолго замирает, наконец снова посмотрела на меня, губы чуть шелохнулись, но ни слова я не услышал.

— Что, — спросил я, — ты помнишь?

Она посмотрела на меня в удивлении.

— Солнце... море... гидреты... айрспиды... всегда весело...

— Это хорошо, — сказал я, — когда все весело. Тебе там как?.. Может быть, сойдешь? У меня тут конфеты, сладости, кофе, пирожные...

Она произнесла ровным голосом:

— Нет.

— Не можешь? — спросил я без сожаления. — Или нельзя?

Она подумала, снова лицо и все изображение застыли, наконец произнесла тихо:

— Нехорошо.

Сердце мое заколотилось так, что в ушах загремели барабаны.

— Хорошо! — ответил я убежденно. — Что старая мораль понимает?.. Мы, молодые, лучше знаем, что есть хорошо!.. А они достают нас своим занудством, правилами, обычаями, всегда знают, как надо, а почему надо именно так, как хотят они? Мы — новое поколение, мы лучше знаем!.. разве не так? .

Ее глазки заблестели, она произнесла нерешительно:

— Так...

— Тогда сойди, — предложил я. — Мы съедим эти пирожные, и ты снова вернешься на свое место. Никто не узнает!

Она подумала, судя по ее виду, затем чуть покачала головой.

— Нет.

— Но ты же можешь, — сказал я убеждающее, — ты можешь?

— Нельзя, — ответила она, — а вдруг ты моргул?

— Нет, — заверил я клятвенно, — я точно не моргул. Если совсем уж точно, я даже не знаю, что это. Или кто это.

Она недоверчиво улынулась.

— Откуда я знаю, что тебе можно верить?

Я встал перед портретом.

— Разве по моему честному лицу не видно, что я не этот самый, который?

Она ответила резонно:

— Я их не видела.

В дверь заглянул сэр Вайтхолд, поклонился, сказал торопливо:

— Ваша светлость, люди сэра Климента отыскали две бригады каменщиков в соседнем поселке.

— Хорошая новость, — сказал я обрадованно. — К работе приставил?

— Сразу же! — сказал он. — Вот только платить им, или же пусть радуются, что живы?

— Пусть радуются, — сказал я, — что живы, но платить будем.

Он кивнул и пропал за дверью. Я вернулся к работе, но теперь время от времени поглядывал на нее. Она наблюдала за мной тоже, сэр Вайтхолд появлялся часто, подавал бумаги, докладывал о событиях, на портрет не обращал ни малейшего внимания, но Кри, как я понял, внимательно наблюдает за нами то ли из простого любопытства, то ли старается понять, в самом ли деле я не моргул.

На обед времени не хватило, я не стал затруднять сэра Вайтхолда такими пустяками, чтобы кто-то принес мне прямо в кабинет, слуги разбежались, а воинов и так

недостает, создал сыра и кусок пирога, быстро сожрал и запил двумя чашками крепкого кофе.

Спохватившись, спросил:

— Кстати, может, чашечку кофе?

Она ответила после долгой паузы:

— Нет.

Подбодренный ответом, молчание все-таки хуже, я спросил настойчиво:

— Ну почему?

Снова затруднительное молчание, наконец она произнесла:

— Я не знаю, что это.

— Ах, это, — сказал я с облегчением, — ну, узнать несложно. Но вот сладкий пирог, это ты знаешь. Вот сыр! Подумай.

Мне показалось по ее лицу, что она колеблется. Наконец она покачала головой:

— Нет.

Я взял кусок медового пирога и подошел к картине.

— Я могу тебе его подать?

Снова долгое колебание, наконец она произнесла:

— Да.

Ошарашенный, сам не ожидал, я нерешительно протянул пирог к картине. Ничего не происходило, и только когда уже почти коснулся поверхности, ее пальцы быстро ухватили лакомство.

Ничего дальше не произошло, изображение осталось таким же, только пирог исчез, его поедание произошло где-то там, по ту сторону моего понимания.

— На здоровье, — сказал я на всякий случай и вернулся к столу, но в голове все вертится насчет такой картины, где изображенное не только двигается, этим не удивишь, но и общается, это тоже понять можно, но вот чтобы жрало...

С другой стороны, всем нам нужна подпитка, без при-

тока энергии и я замру. Идеальными считаются те организмы, что могут жрать все, есть такая гордая поговорка: человек не свинья — все сожрет. Потому и стал царем природы. А если бы еще научиться поглощать тепловую и солнечную энергию...

Я покосился на картину. В пещерные времена единственной возможностью войти в бессмертие было высечь свое изображение на каменной стене. Потом цари приказывали изготавливать свои статуи, а в более позднее время вельможи заказывали портреты в красивых и героических позах. И всегда люди стремились к чему-то большему, максимальному, разговаривали, как с живыми, с рисунками на стене, со статуями и портретами, рассказывали о своих успехах, делились заботами...

Я сказал настойчиво:

— Вспомни, ты же была веселой! Ты смеялась и шутила, с тобой всем было хорошо и радостно!

Она смотрела молча, в глазах вопрос, словно не поняла, я перевел дыхание и зашел с другой стороны:

— Ты уже видишь, я не моргул. Сойди, посиди, как в былые времена, ощути иные запахи, текстуры, цвета, вкус совсем другой еды... раньше тебе было очень интересно! Что случилось? Ты запечатлена для того, чтобы на тебя не только смотрели, но и... общались!

От картины донесся немножко обиженный голосок:

— Мне и сейчас интересно...

— Ну вот!

— Я боюсь, — прошелестел ее голос.

Я засмеялся как можно чистосердечнее, вдруг да она умеет распознавать оттенки лучше других женщин, они все вообще-то умеют это делать лучше нас.

— Меня?

— Я должна выходить только к Геду, — сообщила она.

— Все верно, — подтвердил я, — но его здесь нет, а держать тебя там неправильно, нехорошо. Ты всегда бы-

ла независимой, смелой, поступала по-своему, а с Гедом была потому, что это совпадало и с твоими желаниями... Так будь же сама собой?

Листья на заднем фоне шевелятся, по небу проплывает легкое оранжевое облачко. Мне оно показалось слишком цветным, но, возможно, близился закат солнца, что само по себе должно навевать романтическое настроение.

Глава 4

На лице Кри отчетливо проступило мучительное размышление, она повела глазами вправо-влево, наконец предупредила дрожащим голоском:

— Только на минутку!

— Отлично, — воскликнул я. — Докажи, что ты чего-то стоишь, ты же не рабыня Геда!

В ее взгляде проступило колебание. Она даже посмотрела вниз, будто измеряла расстояние до пола, чуть-чуть зябко поежилась.

Я торопливо ухватил стул и, придвинув к стене, подал ей руку. Она повернула голову и долго смотрела на меня, я постарался выглядеть чистым и открытым, искренним таким любителем бесхитростных веселий, застолий и легкого флирта.

За ее спиной снова задвигались ветви деревьев, застыли, опять дрогнули и замерли прямо в движении.

— Ну давай же, — сказал я. — Съедем по пирожному, и снова вернешься обратно!

Она кивнула и подала руку. Я напрягся, до жути захотелось отдернуться, отпрыгнуть, но стыд перед женщиной пересилил, а она легко оперлась о мою ладонь, ощущение жуткое, словно в самом деле живая, придвинулась вплотную к незримой преграде и перекинула через нижний край рамы ногу, словно вылезает через окно.

Я придержал ее, напрягая мускулы, она перекинула вторую ногу, мгновение посидела на раме, затем встала на стул одной ногой, другой, я помог сойти на пол.

Она улыбалась несколько нерешительно, но лицо разурмянилось, глазки заблестели, мне даже почудилось, что в них появилось нечто хитренькое.

— Садись, — сказал я вежливо и провел ее к креслу.

Она опустила тихо, но без церемоний, во взгляде разгорается любопытство. Уже без колебаний взяла пирожное, надкусила, прислушалась к ощущениям. Я быстро создал вазочку с мороженым, придвинул к ней.

— Тебе понравится.

Она кивнула, быстро и без церемоний разделалась с пирожным, чего я никак не ожидал, все-таки даже тактильное и до предела интерактивное не должно было вот так... с другой стороны, энергия, похоже, была на исходе...

Мороженое она смаковала, прислушивалась к ощущениям, потом улыбнулась, голос ее прозвучал чарующе, с новыми нотками:

— Спасибо. Мне нужно вернуться.

Я снова протянул руку и помог ей подняться на стул, а оттуда перелезть через раму, снова жутко похожую на окно в некий мир. Я не отрывал от нее взгляда, а она снова застыла в той же позе, в какой вижу ее с первого же дня здесь.

Сэр Вайтхолд вошел с докладом, споткнулся на пороге, едва увидел мое лицо.

— Что-то случилось, — спросил он встревоженно, — ваша светлость?

— Если бы, — ответил я, стараясь войти в прежний образ все понимающего и все видящего отца народа и великого воителя. — А то сиди вот и жди... когда что-то случится. Что у вас?

— Все получили приказ, — сообщил он, — карать лю-

бое неповиновение, как вы говорите, по законам военного времени.

— Наконец-то, — сказал я и, наткнувшись на его непонимающий взгляд, объяснил: — Наконец-то я недоперестарался с гуманностью. Людей надо перевоспитывать, но сейчас некогда, потому проще их убивать, а перевоспитывают пусть в аду. Там специально обученная команда, помещения, приспособления, учебные пособия и опытные педагоги. А мы должны заниматься насущными задачами.

— Это как? — спросил он.

— Первое, — объяснил я, — удержаться.

— А второе?

— Удержаться, — повторил я. — Это же и третье. Иначе все рухнет.

Он поклонился и вышел, а я все вспоминал то странное ощущение, когда касался ее руки, в самом деле тактильные ощущения переданы превосходно, сам бы поклялся, что трогал живое, если бы проделал такое с закрытыми глазами.

Сейчас она в той же позе на портрете, но теперь рассматриваю ее иначе, в черепе всякие мысли, в том числе и вовсе не связанные с сексом, абсолютно не связанные, разве что в самой общей мере...

Как теперь вижу, она по каким-то причинам не может обратиться ко мне, что вообще-то недоработка, но, с другой стороны, почему недоработка, как раз очень все правильно и мудро, женщина всего лишь приятная штука, ей лучше помолчать, пока не спросят... Во всяком случае, так могли думать те, кто создавал эти великолепные портреты... вернее, кто заказывал их.

Я, конечно, не такой, я гуманист и демократ, женщины — тоже люди, и все права у них, как и у людей, просто я, как человек с широкими взглядами, прекрасно

понимаю тех древних сатрапов и тиранов, еще как понимаю...

В следующий раз, когда я сумел пробудить ее от оцепенения, она улыбалась и строила глазки, невинный флирт, я уговорил ее сойти в комнату, а сам быстро сдвинул изображение в сторону, появились суровые заснеженные горы..

Кри вздрогнула.

— Ой...

— Знакомые места? — спросил я быстро.

Она кивнула.

— Да... Но мне там не нравится...

— Почему?

— Горы мертвые, — произнесла она, — мы пробыли там совсем недолго. Там пусто и холодно, я чуть не умерла...

Я смерил взглядом заснеженные пики, что-то вроде Гималаев, если не сами Гималаи, никогда их не видел, но знаю, что гималаистее на планете вроде бы ничего нет.

— Высокие, — согласился я. — И что, туда можно войти и сейчас?

На ее кукольном личике проступило удивление пополам с отвращением.

— Конечно... но там плохо. Не знаю, зачем там бывают...

— Я тоже, — сказал я. — Видишь, сколько у нас общего?

Она слабо улыбнулась. Вряд ли чуть не умерла, обычное женское преувеличение, блондинки есть везде, они вечны, но пейзаж в самом деле жутковат. Я бы в эти горы точно не полез, у меня с головой в порядке.

Обратно она запросилась сразу же, я моментально и с готовностью помог ей взобраться в картину, она сразу успокоилась и смотрела на меня с прежней дразнящей улыбкой, что хороша, очень хороша, и совсем это ника-

кое не оцепенение, а на радость ценителям удачно схваченный момент.

Раз уж там ей намного уютнее, уговаривать слезть и пообщаться в реале больше не стал, успею, начало есть, а дальше пойдет по проторенной, а пока подкатывался то зайчиком, то хомячком, старался побольше узнать о ней самой и ее мире.

Увы, она и в реале наверняка была хорошенькой пустышкой, с такими особенно удобно, весело и необременительно. Они всегда довольны жизнью, собой, окружением, беспечно чирикают, сложными вопросами головы не забивают, от этого морщины, а спутникам передается их хорошее настроение.

В тот раз она была в путешествии, если это путешествие, с неким Гедом, он запоминал ее, так это она называла, на фоне красивых пейзажей, холодных гор и на берегу безбрежного океана, хотя я предпочел бы, чтобы хоть раз запомнил в городской обстановке.

В памяти Кри сохранились только эта поездка, ночи страсти на берегу моря и на зеленой траве, холодная и суровая природа, которая ей так не нравилась, но Гед от нее был без ума.

Она сообщила мне, что за весь долгий период между Гедом и мною она только трижды просыпалась, когда заросшие грязью и плесенью рамы начинали очищать, но у нее не доставало сил, чтобы даже рассмотреть этих людей, только показались они ей очень странными.

— Какими именно?

— Странными, — повторила она. — Не такими.

— Какими не такими?

Она капризно оттопырила губу.

— Непривычными. Очень грубыми и грязными. И еще в них было нечто...

Она задумалась, затем тряхнула головой и засмеялась.

— Да какая разница? Ты совсем не такой. Ты даже похож на Геда.

— Я? Ну, спасибо...

Иногда она замирала, я тревожно всматривался, что-то пытается вспомнить, лицо озадаченное, не понимает, почему такие провалы в памяти.

Когда я осторожно пытался натолкнуть на рассказы о чем-то помимо их путешествия с Гедом, она даже не понимала, о чем речь, ее существование началось с их путешествия и закончилось, когда он сказал, что возвращаются.

Возможно, у него в доме в рамках более расширенные версии, а то и вовсе там другие... хотя, вполне вероятно, что Кри и была именно той отдушиной от трудной и тяжелой жизни дома, и потому Кри помнит только солнце, море, красивую природу, горы, а сама всегда на пике хорошего настроения.

— Ох, — сказала она как-то, — ну ты и хитрый...

— Разве? — удивился я. — Мне казалось, что я сама простота...

— В чем-то да, — согласилась она. — ты очень прост, что удивительно, учитывая, что тебе здесь кланяются многие... но ты и хитер! Я смотрю на тебя и думаю то, что ты хочешь, чтобы я думала.

— Правда? — спросил я. — Ну тогда иди ко мне. Иди на перекресток моих больших и неуклюжих рук!

Она засмеялась.

— Разве неуклюжих? Мне кажется, они у тебя очень уклужие...

— А ты проверь, — предложил я дразняще.

Она посмотрела хитро, подумала и вдруг ответила с вызовом:

— А что? И проверю.

Я выскочил из-за стола и подбежал к стене с ее портретом.

— Прыгай, я поймаю.

Она покачала головой:

— Не сейчас.

— А когда?

— Позже, — почти прошептала она. — Если не передумаю...

— Если не струсил, — уличил я.

— Да, — ответила она с достоинством, — я трусливая. Завидуешь?

— Да не так, чтоб очень, — признался я, — но преимущества в этом есть. Жаль только, что мужчины не имеют право на это такое понятное чувство.

— Да? — удивилась она. — А я видела столько трусливых мужчин... Их вообще большинство!

Я тяжело вздохнул.

— У вас очень продвинутое и цивилизованное общество. Наверное, женщины тоже работают?

Она улыбнулась.

— Попробуй уговорить меня прийти к тебе вечером.

Улыбка ее была таинственной и обещающей, но вечера я ждал с сильно бьющимся сердцем. Крис оставалась на том же месте, за окнами замирает приглушенный шум города, только иногда доносятся строгие окрики наших воинов, патрулирующих улицы, да звонкий цокот стальных подков по вымощенной булыжником площади..

Воздух здесь сырой и застойный, что значит, не может перебраться через Великий Хребет и подсушиться на жарком солнце, издали доносятся крики птиц, звонко прокричал петух, небо уже темное, но звезд не видно, только очень далеко, за горизонтом, вспыхивают тускло-багровые зарницы.

В городе объявлен комендантский час, что это такое, не поняли даже армландцы, я объяснил, что местным запрещается выходить из домов после захода солнца, и

вообще больше трех чтоб не собирались до отмены моего высочайшего указа.

— Сэр Вайтхолд, — сказал я, — они привыкли к военной диктатуре и даже гордятся порядком и дисциплиной, которую навязал им Гиллеберд. Потому любые наши демократизации расценивают как слабость! Так не разочаруйте же их, закрутите все гайки... в смысле, затяните петли на их шеях потуже, чтобы помнили, кто здесь хозяева! Есть такие, даже гордятся, когда ими помыкают.

Он поклонился.

— Ваша светлость, боюсь...

— Чего?

— ...что вы правы, — закончил он. — Они понимают только силу.

— Не завидуйте, — сказал я. — Это ушербный путь. Хорош для короткого рывка. А потом здесь все равно бы развалилось. Возможно, Гиллеберд увидел признаки спада, вот и решил поправить дело победоносной войной?

— Да, ваша светлость, — ответил он, поклонился и пропал за дверь.

Глава 5

Я повернулся к столу и вздрогнул, слева от него в красивой изысканной позе стоит веселый франт в лихо заломленной набекрень широкополой шляпе с длинным цветным пером, на смеющемся лице щегольские усики, что то выходят из моды, то удало, как молодой рыцарь на горячем коне, врываются в нее снова, и сам улыбается до ушей, вглядываясь в меня с превеликим удовольствием.

— Соскучились? — спросил он весело, захохотал, красиво поклонился, срывая шляпу, эффектным жестом швырнул ее в сторону, и она повисла, слегка покачиваясь, на торчащих из стены оленьих рогах. — Я — ужасно!

— А я вот ничуть, — заверил я и, нахмурившись, поинтересовался: — Или намекаете, что ни к кому не приходите по своей воле?

Он сказал с веселым негодованием:

— Напекаю? Это я всегда утверждал и утверждаю! А то сколько лжи и клеветы, когда говорят, что вот я пришел и соблазнил... Извините, я прихожу, чтобы принять ваш уже свершившийся грех... в реальности или пока только замысленный, чтобы утвердить вас при колебаниях и в моменты неуверенности, поддержать вас в вашей похоти, вашей лжи, предательстве и всех ваших преступных, как вы это называете весьма странно... эх, да вы сами знаете, сэр Ричард, не так ли?.. И знаете все лучше и лучше.

Я насупился.

— Напекаете, что уже пришли за мной?

Он снова расхохотался.

— Еще нет, увы. Но разве не говорил, что придете ко мне?.. Вы в какое кресло хотели предложить мне сесть?

— В любое, — буркнул я нелюбезно. — Где вам удобнее.

— Мне удобнее ближе к вам, — ответил он предельно учтиво, вплоть до оскорбительности, и сел в самом деле рядом. Я взглянул в его глаза, в них, как ни странно, просматривается дружеское сочувствие. — Сэр Ричард, как в вас уживаются такие крайности, что... даже не могу их охарактеризовать! Я до сих пор не сумел ответить на вопрос: можно ли творить зло во имя добра, а вы ежедневно... да что там ежедневно!... ежеминутно сталкиваетесь с этой проблемой, но прете, как дикий кабан по камышам, не останавливаясь, будто у вас все решено... а я уверен, что даже не задумывались!

— Сороконожка как-то задумалась, — ответил я, — и... все.

— И что?

— Не смогла сдвинуться, — объяснил я. — А спросили у нее всего лишь, с какой ноги начинается бег. Сэр Сатана, вы полагаете, я не вспоминал больше тот момент, когда вы мне предложили трон императора? И нужно было всего лишь зарезать ребенка... Простого, из нишей семьи, которые и так мрут тысячами еще во младенчестве...

Он посмотрел с интересом.

— Правда? А я думал, вы постарались забыть, чтобы не вспоминать о своем позоре.

— Старался, — признался я, — но оно все всплывало и терзало. Думаю, я смог бы справиться и с императорством, тем более что там, как говорите, все было налажено, мне надо было только сидеть в кресле и надувать щеки... а потом бы, освоившись, я мог бы начать осторожные реформы.

— Ну-ну, — поощрил он, — и что надумали?

Я тяжело вздохнул.

— Убив ребенка, я затем искупил бы вину, сделав людям много добра и сохранив жизни тысячам младенцев, которые при прежней власти бы померли. То есть польза один к тысяче. Или даже один к миллиону...

— Ну-ну, — подтолкнул он, — продолжайте. Мне интересно следить, как вы себя начнете топтать и обвинять, хотя сейчас рассуждаете абсолютно здраво и трезво.

— Я вертел так и эдак, — сказал я, — и не мог понять, что меня остановило. И, главное, почему.

Он посоветовал ехидно:

— Так и скажите, как говорят, когда не знают, что ответить: вас остановил сам Господь.

Я покачал головой снова.

— Нет-нет, я привык докапываться до сути. И к тому же я сто раз повторял: человек свободен! Даже от Бога. Он сам нас освободил от себя и своей власти, чтоб если мы и пришли к нему, то по своей свободной воле. А суть,

похоже, в том, что, убив младенца, я нанес бы своей душе именно тот непоправимый ущерб, что уже и на троне не стал бы, наверное, спасать этих младенцев. Да пустьдохнут, род людской должен очищаться от слабых, закон выживания, нечего больных тащить в будущее, у меня есть пограндиознее задачи, чем заботиться о всякой черни...

Он хмыкнул, горящие интересом глаза медленно угасали, лицо нервно дернулось.

— Сэр Ричард, — сказал он с неудовольствием, — вы, по-моему, сильно утрируете. Разумеется, такое жертвоприношение меняет человека, но лишь в сторону укрепления его решимости, стойкости, намерения идти вперед, невзирая ни на какие препятствия...

Я вскинул руку ладонью вперед.

— Стоп-стоп! Похоже, это оно и есть.

Он чуть встревожился, в глазах мелькнул испуг, а лицо немного напряглось.

— Что, сэр Ричард?

— Невзирая ни на какие препятствия, — медленно повторил я. — Да-да, это так часто звучит, так часто говорят, что потерялся главный смысл... Идти вперед, невзирая ни на какие препятствия — раньше считалось... да и сейчас подается как положительность, правильность... Идти до конца, нам нужна победа, за ценой не постоим, не отступать, нам жизнь не дорога, ломать все преграды... А если преграды как раз те, о которых так не любим говорить?... Ага, уже скривились. Да-да, я о нравственных. Мы ведь не хотим о них даже думать, верно? Вчера зарезал ребенка, чтобы получить трон, а сегодня надо зарезать свою семью и своего сынишку, чтобы лучше пошла реформа в образовании и здравоохранении. Завтра надо будет на площади принести в жертву сто девственниц, зато гарантировано десять лет без засухи и падежа скота...

Он мрачнел все больше, ерзал, пальцы нервно крутили в ладони серебряный кубок.

— Вы же знаете, — сказал он раздраженно, — у политика должна быть иная мораль, чем у простолюдина! И если надо принести в жертву сто девственниц, чтобы спасти тысячу жизней... а вы знаете, что при засухе погибнет народу гораздо больше... то что вы сделаете?

Я покачал головой:

— Не знаю. Но в жертву приносить никого не буду. Если уж совсем будем приперты к стене, то, возможно, сам лягу на жертвенный камень... ну, если уж совсем ничего не придумаю, я вообще-то не больно жертвенный, мне бы в самом деле лучше другими жизнями откупиться, признаю... Но жертву можно принять только добровольную... так мне чутся...

Он сказал враждебно:

— Догадываюсь, на кого намекаете и даже вроде бы указываете пальцем. Но он струсил на кресте и кричал! Дескать, на кого его оставили, такого вот подвижника...

— Кричал, — согласился я. — Больно было и страшно, могу себе представить. Но все-таки пошел... и не отрекся. Потому я, хоть и вижу, что вроде бы иду по пути, начертанному вами, сэр Сатана, вот захватил две трети Турнедо да еще и Армландию отстоял...

— ...к тому же Армландия теперь полностью ваша, — уточнил он довольным голосом. — Барбаросса признал ее самостоятельность, а вас — ее единственным правителем.

— И все равно, — продолжил я, — я все-таки не ваш, сэр Сатана. Я не смогу убить ребенка.

В его кубке появилось красное, как живая кровь, вино, я даже аромат уловил свежепролитости, лицо стало насмешливо-задумчивым. Он сделал неторопливый глоток, затем произнес со вкусом, растягивая удовольствие:

— Простите, сэр Ричард... но не по вашему ли прика-

зу убита семья короля Гиллеберда? Если мне память не изменяет, в спальне было двое или трое малолетних детей?

Я поморщился.

— Это не то...

— Правда? — спросил он с удовольствием. — Поясните разницу. Мне надо у вас кое-чему поучиться!

— Положить на жертвенный камень младенца, — сказал я хмуро, — взять нож и вонзить ему в грудь... это жестокое и преднамеренное убийство, за которое нет оправдания. А вот то, на что намекаете вы...

Он хохотнул:

— Наменяю?

— На что указываете пальцем, — сказал я уже злее, — это совсем другое. Я велел всего лишь зачистить королевский дворец и личные покои Гиллеберда сэру Клементу... я ни разу не употребил слово «убийство»!.. а он приказал своим солдатам захватить этажи, всего лишь никого там не оставляя в живых. В этом случае семья короля Гиллеберда уже не какие-то там люди с женщинами и детьми, в смысле — не личности, а статистические единицы! Как, впрочем, и остальные жители города, у нас вообще-то равенство, по глубокому убеждению церкви. Да, какая-то часть статистических единиц неизбежно вычеркивается при захвате города. Это входит в число сопутствующих потерь, без них не обойтись. Дети Гиллеберда... тоже сопутствующие и неизбежные. Как и дети какого-то горожанина, выбежавшие на дорогу как раз в момент, когда в город ворвалась наша тяжелая конница и пронеслась по узким улицам. На таких вопросах обычно не заостряется внимание, более того — умалчиваем, хоть речь идет о вещах привычных и знакомых, как дефекация или менструальный цикл. Есть вещи, о которых знаем, но... не говорим. Из деликатности и

стремления наших душ к вещам возвышенным и одухотворенным.

Он поперхнулся и долго кашлял, расплескивая вино на роскошный камзол, глаза полезли на лоб, а когда пришел в себя, опустил кубок и в восхищении мотал головой, всеми фибрами показывая, что от переполняющих чувств даже слов не находит.

— Сэр Сатана, — сказал я, — с вами все в порядке?

Он помотал головой и сказал потрясенным голосом:

— Простите, сэр Ричард! Простите, что иногда смотрел на вас свысока! Теперь понимаю, должен смотреть вообще-то снизу. Господь предвидел этот момент, когда велел нам, ангелам, поклониться человеку и заявил, что вот это мокрое и грязное из глины унаследует землю и весь мир.

Я спросил с подозрением:

— Вы это чего?

— Сэр Ричард, — сказал он с чувством, — берите мой плащ и шляпу, я отдаю вам свой трон! А сам со стыда уйду скитаться, заносчивый дурак, все эти столетия считал, что это я самый хитрый, беспринципный и напрямую идущий к цели! Господь все видел, понимал, что мы — агнцы рядом с вами.

Я сказал с достоинством:

— Сэр Сатана, я не понимаю ваших туманных речей. Я — человек, а это значит, я — подвижник, герой, светносец, замечательный, достойный, великолепный, честный, справедливый, великодушный, чуткий, бескорыстный, жертвенный, чуткий, умница, добрый, хороший, уязвимый, средний, нормальный, обычный, терпимый, толстокожий, нехороший, нечестный, несправедливый, нечуткий, эгоистичный, грубый, недобрый, пустой, дырявый, подлый, бесчестный, коварный, злобный, предающий, корыстный, гадкий, недостойный, мерзкий, отвратительный, подлец, убожество, мерзавец, дрянь,

ничтожество, ублюдок, говно, трус, дурак, недотепа, идиот, сопляк, глупец, олух, лентяй, растеряха, соня, трудяга, опора, гений, надежда и защитник всех людей, нелюдей и существ во вселенной!

Он слушал несколько обалдело, одно время даже начал было соглашаться, я даже уловил момент, когда и с чем, но затем скривился, словно прикусил большим зубом.

— Да уж, — произнес он сухо, — думаю, наш Всевидающий и Всеблагий не понимал до конца, какую огромную ошибку совершил.

— Родители не всегда верят в детей, — напомнил я с упреком.

Он хмыкнул.

— Да уж... Судя по тому, как вы обошлись с эльфами и гномами, от вас можно ожидать такого... что даже и представить не могу. И Господь не смог бы.

— Я с ними еще не обошелся, — возразил я. — Если думаете, что я их обману, вы сильно ошибаетесь! Господь велит ко всем относиться с добротой и милосердием, а эльфы и гномы весьма полезные существа для народного хозяйства. С какой стати буду обманывать, если честно вести дела и соблюдать договоры намного выгоднее?

Он уже пришел в себя, допил призрачное вино, наши непотребства растлевают не только эльфов и гномов, даже ангелов, легко поднялся, вышел на середину комнаты.

— Сэр Ричард...

— Сэр Сатана?

Он куртуазно поклонился.

— Я всегда был рад с вами общаться, но теперь просто счастлив, когда вижу вас и разговариваю с вами, сэр Ричард. Это невыразимое наслаждение нырять в такие глубины низости и предательства, что, оказывается, со-

всем не то, что думаю, и что так принято называть людьми, а... высокая и нужная политика для блага всех людей, процветания, подъема экономики и... чего-то еще? Материального?

— Духовное зиждется на материальном, — буркнул я. — Мало на свете таких, что уйдут в пещеры и на акридах будут размышлять о высоком, а вот если всех накормить-напоить и дать хорошее жилище, то смогут возвыситься мыслью и душой даже те, кто раньше мечтал только о куске хлеба! Я отец народа, сэр Сатана!

Он отступил, поклонился.

— Да, это очень интересный вопрос: можно ли сытому размышлять о высоком? Я больше склоняюсь к вашей интерпретации, что-то не нравится с этим верблюдом, лезущим в игольное ушко... Но поговорим об этом в другой раз, а то к вам идут сейчас ваши помощники, очень взволнованные чем-то...

Я наклонил голову.

— Да-да, с удовольствием. Такое вроде бы нельзя говорить, но я скажу честно, что мне весьма полезно с вами общаться.

Он улыбнулся.

— Делайте в жизни полезное, потом это станет и приятным!

Он исчез, а в следующую минуту за дверью загрохотали сапоги, в комнату влетел сэр Вайтхолд, за ним вдвинулись Клемент Фицджеральд, виконты Рульф и Каспар Волсингейн, а также барон Саммерсет.

— Ваша светлость! — выпалил барон, словно мы не во дворце, а в полевом лагере. — Разведчики донесли, к столице двигаются войска герцога Ярлширского!

Я посмотрел на них холодно, колеблясь, пора ли напомнить, что мы в королевских покоях, здесь надо бы держаться иначе, или же оставить на более спокойное время.

— И что?

Они уловили холодок в моем голосе, посерьезнели, подтянулись, барон сказал уже собраннее:

— Ваша светлость, они сегодня подойдут к городу.

Я произнес величественно:

— Пусть подходят. Мы ведь готовимся, не так ли?

— Да, — сказал барон за всех, они только смотрели и помалкивали, — но они могут нас просто смять числом.

— Разве? — уточнил я.

Сэр Вайтхолд проговорил обеспокоенно:

— Ваша светлость, но вы же знаете...

Я вздохнул, вышел из-за стола и дружески положил ладонь на плечо барона, с моим ростом этот жест более чем уместен, хотя, конечно, барон старше больше чем вдвое.

— Дорогой друг, — сказал я проникновенно, — могу вас заверить, я действительно знаю. Число их, как бы сказать, чтобы никого не обидеть, весьма... невелико. От всего войска герцога осталась едва десятая часть... остальные пали, о чем я весьма сожалею, смертью храбрых. Сам герцог зело ранен... Правда, потом к нему присоединились еще отряды из местных, но все равно сейчас это всего лишь тень бывшего грозного войска.

Они застыли, переглянулись, барон Саммерсет опешил и не знал что сказать, только практичный сэр Клемент проговорил настороженным голосом:

— Ваша светлость?

— Вы хотите узнать, — спросил я любезно, — как удалось перебить почти все войско герцога?

Он чуть наклонил голову, не спуская с меня пристального взгляда.

— Да, ваша светлость. Это, как бы, да.

Я сказал мрачно:

— Пришлось оставить в засаде потайной полк.

Они по-прежнему оставались в ступоре, только сэр Клемент проговорил несколько ошалело:

— Простите, ваша светлость... но откуда он взялся?

— Пришлось вызвать, — сообщил я.

Никто не двигался, сэр Клемент смотрел все с тем же непониманием, а глаза становились все круглее.

— Но... откуда? — произнес он замедленно. — Мы собрали в Армландии всех, кто мог драться!

Я сказал печально и торжественно:

— Пришлось потревожить души древних героев.

Все оцепенели, сэр Клемент смолчал, теперь уже сэр Вайтхолд прошептал пугливо:

— Это то... что я думаю?

— Видимо, — ответил я.

— Вы сумели поднять... мертвецов?

Я поморщился.

— Фу, как грубо. Они не мертвецы, а мертвые. Разница большая, разве не чувствуете? Мертвецы — это всего лишь мертвецы, а мертвые...

Он сказал поспешно:

— Да-да, теперь ощущаю... величие, да, величие!

— Вот-вот, — одобрил я, — а то какой-то вы недостаточно чуткий, вам бы стихи писать да искусством заниматься! А если еще точнее, то даже не мертвые, а погибшие в боях за единую и неделимую Армландию, как вы, конечно же, сразу догадались! За кого еще стоит красиво и с высокими словами на устах гибнуть? И когда я обратился к ним с пламенной речью о патриотизме и наших, на которых подло и предательски напали ненаши, в их пустых головах снова вспыхнула воинская ярость и жажда защитить родную Армландию от коварного внешнего врага.

Виконт Рульф сказал потрясенно:

— Сэр Ричард... вы совершили невероятное!

— Знаю, — согласился я скромно. — Я вообще невероятный. И доблестный, и стратегически образованный. Конечно, было трудно решиться потревожить прах геро-

ев, павших за родину, но я подумал, что герои, если надо, падут и еще раз, совершенно бесплатно. И еще много раз сложат головы, даже не спрашивая, зачем и за что, ибо сама природа героизма такова, что ей чужды меркантилизм, мелочная подозрительность и выяснение всяких тонкостей, свойственные занудам и демократам.

Он перекрестился, сэр Каспар шептал побелевшими губами молитвы, а у сэра Вайтхолда вид был таков, что сейчас падет на колени и будет разбивать лбом дорожную малахитовую плитку пола.

Сэр Клемент, как самый повидавший всякое и потому до мозга костей прагматичный, проговорил опасно:

— А стены...

— Что стены?

— Обрушились, — пояснил он тихонько, — тоже не потому, что их червяки источили?

Я кивнул с одобрением.

— Весьма правильно мыслите, сэр Клемент! В верной, так сказать, горизонтали.

— Значит...

Я сказал строго:

— Не будем зазря тревожить тени павших героев. Достаточно и того, что красиво и гордо вступили в битву с грозными криками и горящими гла... зницами. А кто копал, как копал и что при этом говорил, оставим, как и хотели те, копавшие, остаться безымянными. У нас одна победа, одна на всех, и за ценой не постояли! Заставили противника, а теперь и врага, заплатить ту цену, которую назначили мы!.. Это мужественно и по-рыцарски. Да еще и товар не отдали, это уже плюс политику. Вы знаете, о ком я.

Сэр Вайтхолд чуть пришел в себя, глаза еще дикие, прошептал:

— А как же, о самом замечательном... Господи, спаси

и сохрани! Сегодня все бросать и в монастырь бежать или подождать до завтра, чтоб после пира в честь победы?

Сэр Рульф пихнул его в бок и сказал тихонько:

— Я сам о монастыре подумываю. Но давайте все-таки сперва отпируем, потом надо по праву победителей... как я почему-то люблю это занятие, сам не понимаю!.. пограбим местных, что-то спалим и перебьем посуду, а уж потом... чтоб было о чем каяться на зависть остальным, понимаете?

— Понимаю, — ответил сэр Вайтхолд. — Все от зависти перелопачуются!

— Только надо всерьез раскаиваться, — очень серьезно напомнил сэр Клемент, — а то исповедь без раскаяния — хвастовство.

— Причем, — пробормотал Каспар, — наглое.

— Вот с этим трудно, — признался сэр Вайтхолд озабоченно, — но буду стараться... Или еще походить с сэром Ричардом, чтобы уж потом раскаиваться так раскаиваться?

Виконт Каспар сказал надменно:

— Если уж в ад, то в самый нижний круг, где сам Вельзевул!

— Мелкие грешки, — поддержал виконт Рульф, — как-то не по-мужски. Значит, у нас есть шанс выдержать удар поредевшего войска герцога Ярлширского, каким бы великим полководцем он ни был?

Глава 6

Стена провалилась, надо сказать, лучше не придумать, ровно и красиво. Даже не провалилась, а просела в землю, будто в болото, где и осталась, зубцы торчат на уровне пояса, что, понятно, нам не помешало ворваться,

но, увь, точно так же не помешает и людям герцога Ярдыширского.

Оставалось убрать только обломки рассыпавшихся башен, а основание для стен есть, всего-то и делов, что нарастить. Раскатившиеся глыбы от разрушенных башен тоже тащили обратно и укладывали в ряд, стена поднимается не такая ровная и выглаженная, как в остальных местах, но все-таки стена.

Горожане трудятся, как муравьи, одни под страхом расправы, другие за щедрую плату, я заявил, что этот труд, хоть и на общее благо, но будет оплачен вдвойне. Главная трудность восстановления в том, что стена просела на приличном отрезке, будто нас в десять раз больше, и всем нужно было попасть в город одновременно, а не друг за другом.

Гонцы то и дело сообщали, что к герцогу стягиваются отряды из местных лордов, а я с тревогой смотрел на восстанавливаемую стену. Пока что ее можно перепрыгнуть с разбегу, но еще ряд таких же камней, и конница остановится. Всадникам придется слезать на землю, и хотя они так же хороши в пешем бою, но ужасающий по силе таранный удар закованных в железо рыцарей на покрытых броней конях будет потерян.

— Еще день, — докладывал сэр Вайтхолд взволнованно, — и герцогу придется искать лестницы!

— Отлично, — сказал я, — но следи, чтобы наши строители не выкинули какое-нибудь коленце.

— Какое?

— Откуда я знаю, — ответил я резонно. — Здесь патриоты, чтоб их черти в аду вилами кололи!

— Наши и сами камни таскают, — заверил он.

— А как город?

— Уже местных привлекли к патрулированию, — сообщил он. — Народ здесь послушный, дисциплинированный.

— С этим осторожнее, — предостерег я. — Нигде я не встречал столько патриотов! Умеет Гиллеберд играть на гордости простого народа. Еще бы высшей расой их объявил...

— Что это?

— Лучше такое не знать, — ответил я. — Вообще-то надо сразу принять превентивные меры. Типа, Господь создал людей, эльфов, гномов, троллей, огров... и сотворил вообще-то равными, но условия среды кое-кому не дали развиваться в полную силу. Потому мы, как христиане, должны смотреть не на пол или расу, а на то, как относится существо к Христу и церкви. Отрицающих отправлять в ад сразу, будь это женщина, эльф или гном, а если принимает и крестится, то даже тролль нам равен, ибо мы братья во Христе...

На лице его было такое жуткое отвращение, что я вздохнул и добавил:

— Конечно, это будет не сразу. Вон то, что Христу было ясно и понятно, и что он пытался другим объяснить, мы терпеливо и гуманно продолжаем втолковывать железом, кровью и кострами тысячи лет.

Вайтхолд проговорил, раздумывая:

— Думаю, тролли примут Христа не быстрее, чем люди...

А виконт Рульф сказал с облегчением:

— Ну, ничего, с этим пусть справляются наши правнуки.

Турнедское войско герцога Ярджирского медленно перешло реку вброд, мы наблюдали со стены, как отряды в полном боевом порядке встали в четверти мили от города. Очень быстро разбили лагерь, поставили три больших шатра, разожгли костры.

Сэр Вайтхолд подгонял рабочих, что готовят для на-

падающих достойную встречу, остальные взобрались на стены и с почтением рассматривают отборное рыцарское войско, где не только всадники закованы в броню с головы до ног, но даже кони укрыты броней, а сверху еще и расписными попонами.

Самые зоркие наперебой называли девизы и гербы, ими усеяны как знамена, так и плащи, доспехи, щиты, кирасы. Не нашлось сильного зверя или хищной птицы, которых не использовали бы в качестве отличительного знака.

За герцогом постоянно передвигаются знаменосцы с развернутыми полотнищами, ветер треплет неспешно, можно рассмотреть герб короля Гиллеберда, а на другом — герб герцога. Конь под ним весь в составных доспехах, огненные глаза смотрят из-под стального налобника, постоянно фыркает и порывается пойти вскачь, нервное напряжение всадника всегда передается коню.

Сэр Вайтхолд указал на герцога, тот как раз повернулся к нам и внимательно рассматривает то, что мы торопливо возводим на месте рухнувшей стены.

— У него на щите вепрь... Он и похож на него. Здоровенный...

Я сказал громко и с оптимизмом:

— Все видят? У нас на трапезу будет вепрь!

Рыцари довольно закричали, острое словцо любят все, а я гордо вскинул меч, арбогастр встал на задние ноги и, красиво вздыбившись, мощно ударил по воздуху копытами, ржанул, и все кони в лагере испуганно затихли.

— И еще одно, — продолжал я громко. — Помните, это теперь наши земли! Те местные лорды, что принесут мне вассальную присягу, останутся на своих местах и сохраняют свои владения. Это будет справедливо и по-рыцарски.

Сэр Вайтхолд прокричал:

— Верно! Так всегда делалось!

— Вы вольны захватывать пленных, — напомнил я, — а затем требовать выкуп, это ваше право. Я могу подсказать, что герцог понес огромные потери, но погибли только простые рыцари и простые латники, а почти вся знать во главе с герцогом уцелела благодаря особым доспехам. Вы можете получить богатый выкуп...

Все довольно орали, выкуп — это хороший бонус к победе, только сэр Клемент, ощутив недосказанное, поинтересовался:

— Ваша светлость, но... вы что-то недоговорили?

Все затихли, начали прислушиваться, я сказал вроде бы без желания, но громко и внятно:

— Если знатные противники падут в бою, выкуп вы не получите, это понятно?

Раздались голоса:

— Ну да...

— Конечно...

— Понятно...

— Будем хватать в плен...

Я медленно и веско договорил:

— Правда, останутся без хозяев их замки и земли...

Они замолчали, я пустил Зайчика тихонько вперед. Умным сказано достаточно, меня провожали все еще восторженными криками, но глаза моих доблестных героев становились все задумчивее.

Похоже, у многих мозги трещат от непосильных для героев меча и топора расчетов: что лучше — захватить богатенького барона в плен и получить выкуп или же рассчитывать на освободившиеся после его красивой и доблестной гибели в бою земли?

Тучи ушли к северу, открыв серо-голубое небо. Маленькое желтое солнце светит сильно, горячо и ярко, каждый камешек отбрасывает непривычно черную тень, каждая былинка выделяется четко и резко.

Турнедская конница медленно приблизилась, солнце играет на выпуклых частях доспехов, щитах, шлемах, жутковато поблескивает на остриях копий и обнаженных мечей.

Наши лорды и военачальники наблюдают со стен, отмечая каждое перестроение. Мне показалось, что герцог никак не решит, как атаковать, и атаковать ли вообще.

Надвратная башня наиболее удобное место для наблюдения, я поднялся туда, сразу же ко мне начали стягиваться полководцы нашего крохотного войска.

— Мы примерно знаем, — сказал я, — какими силами располагает герцог. Потому, если демонстрирует ложную атаку здесь, а попытается взобраться на стену с другой стороны, пойдем сразу. У него не столько людей, чтобы разделить на две большие группы, дабы мог начать атаку с двух сторон.

— И все-таки у него побольше, — сказал сэр Вайтхолд тревожно.

— И он у себя дома, — добавил сэр Геллермин.

— Зато нам проще отбиваться, — возразил я. — Шансы не то что равны, но у нас получше. А пока он насобирает достаточное войско, подойдет Фальстронг. Или Барбаросса.

— Или Найтингейл, — сказал виконт Рульф и сам заржал. — Да герцогу надо торопиться! Иначе и стену выстроим, и союзники подоспеют.

Сэр Клемент доложил деловито:

— Я поставил людей на башнях. В случае появления противника с другой стороны, предупредят.

— На стенах только свои? — спросил я. — А то предатели могут сбросить им веревки.

— Нас достаточно, — заверил он, — чтобы охранять стену по всему периметру.

— Не охранять, — уточнил я невесело, — а только понять, где он собирается нанести основной удар!

Он нехотя кивнул:

— Да, ваша светлость. Но в этом случае мы успеем туда перекинуть людей. А начинать атаку в двух местах, как вы только что сказали, у герцога самого людей не хватает.

Я пристально всматривался в конницу противника, что то выдвигается вперед, то отступает, выпуская вперед пехотные части. Герцог ведет себя, как интеллигент, колеблется и никак не может выбрать, то ли сунуться в пролом, где как раз и ждем, то ли попытаться, используя нашу малочисленность, взобраться в другом месте.

Сейчас вот герцог смотрит и понимает, что если бы в город мы ворвались через пролом, то за эти дни успели бы заделать, однако стена рухнула на слишком уж большом протяжении. Все, что удалось, это поднять ее почти на высоту человеческого роста, однако такую можно перепрыгнуть с разбегу.

Еще прямо на этих камнях, где даже не успел застыть раствор, видна хлипкая баррикада из досок, задержит нападающих разве что на несколько секунд... Правда, лучники и арбалетчики за это время успеют поразить несколько человек насмерть, а еще многих ранят...

Значит, надо успеть проскочить это опасное место, куда будет направлен убийственный град стрел, как можно быстрее. А там, в городе, где и стены помогают, чужакам придется плохо.

Сэр Вайтхолд рядом со мной возбужденно взвизгнул:

— Пошли!.. Сюда пошли!

— Хорошо, — сказал я с облегчением, — не помогла ему мудрость полководца. Горячие головы обвинили в трусости и потребовали лобовую атаку...

Он хмыкнул.

— Откуда знаете?

— Да вот знаю, — ответил я горько. — Все вы герои.

Он ухмыльнулся с неловкостью.

— Мужчины всегда страшатся показаться трусами.

Я подал знак ожидавшим внизу Клементу и виконту Каспару, у них самые умелые и лютые бойцы. Лицо мое мужественно и полно ликования, а как же, нас ждет упоение в бою... Но, странно, в самом деле сердце стучит часто и яростно, уже ржет и роет землю копытом, раздувает ноздри, и мой мудрый мозг сопит в тряпочку и, соглашатель чертов, заискивающе говорит скороговоркой, что да, конечно, надо личным примером, мы же с народом, народу это нравится, надо быть к нему ближе...

Издали донесся глухой рев, нестройный и дикий. Конница осталась на месте, а в нашу сторону к пролому ринулись пехотные части, все с грозным криком, потрясая над головой мечами и топорами, что вообще-то глупо, но способно устроить тех, у кого их нет.

Сэр Вайтхолд сказал раздраженно:

— Пустил вперед простолюдинов!

— Осторожный, — заметил виконт Рульф. — Хочет понять, что у нас в запасе.

— С его светлостью каждый станет осторожным, — подхалимски сказал сэр Вайтхолд.

Я крикнул:

— Арбалетчики... не стрелять!

— Ваша светлость?

— Его армию истребили лучники, — объяснил я. — Пусть думает, что у нас, кроме них, ничего нет.

— Как ничего? А мечи?

Я отмахнулся.

— Из метательного. Арбалеты пока не показываем. Конечно, они знают, что у нас есть, но сколько...

— Понятно, — сказал он, — задействуем, когда пойдут рыцари и тяжелая пехота?

— Верно мыслите, барон.

— Спасибо, ваша светлость!

Пешие добежали до той черты, куда достанут стрелы,

за моей спиной слышались частые щелчки, воздух наполнился зловещим свистом. Туча стрел на миг бросила на землю странную тень, словно отблеск солнца на бегущей воде, а затем атакующие стали падать, раскачиваться на ходу, а победный крик, что должен был заморозить в наших жилах кровь, быстро слабел, пока не превратился в хриплый крик боли и ярости.

До низкой стены добежало меньше половины, там их встретила плотная щетина выставленных копий, а топоры на длинных ручках страшно и точно били по головам.

Уцелевшие повернули и бросились обратно, но лучники ликуяще засыпали их стрелами, простолюдины не понимают, почему нельзя или хотя бы не совсем хорошо стрелять в спины.

— Ого, — вскрикнул сэр Вайтхолд, — ваша светлость, взгляните!

Слева от бегущих ратников несколько человек стараются не отстать, держа в руках лестницы, их прикрывают щитами справа и слева рослые воины.

Я скомандовал резко:

— Лучники! Этих — в первую очередь!

— Неужели, — пробормотал сэр Вайтхолд в невольном страхе, — и у герцога что-то в рукаве?

— Он не мог успеть собрать большую армию, — возразил я, но без особой уверенности. — Со временем собрал бы, конечно... но нас всех поджимает время. Мы не успеваем восстановить стену, а ему позарез нужно отбить столицу до подхода войск Фальстронга!

— Будем надеяться, — сказал он. — Я пошел вниз.

— Удержите наступающую пехоту, — велел я. — Когда пойдут рыцари, я спущусь к вам.

— Это будет битва, — сказал он мечтательно. — Удерживать захваченную у врага столицу — об этом сложат легенды! Даже если красиво погибнем...

— Враги погибнут, — уточнил я. — А мы прочтем над их могилами молитву.

— Да, — подтвердил он с готовностью, — обязательно! А как же!

Я снял лук Арианта и ждал, когда орущая толпа окажется в пределах досягаемости, а затем мои руки как будто сами по себе, быстро и без лишних движений начали хватать стрелы, класть на тетиву и, натянув рывком, тут же отпускать.

Защитники стен стреляют непрерывно, мои стрелы потерялись в общем рое, бегущие падают, продолжая кричать, впереди у них трое в кольчугах и глубоких шлемах, стрелы отскакивают от них, как от каменных стен.

Внизу кто-то истошно заорал: «Заговоренные!» Сэр Вайтхолд, сверху странно раскоряченный, выхватил меч и стал ждать, когда враг перевалит на эту сторону.

К нему подбежали сэр Геллермин и виконт Рульф, сзади с копьями выстроились наиболее рослые воины.

— Конница пошла!

Со стены вниз ринулся барон Саммерсет, суровый и собранный, за ним двое его младших командиров, а их люди, закрывшись щитами, молча и неподвижно ждут в трехстах шагах от места схватки.

Конница двигалась тяжелым шагом, тяжелые кони всегда разгоняются медленно, но потом их не остановить, удар бронированного кулака страшен, я затаил дыхание и вытащил из складок плаща свой арбалет, однако всадники замедлили ход и остановились на том рассчитанном расстоянии, чтобы со стен не достали их стрелами.

Я снова взялся за лук Арианта, из-за всадников бежали пешие, в руках объемные вязанки хвороста, понеслись со всех ног в нашу сторону.

Внизу сэр Вайтхолд закричал:

— Ну, гады!.. Додумались... Приготовиться к бою!

Громко и страшно прокричал виконт Каспар:
— Лучники!..

Первый залп его диких горцев вышел дружным, многие из бегущих упали, но дальше лучники стреляли каждый со своей скоростью. Пешие турнедцы выставили перед собой вязанки, я видел, как стрелы с силой бьют в эти пучки и бессильно застревают, но иногда бегущие с криком бросают ношу, а то и вовсе падают, роняя вязанки, и становятся видны торчащие в них стрелы.

Добежав до стены, бросили под нее хворост и, мигом развернувшись, понеслись еще быстрее обратно. Разогленные лучники безжалостно стреляли в спины. Второй раз пешим турнедцам рисковать не пришлось, вязанок хватило почти до самого верха нашей стены, и, если не считать загородки из досок, путь в город открыт.

Рыцари опустили копья, выставив их перед собой, пустили коней рысью, а затем перешли в галоп. Сэр Вайтхолд внизу орал и возбужденно размахивал обнаженным мечом, земля уже дрожит и стонет под тяжелой конницей, прекрасное зрелище, хотя это враги и стремятся убить нас, но все-таки красиво.

Не доезжая до стены, рыцари поспешно соскакивали на землю и, обнажив мечи, бежали по вязанкам. Кое-кто падал, теряя равновесие, но мчавшийся впереди молодой рыцарь в дорогих доспехах со львом на груди с такой силой ударился грудью в хлипкую баррикаду, что доски затрещали и переломились.

Он закричал победно и сделал шаг на эту сторону, однако три болта ударили в грудь, он упал вниз лицом и выронил меч.

Пока рыцари победно разбивали деревянную перегородку по всей ее длине, еще несколько десятков человек пало от стрел, затем я услышал треск, радостный вой. Дерево разлетелось в щепки, турнедцы ворвались, ошестинясь мечами и топорами.

Глава 7

Наши рыцари дрались в переднем ряду, лучники продолжали расстреливать нападавших. Трое турнедцев в странно поблескивающих синими кольцами кольчугах, подбадривая своих криками, пробивались вперед, мощными ударами повергая под ноги даже рыцарей.

Я сцепил зубы, выхватил арбалет и, прицелившись в самого рослого, нажал на спусковую скобу. Болт ударил в грудь, несчастного швырнуло на землю с такой силой, что он ударился и застыл, раскинув руки. Кто-то из ратников ногой сбил с него шлем и с хэканьем ударил топором по затылку.

Острое лезвие рассекло череп, как дыню, а победитель ликующе заорал:

— В головы бейте!.. В головы!..

Я успел заметить, что даже мой болт не пробил зачарованную кольчугу, но наверняка сломал кости и повредил внутренности.

Двое в таких же кольчугах дрались яростно, вместе с ними продвигается в глубь нашей обороны не меньше сотни ратников. Я снова быстро натянул тетиву, но с башни донесся тонкий крик:

— Конница!.. Конница пошла!

Я развернулся в сторону лагеря герцога. Рыцарский клин, выставив перед собой копья, несется красиво и мощно, земля начала подрагивать, донесся грозный гул. Всадники все в сияющих под солнцем доспехах, над ними трепещут красочные знамена, кони покрыты кольчужными сетками, а сверху еще и цветными попонами, закрывающими конские ноги до колен.

Рядом со мной оставался только виконт Каспар Волсингейн, он хлопал себя по железным бокам то ли в восторге, то ли в негодовании.

— Они что, перепрыгнуть решили?

Мне такая ужасающая мысль тоже пришла в голову, если еще и сумеют прорваться в город, будет разгром, все-таки их больше втрое, да еще население на их стороне...

— Пусть попробуют! — заорал я.

— Тогда мое время, — бросил он кратко.

Вниз по каменным ступенькам он ринулся так торопливо, что споткнулся и загремел доспехами по камням, но когда скатился до самого низа, вскочил и бросился к пролому.

Я взял на прицел скачущего впереди гиганта, настоящее чудовище, он уже наклонился вперед с таким видом, что собственной головой пробьет стену...

Болт сорвался с ложа с легким толчком. Я целился в щит и попал в самую середину. Всадника выбросило из седла, будто он на полном скаку налетел на дверную перекладину.

Конь пробежал чуть и начал останавливаться, мешая другим. Я выстрелил еще трижды, убрал арбалет и с обнаженным мечом сбежал вниз, стараясь не повторить подвиг чересчур быстрого виконта.

Турнедские рыцари уже ворвались с грозным кличем, от которого в самом деле подрагивают колени. Наши сперва заученно отступали, а потом разом бросились в разные стороны.

Впереди, потеряв коня, с обнаженным мечом бежал сам герцог, командующий королевскими войсками.

Я крикнул:

— Не желаете скрестить оружие, сэра Кристофер?

Он оглянулся, я увидел на его лице мучительное желание вступить в поединок, однако долг военачальника заставил прокричать:

— Сперва — город!

— Пожалее! — прокричал я.

Он не ответил, группа его тяжеловооруженных рыца-

рей тесной толпой устремилась через пролом, они стремительно пробежали отмеренную нами сотню шагов... раздался треск, земля под ними просела, и все посыпалось во вдруг появившуюся яму.

Сзади напирали и не дали остановиться тем, кто пытался задержаться на краю ловушки. С дикими криками валились в эту пропасть, там звенело железо, крики стали душераздирающими.

Рядом со мной сэра Вайтхолд сказал нерешительно:

— Как-то не по-рыцарски...

— Нам нужна победа, — ответил я. — И за ценой не постоим, пусть платят, сколько запросим.

В яму продолжали валиться и валиться, я уже начал опасаться, что мы за ночь вырыли недостаточно, вот-вот начнут вылезать, если кто остался непокалеченным и незадавленным, наконец сзади остановились, однако к нашим лучникам присоединились дотоле молчавшие арбалетчики и теперь расстреливали замерших от неожиданности, как на учебном дворе.

Наконец турнедцы поняли, что между нашей наспех построенной баррикадой и ямой мы оставили около сотни шагов, чтобы перескочившие успели набрать разгон. Да и тем задним, что не упали, обратно не выскочить так же просто, как перемахнули на эту сторону — наши ратники всю ночь копали землю вдоль стены. С этой стороны уже в полтора человеческого роста, это ненамного выше, чем с внешней, но закованному в тяжелые доспехи рыцарю не выбраться так вот с ходу.

Сэр Каспар закричал во весь голос:

— Арбалетчики!

С той стороны из-за каменного укрытия поднялись в блестящих шлемах крепкие коренастые парни в кожаных доспехах. Приклады уже прижаты к плечам, короткие щелчки слились в сплошной неприятный шорох, и

тут же разом все исчезли за глыбами, наклонившись, чтобы обеими руками натянуть тугую тетиву.

Из ямы тянутся руки, рыцари начали вытаскивать попавших в ловушку товарищей, рядом сэр Вайтхолд прокричал с болью:

— Не могу видеть, как стреляют в спины!

— И не надо, — ответил я, — это неблагородно.

— Спасибо, сэр Ричард...

Я повернулся к арбалетчикам:

— Но вы, ребята, можете! Вы — будущее этого мира!

Командир отряда крикнул с готовностью:

— Можем, ваша светлость! Не сумлевайтесь.

— Помните, — сказал я, — простолюдинам рыцари не сдаются! Даже оруженосцам...

Щелчки арбалетов пошли разрозненное, все с разной скоростью натягивают стальные тетивы, турнедские рыцари продолжали вскрикивать и хвататься за пораженные стальными болтами места.

Кто-то с той стороны прокричал взбешенно:

— Вы не рыцари!.. Страшитесь честной схватки?

Сэр Вайтхолд дернулся в его сторону, но я резко ухватил на плечо.

— Стоять!.. Они вторглись в Армландию вероломно!.. Они все военные преступники, а их король предстанет перед международным рыцарским трибуналом!

Сэр Вайтхолд пожаловался:

— Он меня оскорбил!

— На меня тоже собаки лают, — ответил я, — но не останавливаться же и не бросаться камнями? Так никогда не дойдем до светлого будущего всеобщего гуманизму.

Рыцари на той стороне наконец начали приседать и укрываться за щитами. Сзади набежали ратники с вязанками хвороста, сразу же начали бросать в яму, появились и те, с лестницами, с разбега перебросили их через

яму. Первый же воин, поторопившийся пробежать по ней, получил три болта в ноги и один в голову, лестница под ним с треском проломилась, и он с криком рухнул в яму.

Из глубины закричали ободряюще, еще несколько лестниц перебросили, снизу поднялись руки и поддерживали, а по перекладинам медленно побежали, с трудом балансируя, закованные в доспехи рыцари.

Арбалетчики, закусив губы, взводили тугие тетивы и, вложив болт в ложбинку, торопливо стреляли в бегущих на них рыцарей. Многие падали в яму, под другими ломались лестницы или перекладины, если их не успевали подпереть из ямы, но некоторые все же добрались до этого края.

Сэр Вайтхолд прокричал зло, арбалетчики торопливо отбежали в стороны, а их загородили наши жаждущие схватки рыцари.

Барон Саммерсет и виконт Рульф разом обнажили мечи, барон закричал счастливо:

— Ну, наконец-то!..

С ними ринулись в схватку еще с десятков их вассалов, остальные угрюмо ждали, укрепив ноги и выбрав боевую стойку. Я молча ругнулся, никакого взаимодействия, каждый сам за себя, все герои, никто не желает делить славу с кем-то еще, эгоисты, вообще-то я сам такой, но я с этим как бы борюсь, особенно с чужим эгоизмом.

В трех шагах от меня командир арбалетчиков, молодой уже, с хмурым лицом и сдвинутыми над переносицей бровями, мощно натягивает тетиву, дуга трещит, быстро ведет прицелом вслед закованной в дорожные доспехи фигуре и нажимает на спусковую скобу с мстительным огнем в глазах.

Я шагнул к нему и сунул в руку несколько золотых монет. Его глаза расширились при виде такого богатства.

— Ваша светлость...

— В яме герцог, — сказал я негромко, — он не должен оттуда выбраться. Живым.

Он только мгновение смотрел, опешив, затем торопливо сказал:

— Ваша светлость?

— И остальные знатные, — добавил я. — Зато простых воинов можешь не трогать.

Он ответил так же шепотом:

— Будет сделано.

Я кивнул и бросился на помощь к барону Саммерсету. Он неосмотрительно оторвался от своих, сразу трое турнедцев обрушили на него удары мечей и топора.

— Трое на одного? — закричал я. — Какие же вы рыцари?

Они повернулись ко мне, а барон Саммерсет, выказывая готовность войти в светлое будущее с иными понятиями о чести, чем у сэра Вайтхолда, шарахнул одного в затылок.

Я принял на щит удар одного, второго саданул в плечо, тот отшатнулся и зло выругался, на блестящем доспехе появилась безобразная зарубка.

Они насели на меня вдвоем, я защищался легко, не забывая смотреть по сторонам, затем ударил одного краем щита в забрало шлема, а на второго обрушил тяжелый удар мечом.

Оба рухнули, я бросил арбалетчикам:

— Займитесь!

В их руках моментально появились узкие ножи с трехгранными лезвиями, настоящие мизерикордии.

Я кивнул на них вопрошающие взгляды, простолюдины такое понимают быстрее лордов, что меня, как благородного человека, конечно, не красит, однако эта низменность запросов, назовем ее демократическими

ценностями, позволит руководить королевством эффективнее и с меньшими затратами.

Издали, с той стороны стены, донесся далекий крик, радостный и победный.

Барон насторожился.

— Что это?

— Завершение, — ответил я с мрачным удовлетворением. — Конец операции.

— Какой?

— Нашей, — объяснил я. — Это герцог думал, что он ее замыслил и проводит, на самом деле это мы держали все нити!

Он прошептал с суеверным ужасом:

— Ваша светлость...

— Отряды сэра Клемента Фицджеральда, — объяснил я, — скрытно вышли из восточных и западных ворот и с двух сторон ударили по лагерю герцога. В конце концов, там обоз, кони, материальные ценности... Теперь уже наши, понятно, по праву справедливого демократического выбора.

Группой рыцарей герцога, прорвавшейся на эту сторону ценой великих потерь, командует высокий воин с решительными жестами, умело перестраивает, свирепое рет, заставляя укрываться щитами.

— Кто это? — спросил я.

— Зигмунд Лихтенштейн, — ответил виконт Рульф.

— Кто он? — потребовал я.

— Барон из дальних северных областей Турнедо, — сказал он быстро. — С ним его верные вассалы, сыновья, братья, шестеро или семеро дядей...

— Слоны, — сказал я, — а не люди.

— У него самые крупные владения на севере Турнедо, — сообщил он.

Я вышел вперед и заорал:

— Прекратите! Предлагаю переговоры!..

Не сразу, но схватка затихла, поединщики отступили друг от друга, все еще закрываясь щитами и бросая друг на друга ненавидящие взгляды.

Я закричал:

— Герцог погиб!.. И все знатные лорды убиты!.. Но вы сражались настолько доблестно, что я, Ричард Длинные Руки, преклоняюсь перед вашей доблестью и разрешаю уйти.

Со стороны турнедцев вперед шагнул этот самый сэра Зигмунд, в самом деле гигант, с головы до ног в доспехах из металла со знакомым синеватым оттенком, узнаю работу гномов.

— Снова ловушка? — проревел он в ярости.

— Нет, — ответил я честно.

— А почему вдруг?

— Я рыцарь, — ответил я с достоинством. — Ваш герцог, да примет Господь его душу с миром, сам погиб и других погубил, не подумав о том, что за эти несколько дней мы сумеем поставить какие-то ловушки, чтобы компенсировать нашу малочисленность. Но вот вы, сэра Зигмунд, действовали очень решительно и умело. Думаю, если бы повели турнедское войско вы лично, нам пришлось бы намного труднее. Возможно, мы не удержали бы город...

Он слушал все еще с недоверием, но от похвалы выпрямился, расправил плечи, а глаза в прорези шлема гордо блеснули. За его спиной рыцари громко закричали хриплыми голосами, ударили рукоятями мечей и топоров в щиты.

— Ваш лагерь наши люди только что захватили, — сообщил я, — но вам вернут ваших коней и все личные вещи. Я благодарю вас за красивый бой, который вы показали моим рыцарям.

В рядах моих воинов царило замешательство, только

сэр Вайтхолд, еще не понимая, зачем я такое говорю, крикнул с задором:

— Слава Ричарду Длинные Руки!.. Слава великому рыцарю!

Воины привычно откликнулись:

— Слава!

— Да здравствует!

— Ура...

— Слава его светлости...

Я вскинул руку, крики умолкли.

— Никто не выстрелит больше, — заверил я. — Вы можете взять с собой раненых. Убитых похороним с воинскими почестями на городском кладбище. Для раненых вам выделяют повозки.

Зигмунд Лихтенштейн отсалютовал мне обнаженным мечом, затем торжественно поклонился.

— Сэр Ричард, — произнес он сильным голосом полководца, — я счастлив, что судьба столкнула меня со столь рыцарственным противником. Мы уходим и сохраним о вас память, как о человеке, кто умеет ценить доблесть и... ценит ее.

Я поклонился в ответ, он сделал знак своим, рыцари повернулись и двинулись через пролом обратно, старательно огибая яму по краю.

— Отправьте, — сказал я сэру Вайтхолду, — наших ратников, пусть помогут им нести раненых.

— Да, ваша светлость! Это очень благородно, ваша светлость!

— Еще бы, — буркнул я, — вы меня еще не знаете, какое я золото...

Из ямы наши воины начали вытаскивать убитых и раненых, помогая людям Зигмунда Лихтенштейна. Из рыцарей в яме осталось в живых не больше десятка, но не все выживут, я позволил положить их на телеги и приготовить к отправке с сэром Зигмундом. Большинство

получили сильные ушибы, многие задохнулись под тяжестью обрушившихся сверху закованных в железо тел, почти никто сейчас не мог стоять на ногах.

Сорок три знатных рыцаря, в том числе и герцог, были поднятые наверх уже бездыханными, были положены отдельно на разостланные на земле их дорогие плащи. Священник торопливо прочитал отходную, я тоже склонил голову и громко сказал несколько слов молитвы.

Рядом со мной встал Зигмунд, он то и дело косился на меня в удивлении, еще не встречал человека своего роста, но когда заговорил, голос его был полон почтения:

— Я тронут, сэра Ричард, что вы отдали дань уважения своему противнику. Господь зачтет это на небесах, а здесь, на земле, я скажу откровенно, что хоть мы и противники, но больше всего я предпочел бы стоять с вами на одной стороне.

Я ответил с учтивым поклоном:

— Сэр Зигмунд, как рыцарь рыцарю я заявляю, для меня было честью и удовольствием общаться с вами.

Когда они вернулись в лагерь, где наши уже побывали и кое-что прикарманили, ко мне подошел сэра Клемент, спросил тихонько и с неудовольствием:

— Зачем вы их отпускаете?

— Не хочу терять людей, — ответил я. — Да и какой смысл? Город остался за нами.

— Но все-таки...

Я сказал наставительно:

— Это прекрасные рыцари. Я был бы мелок, если бы не проявил благородство и не отпустил их с почестями. С их стороны остались только лучшие из лучших!

Он с хмурым видом развел руками и отошел в сторону. Зато с другой стороны бочком приблизился командир арбалетчиков, которому я давал деликатное поручение.

— Ваша светлость, — прошептал он, — а что с этими,

которых вы отпустили? С оружием, при доспехах... Может быть, устроим им засаду?

Я ответил негромко:

— А пусть едут в свои земли.

Он поклонился и осмелился уточнить:

— Но это же... рыцари?

— И даже знатные, — сказал я, — но их земли, увы, отходят королю Фальстронгу. Вот пусть он с ними и разбирается.

Я увидел, как дрогнули в понимающей улыбке губы сэра Клемента, расслышал, понял, а командир арбалетчиков все еще тугодумно шел рядом, потом на лице началось появляться радостное озарение. Похоже, он готов был сказать, что счастлив служить такому сюзерену, но что-то нехорошее было бы в такой похвале, и я благоразумно ушел вперед.

Глава 8

Взамен уползших туч надвинулись новые, настолько тяжелые, что с треском прогибается небо, солнце не просто скрылось, а полностью исчезло по ту сторону плотного, как каменная гряда, слоя туч.

Ветер налетел снова, уже злой, погнал перед собой пыль, а следом стремительно надвигалась страшная серая стена ливня. Холодные струи ударили с такой силой, будто не вода, а свинец, моментально по земле побежали мутные потоки, понесли грязь и сор.

Я скомандовал:

— Часовым — бдить! Остальные могут укрыться. Но не чересчур!

Ливень, что так долго сдерживался, сейчас обрушил холодную воду не струями, а водопадами. Моментально исчезли стены, пропал весь мир, а человека удавалось увидеть, только если подойдет вплотную.

Я тревожился, не решились бы люди Зигмунда попробовать проникнуть в город, велел перегородить пролом снова и прислушиваться, хотя в страшных тучах молния режет небо зубчатым ножом с такой силой, что гром оставит всех глухими, каждый при таком ударе сверху приседает до самой земли, где стремительно бегущая вода уже совсем скрыла землю.

Одежда под доспехами моментально промокла, жар схватки быстро уходил, я ощутил, что вообще-то холодно. Рыцари выглядят бодрее своего сюзерена, но вряд ли от дождя все в восторге.

Подбежал, пригибаясь на каждом шагу и закрываясь широким щитом, сэра Вайтхолд.

— Хорошо, — прокричал он, — из ямы всех успели вытащить! Даже мертвых...

— Теперь придется везти на кладбище, — крикнул я.

— Вы хотели оставить их там?

— Почему нет? Было бы приметное и памятное место.

Он покачал головой, отблеск молнии бросал на его лицо страшные сполохи, прокричал, болезненно морщась от ужасающего треска над головой:

— Не у всех такие доспехи, как у вас, ваша светлость!

— Прости, — сказал я. — Ты прав, за доспехи герцога и его людей даже наши рыцари полезут в грязную яму с мутной водой...

— Я велю сообщить в городе, — сказал он. — Если найдутся родственники, пусть забирают и хоронят павших героев в своих фамильных склепах. Остальных зароем мы.

— Но доспехи и оружие собери, — предупредил я.

— А как же? — изумился он. — Это боевые трофеи по праву войны! Родня получит раздетые трупы.

— Над каждым вели поставить крест с надписью, — распорядился я. — Все-таки знатные лорды. Если родня возжелает перезахоронить — нам работы меньше.

Он посмотрел с укором.

— Ваша светлость, не становитесь таким хозяйственным.

— Почему?

— Вы же рыцарь!..

— И что?

— Рыцарь не должен быть похож на купца.

Я вздохнул.

— Как вы правы, дорогой друг... Вот только все время помню, что в масштабах королевства потери в экономике всего на процент — снижение валового продукта хрен знает на сколько!

Он посмотрел на меня с испугом.

— Боже правый, чем у вас только голова занята!

— Смотрите и трепещите, — сказал я. — Вот попадете на лестницу, ведущую к власти, посмотрим, какой купец из вас получится!

Он торопливо перекрестился, поплевал через левое плечо, взялся за амулет на шее, а другой рукой свернул кукиш и потыкал в пространство.

Ливень ушел, однако небо осталось низким и тяжелым со свисающей бахромой мокрых туч. Ночь наступила влажная и липкая, я велел пожарче разжечь все каминны во дворце, однако сыростью пропитан даже камень стен, мерзко, дождь за окнами то снова начинается, то отступает, перекаты грома медленно уходят к горизонту, затем усиливаются, угрожающе сверкают сквозь толщу туч багровые зарницы...

Последние недели без сна и отдыха наконец-то обрушились, как подтаявший ледник, я добрался до королевских покоев на полусогнутых, рухнул на ложе и тут же, едва опустил голову на подушку, провалился в глубокий сон, как в бездонную пропасть.

Когда поднял тяжелые, как чугунные, веки, в комнате уже светло, за окном блестит умытое солнышко, а у

двери беспокойно ерзает в кресле сэр Вайтхолд. Возле него смирный мальчик в придворной одежде, хорошенький и белокурый, с кокетливым золотым поясом, что значит — придворный паж.

Я повернулся и уставился на обоих ошалелыми глазами. В голове еще грохот копыт, воинственные кличи, и хотя уже соображаю, что я вот лежу без штанов, но часть моего сознания еще скачет на коне, визжит и вздымает меч, воодушевляя соратников.

— Сэр Вайтхолд, — сказал я сипло.

Он вскочил и поклонился.

— Ваша светлость...

— Что, — прохрипел я, — уже в самом деле утро?

— Самое настоящее, — похвастался он, словно сам его сотворил. — Полная победа!.. Везде и во всем. Потому вы и вот так наконец-то... как бревно. Наверное, и чувствуете себя им? В самом деле надо отоспаться.

Я смотрел на него, старательно фокусируя взгляд. Побитое в схватках тело просится полежать еще, кровоподтеки сошли, но смертельная усталость еще не выветрилась, затаилась, напоминает, что после такой встряски полдня бы в горячей воде, и чтобы могучие женские руки разминали мышцы и разгоняли кровь.

Он спросил осторожно:

— О чем задумались, ваша светлость?

Я проворчал с тоской:

— Почему я не крокодил?

Он опасливо охнул:

— Зачем это вам?

— Крокодилы даже ходят лёжа...

Он пробормотал:

— Некоторые и вовсе под себя... Может быть, встанете?

Я сполз с ложа, оделся, чувствуя, что сам делаю это

быстрее, чем когда меня одевают двенадцать допущенных в королевские покои вельмож.

— Как хорошо...

Он спросил с подозрением:

— Что?

— Одеваться самому, — пробормотал я. — Мальчик, застегни мне сзади!.. И подай перевязь. Пояс затяни потуже... Теперь шляпу... Сэр Вайтхолд, в Геннегау с меня даже штаны снимали придворные!

Он спросил с неловкостью:

— Да?... Гм...

— Это у них такая обязанность, — пояснил я сварливо. — Не опускайте глазки, тоже мне, стыдно ему за лорда! Обычай такой, королей одевают и раздевают, это такая привилегия, за нее морды друг другу бьют.

Он взглянул остро.

— К счастью, вы не король.

— Может быть, — ответил я сердито, — но корона была в моих руках, я ее уже почти примерил...

— Все, — сказал он благочестиво и перекрестился, — что Господь делает, он делает к лучшему. Хотя и непонятно.

Я подумал, кивнул.

— Да вроде бы что-то проступает в тумане. Но, вы правы, непонятно, что с этим делать. Все мои планы были связаны с Сен-Мари. Про Армландию, честно говоря, совсем забыл. Тем более не думал ни о каком Турнедо, будь оно неладно.

Мальчик учтиво и как-то особенно красиво распахнул перед нами двери, мы перешли в кабинет. Через несколько минут туда начали стягиваться мои военачальники, все какие-то противно бодрые, выпавшиеся, с громкими голосами и широкими жестами.

Сэр Вайтхолд ответил мне с немалым запозданием, но авторитетным голосом:

— Все самое лучшее случается неожиданно.

Сэр Клемент, хотя не слышал, о чем был разговор, счел нужным вежливо уточнить:

— Как и худшее.

— Потому что неожиданные события, — заявил мудрый сэр Вайтхолд, — случаются в нашей жизни намного чаще, чем ожидаемые.

Виконт Каспар посмотрел на него с подозрением в слишком честных глазах.

— Намекаете, что сладкое надо сожрать в первую очередь? Пока не?..

Вайтхолд покосился на него с неудовольствием.

— Это вы чего, шутите так странно? Шутка должна быть смешной и неожиданной, как удар дубиной в темноте!

— Удар дубины в темноте, — сказал сэр Климент задумчиво. — Да, это в самом деле смешно, вы правы... Если в темном переулке вам неожиданно влупят со всей дури ногой в пах, кулаком в живот и палицей по голове, то самое главное — не растеряться, это же шутка, шуточка даже...

— А засмеяться? — спросил барон Саммерсет. — Как вот мы все еще целы, хотя кто думал, что получится вот так?

— Его светлость за всех думала, — авторитетно заявил виконт Рульф. — Ваша светлейшая светлость, столицу мы нагнули, что дальше?

— По сепаратному договору, — объяснил я, — вашему сюзерену принадлежит три четверти этого бывшего королевства. Помимо столицы!.. Вот все эти земли и будем осваивать.

— Это как?

— Бить сваей, — пояснил я. — Несогласных. Долго и больно.

Сэр Клемент пробормотал:

— Ну, долго бить не придется... Если осваивать вашими гуманными методами, чтоб не мучились. Как думаете поступить с освободившимися землями?

— Как и принято, — ответил я. — Я сторонник незыблемости и узаконенной властью священности полезных мне традиций. Замки и земли щедро и безвозмездно раздам своим лояльникам. Мои рыцари получают во владения налаженные хозяйства, где каждый уже знает и делает свою работу, как в поле, так и в замках, где гарнизон блюдет, кухарка готовит, прачка стирает, а жена раздвигает ноги навстречу судьбе.

Он переспросил:

— Простите... жена?

Я посмотрел в удивлении.

— У вас что с ушами? Прочистите. Я же сказал, замок получаете вместе со всем персоналом. Там только хозяин погиб, но остальное уцелело! В том числе и жена. Приезжаете в пожалованный мной от щедрот замок, объявляете себя хозяином, проверяете, все ли на месте: кузнец в кузнице, конюхи в конюшне, повар на кухне, жена в спальне... Конечно, вы вольны любого заменить, в том числе и жену, однако настоящий мужчина не побрезгает ли заниматься такими мелочами? Нам вообще-то по большому счету без разницы, кто там в постели. К тому же не думаю, что предыдущий хозяин был такой уж дурак, чтобы взять уродину.

Он пробормотал в неловкости:

— Оно-то так, но как-то не совсем...

Я пожал плечами.

— Вы вольны выгнать бедную женщину на мороз или отправить милосердно в монастырь.

Он сказал поспешно:

— Нет-нет, я так не сделаю, что вы, ваша светлость!

— Тогда просто принимайте и ее в хозяйстве, — решил я. — Как козу или корову, в зависимости от ком-

плекции. Вам-то какая разница? Думаю, и ей тоже, главное — мужчина в доме. Дело не в жене, как вы понимаете, а чтобы все работало, приносило доход, а налоги в казну выплачивались сполна и вовремя. И тогда прикрою глаза на некоторые мелкие нарушения гражданского процессуального права. Но если налоги не потекут в мой державный карман, я припомню все ущемления свободы слова, коррупцию, недостаточное передвижение капиталов и отсутствие инвестиций.

— А это... что?

— Корабли я строю, — напомнил я сварливо. — Инвестиции необходимы! Я вообще замки, может быть, начну раздавать только при условиях вложения в строительство флота!

Все слушали внимательно и почтительно, только у меня есть размах и даже некоторый опыт, когда стараешься наладить работу в целом королевстве.

Сэр Вайтхолд спросил нерешительно и с надеждой:

— Ну, теперь пир в честь победы?

— Все бы вам пиры, сэр Растер, — ответил я сварливо, — тьфу, сэр Вайтхолд! Простите, очень уж вы как близнецы и братья, я оставил в Сен-Мари замещать себя этого великого героя, что уже стал легендой, специалиста по гарпиям и вообще, он тоже попить любит... Но если так уж невтерпеж, то распорядитесь накрыть столы в большом зале.

— Вы почтите нас присутствием?

— Если мне оставите за столом местечко, — ответил я.

Они ушли шумной гурьбой, все повеселели еще больше, пир — это победа, это признание, это хвастовство подвигами, и если отменить пиры, то половина радости от побед будет потеряна.

Сэр Вайтхолд, как оказалось, не пировать шел, а только проводил всех до двери, закрыл за ними дверь и молча сел на лавку.

Я посмотрел на него хмуро, но с благодарностью.

— Барон?

Он поднялся.

— Ваша светлость?

— Вы правы, — сказал я, — правитель моего ранга не может без личного секретаря, но вы слишком знатный рыцарь, чтобы исполнять такую работу незнатного человека. Другое дело, если сами подберете простолюдина, нужно только очень даже смышленного...

Он сказал просто:

— Местным не доверяю, ваша светлость. А мои воины, даже самые простые, умеют читать только звериные следы в лесу. Придется секретаря либо затребовать из Сен-Мари, либо пока обойдемся своими силами.

— Спасибо за понимание, сэр Вайтхолд, — поблагодарил я. — Пока обойдемся своими. Вот вам перстень Гиллеберда...

Он осторожно принял в обе ладони перстень с королевской печаткой, в глазах немой вопрос, спросил тихо:

— И что...

— Знак высшей власти, — объяснил я. — Будете скреплять документы. Бац — и готово! В горячий сургуч, в смысле. Что делать, пока будем пользоваться трофейным.

Он смотрел с сомнением.

— Этот перстень должен быть на пальце короля...

— Думаю, — успокоил я, — это запасной. Гиллеберд не станет рисковать печатью в единственном экземпляре. Пользуйтесь, сэр Вайтхолд! Те указы, которые издаю лично, именно этим и скрепите. А потом свою создадим...

Он задумчиво рассматривал перстень, по его лицу скользят тени, я почти вижу, как прикидывает разные возможности, а я прислушался к затихающим шагам в коридоре, поднялся из-за стола и осторожно прошелся по кабинету. Затылка то и дело касается предостерегаю-

ший холодок, словно за спиной открывается окно в снежную и ветреную зиму. Чувствуется, что Гиллеберд много занимался магией, он сам не преминул похвастаться передо мной еще в мой первый визит к нему. Хотя, возможно, как раз не силен, а создавал видимость?.. Или создавал видимость, чтобы я подумал, будто он не силен?

Сэр Вайтхолд начал посматривать на меня с вопросом в серьезных глазах, но помалкивал. Я наконец спросил резко:

— Здесь есть маги? Колдуны? Чародеи?..

Он ответил с неподвижным лицом:

— При дворе каждого властелина они есть...

— Отыщите, — велел я.

Он снова чуть-чуть наклонил голову, по губам пробежала легкая усмешка.

— Не так уж они и могучи, ваша светлость.

— Проверили?

— Да, — ответил он спокойно, — мои люди перебили их с ходу. Только двое успели оказать сопротивление, сожгли дьявольским огнем четверых... но их самих истыкали стрелами так, что у ежей и то иголок меньше.

Я подумал, спросил с недоверием:

— И это все? Неужели у такого властелина, как Гиллеберд, такие слабые маги?.. Где их помещения?

Он указал кивком на окно.

— Все жили в комнатах при кухне, и только один в башне. Она стоит как бы отдельно, видите?

Глава 9

Башня даже отсюда, из окна, выглядит хмуро и недобро, камень поменял серый цвет гранита на черный и теперь блестит, словно антрацит. Узкая дверь внизу, ни

одного окна до самого верха, а там под остроконечным коническим навесом из крашенных досок нечто вроде смотровой площадки.

— Там кто-то есть?

— Дверь заперта, — сообщил сэр Вайтхолд.

— Взломайте!

— Сперва хотели, — ответил он, — но когда увидели, что перед дверью пыли по щиколотку...

Я поколебался, в самом деле, что за дурь несу, озлился на себя, вот и я, как все, сказал резко:

— Ломайте!.. Это может быть простейшая магия, что отводит глаза.

Он пробормотал:

— А на самом деле там может быть протоптанная дорога?.. Сейчас все сделаем...

Он выбежал в коридор, загремело железо, слышались быстрые шаги троих человек. Я выждал, когда все стихнет, снова внимательно осмотрелся. Что-то здесь нехорошо, будто Гиллеберд или кто-то еще наблюдает и ждет удобного момента ударить в спину. Но только сильный маг может убить человека щелчком пальцев, хотя и для этого должен сутки копить мощь, зато десятки слабых в состоянии подобраться незамеченными со спины и ударить острым ножом в незащищенную шею.

Я снова и снова просмотрел кабинет в тепловом, потом запаховом зрении, прошелся вдоль стен и даже ошупал гобелены, везде надежная твердость стен, да и чувственную массивные гранитные глыбы, окна высокие, но узкие, человеку не протиснуться, стол и кресла из дорогого дерева, тяжелые, такие натошак и не сдвинешь.

— Ладно, — пробормотал я, — еще не вечер...

В коридоре шестеро, как я и велел Тэду, все поджарые, бывалые, в руках пики с заточенными, как бритва, остриями, а у двоих обнаженные мечи.

Вместо того чтобы смотреть на меня, тут же начали

зыркать по сторонам, не грозит ли сюзерену опасность, готовые и на врага броситься, и своими телами закрыть вождя.

— Спасибо, ребята, — сказал я тепло. — Бдите! Пока что это еще чужой город.

Во всех переходах — стража, ни разу на глаза не попался никто из слуг, везде блещущее железо, обнаженное оружие, грубые мужские голоса и запах крепкого пота, словно иду не по королевскому дворцу, а по солдатской казарме.

Внизу в холле воины находятся даже возле окон, будто дворец вот-вот атакуют, но береженного Бог бережет, излишняя осторожность еще никого не убила, а вот беспечность...

Двое тут же подхватили копья и пошли за мной. Во дворе сыро и ветрено, хотя это замечаю только я, на дальнем конце двора у черной башни колдуна с десятков воинов во главе с сэром Вайтхолдом наблюдают за верзилой, что с громкими выдохами рубит огромным топором дверь.

Металлические полосы уже перерублены и загибаются кольцами, щепки летят, как брызги воды, по которой бьют большой палкой, однако лица наблюдающих что-то мрачные...

Я подошел, присмотрелся, так и есть, щепки летят, дверь изрублена, однако... изрублена, изрублена, но никак острие тяжелого топора не прорубит эти доски, уже и бревна бы перерубил, но пока зарубки не глубже мизинца...

Кто-то сказал наконец зло:

— Магия, черт бы его побрал!.. Надо священника звать.

— Если маг силен, — возразил кто-то, — то простой не поможет. Нужно епископа...

— А где его взять?

— И я о том же...

Разговоры прервались, когда я подошел ближе, протянул руку к хозяину топора.

— А по петлям не пробовал?

Он сказал поспешно:

— Нет, ваша светлость. Мы всегда прямо в середку...

Кончики моих пальцев не успели коснуться топорика, как дверь дрогнула и распахнулась. Все ахнули и отступили разом, как один человек, а верзила с топором сказал сокрушенно:

— Вот что значит лорд... ему даже дверь кланяется!

Я осторожно ступил внутрь, темные стертые ступени винтообразно ведут вверх, я шел неспешно, прислушиваясь настороженно. Чувство опасности молчит, сверху едва слышно тянет кисловатым запахом, стены сухие, но с заметными пятнами копоти, на стенах кое-где потеки и наплывы, будто гранит в этих местах превращался на время в жидкую глину.

Наконец за поворотом лестницы открылась дверь, а не люк в потолке, как я почему-то ждал. Простая дверь, хотя когда я протянул руку к ручке, ощутил нечто, как бы сказать, неосязаемое, эфемерное, но пославшее тревожный сигнал вдоль позвоночника.

Из-под двери в узкую щель просачивается легенький дымок, но пахнет привычно горьковато.

Я с силой толкнул дверь и приготовился отпрыгнуть, если что и где, однако в заставленной довольно тесной комнате из-за стола с ретортами и тиглями быстро вышел немолодой мужчина с короткими седеющими волосами и очень живыми глазами.

— Ваша светлость, — произнес он со всем почтением и низко поклонился, — я к вашим услугам...

Я остановился на пороге, рассматривая его и эту лабораторию, довольно типичную с виду, хотя что-то здесь неприятное, недоброе. Справа и слева массивные двери, хотя, по размерам башни, там могут быть только крохот-

ные комнатки. Станный запах, я бы назвал его трупным, но здесь все чисто, раскопанных могил нет. Правда, на полке целый ряд черепов, и последние два — свежие, еще теплые, как будто еще сегодня их долго вываривали, освобождая от остатков мяса.

— Некромант? — спросил я в упор.

Он вздрогнул, съежился, улыбка стала искательной.

— Ваша светлость, — сказал он торопливо, — я исследователь! В мире столько тайн, разве вы не хотите стать еще могущественнее?

Я кивнул.

— Хочу.

— Вот я и добиваюсь...

— Чего? — спросил я. — И откуда планируешь черпать мощь?

Он сказал быстро и заискивающе:

— В древности людей наполнили магической мощью! Уж не знаю как, но они тогда могли двигать горами. И хотя те люди давно умерли, но мощь жила и пробуждалась в детях, все были магами, все!.. даже великими магами, господин. Это были великие времена, великие эпохи, от которых не осталось даже воспоминаний... Потом Великие Войны, люди дичали, магическая мощь никуда не исчезла, но уже никто не знал, как ее извлечь и как использовать...

Я пробормотал:

— Интересная идея...

Он воскликнул:

— Это не идея!.. Я сумел найти подтверждение!

Я посмотрел на полку со свежевываренными черепами.

— С их помощью?

Он отмахнулся.

— Господин, это преступники, приговоренные к смер-

ти. Воры, убийцы, разбойники. Его Величество мило- стиво разрешил мне брать их для исследований.

Я сказал со странным чувством, сам еще не зная, одобряю такое или нет:

— Хозяйственный Гиллеберд... У него ничего не про- падает, верно?

Он сказал все так же торопливо:

— Они творили зло всю жизнь, так пусть хоть смер- тью послужат людям!

— Хороший принцип, — согласился я, он несколько приободрился, но я уточнил: — А люди — это ты?

Он заискивающе улыбнулся.

— В первую очередь — Его Величество король Гилле- берд Фруассар, а затем уже я, мелкая сошка... но теперь вы, ваша светлость, мой господин!

— И каковы успехи? — поинтересовался я.

Он заулыбался, я знаю эту улыбку, с нею слабые врут сильному, но в этой есть нечто еще, я всмотрелся и по- нял, что это «нечто» — презрение к людям с мечами, у него есть нечто помощнее, только бережет на крайний случай...

— Успехи просто невероятные, — ответил он при- поднято. — Удалось нащупать один из путей, которым можно добывать магическую мощь из человека.

— Ого! — сказал я. — Что, из любого?

Он кивнул, но поспешно уточнил:

— Из любого, однако пока только крохотную часть, ваша светлость! А остальное море... как жаль!.. пропада- ет. И очень трудно пока доставать то, что удастся... Но работаю над этим, ваша светлость!.. Скоро найду путь, чтобы из каждого добывать хотя бы вдвое больше...

Он чуть увлекся, глаза блеснули дьявольской горды- ней. Я на краткий миг в некоем озарении увидел, как го- рят города и села, а он в виде огромного огнедышащего дракона летит, широко раскинув крылья, поглощает

энергию сжигаемых им людей и становится все сильнее и сильнее...

На моем лице или в глазах что-то изменилось, он преврал себя на полуслове, поежился, сказал просительно:

— Ваша светлость...

Я проговорил медленно, не давая ему взглянуть мне глаза:

— Говоришь, вдвое больше...

— Для первого шага, — выкрикнул он быстро. — Дальше смогу вдесятеро, в сто раз!.. и наконец, как в те первые времена... всю, полностью, без остатка!..

Я молчал, колеблясь, во всяком случае так это должно выглядеть. На лестнице затопали ноги, в дверном проеме появились сэр Вайтхолд, а за ним Альпи и Рамзи, стражники, которых Тэд приставил ходить за мной следом.

Альпи сказал просительно:

— Ваша светлость, мы забеспокоились...

Я бросил небрежно:

— Вы вовремя. Загляните в те две комнаты, общитесь там, если понадобится.

Сэр Вайтхолд проговорил обеспокоенно:

— Ваша светлость...

— Выполняйте, — велел я резко.

Он кивнул, махнул рукой стражам, и они ушли, а сам он сунулся в другую комнату.

В глазах некроманта ничего не менялось, я понял, что в кладовках компромата уже нет.

— Обо всем, — сказал я строго, но понизил голос, чтобы не слышали мои люди, — докладывать мне лично, понял?.. Не сам, я не хочу, чтобы тебя видели в моих покоех.

Он сказал быстро:

— Я могу посылать сову с запиской. Но могу даже сам под покровом незримости...

Я поморщился.

— Амулеты против незримности есть не только у меня. Лучше уж сову.

— Как скажете, ваша светлость!

Я пошел было к лестнице, но у порога, словно что-то вспомнив, повернулся и посмотрел на него грозно, как волк на ягненка.

— И еще... Только преступников, понял? А то, уверен, ты их семьи тоже... Детей не смей трогать!

Он торопливо поклонился.

— Да, ваша светлость! Как скажете, ваша светлость! Все выполняю, ваша светлость!

Я кивнул и пошел вниз, пахнет сыростью, флаги трепещут так, что гнутся древки, в небе быстро бегут от края к краю лохматые тучи. Во дворе меня догнали Альпи и Рамзи, оба сообщили, что в кладовках ничего особенного, кроме старого хлама, ценных вещей нет, а что там колдовское, а что нет, он и сам уже вряд ли помнит.

Посреди двора встретили виконт Каспар Волсингейн и барон Саммерсет, оба недовольные, Каспар заметил почтительно:

— Ваша светлость, вообще-то не стоит одному вообще никуда. Для того и создана охрана для персон.

— Тем более, — договорил барон, — где еще не бывали.

Оба поглядывали на моих стражей, я понял, что в мое отсутствие допросят их основательно, поморщился.

— Не перегибайте, барон. Кто мог противиться — противился, и мы эту проблему... решили.

— Мало не покажется, — согласился он, — но береженого Бог бережет.

Он посматривал вопросительно, не решаясь спросить в лоб, деликатный, я поморщился, но пока еще не восточный деспот, у нас демократия, сеньор требует по-

виновения, но и сам должен отчитываться, иначе вступает в силу право не повиноваться.

— Пусть торчит приманкой, — прошептал я ему. — Только никому, а то колдун может расслышать и шепот!

Его глаза расширились, потом заблестели восторгом, торопливо кивнул, на лице такое выражение, что я убрал руку за спину, как бы не бросился целовать и просить прощение за минуту сомнения в таком проникательном и хитроумном гаде.

В самом деле гад, мелькнуло у меня. Я даже не поморщился, когда говорил с некромантом, словно и в самом деле готов...

Он в самом деле мог бы переметнуться на мою сторону. Новый хозяин дворца показал себя еще круче прежнего, а чтоб этого не случилось, я и добавил такое насчет детей. Теперь некромант подумает хорошенько и останется на стороне короля, тот наверняка позволял расчленять в лаборатории детей преступников, а также всяких беспризорных и брошенных, и вообще требовал только результаты, не допытываясь, сколько пришлось запятать несчастных.

Вообще-то шанс слабый, надежда на то, что либо Гиллеберд явится тайком за магической помощью, либо маг ему подаст весточку, и тот придет неузнанно...

Глава 10

Святой Петр трижды за одну только ночь отказался от Христа, причем — всерьез, но все равно тот поставил его главой церкви. Я для того, чтобы завлечь Гиллеберда, отказываюсь от Христа перед некромантом и намекаю, что паладинство — только прикрытие, а на самом деле я та же сволочь, что и Гиллеберд, только умнее, мо-

ложе и амбициознее. Потому служить лучше мне, а не тому старому пердуну...

А во дворце, несмотря на мой приказ бдить и не ослабляться, у наших морды счастливые, еще не осознают, что вообще-то мы влезли в ловушку в том смысле, что да, победители, но если Фальстронг с севера и Барбаросса с юга не подойдут вовремя, этот захваченный город может оказаться мышеловкой.

А пока да, победа блистательная, герцог повергнут, значительных сил в Турнедо поблизости от столицы больше нет. Основное войско под руководством Гиллеберда сковано тяжелыми боями с армией Барбароссы на юге, а на севере страны местные лорды спешно организуют оборону против наступающего Фальстронга.

Еще пару дней, и стену смогут преодолеть только с помощью лестниц, а за неделю-две мы поднимем ее так, словно никакого подземного толчка здесь и не случилось.

Меня потряхивало с немалым запозданием, когда потрясенно понимал, какая дерзостная операция завершилась успешно. Правда, от безысходности чего только не измыслишь, в какую только отчаянную авантюру не влезешь...

Мои рыцари тоже никак не могут поверить в предрзостную победу, но в город толпами валят родственники погибших лордов, им выдаем тела, соболезуем, однако записываем, кто именно погиб и какими землями владел.

Сэр Вайтхолд подбежал ко мне, непривычно бойкий, в глазах восторг, спросил торопливым шепотом:

— Мы такой огромный ломоть отхватили... Как удержим?

— Выработаем доктрину, — ответил я, — и будем над ней работать.

— Доктрину... Какую?

— Я ее уже выработал, — сообщил я. — Долго ли, умеючи?..

— И, — проговорил он почтительно, стараясь догадаться, что это за доктрина, — какая она?

— Простая, — сообщил я. — Мы должны иметь достаточно мощи, чтобы отразить предательское и ничем не спровоцированное нападение двух соседних королевств на наше мирное население, занятое внедрением демократии в свои и чужие ряды!..

Он подумал, сказал нерешительно:

— Значит ли это, что у нас должна быть армия, равная по мощи двум армиям соседей?

— Разве я не это сказал? — спросил я сварливо.

Он поклонился.

— Простите, но защищаться в крепостях можно и малыми силами.

Я сказал сердито:

— Я говорю, как культурный человек, самое важное не договаривая!.. Культурные люди всегда застенчивые. Как вот я. Конечно же, сэр Вайтхолд, наша армия должна быть по мощи равной и даже чуть более равной... Надеюсь, вы понимаете, о чем я культурно говорю?..

Он сказал с подъемом:

— Да, ваша светлость! Как же я люблю культуру! А правда, что всех, кто против культуры, будем сажать на колья?

— Нет, — ответил я, — это грубо. Только вешать, ничего лишнего. Мы не должны проливать кровь!

— Ах да, — спохватился он, — мы ж гуманисты.

В королевский дворец я вернулся поздно ночью, усталый, грязный, как свинья, измученный до крайности, хотя вроде бы ни с кем не воевал и даже не дрался. Хорошо бы принять ванну, но пока что слуг Бальза сумел собрать только для самых необходимых нужд: кухни, пекарни, конюшни, кузницы, шорницкой, так что либо

наливать воду в корыто будешь сам, либо ложись спать так, нечего разнеживаться, будь мужчиной.

Стражи пока спят в залах и коридорах, нам сейчас важнее безопасность, чем красоты. Я прошел залы и поднимался по лестнице, и на каждом шагу меня ошупывали взглядами, вытягивались и стучали в пол тупыми концами копий, в королевских дворцах так не принято, но здесь пока не королевский дворец, а отбитое у врага и захваченное здание.

Направился было к спальне, но вдруг всплыло воспоминание о тех двух стальных гигантах, что так напугали меня в первый визит к Гиллеберду. Что-то я их не видел еще, а это значит, что они появляются только по приказу Гиллеберда...

Я развернулся и пошел к кабинету, там вытряхнул на стол медный кувшин, до сих пор таскаю за собой, как дурак, не могу расстаться, сделал себе большую кружку горячего сладкого кофе и ухватил ее обеими ладонями.

Краем глаза увидел едва заметное движение, резко развернулся. Кри смотрит с ужасом, брови приподнялись, а рот красиво округлился и стал похож на большую букву О.

— Нет!.. Только не это...

Я проследил за ее взглядом, на середине сверкает вытертыми до блеска боками медный кувшин.

— Что случилось?

Она дрожащим пальцем указала на кувшин.

— Кто тебе это принес?

— Я сам...

— Ты сумасшедший! Выброси! Или спрячь так, чтобы никто не смог отыскать...

Я спросил ошалело:

— Но почему? Что там внутри?

Она начала набирать дыхание для ответа, но так и замерла. Я ощутил некую опасность, быстро огляделся, с

пространством что-то творится, резко и неожиданно затрещало, пахнуло озоном.

Посреди комнаты вспыхнул ослепляющий свет, что не слепит, однако каждая пылинка в комнате обрела резкость, могу видеть самых мелких микробов, а в центре медленно и трудно возник огненный шар, превратился в огромную пылающую фигуру.

— Ричард, — прогремел страшный и могучий голос, — что ты с собой сделал...

Я вскричал счастливо:

— Тертуллиан!.. Как же я рад!..

В пылающем огне проступили страшные огненные глаза, а когда Тертуллиан заговорил, я видел уже могучую голову, высокие скулы и тяжелую нижнюю челюсть, где рот полон огня.

— Ты уходишь, — прогремел голос, чувствовалось, что Тертуллиан старательно приглушает его, стараясь соответствовать миру, в котором проступил. — Ты уходишь во тьму, Ричард!

Я возразил, сразу ошетиниваясь:

— Почему это?.. Просто смотрю на жизнь реалистичнее других... и действую понятнее. Только и всего!

Он сказал яростно:

— Реалистичнее? На жизнь? Скажи еще — и на людей?

— И на людей, — настороженно сказал я. — А что?

Он вспыхнул таким ярким огнем, что я зажмурился, а в горящей темноте прогреготал гневный голос:

— На людей? Как можно смотреть на эти сосуды греха реалистично?.. Это же грязные похотливые животные. Если их хоть раз увидеть такими, какие они есть, можно сразу удавиться. От тоски и безнадежности, что достичь Светлого Царства Небесного на земле никогда не получится! Но мы должны верить в немыслимое, Ричард!.. Только так мы можем заставить себя идти по бесконеч-

ной дороге трудностей и лишений, даже не замечая, что очень медленно, но становимся чище!

— Credo quia absurdum est, — пробормотал я. — Верую, ибо абсурдно...

— Надо верить, — сказал он яростно, — и пусть торгаши считают тебя сумасшедшим не от мира сего!.. Они все осыплются и забудутся, как шлак с новорожденного меча, а ты засияешь, аки звезда во мраке...

— Не я, — возразил я неохотно, — но какие-то там потомки...

— А что есть человечество, — спросил он в изумлении моей тупостью, — как не один человек, пребывающий вовеки?

Я посмотрел на него удивленно, такая странная идея не приходила в голову, хотя что-то в ней дикое и настолько абсурдное, что может оказаться пронзительной правдой.

— Ты хочешь сказать, — пробормотал я, — Господь не лишил Адама и Еву бессмертия?

Он ответил в удивлении:

— Нет, конечно! А ты не знал?

— Не-а... Где-то глуплю...

— Подумай, — сказал он настойчиво, — и все станет ясно.

Я добросовестно подумал, ответил нерешительно:

— Господь не отнял у людей бессмертие, а только раздробил его на... части, так?.. Отдельные части смертны, а общий человек бессмертен?

Он широко улыбнулся огненным ртом, став похожим на пылающую комету.

— Ну вот, понял. Теперь понимаешь, почему тебе нельзя сползать во Тьму? Ты погубишь не только себя и своих потомков, но и очень многих вокруг. Из-за тебя в Царство Небесное на земле войдут позже... а то и не войдут вовсе. Ричард, в древний и дряхлый мир впервые

пришла вера! Вера в Бога. Язычникам вера не нужна, их примитивные боги просты и понятны, точно так же едят и пьют, ссорятся, прелюбодействуют...

Я кивнул.

— Знаю.

— А наш Бог, — прогремел он мощно, — непостижим, потому в него можно только верить! И это новое... чего не было в старом мире язычников, я говорю о вере, поведет... уже ведет!.. человечество вперед и ввысь, в то время как... топталось... и должно было топтаться на месте!

Я пробормотал:

— Ты даже не представляешь, как ты прав.

Он оскорбленно фыркнул:

— Еще бы!.. Когда я был не прав?.. Потому меня страшатся как в аду, так и на небесах. А тебе скажу, ты уже увяз во Тьме, чего сам не замечаешь!.. Я не знаю, сумеешь ли выбраться?.. Но хотя бы постарайся не утонуть там... слишком быстро.

— Побарахтаюсь, — пообещал я упрямо. — Может быть, второе дыхание откроется. Или, что совсем уж невероятное, совесть начнет грызть.

Он громыхнул:

— Тебе надо в Храм Истины. Что на Севере.

Я сказал недовольно:

— Зачем? Там истину не нашли, как я слышал...

Из огня донеслось:

— Те люди... они прошли... и близко!.. Или высоко, где светочно... Тьма выгорает в жаре их сердец и душ.

— Тертуллиан, — сказал я, — я как только, так сразу, обещаю!.. Но дел столько, голову некогда поднять...

Свет медленно мерк, я видел, что Тертуллиан старается что-то сказать, но то ли я слишком уж в темной броне, то ли ему не позволяют, он все-таки воевал с ними, его идеи не принимали, хотя его *credo quia absurdum est*

стало основой христианской веры, да ислама тоже, он слишком революционен, мне нравится его утверждение, что во Христе мы не получим полноту откровения, что оно еще не закончено, но находится в процессе завершения благодаря действию Святого Духа, то есть Господь не сидит сложа руки, а все еще в творении.

Наверное, только потому, что он такой вот, резкий и яростный, и может прорываться в наш мир, и хотя лишен возможности вмешиваться лично, но другие отцы церкви и того не могут.

В кабинете стало темно, даже горящие ярко свечи не рассеивают странный мрак, что начал подбираться пугающе настойчиво. Я перевел дыхание, сказал себе твердо и напористо, что было всего лишь чересчур ярко, а когда глаза привыкнут, то и в темноте... жить можно.

Блестящее озарение Тертуллиана вызвало гнев церкви, его обвинили в ереси, дескать, никто больше не придет и ничего не создаст новее, но Тертуллиан как-то предвидел приход Мухаммеда с его исламом, в котором Христос займет место величайшего пророка и Верховного Судьи на Страшном Суде.

Так что если Тертуллиан сказал, что я уже во Тьме не по колено, а по горло, то наверняка знает, что говорит. Но я еще не захлебнулся. Еще нет. Еще держу губы плотно сомкнутыми.

Крис с прежним укором в глазах смотрел с портрета, там все застыло, ни листок не сдвинется на ветвях, словно огненная святость Тертуллиана сожгла все, что он не одобряет.

— Вот видишь, — сказал я ей то ли виноватенько, то ли с упреком, — тебе там хорошо, а тут не совсем уж... Даже очень не совсем.

Она не откликнулась, хотя чувствую, что смотрит, видит, следит, а мне пока некогда урвать время, чтобы попытаться хотя бы узнать от нее больше о том мире, отку-

да она, и вообще не бросать это на полдороге, даже не на полдороге, а на первом же шаге, как у меня это в порядке вещей.

С горькой усмешкой вспомнился медный кастет, подаренный отцом Дитрихом, так ни разу и не вдел в него пальцы, геммы и странные механозародыши, куча волшебных мечей, что набрал еще годы тому: красный, зеленый, озерный, ночной, а все эти Небесные Иглы, Костяные решетки, сейчас вот выкопал кувшин, а если не сумею вот прямо сейчас, то так и останется среди других непознанных. Увы, у человека только двадцать четыре часа в сутки, и на что бы ни тратил, обязательно урывает от других дел.

От картины донеслось:

— Рич, что происходит?.. Я ничего не понимаю..

— Я тоже, — признался я. — Чем больше живу и понимаю, тем больше не понимаю. Такое может быть?

— Нет, — прошелестел ответ. — Не знаю...

— Я тоже, — сказал я. — Иди ко мне.

Она смотрела испуганными глазами, мне показалось, что если в прошлый раз готова была сойти ко мне для определенного рода забав девочка, легкая на все такое, то сейчас ей страшно, и там, в раме, гораздо уютнее.

— Ты такая красивая, — начал я плести привычную хрень, — а красота — всенародное достояние, ее нельзя таить и пользоваться в одиночку, это эгоистично, ты должна делиться со мной, красота облагораживает, я вот сразу становлюсь лучше, как только с тобой пообщаюсь, и чем ближе и теснее, тем лучше...

Она слушала, слушала, в ее лице пока не видно, но должна успокаиваться, такая словесная ерунда обладает гипнотическим эффектом, как утверждают специалисты, расслабляет, способствует пищеварению и вообще продлевает жизнь, а как же, продлевает...

В конце концов я протянул руку, и она, опершись на

мои пальцы, соскользнула в комнату легко, как пушистая белочка, пугливая, но страсть как любопытная.

Похоже, ее мир был совсем другим, сейчас здесь «под старину», мода такая, да.

Мы пили вино, заедали пирожными и фруктами, она всему удивлялась и восторгалась, беспечная и веселая такая птичка, всегда чирикающая и щебечущая, слушать не обязательно, но в ее присутствии сразу как бы светлее и легче.

Я боялся, что платье у нее одно целое с ее кожей, и шумно вздохнул, когда удалось стащить довольно легко, обнажив безукоризненное тело, покрытое ровным красивым загаром.

Кри удивленно оглянулась.

— Что случилось?

— У тебя и спина безукоризненная, — сказал я искренне. — Я еще не видел ничего стройнее и... пропорциональнее.

Она сказала весело:

— Правда?

Я осторожно обнял ее.

— Еще какая правда. Я даже страшусь поверить. Тебя не фотошопили?

Она посмотрела на меня в изумлении.

— Ты о чем?

— Ну, такая фигура у тебя от рождения?

Она засмеялась.

— Ну что ты! Маленькой я была крохотной и толстой.

— Никогда не поверю, — сказал я. — Красивее тебя нет женщины на свете.

Лгун проклятый, мелькнула мысль, но в то же время всякий раз говорю эти слова искренне, что за удивительное существо создал Господь, просто шалею от него, от себя то есть, и всегда восторгаюсь.

Она все больше оживала, начинала дурачиться, строила рожи, часто и весело смеялась, в такие минуты становилась совсем очаровательной, и я понимал, почему именно ее Гед взял с собой в путешествие по диким местам.

В то же время, как мне показалось, часто прислушивалась с некоторой тревогой к чему-то, и когда однажды за дверь послышались тяжелые шаги, вскрикнула испуганно:

— Это Гед!..

Я удержал ее:

— Это не Гед, лапушка, точно не Гед...

— А ты откуда знаешь?

— Здесь я хозяин, никого ко мне не пропустят... в смысле, к нам, не волнуйся...

— Точно?

— Точно-точно!

— А то ведь квенды приходят сами, когда изволят... Их даже не пробуют останавливать.

— Никакие квенды сюда не войдут, — заверил я. — Я правлю всеми, даже квендами.

Она прошептала, закрывая глаза и раскидывая руки:

— И чтоб Гед нас не застал...

— Не застанет, — сказал я. — Точно!.. Он слишком... далеко. А в коридоре мои слуги.

По ее лицу видно, что не поняла, что такое слуги вообще, но не спросила, а я потрясенно подумал, что если самые первые фотоснимки давали плоское черно-белое изображение, то этот передает даже характер и повадки. Похоже, она изменяла некоему Геду, мужу или любовнику, или намеревалась изменить, снимок запечатлел и это, и теперь вот прислушивается и оглядывается, но зато этот страх быть застигнутой в постели с другим придает ее адюльтеру добавочную остроту и пикантность.

Глава II

Каждый день с утра в кабинет Гиллеберда, а теперь мой сходятся военачальники с докладами: как, что и где. Сегодня виконт Каспар сообщил, что из деревень и сел никто по своей воле не везет продукты, приходится реквизировать как муку, так и скот, кормить надо не только свое войско, но и жителей города, сэр Вайтхолд возразил, что забирать стоит только скот, а зерна в хранилищах запасливого Гиллеберда на десять лет хватит, Турнедо всегда славилось самой лучшей пшеницей во всех окрестных королевствах, зерна крупные, мука сытная, с приятным вкусом и запахом. Каспар сказал, что все равно будет забирать и зерно, пока не станут возить добровольно и продавать на рынке.

— Это хорошо, — сказал я сумрачно, — что наша деятельность постепенно распространяется и за пределы городских стен. Это... правильно. Только хочу объявить еще одну важную вещь...

Все затихли, насторожились. Сэр Вайтхолд сказал просительно:

— Ваша светлость?

Я посмотрел в окно на огромное багровое солнце, приближающееся к верхушкам далекого леса.

— Истек срок одной военной тайны, — сообщил я.

Лорды переглянулись, посерьезнели. Сэр Вайтхолд выпрямился, посмотрел гордым соколом.

— Ваша светлость, — сказал он с готовностью, — мы все... внимаем!

— Я заключил твердый и нерушимый союз с гномами, — объявил я, — о чем раньше нельзя было говорить. Ну, вы понимаете, почему.

Они все смотрели ошалело, только сэр Вайтхолд ответил растерянно:

— Вообще-то... нет...

Я сказал державно и успокаивающе:

— Это еще лучше. Отныне никто не смеет причинить им вред! Помните, это гномам мы обязаны тем, что крепостная стена опустилась под землю, чтобы мы ворвались в город так неожиданно... даже для себя!.. За это я отдал им Опаловую Гору, что все равно нам не принадлежит, а они за это будут делать для нас оружие и доспехи. Вы знаете, что такое гномья работа.

Их глаза вылезали из орбит, на мордах радостное изумление, наконец сэр Вайтхолд заговорил, явно выражая общее мнение:

— Ваша светлость... да за такое хоть две горы! А я-то голову ломал, как это стена вдруг сама...

Рыцари зашумели, я перевел дух, никто не говорит, что гномы — уроды, все довольны, что их вожак вот так ловко все подгребает в свою пользу, а значит, и в их, мы же одна рыцарская семья, один отряд.

Я снова сделал значительное лицо и важно посмотрел в окно на солнце. Все затихли, ждут, я выждал надлежащую паузу, сделал довольное лицо.

— Оо-оп! Есть... истекло время еще одной военной тайны... хотя это не столько тайна, как воинский секрет, вы же понимаете разницу?

Они на всякий случай покивали, знают и понимают, хотя даже я не усмотрю ее в упор, сэр Вайтхолд, уже превращаясь в рупор рыцарской общественности, сказал торопливо:

— Да-да, ваша светлость! Мы внимательно слушаем! И никому не выдадим.

— Вторая тайна в том, — сказал я отдельно и посмотрел на них державным оком, — хотя это больше секрет... гм... но сейчас это не так важно, мы же не в дипломатическом корпусе, я здесь с надежными и преданными мне, надеюсь, друзьями...

Кто-то из рыцарей выхватил меч и, опережая сэра Вайтхолда, прокричал приподнято:

— Слава его светлости!.. За ним — хоть в ад!

Другие дружно прокричали:

— Слава!

— Да здравствует!

— Ще нэ вмэрла!

— Всегда вместе!

Я поблагодарил широкой улыбкой на моем честном и открытом лице, вытянутыми вперед руками пригасил взрыв рыцарского энтузиазма.

— Конечно же, — сказал я торжественно и печально, — я не стал бы тревожить доблестно павших героев. Старая гвардия пусть так и побудет в стратегическом резерве, а просто-напросто воспользовался, как любой из нас бы сделал наверняка, помощью... эльфов.

Они снова ахнули и застыли с раскрытыми ртами. Сэр Вайтхолд пробормотал:

— Эльфов? Но как же...

Я отмахнулся.

— Да просто. Я человек мирный, со всеми общий язык найду. А эльфы, как дети... Хотя стрелки изумительные. Это они помогли так истрепать элитную конницу герцога Ярлширского, что до столицы добрались жалкие ошметки!..

Я ожидал какой-то бурной реакции, однако на этот раз все почему-то застыли, переглядываются ошалело, один наклонил голову и что-то шепчет соседу, тот пожал плечами.

Сэр Вайтхолд взглянул в упор, я ощутил некоторое замешательство, что-то идет не так, хотя, на мой взгляд, эльфы ничуть не хуже гномов, а если уж совсем честно, то красивше, а их женщины так вообще, не могу спокойно вспоминать Гелионтэль, чтобы не бросило в жар,

а кровь не пошла бурными толчками от сердца намного ниже.

— Ваша светлость, — произнес сэр Вайтхолд с великим недоумением, — но... как?

— Что? — осведомился я с некоторой тревогой.

— Как вы могли? — спросил он.

Я не понял вопроса, но ответил на всякий случай гордо и высокопарно, мы же белая кость:

— Человек все может! А благородный — даже больше! Поскреби рыцаря, даже короля...

— Нет-нет, — сказал он торопливо, — я имею в виду, как сумели? Гномы, эльфы... Они же друг друга не переносят! Не чревато ли такое...

У всех вид такой, что да, это самое важное, а сам союз — хорошо, пусть. Их сюзерен себе, а также им никакой союз во вред не заключит.

Дыхание мое пошло спокойнее, я сказал уже с чувством облегчения:

— Говорил с ними по отдельности, что и понятно, мы же все дипломаты, или как? Ах, вы еще не женаты... Общаться как с гномами, так и с эльфами совсем нетрудно. Я человек или нет? А раз человек, то я хозяйственный и даже скуповатый гном в душе и по привычкам, верно? В то же время я — одухотворенный эльф внутри и вообще, иначе какой из меня рыцарь?.. А еще, если уж совсем начистоту, мы же братство, чего уж друг от друга таиться, я также и тролль... ну, временами, как все мы, если честно. Ну, если совсем уж правду, во мне спит, изредка просыпаясь, еще и лютый огр... Мы ведь люди, сэр Вайтхолд? Значит, все в нас есть, даже кентавры! Да что там кентавры, даже простые жеребцы... Вон вы сразу ржете и землю копытом роете, когда главную повариху дворца видите!

На лицах военачальников проступили улыбки, вовремя сказанная шуточка снимает многие вопросы.

Сэр Климент сказал деловито:

— Я сейчас же разошлю приказ не чинить вреда гномам и эльфам. А троллям можно, ваша светлость?

Я подумал, махнул рукой.

— Вообще-то со здешними троллями я тоже некогда заключил союз, чтобы переселились из моего Орочьего леса в леса поглубже в Турнедо, тут должны были партизанскими набегами отвлекать Гиллеберда от нападения на Армландию... это я тогда уже мудро предусматривал, хотя и сам не понимал, что творю, но это бывает наитие такое...

Сэр Вайтхолд сказал быстро:

— Да-да, как сейчас помню...

Виконт Каспар прервал:

— Видать, слабо отвлекали. Или все пали смертью храбрых, выполняя ваше мудрое и высокое повеление.

— Да и далеко это отсюда, — согласился я, — а с местными племенами договора нет. Так что да, троллей — можно!.. Что с горожанами? Это еще те тролли!

Все повернулись к сэру Клементу, это на его плечах, он поклонился и сказал ровным голосом:

— Настроение меняется в нашу пользу. Они были свидетелями ужасного разгрома войск их прославленного полководца, а также видели трупы почти всех его лордов. Похоже, даже самые упорные пали духом, ваша светлость! И уже начали сотрудничать. Открылись базары, лавки, еще я разрешил прежней городской страже патрулировать улицы... конечно, вместе с моими людьми.

— Отлично, — сказал я с облегчением. — Объявите везде, что раз Гиллеберд не сумел их защитить, что он обязан был сделать, то они вправе принять покровительство более сильного, это непреложный закон природы.

В коридоре загремело железо. Послышались голоса, мои стражи кого-то остановили, судя по сердитым голо-

сам, в дверь заглянула голова в круглом шлеме, отыскала меня взглядом.

— Ваша светлость, гонец от разведчиков виконта Каспара!

Я сказал быстро:

— Давай его сюда.

В комнаты быстро вошел запыхавшийся молодой парень в кожаных латах, лохматый и с топориком за поясом.

— Ваша светлость!

— Что за новости? — спросил я.

Он сказал быстро:

— Ваша светлость, я мчался из Армландии! К Его Величеству королю Гиллеберду докатилась весть о падении его неприступной столицы!

— Так-так, — сказал я встревоженно, — что еще?

— Он бушевал полдня, — доложил он торопливо, захлебываясь словами, — затем в ярости оставил армию на своего самого доверенного полководца, барона Хоффманна, он должен сдерживать натиск фоссанцев и шателленцев до его возвращения, а сам с отрядом отборной рыцарской конницы мчится сюда! Я обогнал его, боюсь, очень ненамного, хотя у меня самый быстрый конь в отряде!

Он смотрел преданно и встревоженно, я ощутил, как в животе что-то начало завязываться тугим узлом, но заставил себя беспечно улыбнуться.

Сэр Вайтхолд произнес со значением:

— Барон Хоффманн, армландский лорд... самый доверенный полководец?

Гонец взглянул на меня, я кивнул, разрешая ответить, он произнес утвердительным тоном:

— Да, это тот самый.

Сэр Вайтхолд произнес с чувством:

— Говорят, нет более заклятого врага любой страны, чем предавший ее!

— Все равно Гиллеберд опоздал, — сказал я громко, чтобы слышали все. — Герцог Ярдширский, к нашей удаче, был смел и отважно рыцарственен. Как все-таки хорошо, когда имеешь дело с благородными противниками!

— Хорошо, — подтвердил сэр Вайтхолд.

— Замечательно даже, — сказал я, — когда враги благородные и чистые, а еще очень страшатся показаться в глазах соратников нерешительными или позорно расчетливыми!

Сэр Вайтхолд сказал довольно:

— Как хорошо, что и мы такие!

— Именно, — поддакнул я. — Безумству храбрых...

Сэр Вайтхолд возразил:

— А что герцогу оставалось? Ждать Гиллеберда? Мы стены подняли бы еще выше!.. Что делать будем, ваша светлость?

— Не думаю, — сказал я, — что с Гиллебердом большой отряд. Он узнал только о падении столицы и пока еще рассчитывает возглавить войско Ярдширского. Как стратег, наш благороднейший герцог в подметки не годился такой сволочи, как Гиллеберд, что мы и доказали с блеском. Так что король без армии нам не страшен... если не выкинет какого-либо финта.

— А если все-таки?

Я вздохнул.

— Надо свой выкинуть раньше. Сколько ему добираться сюда?

— Думаю, через неделю может оказаться здесь!

Я выдавил на лицо беспечную улыбку.

— Неделя — это вечность, как говорят мудрые светлячки, сам слышал. Мы успеем достойно встретить Его Величество, мало не покажется.

Озабоченность покидала их лица, очень уж Гиллеберд нагнал на всех страху и убедил в своей исключительной победоносности, но в то же время видят мою готовность оборвать этим слухам крылья, как муравьи обрывают их мелким мухам.

Глава 12

Я разложил на столе карту Турнедо, сэр Вайтхолд суетливо тыкал пальцем с обгрызенным ногтем, указывая и объясняя что знал, то есть, сумел найти Савуази, а еще указал на синюю извилистую линию и сообщил, что это вот река.

— Король может пойти этой дорогой, — сказал я, — этой... и вот этой... Вообще-то у нас хватит сил, чтобы выставить заслоны везде, сейчас город уже не требуется так уж оборонять...

— Притихли, — согласился барон Саммерсет. — Раз уж сам герцог Ярдширский сложил голову.

— У них осталась надежда, — возразил виконт Рульф.

— Разве? — усомнился сэр Клемент.

— Королевская армия, — пояснил Рульф.

— Не станет же Гиллеберд, — сказал барон Саммерсет, — возвращать ее к столице, когда на плечах сидят армии Барбароссы и Найтингейла!.. Они же сперва захватят отставшие обозы, потом будут бить в спину и уже не преследовать, а гнать...

Я не вслушивался, внимательно рассматривал карту. Турнедо полная противоположность изломанной гористой Вестготии: почти вся из равнин, поросших добротным лесом, здесь лучшая во всех известных мне королевствах пшеница, реки полноводные и неспешные, в озерах полно рыбы, потому дороги прокладываются не там, где можно протиснуться, как, к примеру, между Ундерлендами и Сен-Мари, а по прямой. А неторопли-

вые изгибы наворачивают, обходя слишком уж густые леса, или когда выбирают, по какому из мостов перебраться на другой берег.

— Хорошо, — сказал я бодро, хотя, конечно, никакой ясности, но лорд должен выглядеть всегда уверенным, как сытый бобер, — все понятно, все весомо, зримо, как на берегах Рима... Проедусь-ка чуть вперед, взгляну, где Его Величество со своим отрядом намерены... приблизиться. А вы тут поменьше плясок на столах, ясно?

Сэр Вайтхолд вскрикнул:

— Ваша светлость!

Все тревожно зашумели, а барон Саммерсет, как наиболее знатный из всех моих военачальников здесь, представитель богатейшего и многочисленного влиятельного рода, сказал важно:

— Можно, но только с большим отрядом телохранителей!

Я сказал с чувством:

— Я тоже вас люблю и беспокоюсь за вас, други мои верные и преданные. Но, сами понимаете, с отрядом буду я весьма скован в передвижениях.

Виконт Каспар пробормотал:

— Конечно, ваша собачка — лучший из телохранителей, но она одна...

— Я просто удеру, — заверил я. — Как только увижу опасность — удеру, обещаю. Для политика совсем не стыдно удрать, заверяю вас. Политики всегда удирают от сложных проблем, а когда их кто-то решает, приписывают успехи себе.

Бобик встретил меня у выхода из зала, будто подслушивал и теперь назойливо напоминает, что без него ну никак!

— Хорошо, морда, — сказал я. — Ты с нами. И вообще... что я без тебя? Сирота.

Он прыгал вокруг меня, отпихивая всех, до самого

выхода, похожий на молодого слоненка, вообразившего себя тушканчиком. Арбогастр вышел из конюшни спокойный и почти сонный, конюхи опасливо держат на растяжке.

Я проверил, все ли в седельной сумке на месте, затянул перевязь с луком за плечами потуже и готовился вспрыгнуть в седло, как подбежал запыхавшийся сэр Каспар.

— Ваша светлость!.. К вам тут прибыли...

— Кто?

— Из Ханкберка, — сказал он быстро. — Это город тут недалеко. С просьбой, как я понимаю.

— Просьбы, — ответил я с сомнением, — это хорошо. Когда просят, это как бы понимают и признают, кто есть кто. Только не попросили бы нас убиться о стены...

Он сказал с угрозой:

— Да я таких сам... за ноги и об угол!

— Пусть войдут, — разрешил я.

Стражники отворили ворота королевского сада, вошли четверо богато одетых горожан, по три пары теплых одежд на каждом, это для важности, много меха, а на груди у всех золотые цепи в несколько рядов, молчаливое напоминание о занимаемых должностях и месте в обществе.

А еще с ними достаточно молодая женщина с красивым решительным лицом и плотно поджатыми губами. Платье на ней темно-фиолетовое, платок на волосах такого же цвета, декольте достаточно глубокое, но ничего не рассмотреть из-за обилия жемчужин на ожерелье в пять рядов, хотя вон сэр Вайтхолд вздохнул и облизнулся, значит, что-то да увидел.

Вошедшие грузно преклонили колени и опустили головы, выказывая покорность и смирение, а женщина присела в глубоком поклоне и тоже застыла, вперив взгляд в землю.

Я выждал достаточное время, так надо, сказал громко:
— Можете встать. Кто вы и с чем прибыли?

Все поднялись с тяжелым кряхтением, явно не воины, самый старший из них, седая не только голова, но и мохнатые кустистые брови, сказал со вздохом:

— Ваша светлость, мы из славного города Ханкберка. Это вон там, совсем рядом, видите, как блестят крыши башен за лесом?..

— Вижу, — ответил я. — И?..

— Единственная дорога к нам, — проговорил он тоскливо, — идет через Савуази. Ну, не прямо через столицу, это было бы слишком, но под ее стенами...

Я прервал:

— И что? Опасаетесь, будут обстреливать?

Он кивнул, сказал тоскливо:

— И грабить, ваша светлость. Продовольствие доставляют нам только с этой стороны!.. Город неприступен, упирается спиной в горы, через них не перебраться, справа река, слева болото, но такое удобное положение сейчас как бы...

— Превратилось в ловушку, — прервал я снова. — Все понятно. Вам стоит только признать мою власть, и никто не будет чинить вам вреда.

Они мялись, переглядывались, а женщина сделала шаг вперед и холодно взглянула мне в глаза.

— Я — леди Барбаретта, урожденная Рориконская, владею замком Фармотье, вокруг которого образовался город. И чувствую за него ответственность, потому я здесь.

— Леди Барбарелла? — переспросил я.

— Барбаретта, ваша светлость!

Я отмахнулся.

— Да ладно, все равно из древних варваров, видно по имени. Наверно, можно сокращенно — Барби?.. Нет? Ну ладно, пусть Барбаретта, нам все равно, не в имени женском дело...

Сэр Вайтхолд ошарашенно переспросил:

— В чем-чем?

— Не в имени, — повторил я отдельно. — А в чем, сами разбирайтесь. Что вам, сэр Вайтхолд, все время что-то непристойное чудится? Вот захватим их город, сами прочувствуете, в чем. Так что вы хотите, леди Барбаретта?

Она сказала с некоторым вызовом:

— Ваша светлость, мы не можем принести присягу, мы уже связаны ею с нашим законным королем!

Я грозно нахмурился.

— Леди, я демократ, считаю людей равными перед Господом, потому не буду делать вам поблажки, как слабой и тупой женщине, вы не слабая и не тупая, это видно, я такой, и сквозь одежду вижу. Ну, не в буквальном смысле, не надо закрываться лапками, я в возвышенном, одухотворенном, я ж такой из себя весь, потому скажу честно... с какой стати буду позволять снабжение города противника продовольствием?

Она сказала резко:

— Из гуманности.

Я изумился.

— Я похож на гуманиста?.. Правда? Ну, пусть даже вы проникательно рассмотрели мою глубинную суть, задавленную мирскими обстоятельствами... но грубые законы войны, леди! Надо выбирать, я или меня... При всем своем врожденном гуманизме я не обязательно дурак, я такой же прагматик, как и Его Величество Гиллеберд, к которому питаю величайшее уважение и даже вроде бы почтение, как к достойному противнику, который научил меня плевать на все, что думает иначе. Он бы пропустил обоз во вражеский лагерь?

Она сказала быстро:

— Вы можете приехать и убедиться, в нашем городе нет войск!

— А что там?

— Только мастерские, — заверила она, — кожевенные, дубильные, красильни, шорники... Еще целая улица бронников, а так только жилые дома, где живут ремесленники, ничего больше!

— Как насчет оружейников?

— Три цеха...

Я подумал, кивнул сэру Каспару.

— Три цеха — это хорошо. Возьмите небольшой отряд для личной безопасности и езжайте с этими отцами города. Пусть остаются верными Гиллеберду, идеология ничто перед экономическим давлением, но если поймем какую-то пользу от их мастерских, то... посмотрим, посмотрим. Может быть, и пропустим. Если в городе будут наши люди.

Она отшатнулась.

— Что-о?.. Сдать вам город?

— Нет, — заверил я, — город останется вашим. Но мы можем заключить временное перемирие. Ну как после битвы, когда на поле сражения те и другие собирают раненых, в это время нельзя обнажать оружие, а обязаны даже помогать друг другу.

Она готовилась возражать, урожденная Рориконская, владеет замком Фармотье, аристократка, как не возражать, возражать надо, однако глава городского совета, что явно поднялся из простолюдинов, сказал быстро:

— Ваша светлость!

— Да?

Он поклонился:

— Мы принимаем условия перемирия!

— Вот и отлично, — заверил я. — Политика политической, а экономика экономикой, верно?

Он посмотрел на меня, на леди Барбаретту, вздохнул. Я вскочил в седло, Пес взыграл и ринулся к воротам. Сэр Вайтхолд ухватил Зайчика под уздцы и, демонстри-

руя бодрость и сноровку, бегом провел нас до самых ворот королевского сада.

— А город, — сказал он вдруг, совсем не запыхавшись, — все-таки надо захватить... Теперь я в этом уверен. Она что, правит одна?..

— В отсутствие мужа, — уточнил я. — А муж вполне мог сложить голову рядом с герцогом Ярлширским, в Армландии или от рук рыцарей Фальстронга.

— Такова наша судьба, — согласился сэра Вайтхолд.

— Потому, — объяснил я очевидное, — так часто видим женщин во главе хозяйства.

Зайчик вырвался за ворота, как стриж на волю из тесной клетки, грива стелется по ветру, пышный хвост горизонтально земле. Свежий ветер ударил в лицо, а впереди нас понесся тугой ком из крепких жил и мускулов, заскользил над землей, как тень орла, помчался изо всех сил, стараясь оторваться от нас, чтобы потом хвастаться победой.

Зайчик норовил напрямик, кому нужны эти смешные извилистые дороги, но я придержал, сказал наставительно, что если хотим понять этих глупых существ, что воюют против нас, таких замечательных, то должны и ходить их тропами...

Он негодуяще фыркнул, я пояснил терпеливо, что это знание для того, чтобы на их тропах ставить им ловушки и засады, а зачем еще? Это он понял, одобрительно фыркнул.

Пес мчится впереди, скорость на этот раз всего лишь карьерная, для кого-то это предел, для нас чуть ли не шагом, дважды проскакивали мимо сел, а один раз пришлось сбросить скорость, чтобы не затоптать крестьян посреди поля.

Вооруженные вилами, косами и дрекольем, они азартно гадели и тыкали в сторону соседнего поля пальцами.

Я остановил коня, спросил державно:

— Из-за чего, а?.. А как это понимать?

Ко мне повернулись, лица посветлели, в глазах надежда, вряд ли кто знает, кто на кого напал и с кем война, просто видят рыцаря на коне, а рыцари — это защитники, для того они и учатся владеть оружием, а не пахать и сеять.

— Ваша милость, — загадели вразнобой, — вон тама вепрь лютый прибёг снова!.. Поля топчет, жрет, гадит, землю роет... Не столько сожрет, как вытопчет...

— А еще он, — выкрикнул кто-то из дальних рядов, — катается!

— Как это катается? — изумился я.

— А так, — объяснили мне, — с боку на бок, когда совсем уже обожрется! Только что песни не поет.

— Веселый у вас вепрь, — согласился я. — И чего вы его не?..

Мне закричали снова хором, но вразнобой:

— Дык он здоровенный, как бык!.. Шкура толстая, убить никак, сети рвет, ловчие ямы чувствует, не попадает!.. А всех, кто выходит с оружием, покалечит, ваша милость!

Я огляделся с седла.

— Где он, говорите?

Все начали тыкать пальцами в сторону поля, где в самом деле высокая пшеница полегла длинными полосами.

— Вон там эта сволочь, ваша милость!

Я сказал бодро:

— От нас не уйдет. Бобик, ищи, но в драку не лезь. Сейчас посмотрим, что у вас тут за поросенок резвится...

Мужики заволновались, один выкрикнул с надрывом:

— Да уж, ваша милость, защитите нас!..

— Смилуйтесь! — прокричал другой.

— Мы ж платим налоги, — крикнул третий о самом главном.

Я сказал важно, чувствуя себя совсем не рыцарем, а не знаю кем, хозяйственником, наверное:

— Ну, если налоги, тогда а как же...

Бобик поднял нос, понюхал воздух и ринулся по прямой в ту сторону, куда показывали мужики.

Сперва я увидел широкую полосу поваленных стеблей, а пшеница — не камыш, что тут же поднимается, у нее стебли хрупкие, сразу ломаются, так что кабан в самом деле гад, нашел где резвиться...

А когда взгляд упал на следы, я передернул плечами, чувствуя холодок страха. Это не кабан, какое-то чудовище, кабаны не вымахивают размером с быков. Кабан и обычных размеров — опаснейший зверь, не одного короля задрал на охоте, а уж герцогов и графов вообще не счесть.

Я сперва поднял руку к плечу и пощупал лук Арианта, потом сунул ее в мешок, вытащил малый арбалет и взвел тетиву. В сотне шагов впереди вдруг раздался громовой рык, сто львов не смогли бы так потрясти небо и землю.

Взметнулось нечто ужасное, под ногами вздрогнуло, а там на ужасающих размером чудовище Бобик впился зубами в холку, вцепился всеми четырьмя.

— Дурак! — заорал я. — Он же тебя раздавит!

Но кабан даже не попытался упасть и повалиться на спине, чтобы раздавить докучливое насекомое. Увидел меня, дико всхрипнул и ринулся с такой скоростью, что и арбогастр мог бы позавидовать.

Вообще-то остановить вепря невозможно, разве что крепостная стена вырастет на дороге, все отпрыгивают, а он слишком тяжел и быстр, чтобы резко остановиться, но, проскочив, разворачивается моментально, и тут уж охотники всегда наедине со смертью...

Я моментально прицелился ему в грудь, но палец так и не нажал на спусковую скобу, какая там грудь, весь кабан — это одна чудовищная голова, за которой там сзади небольшое такое туловище...

Арбогастр отпрыгнул в последний миг, вопрь пронесся рядом, задев боком сапог, в десяти шагах затормозил, упершись всеми четырьмя и пропахав глубокие борозды, развернулся для новой атаки...

Я выстрелил, болт ударил в левый бок точно в момент поворота, кабан всхрюкнул и ринулся на меня.

Мы с Зайчиком ждали, когда добежит ближе, готовы отпрыгнуть, однако вопрь двигался все медленнее, начал пошатываться, в трех шагах от нас копыта подогнулись, передние ноги изломились в коленях, он сунулся рылом в землю и тяжело упал на левый бок, закрывая жуткую рану.

Бобик так и остался сверху, вцепившись, как клещ, свирепо рычал и дергал головой из стороны в сторону, словно ухватил мелкого зайчика за холку и треплет, как тряпочку.

Глава 13

Крестьяне все так же осторожно держатся вдалеке, но когда увидели огромного черного пса сверху на поверженном гиганте, начали осторожно, пугливо останавливаясь на каждом шагу, двигаться в нашу сторону.

А из лесу выметнулись на опушку всадники в ярких одеждах знати, кони в мыле, храпят дико, глаза выкачены, бока ходят ходуном, за ними на таких же заморенных лошадях с десятков то ли слуг, то ли стражей, у всех в руках длинные пики.

Заметив крестьян, а потом меня, восседающего на громадном черном коне, повернули в эту сторону. Кто-

то из них вскрикнул и указал на Бобика, что свирепо терзает сраженного вепря.

Все с криками ринулись в нашу сторону, но чуточку придерживали коней, чтобы дать вырваться вперед простоволосому рыцарю с плащом красного цвета за спиной, развевается красиво и грозно, как крылья огромной хищной птицы, видна оранжевая рубашка с широкими обшлагами, хотя всадник наклонился к конской гриве.

Я ждал молча, не двигался, как и арбогастр, что как заснул, всадники еще больше придерживали коней, а их предводитель властно вскинул руку ладонью вперед.

— Стойте, кто бы вы ни были!

— А я что делаю? — пробормотал я.

Арбогастр услышал, презрительно фыркнул, еще и ухом дернул, выказывая крайнюю степень неуважения. Всадники взяли меня в широкое кольцо, но сами не отрывали взглядов от чудовищной туши вепря, дикая мощь видна даже в убитом. Бобик все еще рвет загрибок, пасть в крови, широкая струя стекает по боку кабана, под ним такая исполинская лужа крови, что почти плавает в ней, и неважно, что это из другой раны, ее не видно...

Головной всадник повернулся ко мне, я увидел бледное измученное лицо с гневно вытаращенными глазами.

— Кто вы? — прокричал он надменно и осторожно пустил коня ближе. — И почему убили дичь, за которой гоняемся вот уже трое суток?

Я ответил мирно:

— Правда, это дичь?

— Да! — крикнул он запальчиво. — Она наша!

Я поинтересовался:

— И вы за нею гонялись трое суток?

— Да!

— Хорошие охотники, — сказал я, — крепкие, выносливые...

Он нахмурился, уловив в похвале скрытую издевку, сказал резко:

— Кто вам позволил самоуправство в моих землях?

Я сказал резонно:

— Я что, мог увидеть вас за милю в густом лесу и понять, что вы за этим поросенком гоняетесь... да еще трое суток? Он выбежал из леса и топтал посевы. Крестьяне забеспокоились, я им помог, велел собачке удавить эту мышь.

Они обеспокоенно переглядывались, один даже слез и начал замерять высоту холки этого поросенка размером с небольшого буйвола, другие нервно поглядывали на Бобика. Тот весело скалился окровавленной пастью, острые как ножи зубы блестят как-то так, что даже смотреть на них совсем не хочется.

— Этот вепрь разорял пашни моего господина, — заявил всадник. — Это наша добыча!

Я сказал мирно:

— Да ради Бога!.. Стоило за нею гоняться три дня? Забирайте... Хотя, если по-честному, его нужно отдать крестьянам, как возмещение за потраву.

Из леса выехали еще трое, грузный всадник на крупном и донельзя измученном коне и двое молодых красивых воинов с красочными баннерами в руках. Он сразу пустил коня к нам, здесь все подтянулись и смотрели на приближающихся с почтением.

Явно господин, тоже с непокрытой головой, немолодой, с седыми висками и сильной проседью, издали вперил в меня недоброжелательный взгляд. Лицо массивное, суровое, надменное, настоящий удельный лорд. Даже король с такими не справляется, у них свои земли, свои законы, свой суд и свои правила.

— Кто таков? — потребовал он.

— Просто еду мимо, — ответил я. — С кем имею честь?

Он надулся, сказал резко:

— Здесь задаю вопросы я!

— В приличном обществе представляется первым тот, — напомнил я, — кто приехал или пришел. А так как я здесь уже был...

Рыцари переглядывались, несколько человек выразили на лицах предельную степень возмущения моей наглостью и опустили ладони на рукояти мечей. Те, у которых копыя, взяли их покрепче и направили в мою сторону.

Вельможа побагровел, раздулся, сказал страшным голосом:

— Я — Томас Мария Зингфильд, герцог Геранталя, властелин Астрадаля и Ахнерикса!

Я сказал примирительно:

— Наверное, это очень много, но я в самом деле еду мимо и не знаю, кто здесь чем владеет, так что мое невежество извинительно. Свинюшку можете забрать, я уже сказал вашей челяди. Моей собачке она на один зуб, а мы с конем пообедали недавно... не то львами, не то тиграми, не помню.

Он произнес с расстановкой и голосом, полным угрозы:

— Кто... вы... сэр?

Я произнес спокойно:

— Не знаю, слышали вы о таком или нет, но я... Ричард Завоеватель, как зовут меня в здешних землях. Хотя некоторые зовут меня так, что в приличном обществе... гм... но дам среди вас нет? Точно? Никто из вас не дама?

Они оцепенели, я быстро зыркнул туда-сюда, моментально схватывая выражения лиц, эти точно слышали обо мне. Даже можно предположить, что именно. Кто-то сразу еще раз посмотрел на собачку, кто-то на арбогастра, но остальные так и не отводят от меня уstraшенных взглядов.

Их лорд проговорил осевшим голосом:

— Если вы тот, за кого себя выдаете, то вы совершили страшную ошибку...

— Какую? — осведомился я.

— Мы верные подданные Его Величества, — заявил он, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал сильно и надменно, — короля Гиллеберда Фруассара!

Я спросил как можно спокойнее, хотя сердце уже стучит вовсю:

— И что?

— Любой его противник, — отрезал он, — наш враг!

В груди у меня начало колотиться слишком часто. Я подвигал плечами, чтобы не так было видно прыгающую ткань на том месте, произнес мирно:

— Но мы же не на поле боя?

— Все равно, — сказал он, впрочем, не слишком уверенно, — вы враг!.. А Его Величество будет только рад услышать, что вы убиты...

Я пожал плечами:

— Дело даже не в том, сэра Томас Мария Зингфильд, герцог Геранталя, властелин Астрафеля и Ахнерикса, что убить меня не так просто... Вы можете попытаться, если готовы, однако мстить за меня придет армия, что вытопчет поля, вырубит сады и засыплет колодцы, убьет крестьян, разрушит ваш замок и усадьбы ваших вассалов, зверски изнасилует, а потом убьет вашу жену и дочерей, насадит на пики головы ваших малолетних детей, а тела утопит в выгребной яме... Знаете ли, в нашем войске отряды горцев, настоящие звери! Не представляете, как преданны... и что здесь натворят, и как обожают сдирать кожу с живых... Думаю, на этом месте еще лет сто не будет расти трава, а в залитых кровью руинах замка побоятся селиться даже совы.

Я повернулся спиной, якобы давая возможность ударить в спину, но успел увидеть их белые лица и дрожащие губы.

Наконец за спиной раздался усталый голос этого властелина Астрафеля и Ахнерикса, полный укоризны:

— И вы таких зверей привели в нашу цветущую страну?

Я повернулся и посмотрел в его лицо, вид сломленный, но держится пока что достойно.

— Мы все звери, — сообщил я, — но вера в Господа делает нас людьми. А моих горцев еще и вера в меня... Если погибну, тогда да, озвереют больше, чем вы думаете. А пока рука Господа держит их в крепкой узде под моим началом.

Все смотрели на меня с ненавистью и страхом, поглядывали на своего предводителя, наконец он пожевал губами и осведомился:

— И что вы намерены... здесь делать?

— Это отныне мое королевство, — ответил я любезно. — Столица в моих руках, там уже налажена мирная жизнь. С севера подходит многочисленная рать короля Фальстронга, с юга наступают несметные войска королей Барбароссы и Найтингейла... Да, вы правы, в Шателлене мало войск, зато следом за ними идут настоящие звери с настоящего Юга!.. Я имею в виду исполинские рати, под тяжестью которых дрожит и стонет земля, из королевств Сен-Мари и Вестготии!.. Думаю, никто из вас не предполагал, что так все обернется?

Он плотно сжал губы, лицо побледнело.

— С Юга?

— Да, — подтвердил я злорадно. — Гайдерсгейм населен одними варварами, вы могли уже слышать от торговцев, ваши прибыли туда первыми. Так вот тамошние дикари охотно откликнулись вторгнуться сюда, разграбить все, а народ увести пленными в свои грязные аулы... если, конечно, мне будет оказано сопротивление.

Они переглядывались, даже яркие плащи за их спинами поблекли, и я хорошо понимал, что это те самые герои, которые предпочли охоту военным забавам и не

пошли с королем Гиллебердом в якобы такой легкий и быстрый поход на совсем не защищенную Армландию. Но вот теперь война может прийти к ним. И совсем не такая, какую обещал Гиллеберд.

Первым снова заговорил герцог, гонор перед своими надо держать, но и не зарываться, потому что об этом Ричарде Завоевателе идет жутковатая слава:

— И что же делать нам?

Голос его прозвучал вроде бы спокойно и даже как бы чуть насмешливо, дескать, сами знаем, но готовы послушать, однако я уловил страх и тревогу.

— Сюда скачет король Гиллеберд, — сказал я, и они все сразу насторожились. — Войско его разбито, он удирает в панике с небольшим отрядом, но вам этого, конечно, не скажет...

Герцог воскликнул:

— Король? Быть этого не может!

— Такая вера в короля похвальна, — сказал я. — Завидую Его Величеству и сам буду добиваться такой же. Хотя... в меня вообще-то верят, чего это я заскромничал? Но я сказал правду.

— Мы о таком не слыхали, — проговорил он.

— Король этого и не скажет, — ответил я. — Или вы совсем не знаете своего короля, а знаете только то, что он показывает. Хотя... кто из нас делает иначе?

— Но он не может удирать!

— Еще как может, — сообщил я. — Только и это не поможет. В столице его уже ждет моя победоносная армия...

— Король разбит? — повторил один из рыцарей, самый тугодумный, могучий исполин с тяжелой нижней челюстью. — Этого не может быть! Король и вдруг...

— Этого не ждал и сам Гиллеберд, — согласился я. — Но разве кто-нибудь из вас ждал, что на Турнедо, защищая маленькую Армландию, обрушатся силы трех... нет,

пяти королевств только с южной стороны?. Каким бы ваш король ни был стратегом, но ему не одолеть объединенные войска королевств Фоссано, Шателлена, Сен-Мари и Вестготии... да еще и сама Армландия выставила неплохой отряд, с которым я захватил столицу!.. А уж когда придут варвары Гандерсгейма...

Я говорил злорадно и зловеще, почти сам поверил в такую мощь, и герцог совсем завял, как и его рыцари.

— Будем драться, — сказал он со вздохом. — Видит Бог, будем драться за свои земли, за своих людей, за жен и детей.

— Мужественное решение, — одобрил я. — Только можно поступить еще мудрее. Когда король промчится мимо... вы можете дать ему провизии, накормить коней, но не советую отправлять с ним людей...

— Почему?

— Все погибнут, — честно ответил я. — Война, знаете ли, быстрее заканчивается, и меньше всяких-разных жертв, когда... зверствует и беспощадствует. Если живых после битвы не остается, другие предпочитают в сражения вообще не вступать. Ну, вы поняли...

Он кивнул, лицо темное, взгляд отвел, что значит, да, понял, только стыдно за такое понимание, все-таки рыцарь, а не просто человек.

— Вы жестокий человек, Ричард Завоеватель...

— Война по гуманным правилам длится дольше, — объяснил я. — Сам недавно такое понял, вот и с вами делюсь мудростью. И потому убитых больше, умерших, казненных, замученных... В общем, когда король скроется из виду, благоразумно будет вывесить на главной башне мой стяг.

Он вскрикнул в негодовании:

— Что?

— Тогда замок, — объяснил я, — и земли останутся за вами. И ваши вассалы тоже. Когда тут будет проходить

армия короля Барбароссы или любая другая союзная, вас не тронут, так как эти земли будут под моей юрисдикцией.

Он пыхтел, наливался дурной кровью, но я видел, как в его глазах мелькают всякие там мысли и мыслишки вроде того, что стяг можно вывесить, а когда Его Величество Гиллеберд все-таки разгромит захватчиков, можно и снять...

— Мы подумаем, — произнес он враждебно. — Все обсудим. Сэр Ричард, вас больше не задерживаем!

Я усмехнулся, приложил два пальца к виску и повернул арбогастра на север. Земля сперва поплыла под его брюхом, а потом замелькала и слилась в серую полосу. Хотя уже можно бы и не таиться, о моем коне ползут всякие слухи, многие видели вдали стремительно проносящегося всадника на угольно-черном коне...

Глава 14

Ветер наконец-то поднялся повыше и свирепо разогнал тучи. Соскучившееся по работе солнце с удвоенным жаром начало высушивать сырость, я через некоторое время ощутил, как его лучи проникают уже под кожу и начинают добираться до костей. Пес как будто почуял, остановился впереди у ручья и жадно лакает с таким наслаждением, что слышно на половину королевства.

Я остановил арбогастра, вода выглядит чистейшей, ручей широк, почти маленькая речка, не всякий перепрыгнет даже с разбега.

— Освежимся, — решил я и соскочил на землю. — Пейте, только зубы не застудите... Зайчик, ты же умный, тебя не надо остужать, надеюсь?

Он фыркнул презрительно, зашел по ручью повыше Пса и тоже принялся пить. Я усмехнулся, кони гораздо

требовательнее к чистоте воды, чем собаки. Мутную пить не станут, даже чистую пьют так, будто брезгают, а когда увидят на воде крошечный листок или соринку, то фыркают и дуют на нее, чтобы не мешала.

Я зашел еще выше, арбогастр покосился недовольно, но спорить не стал: а я не стал мутить воду конечностями, деловито сел у самой воды, расставив ноги, и осторожно поднес ладони к поверхности ковшиком.

Человек должен пить по-человечески, а не зверячески, но руки мои застыли, а по телу прошел холод. Из глубины отчетливо смотрят глаза... затем проступило женское лицо. Водяные струи уплотнились и образовали волосы.

Отшатнувшись, я смотрел ошалело, а поверхность воды натянулась, словно тончайший шелк, начала медленно подниматься, оформилось прекрасное женское лицо, настолько прозрачное, что если бы не примесь зеленоватости, я бы и не рассмотрел, появилась тонкая шея, дивной формы изысканные ключицы, красивые покатые плечи, нежная девичья грудь, изящный животик и тонкий стан...

Лицо менялось, глаза стали крупнее, нос тоньше, а губы более пухлыми, в то время как щеки слегка втянулись, челюсти чуть выступили вперед. В лице появилось нечто от ящерицы, но очень аристократической ящерицы, сразу вспомнились утонченные длинноногие эльфийки...

— Здравствуй, герой, — произнесла она самым нежным голосом, какой я когда-либо слышал, похожим на шелест весеннего ветра, но различаемый отчетливо. — Ты остановился в безопасном месте...

— Надеюсь, — пробормотал я. — А ты кто? Троль?

В ее крупных и слегка выпуклых глазах проступило удивление.

— Троль? Разве так говорят о своих богах?

Я ответил осторожно:

— Вообще-то у меня уже есть...

Она оставалась по пояс в воде и даже когда двигалась, круги от нее не расходятся, отчего у меня сердце стучит все встревоженнее.

— Кто, Кенанцекотл или Унагиндина?

Я сказал еще осторожнее:

— Ни тот ни другой. А что, могут только эти два?

— Речных, — ответила она, — да.

Я покачал головой.

— Знаешь, у меня голова слабая... насчет памяти. Чтоб не запоминать слишком много богов, я избрал одного. Общего. Так проще.

Она засмеялась.

— Правда? Очень интересно. Вы вообще интересные все трое. Я никогда не видела, чтобы вот такие Пес, Конь и Человек... вместе.

Я поинтересовался осторожно:

— А что... из ручья увидеть можно много?

Ее огромные глаза смеялись, она все больше становилась похожей на женщину, которая старается понравиться мужчине.

— Этот ручей дальше становится рекой. Она бежит через многие земли, вы их называете королевствами, хотя я так и не поняла, что это, через леса, пустыни, степи и даже горы. И все, что видит река, вижу и я.

Я присвистнул.

— Нехилый объем информации! Правда, в основном, мусор, но можно отловить что-то и весьма. Даже зело. Наверное, можно.

Она опустила руку в воду, я видел, как шевелила там пальцами. Пес подошел и тоже смотрел очень внимательно. Она засмеялась, что-то ухватила и бросила на берег. Пес поймал на лету и с довольным урчанием лег, за-

жав в лапах крупную толстую рыбу с выпученными глазами.

— Спасибо, — сказал я, — от его имени.

— Пожалуйста, — ответила она. — А тебя какой голод мучит? Не тот ли, что всех мужчин в дороге?

— Я справляюсь, — ответил я скромно.

Она сделала большие глаза.

— Зачем?

— Тебе не понять, — сказал я с достоинством. — Я христианин! Мы должны преодолевать соблазны.

— Зачем? — повторила она в недоумении. — Не лучше ли поддаться? Соблазн сразу перестанет мучить...

— Тоже вариант, — признал я. — Хотя это же и отговорка. Хи-и-итрая! Мы всегда ухитряемся себя оправдывать, интеллект развиваем. И чем мы развитее, тем больше у нас отговорок, и тем изощреннее и убедительнее. Так и наступает век развитого общества, когда все знают, как надо, но поступают, как кому хочется.

Она беспомощно хлопала длинными ресницами.

— Неужели... правда?

— Мы же культурные люди, — сказал я гордо.

Она поднялась выше, уже и дивной формы бедра покинули ручей, мне пришлось задирать голову, чтобы смотреть ей в лицо. Она поняла, опустила и легла у моих растопыренных ног, ее длинные и стройные конечности остались в воде, я отчетливо видел ягодицы, выступающие над поверхностью, а еще она иногда задирала ноги, показывая, что ступни у нее вполне человеческие.

Ее глаза, слишком прекрасные, чтобы я видел в них мысль, предостерегающий холодок давно исчез, никакой угрозы, а полные губы раздвинулись в чуть-чуть насмешливой и дразнящей улыбке.

— И все-таки ты спешил у моего ручья, — произ-

несла она, — чтобы утолить свой жар. Так что же тебе мешает... кроме страха?

— Страх? — возмутился я. — Разве что страха раздавить тебя! Ты же вон вся хрупкая, прозрачная... Пленка поверхностного натяжения не так уж, думаю, прочна...

Ее глаза стали темными и загадочными.

— А ты проверь... Если твой страх не мешает... Или мешает что-то еще?

— Я гуманист, — ответил я твердо, — никаких предубеждений перед расовой принадлежностью, религией, вероисповеданием, отправлениями! Я имею в виду, отправления культа! Я, знаешь ли, даже толстых и жирных свиней называю, как истый толераст, людьми с несколько избыточным весом! Идиотов в духе гуманизма я зову людьми с оригинальным складом ума, а дур вообще никак не называю, дуры — это хорошо, это замечательно для упорядоченного и стабильного общества! Если бы не дуры, вообще бы жизни не было...

Она протянула руку и тихонько взяла меня за кисть. Прохладные пальцы показались такими ласковыми и нежными, что я только вздохнул и смотрел, как она поглаживает мою руку, сперва до локтя, потом попробовала дотянуться выше, но не получилось, я хотел помочь вылезти из воды, однако она покачала головой:

— Нет...

— Что, не можешь из воды?

— Не могу, — шепнула она, — покидать свою реку.

— А если, — спросил я, — кто-то попытается тебя вытащить силой? Ты... умрешь?

Она снова покачала головой.

— Уже пытались. Не раз.

— И что?

Она ответила тихо:

— А ты пробовал вытащить на берег... реку?

Холодок прокатился по моей шкуре, спинной мозг

запоздало сообразил, с какой мощью имею дело, но спинной всегда умный потом, на лестнице, так и сейчас уже запоздало понимаю, но уже не могу отказаться и попятиться, сам сполз на заднице по траве.

Вода поднялась до колен, ундина легла мне на грудь, прохладная и нежная. Я осторожно трогал ее всю, ощущение такое, что нет и не может быть костей, везде прозрачная вода, каким-то образом удерживаемая в такой форме. Могу воткнуть пальцы так, что почти протыкаю насквозь, однако там все возвращается на место, едва прекращаю нажим.

Она подняла голову и посмотрела мне в лицо долгим взглядом. Я наклонился к ее губам, она тихо поцеловала меня. Мое сердце застучало еще чаще, прикосновение было чистым, прохладным и сладостным, словно поцеловал ребенок.

— Ты горячий, — прошептала она. — А мне так же сладостен твой жар смертного существа...

— Как и мне твоя прохлада, — шепнул я.

Она обхватила меня нежными мягкими руками, опустила голову на грудь, где мое сердце стучит часто и сильно, подбрасывая ее голову короткими толчками.

— Как хорошо, — шепнула она.

— Ладно, — сказал я тоже тихо, — один раз не в счет... А за прошлые уже покаялся.

Она не шевелилась, прислушиваясь к тому, что происходит с моим телом, а я перестал сдерживать свое язычество, надо же быть толерантным, обнял ее, сдавил, и дыхание мое пошло чаще и жарче.

Бобик сожрал рыбину, сам поймал еще с полдюжины, даже коня старался накормить, но тот брезгливо фыркал и отворачивался.

Мы с ундиной лежали, не расцепляя объятий. Я старался не опускать взгляд ниже ее пояса, прекрасное тело да останется таким же прозрачным и незамутненным, как и в тот момент, когда она поднялась из воды.

Она приподняла голову и снова посмотрела в меня из-под припущенных зеленых ресниц тихо и загадочно. На полных и еще более вздутых и покусанных губах проступила слабая улыбка.

— О чем ты думаешь?

Голос ее звучал нежно, но я услышал в нем печальную нотку.

— Что успею туда-обратно, — ответил я. — А к вечеру буду в стольном городе. Конь мой быстр, а меня сжигает злое нетерпение.

Я услышал тихий глубокий вздох.

— Да, конечно, герои должны идти дальше.

— Что делать, — ответил я с неловкостью.

— Такова ваша суть?

— Видимо, — ответил я. — Прости...

Она отодвинулась от меня, огромные прекрасные глаза влажно блестят, руки опустила мне на грудь, я замер, отдаваясь этому нежнейшему прикосновению пальцев.

— Иди, — произнесла она наконец с болью в голосе. — Иди... и не оглядывайся! Иначе... иначе я умру.

Оглянуться меня подмывало, раз она такая могучая, надо было попросить насчет реки, вряд ли ей трудно сделать ее непроходимой если не везде, то хотя бы в том месте, где будет форсировать вброд войско Гиллеберда.

Для этого не надо ничего особенного, просто пустить более быструю струю с нашей стороны берега, чтобы стал обрывистым, никакая конница не взберется, для речной богини это всего лишь шевельнуть пальчиком.

Да, Гиллеберду пришлось бы умыться, а я снова показал бы себя настоящим стратегом, вожаком и все такое, но что-то не давало мне раскрыть рот все время общения, хотя я пытался, честно пытался, и только сейчас вот сообразил, что.

С гномами у меня был торг, и даже с эльфами деловая сделка. Они почесали спинку мне, я почешу им, все почестному. А здесь буду выглядеть, как альфонс какой-то...

Никто не узнает, сказал я себе, а сам с собой я всегда договорюсь, не совсем же я дурак, всегда найду весомые и правильные доводы!

Я наконец-то оглянулся, однако между нами уже вклинился небольшой гай с роскошными кленами, я вздохнул и снова начал повторять старые доводы и отыскивать новые, достаточно весомые, чтобы вернуться и попросить ее сделать так-то и так-то, находил, находил не просто весомые, а совершенно убийственные, однако почему-то не срабатывали.

Черт, не могу понять, почему, почему не могу вернуться и просто попросить?

Дорога дважды огибала такие милые и уютные рощи, что я просто не мог понять, ну почему давать кругалю, когда можно насквозь, деревья стоят редко, зато там тень от солнца и защита от неприятного ветра...

Однажды вот так между двумя рощами увидел синий дымок костра, с высоты седла рассмотрел там пару чахлых кустов, кто-то из путешествующих вот так же устранился остановиться даже на опушке рощи, а расположился на солнце и ветру, под защитой полусухого кустарника...

Пес бросился вперед, зарычал, шерсть поднялась дыбом, мышцы вздулись и стали втрое объемнее.

— Назад! — велел я резко.

Он остановился, но не попятился, а повернул голову и смотрел на меня с угрюмым укором, глаза налились кровью, а верхняя губа подрагивала, открывая клыки.

— Не вмешиваться, — сказал я. — Сам разберусь. А то и так говорят, что вы умнее хозяина и всё за меня делаете... Еще бы королевством рулили...

Костер, уже наполовину погасший, прогорают даже

угли, по ту сторону сидит, нахохлившись, как выпавший из гнезда птенчик, только пытающийся учиться летать, голодный и несчастный, девчушка.

Я соскочил на землю, велел Бобику сидеть и не двигаться, приблизился медленно, разводя руки и показывая, что в них ничего нет.

— Не бойся, дитя... Ты почему здесь одна?

Она посмотрела на меня исподлобья, покосилась по сторонам, но никто не подсказывает, как себя вести, и проговорила тоненьким голоском:

— Они пошли вон в тот лес за хворостом... И еще сказали, чтобы я ни с кем не разговаривала.

— Но их нет, — сказал я, — а то бы я говорил с ними. Как тебя зовут?

— Келя...

Я всматривался в замурзанное, но очень миленькое, почти детское личико, с чистой свежей кожей, длинные золотые волосы в крупных кудряшках, а еще в них умело заколота большая белая роза, символ невинности, и только большие глаза кажутся не по-детски серьезными.

— Я хочу есть, — пожаловалась она, — и мне страшно... Возьми меня на ручки!

— Сейчас-сейчас, — сказал я.

Я присел возле костра, вытащил стрелу из колчана и пошевелил ею угли. Там затрещало, слабые огоньки появились на багровых боках, начали лизать веточки, стало чуть светлее.

— Как ты думаешь, — поинтересовался я задумчиво, — почему всякий раз девочка?.. Мальчика не так жалко, что ли? А ведь и вправду не жалко. Нет, жалко, но не так, как девочку. Мальчики как бы для того и предназначены, чтобы красиво погибнуть чуть позже, а девочка погибнуть не должна...

Она спросил непонимающе:

— Ты о чем?

— И в лесу, — продолжил я, — чаще навстречу с криком «Спасите!» бежит женщина... обязательно юная и цветущая, такая испуганная и трепещущая, что сразу хочется ухватить ее в объятия и прижать к груди. Поглаживая и успокаивая... гм... хотя откуда там взяться женщине, в лес обычно ходят мужчины, на охоту или за деревом...

Она нахмурилась и смотрела на меня с вопросом в глазах. Черная радужка с угольным блеском начала быстро расти, расползаться на все глазное яблоко, и через несколько мгновений глаза стали чернее египетской ночи.

Нежный рот с пухлыми губами стал ярко-красным, предельно красным, словно кровь ее жертв еще свежа. Ее взгляд упал на стрелу в моей руке, губы насмешливо изогнулись.

— Ты такой осторожный, — произнесла она все еще детским голосом, однако в нем появились и чувственные нотки, — или такой чуткий?

— Я чуткий и нежный, — сказал я, — а еще и осторожный, мудрый, красивый, но тебе это все равно, верно? Гиены и трусов и храбрецов жуют без лишних затей...

Она проговорила медленно и раздельно:

— Ты чуткий... но все равно ты дурак!

Я не успел даже глазом моргнуть, как она ринулась ко мне бесшумно и стремительно, как пикирующая в ночи намышь сова. Я шатнулся в сторону, а моя рука с зажатой стрелой дернулась вперед, словно по ней сзади с силой ударили в локоть.

Вампирша страшно вскрикнула, ухватила обеими руками за живот, там вспыхнул огонь вокруг вбитой почти по оперение стрелы, запахло горелым мясом.

— Кто... ты?

Сердце мое колотится, как у зайца, но ответил я достаточно ровно:

— Не дурак... как ты убедилась.

Она упала навзничь, хваталась горящими пальцами за древко и снова отдергивала, не в силах выносить боль еще более мучительную, стонала, выла, корчилась. На лице впервые отразились страх и отчаяние.

— Ты... знал?

— Предполагал, — ответил я, — но презупенция невиновной девственности, как сама понимаешь, главенствует... Вообще-то я бы не стал, хоть и понял, кто ты... надо бы, но что-то война перестает мне нравиться... Достойных людей убиваю пачками. А тут, думаю, дай хоть вампиршу пощажу...

— Что ж... не пощадил?

— А ты мне дала шанс?

Она прохрипела, захлебываясь кровью:

— Но как... как простая стрела...

— Не простая, — уточнил я. — Вещи многое перенимают от хозяина.

Она в агонии застучала руками по земле, лицо исказилось.

— Ты...

— Паладин, — согласился я. — А паладины особенно хороши против нечисти.

Я сунул стрелу обратно в колчан Арианта, поднялся. Из земли стремительно проросли хищные стебли, некоторые пробили ее тело, словно уже превращается в мягкое желе, оплели и начали тащить в землю.

Бобик поворачивал голову с боку на бок, глаза стали очень серьезные и понимающие. Арбогастр нетерпеливо топнул копытом.

— Да-да, — сказал я, — думаю, уже близко! Идем.

Часть 2

Глава 1

Далеко в степи блеснули искры, я сразу же остановил Зайчика, едва не перелетев по инерции через голову. Этот гад умеет вот так на любой скорости, приседая, как пес, и упираясь вытянутыми вперед всеми конечностями. В мягком грунте остаются за нами четыре глубоких борозды, а если на каменистом, то инерция заносит меня, как бы я ни цеплялся за седло, по шее ему на голову.

— Свинья ты, — сказал я в сердцах, — а никакой не арбогастр!

Он довольно фыркнул, странное чувство юмора, да и Пес смотрит хитро, сговорились, два кабана поганных.

Искры заблистали чаще, там желтое пыльное облако в безмятежности синего неба и зеленой степи, только извилистая пробитая дорога напоминает о людях, и облачко пыли движется именно там.

— Зайчик, — сказал я негромко, словно меня могут услышать на таком расстоянии, — давай-ка вон в тот лесок...

Там не лесок, но два десятка деревьев в стороне от дороги, можно схорониться, и через полчаса я уже видел оттуда, как отряд примерно в две сотни человек мчится с севера, впереди легкие всадники, дальше тяжеловооруженные рыцари, но во-

обще-то их не много, странно, ни одного знамени, ни стяга, ни даже баннера.

Я всматривался изо всех сил, голова закружилась приближать фигуры и всматриваться в лица, однако Гиллеберда среди них нет. Зато есть странное ощущение, что они все на одно лицо...

— Колдовство, — проговорил я в дурацком изумлении, как будто впервые узнал о таком явлении, — вот гад! Даже здесь настороже, сволочь...

Они прогрохотали мимо, кони измучены, хрипят, роняют желтую пену. Позади слуги и оруженосцы с запасными конями, ничего, кроме седел, даже мешков, рассчитывают соединиться с герцогом Ярлширским, перевести дух, выспаться и с новыми силами ударить на безумца, сумевшего как-то влезть в их святой город.

Мы не успели покинуть свое укрытие, как они там вдали свернули с дороги, начали торопливо расседлывать коней, водить их по кругу, давая остыть, посреди стоянки быстро поднялся небольшой походный шатер.

Я прикинул, что если пронестись вихрем через их лагерь и успеть нанести удар, теперь-то знаю, где Гиллеберд, пусть даже и укрылся под чужой личиной, то могу и успеть...

...с другой стороны, в шатре можно оставить двойника, а самому спать в окружении воинов у костра, с него станется, осторожный и выносливый гад, и тогда я рискну головой зря.

Но и это не самое худшее, Гиллеберд на такие случаи может заготовить и ловушку, он всегда перестраховывается.

Я взобрался в седло, Пес посматривал в недоумении, а я все всматривался и прикидывал, но странное ощущение близкого поражения остановило в момент, когда я уже открыл рот и собирался послать арбогастра в атаку.

— Шалишь, — пробормотал я и почувствовал, что это

я сам себя взял и одернул, как драчливого щенка. — Гиллеберд стандартные трюки все предусмотрит...

Бобик смотрел с вопросом в больших честных глазах, собаки не умеют прикидываться, за что их и любим, я взмахом длани послал его обратно в сторону невидимого отсюда Савуази.

— Поступим совсем не по-рыцарски, — объяснил я. — А вот возьмем и сбежим! Без драки.

Он подпрыгнул и попытался лизнуть меня в нос прямо в седле, мол, он все равно любит меня, храброго и трусливого, богатого и бедного, здорового и больного, и никогда меня не оставит. И всегда будет драться за меня...

— И я тебя люблю, — прошептал я. — Ну а теперь... без остановок!

Погода на редкость прекрасная, и если бы не мощный встречный ветер, что продувает до костей, я бы еще и заметил красоту мест, по которым проскакивал, как голодный по коридору на кухню, а когда вдали проступили из серого марева неба и начали прорисовываться башни Савуази, я ощутил веселую злость и азарт.

На воротах усиленная охрана, лучники и арбалетчики наверху за высоким каменным бортиком, внизу закованные в тяжелые доспехи ратники, копейщики и двое конных.

Я издали вскинул руку, прокричал:

— Хорошо-хорошо, бдите!

— Спасибо, ваша светлость, — прокричали они мне в спину. — И вам здоровья!

И все-таки заметно, что город захвачен нами, а не получен в подарок. Сопротивления заметного нет, но смотрят исподлобья, кланяются нехотя, спешат скрыться. А если учесть, что Савуази самый крупный город из ви-

денных по эту сторону Хребта, то нас здесь вообще горстка. Но это пример, как горстка вооруженных и, главное, спаянных и объединенных одной идеей людей может помыкать массами.

Дворец Гиллеберда вообще окружен стражей, не протиснуться, костры горят прямо на мостовой, на площади разбиты два шатра с гербами Армландии, как грозное напоминание, что ходить за шерстью в другие страны — смертельно опасное занятие.

Перед нами поспешно распахивали ворота, с саду с дороги отпрыгивали незнакомые люди из местных, а у ворот дворца слуги перехватили повод Зайчика с радостными криками:

— Ваша светлость, поводить?

— Да он не запалился, — ответил я, — хотя да, поведите. Пусть погуляет.

У дверей дворца меня встретил угодливо кланяющийся Бальза, заметно похудевший за последние дни, но все такой же розовый, щеки обвисли еще ниже, а из восьми подбородков осталось всего семь.

— Ваша светлость, — прокричал он угодливо и поклонился так низко, что едва не разбил лбом мраморный пол, — работа во дворце восстановлена уже почти везде...

Я кивнул.

— Хорошо. Работай дальше.

И прошел мимо, а он остался, трепещущий и согнутый, то ли надеется, что я забыл, как он принял меня в тот день, когда я впервые прибыл к Гиллеберду, то ли уверен, что я наслаждаюсь, наблюдая, как он, всесильный управитель дворца при всесильном короле Гиллеберде, ползает теперь и угодливо кланяется. Вообще-то, да, немножко есть, даже не совсем немножко, это как бы месть, но уже чувствую, что такое мелкогато, мне это как-то не совсем, надо вытравлять из себя мелочное зло-

радство, иначе какой из меня рыцарь, а уж паладин так и вовсе...

Хотя, возможно, я рыцарь и паладин не за то, что я такой весь из себя, а за мое стремление выбраться из болота низменных чувств?

— Военачальников ко мне, — распорядился я на ходу. — Занятых хозяйством не трогать, только командиров отрядов.

Слуги разбежались, только один из воинов несмело возразил:

— Ваша светлость! Они же все командиры...

— Сэр Геллермин, — сказал я наставительно, — сейчас занят снабжением нашей армии жратвой из соседних сел. Его дело даже важнее, чем воевать! Таких не тревожить.

Он поспешно поклонился.

— Да, ваша светлость. Так бы и сказали...

Через полчаса в мой кабинет входили один за другим военачальники, степенно рассаживались, зыркали ukradкой по сторонам, разглядывая роскошный кабинет Гиллеберда. Как бы у нас ни пошло дальше, но сейчас они в захваченной столице врага, и даже в кабинете самого короля, хватит рассказывать внукам и товарищам внуков...

Я не стал подниматься, как для доклада, я же курфюрст, а это значит — я сижу, все стоят, пока не изволю разрешить сесть, но сейчас мы все как бы равны, я постоянно это подчеркиваю, это побуждает остальных вкалывать больше.

— Гиллеберд в самом деле мчится к столице, — сообщил я, — загоняя лошадей.

Они слушали внимательно, ждали продолжения, я видел испуг в глазах, некоторую неуверенность в лицах и движениях, Гиллеберд сумел всем навязать мнение о своей непогрешимости и неуязвимости, но затем уви-

дел, как один за другим гордо выпрямляются, расправляют плечи.

Первым заговорил барон Саммерсет, как один из самых влиятельных в Армландии лордов:

— Ваша милость, он без войска?

— С отрядом в двести человек, — ответил я.

— Остальное оставил заслоном против войск Барбароссы?

— Верно мыслите, барон.

Он сказал приподнято:

— Каким бы великим стратегом он ни был, но двести человек против моих двух тысяч... простите, но Гиллеберд мчится к гибели.

Сэр Вайтхолд напомнил вежливо:

— Гиллеберд мчится не брать столицу, а к герцогу Ярлширскому. Если я верно понимаю его мотивы. Ваша светлость?

Я кивнул.

— И вы верно мыслите, дорогой друг. Король еще не знает о судьбе герцога. Он и его люди рассчитывают соединиться с могучим войском Ярлширского и под руководством самого Гиллеберда вернуть себе столицу!

— Наконец-то, — выкрикнул виконт Рульф и звучно похлопал ладонью в булатной перчатке по рукояти меча. — Вот это будет битва!.. Вот где настоящая слава!

— Не здесь, — сказал я. — Чтобы король не узнал о судьбе герцога, его нужно встретить пораньше и подальше от города. Там, где они никак еще не будут ждать схватки.

Виконт Каспар сказал гордо:

— Встретим!

— Гиллеберд, — предупредил я строго, — серьезный противник. Нельзя давать ему шансов!

— Не дадим, — заверил сэр Вайтхолд серьезно.

— Кому повезет его встретить, — сказал я, — пусть

немедленно вступает в бой и уничтожает без жалости всех, кто не сложит оружие.

— Ваша светлость, так и сделаем!

— И еще, — сказал я жестко и обвел всех, надеюсь, тяжелым взглядом: — Короля в плен не брать!

Наступила тишина, я уже пожалел, что брякнул такое, здесь же рыцари, благородная кость, свои не бьют братьев по классу, но теперь уже отступить нельзя, я выпятил нижнюю челюсть и посмотрел на всех с вызовом.

Барон Саммерсет пробормотал в неловкости:

— Но, ваша светлость... а если протянет меч рукоятью вперед?

Я сказал зло:

— Постарайтесь успеть раньше! Нам не нужен выкуп, у нас в руках вся страна! А если Гиллеберд останется жив, вы представляете, какая волокита начнется?.. Как вы вот защищаете рыцарей, так короли королей! И Фальстронг, и Барбаросса, и Найтингейл были бы рады, если бы Гиллеберд как-то погиб в боях, но если останется жив, к нему вынужденно будут обращаться, согласно его легитимности и короне на голове, а это значит — еще наплачемся! Да и вам не светит так уж легко пожить плодородными землями Турнедо. Гиллеберд на все будет накладывать протесты, и хотя мы победители, но тоже вынуждены будем действовать в рамках закона, потому что в мирное время закон правит всеми!

Сэр Клемент Фицджеральд, самый сметливый ввиду постоянной бедности и выросший из простого народа, сказал с нерешительностью человека, привыкшего оглядываться на мнение более знатных:

— Потому надо успеть в короткий период беззаконья.

На него посмотрели хмуро, а кто-то вообще презрительно не обращает внимания, я произнес с напускной горечью, как бы поддерживая их, а не сэра Фицджеральда:

— Потому и длятся войны, ибо многие узлы удается разрубать только во время беззаконья...

— Когда узлы не развязывают, — переспросил мудрый барон Саммерсет, — а рубят?

— Вот именно, — сказал я, — потому давайте в периоды благодатного беззаконья рубить... в смысле, решать вопросы быстро и решительно, чтобы беззаконие заканчивалось быстро... и сменялось до-о-олгим благодатным миром, в котором все вопросы решены, все поют и пляшут.

Сэр Вайтхолд помрачнел лицом, пластины на могучей груди зашевелились, проскрипели мерзко, он вздохнул тяжело.

— Тяжкая у вас ноша, ваша светлость.

Я кивнул.

— Вы правы. Сэр Фицджеральд, вы перекроете дорогу, что идет через земли местного лорда Земекрина, а вы, сэр Вайтхолд, устроите засаду в ущелье Яростных Камней. Еще Гиллеберд может пойти и дальней дорогой на Крингу... туда отправится сэр Каспар Волсингейн с его быстрыми и беспощадными горцами. Еще раз напоминаю, думайте об интересах всего королевства, о своих интересах и своих союзниках, а о себе — в последнюю очередь, как велел Христос!

Они перекрестились, пробормотали «аминь», только виконт Каспар взглянул с некоторым подозрением, вдруг да тоже читал Библию, хотя зачем рыцарям Святое Писание, мы по праву рождения знаем, что есть хорошо и что есть дурно.

Глава 2

Тэд, он же Эдвард с того момента, как я назначил его старшим по охране моих покоев, буквально сам обходится без сна, обходит караулы и переставляет их по-но-

вому, опять привел священников и заставил все окропить святой водой, прочесть молитвы, затем привел магов и с их помощью поискал остатки спрятанного в стенах враждебного колдовства, а после них еще раз притащил священников и все перепроверил на всякий случай.

— Молодец, — сказал я наконец, — ты правильно ухватил суть. Гиллеберд... его не возьмешь голыми руками.

Он сказал живо:

— Ваша светлость, я не зря это?.. А то мне говорят, что я как пуганая ворона...

— Видишь ли, — начал я объяснять, на ходу подбирая слова, — простолюдины к магии прибегают всегда, если только выпадает шанс, но рыцари, как и все сословие благородных людей, магию презирают, как орудие нечестное и потому нечестивое. Они стараются истребить как магию, так и носителей... Однако короли, следующая ступень наверх, при всем рыцарстве все же пользуются и магией, потому что сидеть на троне... гм... такое сложное дело...

Он кивнул, сказал с готовностью:

— А боги так ватще!.. Они и силой, и магией трясут землю...

— Вот-вот, — сказал я с облегчением, — все понимаешь. Гиллеберд достаточно силен в магии. Во всяком случае, я лично видел. Потому наши войска встречают его там, а ты — здесь.

Он вздрогнул, огляделся, прошептал, сильно округляя глаза:

— Ой, он что, может напрямую сюда?

Я кивнул.

— Не исключено.

— Господи, сохрани и убереги!

— Чем больше у кого-то возможностей, — напомнил я, — тем больше может нагрести себе всего, всякого и очень разного. В том числе и амулетов всяческих. У ко-

роля, как понимаешь, простор... А если магии не чуждается, что помешает стать сильнейшим? За исключением самих магов, конечно.

Он начал пугливо оглядываться по сторонам, с недоверием всматриваясь расширенными глазами в каждую тень.

— Я кроме караулов, — пообещал он, — добавлю священников. Мне уже пятерых отыскивали в селах!..

— Так уже освятил...

— Пусть сторожат вместе с солдатами, — сообщил он.

Я спросил в нерешительности:

— Не будет ли урона их сану...

— Сменять буду каждые три часа, — пообещал он. — И велю слугам приносить им в конце дежурства вина!

— Это сработает, — согласился я. — Жалоб, думаю, не будет.

Он сказал, приободренный:

— Всех ратников, у кого есть амулеты по защите, поставлю сторожить проходы в ваше крыло.

— Действуй, — одобрил я, и хотя не очень-то верю в стопроцентную защиту, но он выиграл, глаза гордо заблестели, унесся выполнять приказ, а я настороженно, уже настороженно, хотя до прибытия Гиллеберда еще суток трое-четверо, отправился в кабинет.

Из Савуази участников перехвата мы выводили небольшими группами, чтобы не насторожить и не обрадовать горожан, собрались в отряды за ближайшим лесом в обстановке строжайшей тайны.

Роли всем распределены, я еще раз проверил, как поняли, сказал всем, что благословляю на ратные подвиги, а когда они пошли тяжелой рысью, долго смотрел вслед и прикидывал, ждать ли здесь или все-таки попытаться тоже внести лепту...

Барон Саммерсет остался военным комендантом города с наказом жестоко подавлять малейшие признаки

недовольства. Жители столицы привыкли к грубой силе, они уважают только сильную власть, так пусть не разочаруются.

Сэр Геллермин отвечает за охрану периметра города и за своевременный подвоз в город продуктов, так что могу отлучиться и я.

С собой из знатных я взял только виконта Рульфа и десять рыцарей из самых бедных и мелкопоместных, все остальные — лучники и арбалетчики, всего числом в сто человек.

— Есть шанс, — объяснил я, — что Гиллеберд выберет совсем уж невероятную дорогу. Во-первых, там большой крюк, во-вторых, на ней легко сделать засаду, потому ее обычно избегают.

Виконт Рульф привстал в седле и посмотрел по сторонам, словно отсюда мог рассмотреть, каким путем двигается отряд турнедцев.

— Мы попробуем встретить Гиллеберда там?

— Да, — ответил я. — Хотя насчет Гиллеберда не уверен.

Он сказал гордо:

— Ваша светлость, я голову кладу на плаху, но вы точно выбрали для себя эту дорогу!

Рыцари, арбалетчики и лучники смотрели с жадным интересом, я отмахнулся.

— Чутье часто подводит. Гиллеберд может и не пойти по этой дороге. Их три вероятных... и эта, самая невероятная.

Командир арбалетчиков сказал уважительно:

— Но вы-то чувствуете!

— Если бы, — ответил я. — Так, все готовы?.. С Гиллебердом идет всего двести человек. Пустяк, правда?

Виконт, отважный до безрассудства, к тому же до свинаячьего писка страшась показаться недостаточно отважным, воскликнул бездумно и красиво:

— Отвага заменяет крепостные стены! Мы встретим на середине дороги и сразимся со всей отвагой!

Я покосился на его одухотворенное лицо, взглянул на командира арбалетчиков. Тот понял вопрос, пробормотал:

— Лучше со всей храбростью.

Виконт надменно фыркнул, а я поинтересовался:

— А в чем разница?

Командир арбалетчиков ответил хмуро:

— Храбрость занимает среднее место между самонадеянной отвагой и робостью. Вы в самом деле хотите встретить их грудь в грудь?

— Конечно! — воскликнул я, Каспар гордо приосанился, а я уточнил: — Но сперва уравнием шансы. Там в ряде мест дорога сильно сужается, мы займем места на вершине обоих склонов. Лучники будут выкашивать легковооруженных, арбалетчики отстреляют большую часть рыцарей и панцирных всадников. А мы встретим тех уцелевших, кто оставит седла и сумеет добраться до нас по крутому склону.

Лицо арбалетчика прояснилось, он довольно крикнул.

— Ваша светлость! Это... просто мудро.

— Бывает, — заметил я, — что отвага и мудрость идут рука об руку и не обвиняют друг друга.

Виконт нахмурился, но промолчал. Командир арбалетчиков напомнил озабоченно:

— Ваша светлость, у меня сорок человек. Успеем сбросить с седел не больше двадцати — двадцати пяти...

— Прекрасно.

— Остальные проскочат дальше!..

Я покачал головой.

— Сразу за поворотом влетят в завал, уж мы постараемся! И будет у них нелегкий выбор: либо слезть с коней и разбирать его под градом стрел и болтов, либо ринуться по склону к нам, чтобы скрестить оружие...

Он кивнул, лицо стало деловитое.

— Тогда... если будут карабкаться медленно, успеем натянуть тетивы еще раз... Это еще тридцать, а то и тридцать пять, все-таки в упор...

— Медленнее не бывает, — заверил я. — Сейчас трава как раз самая сочная, по ней как по льду. Не беспокойтесь, мы так же точно побиили при Пуатье короля Иоанна, хотя его армия превосходила нашу ровно в пять раз...

Он спросил в недоумении:

— Короля Иоанна?

Я отмахнулся.

— Да ерунда, это так, сладкие воспоминания давно минувших дней... В общем, все привычно и рутинно, если в перспективе и ракурсе по диагонали сбоку.

Он посмотрел обескураженно, почесал в затылке:

— Ну да, ежели сбоку... тогда да, мало кто к нам докарабкается.

— А там мы встретим, — заверил я. — Виконт Рульф и его рыцари — львы, а не люди! Им только овец давай побольше.

— Да, — согласился он снова, — против овец, да... Завал из камней будет?

— Там и деревья есть, — сообщил я. — Так что топоры пригодятся.

Предсказать, какой дорогой проскачет Гиллеберд, не берусь даже я. Есть более опасные, есть менее опасные, логичнее предположить, что Гиллеберд предпочтет самые безопасные, и потому сосредоточить там наибольшие силы, но Гиллеберд тоже наверняка именно этого и ждет, потому выберет самые опасные, однако понимая, что мы можем разгадать этот маневр, и потому именно там сосредоточимся, а он как раз и выберет безопасные...

Воины шустро рубили деревья, другие прикатывали камни, узкий проход перегородили от стены до стены, затем взобрались на пологие, но все-таки крутые скло-

ны, и все смогли проверить, насколько трудно карабкаться: подошвы сапог скользят по траве, как по льду.

— Отдыхать, — велел я, — только тихо. Никаких костров, голов не поднимать, все прячемся вот за этим гребнем.

Прошло полдня, обедали сухим пайком, я с тревогой начал поглядывать на солнце — перешло на западную половину и потихоньку начинает сползать вниз, хотя небо еще голубое, а облака чуть подсвечены оранжевым.

Один из лучников, демонстрируя редкий слух, сказал вдруг:

— Едут!..

Вокруг сразу закипели страсти:

— Кто едет?

— Сколько их?

— Король с ними?

Я цыкнул, все притихли, лучник снова прислушался и проговорил далеким голосом:

— Их много... Большой отряд. Все рыцари... или почти все...

Я сказал с нажимом:

— Отлично. Если нам повезет, то это наша последняя битва!.. Здесь, в Турнедо. Только все помните насчет короля!.. Мы должны закончить войну, а не оставлять тлеющие угли...

Рульф сделал вид, что не слышит, рыцари помалкивали. Они в этом не участвуют, а всю вину их сюзерен берет на себя.

Глава 3

Грозный грохот копыт я не услышал, а учуял, как, видимо, и тот особо чуткий стрелок. Земля, как мне показалось, выражает некоторое недовольство тяжестью ры-

царской конницы и ударами копыт огромных коней в броне, на которых еще и чудовищно тяжелые всадники.

Это недовольство я и уловил, а намного позже увидел вдали пыльное облако, что медленно растет, приближается, а затем в нем начали поблескивать искорки, а это значит, доспехи все еще на всадниках, а не в мешках, как поступили бы все, кто скачет по своей земле.

Сердце мое застучало взволнованнее. Такие предосторожности характерны для Гиллеберда, он не делает ошибок, когда можно их не делать.

Я сказал негромко, словно меня могли услышать скачущие еще за милю от нас всадники:

— Все помнят, что делать?.. Никакого самовольства!..

Рульф, прекрасно понимая, что это относится в первую очередь к нему и рыцарям, гордым и своевольным по натуре, заверил с великой поспешностью:

— Ваша светлость!.. Костями ляжем, но ни на шаг...

Турнедские рыцари ворвались на узкую дорогу между холмами с грохотом и настолько уверенные, что на этой далекой от столицы и почти заброшенной дороге их никто не встретит, что даже не выслали вперед разведку на легких конях, чего я постоянно опасался.

Я считал секунды, всматриваясь в их фигуры. Все пригнулись к конским холкам, роскошные плащи с крупными золотыми львами трепещут за плечами, рассыпают золотые зайчики выпуклые пластины наплечников, а роскошные плюмажи на шлемах под мощным напором ветра легли на спины.

— Ждать, — сказал я громко, всадники за грохотом копыт все равно не услышат. — Жда-а-ать... Еще.... Начали!

Лук Арианта с натянутой тетивой в моих руках, и, едва я отпустил тетиву, справа и слева по цепи пошли сухие щелчки. Лучники бьют чаще, арбалетчики — убойнее, внизу сразу началось замешательство, хотя стальная

масса внизу по дороге продолжает победное движение, как половодье.

Рыцари, даже смертельно раненные, старались удержаться в седлах, цеплялись за конские гривы, лошади испуганно ржали под ударами стрел, что иногда пробивают броню и жалят очень больно.

Третий седел опустела, когда передний отряд наконец-то достиг поворота, что укроет от стрел...

Я слышал вопль отчаяния и ярости, когда всадники ударились о высокий завал из камней и поваленных стволов деревьев. Конь остановился, закружился, а сверху обрушился новый град стальных арбалетных стрел и простых, с железными наконечниками, что тоже иногда находят уязвимые места.

Некоторые рыцари соскочили на землю и принялись торопливо растаскивать завал, но люди Рульфа молодцы: сразу перенесли огонь на них. Оставшиеся закрывались щитами и старались защитить тех, кто разбирает завал.

Кто-то внизу прокричал страшным голосом:

— Здесь невысоко!.. Быстро наверх!.. Убить их всех!

Там раздался дикий рев, все покидали седла и торопливо принялись карабкаться вверх по склону. Арбалетчики принялись стрелять в упор, как и лучники, мои рыцари рвались в бой, но я под страхом жестокого наказания запретил вмешиваться до последней минуты.

Я стрелял и все высматривал Гиллеберда, но движение там внизу было слишком быстрым, но разглядеть не успевал, ведь все турнедцы казались мне на одно лицо: одинаково суровые, одного возраста, и у каждого некая дымка скрывает черты...

Холодок пробежал по телу, я натужился и как можно быстрее посмотрел иначе, злость ударила в голову, как таран в крепостные ворота — колдовское марево! Чертов

Гиллеберд и здесь попытался укрыться среди воинов, всегда все предусматривает...

Они поднимались с грозным криком, закрываются щитами, однако подошвы скользят, и когда падают, в шлем врезаются сразу один-два болта, и такой уже не поднимается.

Наконец арбалетчики попятились, а навстречу турнедцам шагнули наши рыцари, дорвались наконец-то, я сунул лук за спину и, выдернув меч, ринулся вперед с воплем:

— Гиллеберд!.. Где ты, сволочь?

Один из турнедских рыцарей непроизвольно взглянул вниз, где с десяток рыцарей почти разобрали завал. Я ринулся стремглав туда, за это время там рухнули, сраженные болтами, еще трое, однако последнее бревно оттащили в сторону, а через камни кони могут перепрыгнуть...

— Не упускать! — заорал я на бегу.

Поскользнулся и скользил на спине, как с ледяной горки, внизу больно ударился о землю, поднялся, хромая, рядом вскрикивают, закрываясь щитами, рыцари Гиллеберда, я не стал ввязываться в схватки, только ударился в одного всем телом, сбил с ног, на второго замахнулся мечом, но тот резко отшатнулся, в щель забрала с металлическим скрипом врезался арбалетный болт, в ответ плеснуло красным.

Двое рыцарей оглянулись на меня и не стали спускаться к коням, сами полезли через завал на ту сторону. Один оглянулся на миг, я увидел сверкающие лютой ненавистью глаза в прорези шлема, ахнул в ярости.

— Марсал?.. Ах ты ж...

Он на миг поднялся на вершине завала, стальная арбалетная стрела ударила в шлем и отскочила с лязгом. Принц едва не свалился, но удержался и быстро спрыгнул на той стороне.

— Ах ты ж гад! — заорал я.

Двое убегали пешими, но одного догнал болт, поразив между лопаток, я не стал его добивать, самого бы не подстрелили в спину, мне главное, что впереди по дороге довольно быстро убегает человек в доспехах из синеватой стали.

— Стой, гад! — закричал я и ринулся со всех ног вдогонку.

Марсал оглянулся однажды, но лишь прибавил скорость. Я быстро начал задыхаться, слишком уж надеюсь всегда на коня, на ходу выхватил меч и наддал из последних сил, хотя горло уже хрипит, раскаленное, как труба в жарком горне.

— Стой, — я прокричал еще раз, — или убью стрелой в спину!

Он начал замедлять бег, я не поверил глазам, броню гномов не пробивают даже стрелы Арианта, но принц, похоже, таких подробностей то ли не знает, то ли просто выдохся, разгульная жизнь в дворцовых утехах как-то не способствует общей выносливости.

Я перешел на шаг, торопливо выравнивая дыхание, а он развернулся и, приготовив меч, ждал. Сквозь прорезь опущенного забрала глаза сверкают, как у зверька в норе, а дыхание такое же неровное и хриплое, как у меня.

— Попробуй, — произнес он с ненавистью. — Это ты убил моего брата и племянника!

— Ты мне за это должен, — напомнил я. — Дорога к трону почти свободна! Где спасибо?

— Я и захвачу его, — ответил он с нажимом, — но не по милости отца, а по праву силы!

— Дурак, — сказал я, — еще не понял, что не на того поставил?

— Гиллеберд сокрушит вас всех, — заявил он с убежденностью, — как я сейчас сокрушу тебя!

— А где он?

Он ответил с вызовом:

— Тебе его не перехитрить!..

— И не собираюсь...

— И не достать!

— Уже достал, — сообщил я. — Войска уже двух королевств вошли в Турнедо, а через пару недель войдут и остальные... Где Гиллеберд? С другим отрядом?

Он зло расхохотался.

— Что, снова провели армландского дурака?

Я шагнул вперед с поднятым мечом, он парировал, не отступая ни на шаг, я провел два удара, он парировал так же просто, первый обмен ударами, чтобы проверить крепость рук, кто как держится, а затем медленно оба начали взвинчивать темп, удары стали тяжелее и опаснее.

Он рассчитывал на крепость своих доспехов, нарочито открывался, надеясь поймать на сильном ударе, я же высматривал, как двигаются пластины, чертовы гномы подогнули так, что как чешуя на рыбе, даже воду не пропустят, у меня и то хуже, однако этот принц, похоже, уже выдыхается безо всякого притворства, а у меня осталось чуточку сил, чтобы двигаться еще быстрее... еще...

Я неожиданно шагнул в сторону, сошелся с ним грудь в грудь и дал подножку. Эта туша грохнулась, едва не сломав мне ногу, я коршуном прыгнул сверху, придавил всем телом, выпустил из руки меч и сильным рывком, едва не оторвав ему уши, сдернул шлем.

Он уставился в меня злыми глазами затравленного зверя.

— Это... не по правилам!

— предавать Отечество, — сказал я высокопарно, — тоже не совсем как бы то, рановато, в смысле. Не оценят. Еще не демократия.

— Что за...

— ...Отечество? — переспросил я. — Знаешь, устал уже объяснять. Да и зачем знания мертвому?

— Я не мертв, — прорычал он.

Я успокоил:

— Сейчас будешь.

Со стороны завала послышался шум, крики, топот ног, донесся голос Рульфа:

— Ваша светлость!.. Мы сейчас!..

Марсал услышал тоже, лицо перекосилось злой гримасой.

— Я сдаюсь...

Я торопливо выдернул из ножен на поясе кинжал.

— Очень благородно, — сказал я громко, — драться до конца. Я передам Фальстронгу, что ты сражался храбро и погиб в бою...

Он прохрипел торопливо:

— Я сдаюсь!

Я приложил острие ножа к яремной вене.

— Да, это красиво — не сдаться, а умереть в схватке...

Он вытаращил глаза, отчаянно рванулся. Стальной клинок, острый как бритва, задел артерию. Я отшатнулся в сторону, избегая брызжущей струи, меня затрясло, только что совершил хладнокровное убийство, и хотя не решался и вряд ли сумел бы, но Марсал сам помог, рванувшись из-под меня изо всех сил, но все равно я готов был убить, хотел убить безоружного и сдающегося, а то, что колебался, не слишком и оправдывает...

Рульф подбежал со всех ног, опередив других, за ним рыцари, арбалетчики и лучники, Марсал с воем катается по земле и пробует зажать ладонями рану, однако давление крови отшвыривает руки, и наконец он стих, вытянувшись, уставился застывшими глазами в небо.

— Ваша светлость, — проговорил Рульф обеспокоенно, — что с вами? Не ранены?

— На вас лица нет, — сказал командир арбалетчиков, — ваша светлость, победа!

Рульф воскликнул с подъемом:

— Ваша светлость, у нас полтора десятка раненых, убитых нет вовсе! Отряд гиллебердовцев разгромлен, уцелевшие сдались, простых связали, рыцари дали слово...

Я проговорил непослушными губами:

— Да, это... хорошо. С этого... снимите доспехи, возьмите оружие. Его самого можно оставить.

Один из лучников сказал нерешительно:

— С виду знатный...

— Знатнее не бывает, — согласился я. — Это принц. Принц Марсал. Сын благородного короля Фальстронга, нашего союзника. Негодяй предал отца и переметнулся на сторону Гиллеберда...

Они смотрели на него потрясенные, молчали угрюмо, потом командир арбалетчиков сказал мрачно:

— Тогда да, оставим. Такого пусть стервятники погребают.

— С убитых снять доспехи, — распорядился я, — забрать оружие и вообще все ценное. С пленными разберемся потом. А сейчас... возвращаемся.

Рульф спросил озабоченно:

— А насчет пленных... Коней им или как?

— Только рыцарям, — ответил я, — как и личное оружие. Остальных в Савуази пешком, можно — в шею. Сами виноваты, надо было рождаться дворянами!

Глава 4

В Савуази въехали, как в столицу крайне враждебного государства, все настороженные и готовые к бою, копейщики по краям, в середине отряда меня окружают, закрывая своими телами, рыцари-армландцы и арбалетчики.

Роскошный дворец похож на взятую с боем крепость: трупы давно убраны, но на каждом шагу закованные в

прекрасные доспехи воины, каждого оглядывают, смиренным монахам велят открывать лица, а кто противится, тому насильно откидывают капюшон на спину.

Я сразу отправился в кабинет Гиллеберда, барон Саммерсет занимался пленными, виконт Рульф с энтузиазмом взялся помогать, кого-то расхваливал за красивую схватку, с кем-то даже раскланивался и обменивался комплиментами. Хорошо быть победителем, мелькнула мысль, вон как цветет...

Пленные упорно отказывались не только присягать мне, но и никто не давал клятвы, что не обратит против меня оружия, так что у них забрали оружие, доспехи и отвели в подземную тюрьму, благо у Гиллеберда она почти такая же громадная, как и сам дворец.

С простыми ратниками, захваченными в плен, все проще, все согласились выполнять любые работы, если только не воевать против своих, и управитель Бальза сразу же пристроил их к делу.

На следующий день начали возвращаться по одному отряды Клемента Фицджеральда, барона Вайтхолда, оба с пустыми руками, и только сэр Каспар Волсингейн с его быстрыми и беспощадными горцами успел разбить крупный отряд турнедцев, захватил богатую добычу и привел толпу захваченных в плен.

Я осмотрел всех тщательно, настроение хуже некуда, Гиллеберда нет, что-то нечисто, я же понимаю, где-то должен быть, только он лично мог спасти положение... или хотя бы попытаться это сделать.

Фицджеральд, Вайтхолд и Волсингейн одинаково виновато разводили руками.

— Ваша светлость, ну не было там Гиллеберда!.. Не было. Мы так смотрели, что просто уж и не знаем...

В зал ворвался молодой воин в кольчуге до колен, простоволосый, глаза горят сумасшедшим огнем:

— Ваша светлость!

Я спросил раздраженно:

— Что стряслось?

— Вам послание от сэра Геллермина!

Я насторожился.

— Что у него? На город готовится нападение? Или крестьяне отказываются доставлять продовольствие в город?

— Совсем нет, ваша светлость, — вскрикнул он. — Сэр Геллермин докладывает, что ему удалось захватить турнедцев, что ехали из Армландии! Ваша светлость, среди них оказался... сам Гиллеберд!

Я охнул, чуть не схватился за сердце, непроизвольно вскочил, уставился на него неверящими глазами.

— Что? Кто?

— Гиллеберд, — повторил он. — Его Величество Гиллеберд Фруассар, король Турнедо.

Мои лорды вскочили, как и я. Смотрели непонимающими глазами. Первым тяжело вздохнул и сел сэр Клемент, а Каспар разочарованно выругался, словно один из его диких горцев, даже воспитаннейший сэр Вайтхолд стукнул кулаком по столешнице и сказал горько:

— Ну почему так?.. Мы трое гонялись за ним, в засадах корчились в три погибели... а он сам в руки пришел тому, кто и не ждал вовсе!

Я спросил гонца:

— Как было дело?

— Они вынырнули неожиданно, — доложил он. — Мы выехали из города в сторону двух дальних сел, где обещали наладить производство сыра... С нами было сорок человек, и тут вдруг из-за поворота турнедские рыцари числом человек двадцать! У нас, к счастью, арбалеты уже взведены, там нужно было проезжать одно опасное местечко... сэр Геллермин, недолго думая, велел

стрелять, а потом задавать вопросы, говорит, у вас научился...

— Да-да, — сказал я нетерпеливо, — я беру ответственность на себя. Что дальше?

— Схватка была жаркая, — сказал он с энтузиазмом и гордо выпятил грудь, — мы дрались красиво, но арбалетчики и лучники перебили половину их отряда раньше, чем мы обнажили мечи и сошлись грудь в грудь!

Я спросил быстро:

— И что Гиллеберд?

— Он сразу спешился в знак покорности и протянул меч рукоятью вперед!

Сэр Каспар сказал хмуро:

— Геллермину просто повезло. Гиллеберд, как дурак, неся со своими людьми в опасной близости от города, потому что не знал еще, что герцога Ярджирского больше не увидит...

Я спросил сдавленным голосом:

— Много сдалось?..

— Всего трое рыцарей и... сам король.

Я вздохнул, сказал потерянным голосом:

— А нельзя было не захватывать? Рыцари жаждут погибнуть в красивой жестокой сече! А вы им отказали, свиньи грубые...

Гонец выкрикнул виновато:

— Но эти четверо сдались сразу, как только увидели, что мы мчимся на них с опущенными копьями!.. Вы не поверите, ваша светлость...

— Всему поверю, — раздраженно сказал я. — День такой сумасшедший!... Но король должен красиво пасть в бою, это наша прерогатива!.. Черт, почему он пошел по этой дороге, где никто не был предупрежден... особо?

— Хитрил? — предположил он неуверенно.

Каспар громко хмыкнул.

— Дохитрился.

А сэр Вайтхолд сказал мудро:

— На всякого мудреца довольно простоты. Хитрые ловушки обошел, зато простаку попался сам.

— Что-то недопонимаю, — пробормотал я в тревоге. — Если для точечного удара.. то... гм... нет. Ерунда. Впрочем, что-то замышлял... Где он сейчас?

— Везут под строжайшим конвоем! — сообщил гонец ликуя. — Сэр Геллермин уже распорядился очистить для него самую надежную камеру в подземной тюрьме, но украсить ее коврами с эмблемами Его Величества и поселить с ним двух пажей из благородных семей.

Я поморщился.

— Геллермин самый умелый из нас хозяйственник, потому лучше пусть сейчас подвозом сыра займется. А мы короля сами определим, куда посадить. И обойдется он без ковров, нечего их пачкать...

Последние мои слова прозвучали слишком зловеще, все посерьезнели.

Сэр Фицджеральд сказал с готовностью:

— Я прослежу лично, ваша светлость!

Я повернулся к гонцу:

— Как он?

— Даже не ранен!

— Как, спрашиваю, держится?

Он ответил торопливо:

— Как пленный король, ваша светлость. С достоинством. Расточает вам похвалы, говорит, что недооценил вас, что вы — гений, никто не мог его обыграть, а вы сумели... Что далеко пойдете, если никто вас не остановит раньше.

Я промычал сквозь зубы:

— Что-то мне такое совсем не нравится... Не так мы должны были его захватить в плен. Не так! И не в плен вовсе... Хорошо, пойдемте встретим гостя.

Двери распахнулись, в зал вошел громадный сэр Клемент, держа за шиворот крохотного, особенно рядом с ним, лучника в одежде королевской гвардии.

— Ваша светлость, — сказал он почтительно, — вот морда, которая была в тех землях... вы как-то изволили ими интересоваться.

Я встрепенулся, вперил взгляд в трепещущего стрелка. Он съежился и старался выглядеть как можно более беспомощным.

— Та-а-ак, — протянул я зловеще. — Ты был в землях Сворре? Или Коце?

Он торопливо кивнул, сделал попытку пасть на колени, но Клемент почти держал его на весу.

— Ваша светлость, — взмолился он, — мы только-только вошли в земли Сворре, даже к замку не успели приблизиться, как нам в спину ударила конница одного из местных лордов! Он как вылитый вон этот господин, что зачем-то держит меня... Да так ударил, что и вся армия так бы не сумела... От неожиданности многие рассеялись, он долго гнал, истреблял, брал в полон...

— Так-так, — сказал я с интересом....

— Потом Его Величество, конечно, собрал войска и лично повел на него, однако тот очень умело отступил, а сам долго защищал единственный мост через реку, пока рушили за его спиной!..

Я спросил с сочувствием:

— Герой погиб?

— Если бы, — ответил он уныло, — а так прыгнул в реку, все думали, что утонул, а он вышел в четверти мили ниже по течению, еще и вот такую рыбину держал в руках! Даже и не знаю, человек ли это...

Клемент, сочувственно слушающий про героя, похожего обликом на него, довольно вздохнул, а я спросил заинтересованно:

— Да, редкий человек... Как его имя, не слышали?

Он сказал со вздохом:

— Его Величество о нем велел узнать все, что можно, да только ничего не смогли... кроме того, что он там недавно, семьи еще нет, вы пожаловали ему замок и земли, а он поклялся в течение года их охранять...

— Тамплиер, — сказал я почти весело.

— Вот-вот, так его зовут! Его Величество сказал еще, что вы умеете подбирать людей.

Я ухмыльнулся.

— Да, но после истечения года, а это уже скоро, Тамплиер явится заканчивать со мной поединок. Первый раунд я выиграл, но не совсем честно, Тамплиер это помнит... Значит, замок Сворре не взяли?

— Нет, ваша светлость. И не станут пытаться. Там успели укрепиться, а Его Величество стремился продвигаться как можно дальше. Желательно к самому Большому Хребту.

Клемент, чувствуя мою тревогу, сказал успокаивающе:

— Замок не возьмут. Гиллеберду нужны не замки... Если захватит Армландию, замки сами сдадутся.

Я перевел дыхание, с души свалился не камень, а целая гора, кивнул несчастному пленнику:

— Хорошо, иди. Ты свободен, но Боже упаси тебя снова вступить в королевскую армию!

Клемент развернул его в сторону двери и готовился дать пинка, но лучник рванул с такой скоростью, что сапог сэра Фицджеральда боднул только воздух.

— Пойдемте, — начал я прерванное, но едва лучник вылетел за дверь, ворвался веселый сэр Геллермин, сияющий, рот до ушей, весь как рыба в сверкающей чешуе кольчуги, что выдерживает не только стрелы и болты, но при ударе топора становится твердой, как панцирь.

— Ваша светлость!

Я ощутил холод во внутренностях, сказал напряженно:

— Сэр Геллермин... если скажете, что король сбежал у вас из-под стражи... я вас удавлю вот прямо сейчас. Собственными дланями.

Он охнул, весело округлил глаза.

— Ваша светлость?.. Как можно?.. Только что привели, хотели в надежную сухую камеру на первом этаже подвала, но он сказал, что такого дурака, как он, нужно бросить в самый низ, где крысы размером с кошку... Мы посмеялись, но уважили такое странное желание. Мол, самые важные там и должны сидеть и ждать решения вашей светлости.

Лорды оживленно переговаривались, хлопали друг друга по плечам, поздравляли. Война, можно сказать, окончена, Гиллеберд схвачен, а здесь все держалось на нем, его знаниях, умении руководить, властвовать, направлять.

Я сказал негромко:

— Все-таки, сэр Геллермин, нужно было найти способ вычеркнуть его из списка живых прямо там, когда он сдавался в плен! А теперь начнется длинная волокита с осуждением короля при соблюдении всех его прав, а это нечто просто чудовищное...

Он взмолился:

— Столько пар глаз наблюдали!

Я вздохнул.

— Понимаю, Гиллеберд хитер, все обставил верно. Хорошо, вы тут празднуйте, можете на столах даже потанцевать, пока меня нет, а я схожу проведаю знатного пленника.

Геллермин сказал живо:

— Я провожу вас!

И другие лорды заговорили сразу же:

— И я!

— И мне посмотреть любопытственно...

— Я вообще королей за решеткой не видел..

— Мне тоже...

Я сказал властно:

— Сюзерен что сказал вам? Вот и празднуйте. А я посмотрю за вас. Может быть, даже расскажу, что увижу.

Глава 5

Дверь в подвал из толстых досок, так щедро укрыта широкими полосами из меди и бронзы, что кажется металлической. Открывали ее с усилием. Я сам взялся за створку и подивился тяжести.

— Ваша светлость, — сказал стражник угрюмо, — идите за мной.

Еще двое пошли сзади, остальные остались охранять вход снаружи. Мы спустились на пол-этажа вниз, снова двери, еще тяжелее и толще, ступеньки привели на этаж ниже, однако страж повел, как я и ожидал, дальше.

Третья дверь из толстых прутьев, похожа на подъемную решетку ворот в замке, но отворяется, как обычная, а там ступеньки повели еще ниже.

Я пробормотал озадаченно:

— Я думал, при такой развитой экономике Гиллеберд в тюрьмах не нуждается... Или это за экономические преступления?

Мы спустились еще на три этажа, стены становились все толще, а проход уже и уже. Наконец страж воткнул факел в щель в стене между глыбами и начал открывать последнюю дверь, такую выбить можно разве что тараном.

На этаже всего пять камер, настоящие каменные мешки, все перекрыты железными решетками. Четыре пусты, а в последней на охалке соломы лежит человек в изодранной одежде.

Страж вытащил из петли дужку висячего замка, оставив висеть на другой, а я вошел в камеру.

В тусклом свете видно, как человек зашевелился, сел, опираясь о стену, ладонью с растопыренными пальцами прикрыл от яркого света факела глаза. Королевскую мантию у него забрали, одежда порвана, серебряные волосы слиплись от грязи. Хорошо видно, насколько немолод, роскошная серебристая борода подрезана очень коротко, как и усы, исчезла та величавость, которую являл на троне.

Сейчас передо мной сидит на охапке прелой соломы просто разбитый и потерявший все надежды старик, даже взгляд тусклый и ничего не выражающий, кроме безмерной усталости.

Он взглянул на меня устало, взгляд безмерно измученного человека, спросил, щурясь от яркого света факела:

— Сэр Ричард?

— Да, — ответил я, — Ваше Величество. Как вы понимаете, я уже вздрючил своих людей, что не позволили вам красиво погибнуть в бою.

Он проговорил хриплым голосом:

— Но как... как у вас такое получилось? Я имею в виду, как удалось сплотить в союз таких разных королей?

— Моя широта мышления, — ответил я, — и бьющая через край гуманность. Больше я ничего не скажу вам, а также не буду закатывать длинных речей, подробно объясняя, что я и как сделал. А еще рассказывая, что и как сделаю с вами.

Он проговорил с изумлением:

— Почему?

— Да так, — ответил я, — есть некоторый опыт. Я могу и на чужом учиться... Ваше Величество, я глубоко уважаю вас и ценю, как достойного противника. Потому не стану затевать эту ерунду с вашим отречением, как мне

предлагают советники. Вы — настоящий боец, вы и после отречения останетесь опасным.

Он смотрел исподлобья, я ответил таким же прямым и честным взглядом.

— И что? — спросил он с интересом. — Меня оставят на ночь в клетке с тиграми?.. Оставят привязанным в лесу, где носится стая волков?

Я покачал головой.

— Ничего подобного. Также не буду закапывать в пустыне по шею в песке среди муравьев и скорпионов, не стану подвешивать на цепи, опускающейся в кипящее железо, не буду бросать в яму на съедение лютым псам... ибо умный да находчивый всегда найдет выход, как учит нас история... ну не совсем история, но я умею извлекать уроки отовсюду, как вы догадываетесь.

Он посмотрел остро.

— Так-так... меня удавят прямо здесь?

— Здесь и сейчас, — согласился я. — Это удобно и практично. И никакого цирка.

— Да, — произнес он, — вы просто чудовище...

Я кивнул.

— Не волнуйтесь, будет объявлено то, что следует.

— А именно?

— Вы красиво погибли в бою, — пояснил я. — Я предпочитаю поддерживать хорошее мнение о королях. Скоро корону надену и сам, так что понимаете, это забота о репутации королей вообще.

Он проговорил с неподвижным лицом:

— Да, этого следовало ожидать, зная вас. Теперь-то знаю...

— У меня только один вопрос, — сказал я.

— Слушаю вас, сэр Ричард, — ответил он с холодком.

Я спросил резко:

— Что побудило вас сдаться?

— Это же понятно, — пробормотал он так тихо, словно сам себе.

— А все-таки?

Он чуть-чуть дернул плечом, худым и костлявым, видно через рубаху из тонкого полотна.

— Я еще надеялся переломить ситуацию, — ответил он мрачно, — возглавив войско герцога Ярдширского. С ним бы вернул столицу. Лорды по стране воспрянули бы... У многих хорошие дружины. Я всегда поощрял их создание... хоть и держал под наблюдением.

Я кивнул.

— Да, с войском герцога у вас шансов было бы побольше. Но все равно сражаться против всех южных королевств, когда с севера наступает мощная армия короля Фальстронга...

Он выслушал, поморщился.

— Я развернул бы такую войну, что длилась бы годами. И в конце концов короли отступились бы на условии, что я выведу войска из захваченной Армландии.

— Вы ее не захватили, — возразил я.

Он поморщился.

— Да, вы среагировали моментально. И сумели перехитрить меня. Но я все равно бы мог... если бы оставалось войско Ярдширского. А без него, понимаю, поражение неизбежно. Я готов отречься от трона.

Я покачал головой.

— Поздно.

— Понимаю, — сказал он с тоской. — Трон уже в ваших руках, как и дворец, столица... Но вам все равно понадобится признание других королей! А это самое трудное, вот увидите...

— Посмотрим, — ответил я холодно, повернулся и вышел.

Тюремщик запер за мной дверь, задвинул оба засова,

а затем закрыл еще и толстой решеткой, где прутья толщиной с мой большой палец.

— Ваша светлость?

Я огляделся по сторонам, понизил голос:

— Тебе особое задание. Этот пленник должен умереть. Прямо сейчас. И тогда этой кровавой войне конец. Наступит мир и счастье... А ты получишь десять золотых монет!

Он охнул, сказал торопливо:

— Ваша милость, да за такие деньги я мать родную удавлю! Прикажете приступать?

— Да, — ответил я коротко, — прямо сейчас. Немедленно.

И пошел наверх.

В зале тесно от прибывающих командиров отрядов. Все лорды и военачальники уже здесь, слышится хвастливый голос сэра Геллермина, в сотый раз рассказывает, как удалось взять в плен самого Гиллеберда. Подвиг, как ни суди, на перехват сюзерена Турнедо я отправил лучшие части, а у Геллермина остались только те, кто обеспечивал безопасность лорда в его поездках по окрестным селам.

Я помахал сэру Вайтхолду:

— Дорогой друг, пригласите ко мне нашу верхушку. Нужно срочно определить послевоенное положение королевства. Обсудим, можете на ходу формулировать предложения, которые я скорее всего отвергну... но ведь выслушаю?

Он криво улыбнулся, показывая, что шутку понял, а я быстро поднялся в кабинет и рухнул в кресло.

Они входили бодрые, громыхающие, сразу заполнили кабинет раздвинутыми плечами и растопыренными локтями, в прошлый раз места оставалось побольше.

К столу садились по-хозяйски, не дожидаясь ни моего приглашения, ни разрешения.

Я поморщился, но сейчас случай особый, улыбнулся, у всех же морды растянуты в стороны от постоянных улыбок.

— Дорогие друзья и братья, — сказал я с подъемом. — Вот и... закончилось!.. Не сомневаюсь, войска турнедцев, оставшись без короля, прекратят войну, а то и вовсе сложат оружие на почетных условиях. Здесь все держалось на личности Гиллеберда, должен признаться — исключительно талантливой, умнейшей и проницательнейшей. Это самое богатое из северных королевств, заслуга в этом в основном короля, он сумел поддерживать экономику во всех ее проявлениях. Нам предстоит быстро выбрать самую правильную и безошибочную политику, как управлять свалившимся на голову...

Барон Саммерсет прервал с почтительным негодованием:

— Ваша светлость! Не само свалилось, а вы взяли, переиграв Гиллеберда на его же поле! А мы, ваши соратники, добывали мечами.

Я поклонился.

— Простите, барон, я неточно выразился в спешке. Да, конечно, не свалилось, а мы все, рыцари Армландии, нанесли ответный и сокрушительный удар! И не только армландцы, я всегда буду помнить огромный вклад в дело завоевания Турнедо сэра Клемента Фицджеральда с его рыцарями, чьи заслуги будут щедро вознаграждены... Но сейчас обстановка резко изменилась в нашу пользу, мы имеем дело с уже фактически сложившейся оружием страной... Карту мне!

Принесли карту, я расстелил ее по всей столешнице, лорды придерживают ее сворачивающиеся края и следят за моим пальцем. Конечно, всех интересует, кому что перепадет, но мне прежде всего важнее определить, где

какие рудники, годятся ли вот эти земли под пшеницу, которой славится Турнедо, или же здесь развито скотоводство, судоходны ли реки по всей длине, или же ближе к устью, нужно ли пробивать новые дороги, или Его Величество успел и о них позаботиться в полной мере...

Мне подсказывали, кто что знал, больше всего — Геллермин, хотя вообще-то правильнее привлечь местных, тот же Бальза знает намного больше, он отвечал не только за работу дворца, но и держал в руках управляющих землями...

В коридоре раздались топот, лязг металла, испуганные крики. Дверь распахнулась, я ощутил запах дыма и характерный запах горелого мяса, в проеме появился воин в обугленной одежде, что на ходу спадает с него клочьями, и с красной от сильных ожогов половинкой лица.

— Ваша светлость, — прохрипел он. — Гиллеберд...

Я вскочил даже не в тревоге, а в страхе. Воин сделал шаг и упал лицом вниз. Я торопливо подхватил, перевернул лицом кверху. Воспаленная щека на глазах стала багрово-красной, покрылась пузырями, я встряхнул за плечи.

Он произнес слабо:

— ...сбежал...

В дверь заглядывали испуганные стражники. Лорды вскочили, хватались за оружие, кто-то с громким топотом выбежал из кабинета.

Я крикнул резко:

— Охрану удвоить! Перекрыть все выходы!... Сэр Каспер, срочно в подвал, выясните, как это случилось!

— Будет сделано, ваша светлость!

В коридоре топали и звенели металлом все громче, дворец начал наполняться людьми с обнаженным оружием в руках, проверили все ниши, комнаты, зажгли все свечи и светильники. Отряды по двое-трое начали прочесывать все помещения и окрестности вокруг дворца.

Сэр Каспар вернулся и доложил убитым голосом, что в подвале незримый огонь опалил стены, сжег дотла все деревянное, тяжелая металлическая дверь вырвана страшным ударом изнутри вместе с железной рамой и лежит в трех шагах дальше по коридору, решетки расплавлены, замки сорваны...

— Что-то не стыкуется, — проговорил я напряженно, — пойдем взглянем....

Теперь спуск в подземную тюрьму выглядел еще ужаснее. На каждом шагу видно, что изнутри вырвался и несся вверх по ступенькам некий страшный зверь, к тому же обладающий огромной магической мощью...

В подвале тошнотворно пахнет горелым мясом, под стеной двумя горками тускло блестят наполовину расплавленные цепи. Везде следы неистового буйства, словно неконтролируемая ярость поражала все, что оказывалось рядом, даже каменные стены. Я двинулся вдоль той, что держала штыри с цепями, от глыб все еще идет тепло. Взгляд зацепился за некий выступ, память услужливо подсказала, что в прошлый визит здесь было ровно...

Пальцы мои схватились за разогретый камень. Легонько хрустнула запекшаяся было корочка, глыба неспешно подалась под моим натиском. В глубине стены открылась ниша, где можно бы спрятать бычью голову.

Двое стражей, что неотступно сопровождают меня, открыли рты.

— Ваша светлость!

Я сказал горько:

— Теперь понятно, почему Гиллеберд сказал своим победителям, что он дурак и нужно такого посадить в самый глубокий подвал...

— Ваша светлость, — проговорил один с трудом, — а что там было?

Я сказал зло:

— Если бы знал!.. Теперь вам придется страшиться

любой тени. В общем, ходить только по двое, даже в отхожее место, понятно?.. Чуть что, поднимать крик!

— Ваша светлость!

— Ничего-ничего, — ответил я строго, — никакого ущерба вашей чести, когда имеете дело с магией. А то и пикнуть не успеете!.. Увидишь, что напало что-то на друга, сперва ори во весь голос, зови на помощь, потом бросайся спасать...

Я поднялся наверх, в воздухе странный запах, или мне только чудится, но когда вернулся в свой кабинет, он же бывший гиллебердов, с порога увидел, что кресло слегка сдвинуто, один гобелен сорван со стены и лежит на полу, а за ним распахнутая дверца секретной схованки...

Кто-то очень торопился, даже не повесил гобелен обратно, тогда бы я ничего не заподозрил. Или нарочито не повесил, посылая мне зловещее напоминание, что нигде не буду в безопасности?

Появился сэр Вайтхолд, настолько расстроенный, что я вместо того, чтобы наорать и натопать ногами, устало махнул рукой.

— Ладно, не убивайтесь...

— Но, ваша светлость, — начал он расстроенно.

Я прервал:

— Противник у нас оказался очень уж... предусмотрительный. Я сам виноват, надо было велеть убить сразу же в том подвале у меня на глазах. Дурак, умыл руки. Отвернулся, оставил эту проблему палачам!

Он сказал со вздохом:

— Может, и лучше, что там сгорели стражники, а не вы, ваша светлость?

— Может, — сказал я зло, — но все-таки иногда кажется, что в моем присутствии Гиллеберд не решился бы... или не сумел бы. Кто знает, может быть, он им гору золота пообещал, если там из стены камешек достанут!

Достали, а их оттуда огнем и сожгло. История учит, что сильные да предусмотрительные всегда найдут выход даже из такой отчаянной ситуации.

Он вздохнул.

— Да, Гиллеберд всегда все предусматривал. Я тоже теперь только вспомнил, его хотели поместить в камеру на первом подземном уровне, а он сам подсказал, что в нижнем куда хуже...

— Хуже не то, — сказал я с расстановкой, — что ускользнул. Хуже, что не убежал подальше, а все еще где-то во дворце!

Он вскричал уstraшенно:

— Ваша милость!

Я кивнул на гобелен на полу.

— Видите? А вот ту впадину в стене?.. Знаете, что там было спрятано?.. И я не знаю. Ради этого он и прибыл. И сейчас даже не представляю, где он и что может сделать...

Он сказал тоскливо, стараясь не встречаться со мной взглядом:

— Гиллеберд не тот человек, который смирится с поражением. Что делать будем, ваша светлость?

— Не знаю, — ответил я. — Просто удвойте, утройте бдительность. И хотя он явился за моей головой, но и вам может перепасть... по пути. Скажите всем, чтобы присматривались к любой подозрительной тени, вслушивались в любой шорох!

Он спросил с надеждой:

— Думаете, поможет?

— Что-то же делать надо? — спросил я. — Всех, у кого амулеты против незримников и призрачников — во дворец. Расставить по всем коридорам...

Он ушел, чуточку подбодренный, я смотрел вслед и думал, кто бы теперь подбодрил меня, настроение аховое, все было так хорошо, уже и пирог разрезали...

Глава 6

В комнате стало холоднее, всего на долю градуса, но я уловил моментально.

Лязгнуло за спиной, я обернулся, как ужаленный, выхватывая меч. Во всех трех окнах резко померк, словно при наступлении сумерек, свет. Справа и слева из толстых каменных глыб выдвинулись стальные прутья толщиной в палец.

Я смотрел, не веря глазам, а они пошли навстречу друг другу и намертво перекрыли окна. Снова треснуло, сверху выдвинулись такие же темные и кованые, со следами молота, опустились в дыры, которых я раньше не замечал.

Я развернулся в сторону двери и уже пригнулся к стремительному броску в коридор, однако раздался сухой треск, обе половинки влетели в комнату, рассыпались обломками на ковре.

Через проем вошли, пригибаясь, те два гиганта в доспехах, которыми Гиллеберд пытался припугнуть меня в мой первый визит к нему, а когда разогнулись, перьями на шлемах касались потолка.

Пол под ними трещит и прогибается, как молодой лед, но сердце мое сжалось, когда за их спинами загрохотало, в дверном проеме опустилась железная решетка из толстых стальных прутьев. Острые концы с такой силой ударились в пол, что погрузились в ковер и с хрустом расщепили там мраморные плиты.

Гиганты разом обнажили мечи, каждый размером с корабельное весло, и хотя я видел, что это не люди, но двигаются с поразительной ловкостью и даже грацией.

Я отскочил на середину комнаты, затравленно оглядываясь, пригнулся, готовый парировать, сердце едва не выскакивает, мои удары для них, что пинки комара, а вот они расплескают меня по стенам...

Оглядываясь, я отбежал на другую сторону комнаты, отгородился огромным дубовым столом. Гиганты даже не стали переглядываться, быстро и умело, действуя настолько слаженно, словно один человек в двух телах, двинулись ко мне, обходя стол.

Мечи готовы для удара, я сделал вид, что сейчас спрячусь под стол, один взмахнул клинком, блеснула сверкающая полоса стали, грохот и треск, стол разлетелся на две половинки.

Я отпрыгнул, уstraшенный, такой удар и меня развалит на две половинки, гиганты пошли ко мне, поигрывая мечами, могучие и несокрушимые.

— Да чтоб вы сдохли, — прошипел я, но сердце замерло в отчаянии. — Кто вами командует? Я здесь хозяин!

Я отступал и отступал, пока за спиной не ощутил в двух шагах стену. Гиганты уже начали заносить мечи для завершения операции, я сделал вид, что отступлю еще, пока не прижмусь спиной к стене, а там буду отбиваться, но вместо этого прыгнул вперед, упал и, перекатившись через голову, ринулся через кабинет.

Оба тут же развернулись, раздался глухой удар, потрясший весь дворец, это один пытался успеть достать меня мечом, но вместо этого ударил в стену.

Я затравленно оглядывался по сторонам, но все пути перекрыты, я в ловушке. Они приближаются, я начал швырять в них стулья, толкал навстречу массивные кресла, все разлеталось вдрезг под сокрушающими ударами. Наконец я остался среди обломков и перед приближающимися стальными исполинами, снова отпрыгнул над самым полом.

Кулак просвистел над головой и с грохотом ударился в стену. Я перекатился через голову, все, выхода нет, все равно достанут, сердце колотится, а дыхание рвется из груди горячее, как у дракона, ноги совсем отяжелели.

Зато гиганты ничуть не устали, двигаются все так же быстро и ловко, под ногами трещат обломки мебели, прогибается пол, а когда удар кулаком или мечом приходится в стену, остается либо вмятина, либо ровно вырубленный кусок глыбы, словно там не гранит, а мягкий сыр.

Я задыхался, пот заливает глаза, рот уже обуглился, грудь ходит ходуном, когда взгляд упал на картину на стене напротив, где Кри смотрит на все происходящее с застывшей дразнящей улыбкой.

— Чтоб вы сдохли... — прохрипел я.

Сделав отчаянный кувырок, я пронесся вдоль стены, оцарапав щеку о уже обнаженный камень, вскочил на ноги и, коснувшись изображения, быстро сдвинул его в сторону.

За спиной вдруг похолодало, мне оглядываться нет необходимости, чтобы понять, кто приблизился, с усилием ухватился за край рамы и перевалился на ту сторону.

Настоящий холод, ничего общего с внутренним, охватил с такой силой, что капельки пота на лбу замерзли и посыпались мелкими блестящими шариками. Далеко впереди страшные в своем безмолвии горы, покрытые вечными льдами, небо фиолетовое, в нем три мелких, как яблоки, луны, и везде ощущение, что мир мертв, совершенно и абсолютно мертв...

Я откатился с трудом в сторону, поднялся на ноги и кое-как, прихрамывая, отковылял на несколько шагов. За спиной затрещало, это первый гигант протиснулся через тесную раму и устался на меня неверяще через узкую прорезь шлема.

— Что? — спросил я хрипло. — Смазка застыла?

Он отступил в сторону, второй пролез следом, огляделся и... быстро и слаженно, словно все в том же кабинете, пошли на меня с мечами в руках, совершенно не

обращая внимания на холод, на пейзаж мертвой планеты.

— Ах вы, бессмазочные, — прошептал я в отчаянии, — черт бы побрал изготовителей... Все для человека, называется...

Я ковылял в сторону, уводя обоих за собой, они хоть и быстрые, но все-таки немного уступают мне в скорости, и чем расстояние больше, тем больше выиграю...

Рисковать с кувытками и перекатами на этот раз не стал, повел их по полукругу, а потом ринулся со всех ног обратно. Холод совсем перехватил горло, а слезы замерзают в глазах, на последнем смертном усилии ринулся в раму, что так и висит прямо в воздухе, упал в кабинете на пол в обломках мебели, сильно расшибся, но заставил себя немедленно вскочить, повернуться к картине...

Там появилось приближающееся лицо гиганта, тоже намеревается впрыгнуть с разбегу. Я в последнюю долю секунды сдвинул изображение в сторону, там появилось звездное небо с незнакомыми галактиками.

Некоторое время я стоял, в бессилии упершись руками в стену и прижавшись к ней всем телом, затем сорвал картину, бросил на пол, изрубил мечом вместе с рамой на мелкие куски и раскидал пинками, чувствуя себя вандалом в завоеванном Риме.

За спиной раздался звук быстрых шагов, я в ужасе обернулся, но это сэр Вайтхолд с двумя тяжеловооруженными воинами. Решетки исчезли без следа, я посмотрел на окна, там тоже ничего похожего на прошлую жуть.

Сэр Вайтхолд обвел кабинет взглядом, полным ужаса:
— Ваша светлость! Что с вами?

Я прохрипел:

— А вы... как... думаете...

В глазах больно щиплет, словно отходят от мороза, грудь вздымается так часто, словно еще убегаю от сталь-

ных гигантов, а лицо, чувствую, снова становится из смертельно бледного багрово-буряковым.

Он сказал жалко:

— Вы... гневались...

Я обвел разгромленную комнату налитыми кровью глазами, грудь не вздымается, а подпрыгивает, мозг дико требует кислорода, да побольше, побольше...

Я прохрипел, хватая воздух сперва обмороженным, а теперь опаленным ртом:

— Да... вот выиграло во мне что-то... Побуйствовать захотело... самую малость, это чтоб вас всех не поубивать... но шас не бойтесь, уже выплеснул...

Они с ужасом смотрели на разгром, особенно на страшные вмятины в стенах. В одном месте кулак стального гиганта даже выбил огромную глыбу напроць, и сквозь дыру виден мирный сад и усыпанные золотым песком дорожки.

Прибежали сэр Каспар и Рульф, тоже застыли в ужасе. Сэр Вайтхолд пролепетал:

— Да тут... уже ничего не восстановить...

Сэр Каспар сказал осевшим голосом:

— Да уж... Ничего, ваша светлость, мы для вас оборудуем другой кабинет для работы! А сюда пришлем бригаду каменотесов, каменщиков, плотников, столяров и всех прочих.

Сэр Рульф поинтересовался мрачно:

— А в спальне ваша милость не?..

Я буркнул:

— Не. Я мирный, буйствую недолго. И, как видите, почти без заметного ущерба.

Он сказал торопливо:

— Да это я к тому, что у Гиллеберда их целых пять, и все роскошные! Лучше бы там... давать волю гневу. Да и зеркал агромадных и дорогих просто уйма, вазы все вы-

ше меня, статуи из мрамора... это ж сколько радости все это бить и крушить!

Я кивнул, уже почти восстановив дыхание.

— Хорошо, учту. Это все подберите и сожгите, а я пройду по королевству малость, на свежем воздухе по-пасторальничаю...

Сэр Вайтхолд переспросил опасливо:

— Что-что?

— Огров поищу, — объяснил я. — Что-то подраться вдруг снова восхотелось... Из вас никто не желает? Нет? Странно.... Ладно, вернусь с новостями.

Они вышли со мной во двор проводить, настороженные и непонимающие, я напрягся, когда ворота королевского сада распахнулись, впустив целую группу монахов.

Многовато их, с дюжину наберется, явно сэр Вайтхолд все еще старается очистить дворец от скверны магии.

Я окинул их подозрительным взглядом, все в черных бесформенных рясах, скрывающих фигуры, низко склонили головы загодя, и с этими капюшонами на головах, что прячут даже подбородки, выглядят просто пугающе. Да, должны быть незаметными, не привлекать ничем внимания, у них духовная жизнь, ничего мирского, но эта скрытость и пугает, мало ли у кого под рясой острый меч или хотя бы длинный кинжал?

Да и вообще... монахи ли это?

— Скоро вернусь, — пообещал я и взлетел в седло.

Они со вздохами облегчения смотрели, как мы втроем на рысях направились к воротам, где увидели бегущего прямо на них Пса и торопливо отпрыгнули в стороны..

Я сжался, вспомнив со стыдом, как в панике изрубил картину, где помимо Кри могли были и другие чудеса. Мне бы только побольше свободного времени!

У меня не поднимется рука, к примеру, убить собаку, хотя у животных вроде бы нет души, но является ли убий-

ством, если убиваешь... или ломаешь... вещь, очень похожую на человека? Теперь Кри уже не появится, чувство вины просто пожирает внутренности, хотя что я сделал такого? Наверное, я слишком еще прост, меня такие вопросы могут надолго выбить из равновесия, а отца Дитриха, чтобы посоветоваться, здесь нет...

Хуже того, мелькнула злая мысль, со мной все стараются советоваться, а я же на самом деле больше надуваю щеки, чем что-то знаю точно и наверняка. Хотя, да, знаю, но все как-то хаотично, урывочно, никакой системы... но даже в том, что знаю, не уверен, что это правильно.

Вообще-то совершенно не знаю, куда податься, но нельзя же признаваться, что просто убегаю в страхе и растерянности, перед подчиненными должен всегда выглядеть могуче, несокрушимо и победоносно, вселять и вдохновлять, а также направлять и вести к новым победам.

Во дворце может подстерегать что-то и похуже, чем эти гиганты из литого металла. Не думаю, что у Гиллеберда только они, он их демонстрировал еще во время моего самого первого визита в Савуази, а сейчас может применить и что-то совсем уж тайное...

Во всяком случае, если шкура дорога, то лучше пока не соваться во дворец. Даже в город. Когда Гиллеберд увидит, что меня там нет, он не станет убивать моих соратников, лев мышей не давит, они не стоят того, чтобы всякий раз расходовать драгоценнейшее колдовство, что копится годами, кроме того, я так смогу понять, где он, и сам начну охотиться. А этого он не допустит, уверен, что теперь я дичь, а он парящий орел, высматривающий меня в виде жалкой мыши...

Думаю, Гиллеберд сейчас сам в замешательстве, не находя меня во дворце. Наверняка рассчитывал убить теми двумя стальными телохранителями, у меня вообще не было шансов, но теперь непонятно: то ли сам прячет-

ся, то ли держит в рукаве что-то еще и пытается все-таки отыскать и нанести смертельный удар...

Дело не в личной неприязни, у Гиллеберда ни к кому ни любви, ни ненависти, он холоден и расчетлив, но помнит, только я сумел успешно бросить ему вызов и даже нанес неожиданное поражение, создав коалицию королей. Зато с моей гибелью все развалится или может развалиться, если хорошенько расшатать...

Хуже всего, что это его королевство, где он знает каждый камешек, а мне здесь все чужое, и укрыться абсолютно нигде.

Арбогастр то делал рывок, то вовсе останавливался, не понимая, что я хочу, почему меня дергает, а я то рвался мчаться в растерянности навстречу войскам вартгенцев, где объясню Фальстронгу ситуацию, и вместе что-то придумаем, то поворачивал коня обратно к Савуази, там я... гм, некоторое время назад был в безопасности, но не сейчас...

Глава 7

На землю пал грозный багровый отсвет. Я в испуге вздернул голову, от сердца отлегло, всего лишь величественный закат, исполинский пожар в небе, что не пугает, а приводит в священный трепет размахом и красочностью.

Косой свет неправдоподобно ярко высвечивает каждую травинку, против солнца они становятся красными, непривычными. Небо еще синее, яркое, но уже проступила круглая луна, пока призрачная, но видна отчетливо, со всеми ее пятнами.

Пес бежит впереди, даже не оглянется, уверенный, что знает, куда это я вот так. Арбогастр тоже прет по прямой, хотя я вроде бы направления не задавал...

Или задал?

Впереди выросла стена леса, деревья исполинские, царственные, гордые, между ними пройдет колонна в четверо конных. Пес исчез впереди, арбогастр сбавил бег и пошел следом, я тупо размышлял о несправедливости, как одна глупейшая ошибка резко все меняет, был же проклятый агрессор в моих руках, ну почему сминдальничал, сейчас бы занимался переводом военной экономики на мирные рельсы, благостная работа, все вокруг бы пели и кричали мне хвалу...

В лесу сразу потемнело, но так всегда, однако деревья почему-то постепенно начали сближаться, мы уже не проскакивали с разбегу, арбогастр вообще перешел на шаг, стало темно, и я понял запоздало, что это ночь, а в ночи только дурак может куда-то двигаться.

Я с тоской смотрел на темные деревья впереди, щели между ними такие узенькие, даже и не представляю, как верблюды будут протискиваться через игольное ушко, придется спешиться, арбогастр сумеет продрасть только без меня, тяжело вздохнул, и тут над моей головой прозвучал жестокий голос:

— Вот ты и попался...

В голосе откровенное злорадство, но явно женский, хотя из тех женских, которые так не любим: злой, мстительный, с хрипловатой ноткой, что у нас ассоциируется с распутством, пьянством и прочим асоциальным поведением.

— Дорогая, — ответил я живо, стараясь, чтобы голос звучал обрадованно, — я так рад, что попался именно тебе!

Она промурлыкала, как гигантская кошка, что уже держит в когтистых лапах беспомощного птенчика:

— Да? Ну так я тебе обрадую еще больше...

— Я слезаю, — ответил я поспешно, — ты где, а то в этой темноте хоть глаз выколи...

С ветки над моей головой прыгнуло нечто на ветку

пониже, лохматое и косматое, закутанное в некие тряпки, а затем и на землю. Я рассмотрел женщину в черно-сером, с разводами на лице, то ли грязь, то ли боевая раскраска, в темноте цвета не вижу. Что за фигура — не понять, столько на ней всего, но глаза очень не понравились, только они сохранили цвет: зловеще-красные, багровые, с пурпурной окантовкой по краям, светятся огнем ада.

Лишь когда она осторожно подошла ближе, в полной уверенности, что я в такой темноте слеп, а я, чтобы поддержать впечатление, тупо смотрел мимо, за спиной этого существа вроде бы не переплетение темных веток, а крылья, почти черные и неопрятно сложенные.

Страх окатил меня волной, но я проговорил как можно нейтральнее:

— Классные... Настоящие?

Она остановилась, лицо довольно милое, только жестокость и хищность проступают в каждой черточке, а красные глаза говорят отчетливо, что это один из самых страшных хищников.

— В каком, — переспросила она растерянно, — смысле?

— Летать можешь? — пояснил я. — Или просто знак отличия?

Она переспросила совсем тупо:

— Знак отличия? Это что?

— Носят же, — сказал я, — всякую ерунду, помимо одежды, что укрывает от холода и защищает от колючек? Вы всякие цветочки в волосы втыкаете, а мужчины цепляют на себя оружие. Даже те, кто боится к нему прикасаться. Как увидишь какого-нибудь, обвешанного с головы до ног...

Она спросила:

— Ну, и что, если увидишь?

— Хочется дать в морду, — признался я. — Чтобы посмотреть, за что он схватится.

— И как?

— За морду хватаются, — объяснил я, — а не за оружие... Ну, мы с тобой пообщались на расстоянии, а теперь давай поближе?

Она сказала с предостережением:

— Ну-ну, слыхала я о людях. Ты что, рассмотрел, что у меня за спиной?

— Ага.

— И как?

— Мне бы такие, — сказал я и подумал, что вообще-то надо попрактиковаться, вдруг да и по эту сторону Хребта удастся поперодактилить в каких-то особых местах. — Тебе хорошо!

Она смотрела на меня с недоумением, а Бобик появился у нее за спиной и оскалил клыки. Она оглянулась, вздрогнула.

— У тебя серьезные звери.

— Это не звери, — объяснил я. — Это друзья.

Она снова подняла на меня взгляд, полный недоумения.

— Ты что, меня совсем не боишься?

— Ты что, — изумился я, — такую хорошенькую и бояться? С такой пышной гривой волос? С таким милым голоском?.. Не люблю, когда пищат и чирикают, а вот по твоему голосу сразу понятно, что ты смелая, сильная, самостоятельная и самодостаточная, не согнутая никем и ничем, умеющая постоять за себя...

Она кивнула, по-прежнему не сводя с меня озадаченного взгляда.

— Что умею, то умею.

Я огляделся.

— Ты тут и живешь?

Она кивнула и ответила с вызовом:

— Да.

— Уютно, — одобрил я. — Принимай гостей.

Она наморщила нос.

— Не забоишься?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но рискнуть готов.

— Ты человек, — определила она. — Только вы такие... рискованные. Ну, смотри.

Она взяла горсть сухих листьев, аккуратно выложила их шалашиком. Я наблюдал, как вперила строгий взгляд, радужная оболочка стала пугающе красной, зловещей, а лицо хищным и неприятным. Из горки листьев показался робкий сизый дымок.

Она наклонилась, эротично выгибая спинку и то, что ниже, тихонько подула, а затем сильнее, смешно раздувая щеки. Красные глаза стали зелеными, что мне нравится больше.

В шалашике из листьев затрещало, дымок пошел гуще, а сами листья начали корчиться и опускаться, показался первый язычок огня.

— Впечатляет, — признался я. — Просто здорово. Хотя... гм, давно я не брал в руки...

Она недоверчиво смотрела, как спрыгнул наконец с арбогастра, собрал и сложил таким же шалашиком сухие веточки, чуть вздрогнула, когда я небрежным жестом метнул крупную искру. Там сразу взвился легкий огонек, пошел расщелкивать мелкие сучки, начал жадно лизать прутьи.

— Это не наше, — произнесла она враждебно. — Такого я не знаю...

— На свете много чего, Горацио, — сказал я, — что неизвестно нашим эльфам.

— А вашим?

— Как видишь, наши эльфы знают больше.

Она задвигалась, вытянула руки.

— Смотри! А это можешь?

В двух шагах у основания дерева камень размером с кулак, она и направила на него раскрытые ладони, уперлась взглядом, набычилась и вся ушла в нечто вроде состояния, которое требует полного сосредоточения и мобилизации всех ресурсов.

Я терпеливо ждал, с камнем ничего, она придвинулась к нему на полшага и снова начала пожирать взглядом. Я уже хотел было предложить сделать что-нибудь с ним иначе, можно же пнуть или стукнуть, чисто мужской подход, как там вдруг резко и сильно шелкнуло.

Камень развалился на две неровные половинки, изнутри взвилась и растаяла легкая струйка перегретого воздуха.

Она повернула ко мне раскрасневшееся лицо с бисеринками пота на лбу. Глаза победно блестели.

— А это ваши эльфы могут?

Вид у нее задиристый, такая будет сражаться до последнего, я сказал со вздохом:

— Увы, нет... разве что вот это... но, такое, конечно, у вас могут даже дети...

Я начал создавать сыр в тончайших ломтиках, жареное мясо, фрукты, сладкое, а закончил своим фирменным, что удастся всегда, — изящными шариками мороженого в стаканчике.

Ее глаза расширились, она ахнула.

— Что... что это?

— Просто еда, — объяснил я. — Для вас такое легко, а вот для нас в самый раз...

Она смотрела, как я ем, с осторожностью попробовала сперва сыра, затем мяса, лицо воспламенилось, глазки заблестели, женщины вообще лучше чувствуют уровень приготовления еды, это нам что в горло пролезло, то и полезно.

Мороженое она сперва облизывала, потом жадно хва-

тала губами, а в конце эти шарики трещали на ее зубах, как мелкие огурчики.

— Еще? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, а то лопну. Зачем я тебе лопнутая?

— Ты права, — согласился я. — Нелопнутая ты намного... интереснее.

— Эй-эй, — сказала она, — убери руки.

Руки я не убрал, она говорит то, что надо говорить, убежденности уже не слышно, да и голос какой-то сытый, спокойный, нет ни вражды, ни даже настороженности.

Бобик лег лядом с нами и сразу захрапел, перестал ощущать с ее стороны опасность. Арбогастр сорвал ветку, вяло пожевал и, выронив из пасти, застыл в ночной дреме.

Глава 8

Рассвет пробивался сквозь зеленую листву напористо, но получалось у него плохо, зеленый свод в несколько слоев веток не поддается, хотя сами листья просвечивают, и здесь у нас уже достаточно светло. Я лежал неподвижно, в черепе дерутся умные мысли с еще более умными, слушал, как рядом это существо сопит сладко, устроившись на моем плече и дыша в шею животным теплом.

Проснувшись, она некоторое время делала вид, что спит, прислушиваясь ко мне, и явно быстро соображала, что же дальше, сейчас день, глаза привыкли к полусвету, все видно отчетливо, надо ли удрать, пока я сплю...

Похоже, так и решила, я ощутил, как медленно подняла голову с моего плеча, осторожно сняла ногу, закинутую мне почти на грудь. Я зевнул и вроде во сне на-

крыл ладонью копну ее торчащих волос и опустил всю эту массу на прежнее место.

Она снова замерла, я еще раз зевнул, открыл глаза и сказал с удовольствием:

— Хороший день... и дождя нет. Как спалось?

— Чудесно, — буркнула она.

Я почесал у нее за ухом, залез пальцем в раковину, довольно крупная и хрящеватая, поскреб там, выискивая ногтем грязь.

Она поежилась.

— Перестань... щекотно!

— Терпи, — сказал я твердо. — У тебя уши грязные... наверное. Зато рожки блестят...

Она охнула, помолчала, потом тихо проговорила с недоверием:

— И что... тебя не пугает, что я с рогами?

Я развел руками.

— Знаешь, учился я хреноваستنенько, но знания очень уважаю, хотя бы самые школьные. А там говорится, что рога только у травоядных. У хищников рогов не бывает.

Она смотрела непонимающе.

— А ты что... когда их увидел?

Я хмыкнул.

— Когда? Всегда. Я хорошо вижу в темноте, как и ты. Можешь не прятать их в волосах, а то столько взбила, глаз не видно. Я разве не говорил, что я тоже фурри? Наше племя раньше было фурри, а до того вообще в воде плескалось, пока одна кистеперая сдуру не полезла на берег... Так что мы в тесном родстве, милая. Хотя я и растерял шерсть, рога с копытами, но внутри фурри, еще какой фурри, всем фурым фуры!.. Так что ты ничем меня не удивила. Подумаешь, шерсть! У меня душа лохматая. Вот только жалость, что хвоста нет... А у тебя он просто замечательный.

Она пробормотала ошеломленно:

— Значит, ты все понимал и... не боялся? Или боялся?

— Еще как, — признался я. — Вдруг укусишь или откусишь...

— Я что, совсем дура?

— Ну ты же красивая? — возразил я. — Значит, любой дури ждать можно. А ты в самом деле красивая, при свете дня видно в красках, шкурка у тебя оранжевая, шелковая, мягкая, животик тепленький, сама ты толстенькая, просто чудо!.. Фурриарточка ты моя мурлыкающая. А почему у тебя на хвосте нет кисточки?

Она прошептала, глядя исподлобья и еще не веря услышанному:

— А... зачем?

— Красиво, — сказал я убеждающе. — У вас, женщин, должен быть вкус насчет всей этой дури, раз уж в политике, как курицы в Кентерберийском соборе. Кисточка на хвосте — это все!.. По крайней мере — важно. Серьги в ушах или палочка в носу есть, а хвоста нет?

Она пробормотала обалдело:

— Хорошо... Постараюсь отрастить. Если получится.

— Получится, — заверил я твердо. — Мы фурри или где?

— Ну...

Я поднялся, поднял ее с нашего истертого ложа и, прижав к себе, крепко поцеловал в мягкие и теплые, уже раздавленные за ночь моими, губы.

— Прекрасно. Обратно буду ехать, проверю. А сейчас, увы, вперед и к новым подвигам! Вон мои друзья уже говорят: мы мужчины или чё?.. К эльфам по этой дороге?

— Нет, чуть левее...

Арбогастр одобрительно фыркнул, а Бобик перестал ревниво метаться и как бы невзначай вклиниваться между нами, отпихивая ее от меня, даже посмотрел на нее

благосклонно, когда я занял место в седле, все-таки у нее уши, хвост, даже шерсть в некоторых местах.

Я разобрал повод, оглянулся на нее.

— Кстати, как тебя зовут?

— Элизаэль...

— А меня — Ричард Захватыватель... то есть Завоеватель, хотя вообще-то это ты завоевательница... мое сердце завоевала и в полон взяла!

Бобик ринулся, как огромная черная, низко летящая птица, арбогастр ломанулся за ним. Я прижался щекой к конской гриве, в памяти осталось вспыхнувшее счастьем ее лицо. Я сказал такие великие для нее слова, но мы всегда говорим их с легкостью, почему не сделать человеку приятное, нам такая мелочь ничего не стоит, особенно вот так, когда знаем, что больше сюда не попадем и больше не встретимся, а ночь покроет любой стыд.

В оправдание себе говорю громко, как на исповеди, хотя на ней никогда не был и плохо себе представляю, чтобы я исповедовался другому человеку, а не напрямую Богу: фурриартил с нею только в интересах дела, эльфы тоже не люди, а раз хочу с ними поддерживать союз, то надо получше узнать этих существ. Лучший же и самый короткий путь пролегает через постель. Можно и без нее, конечно, но копуляция все-таки обязательна, хотя иногда удастся обойтись простым коитусом. А вот так, проведя с ней ночь, я как бы сказал, что мы одной крови, что ни раса, ни пол, ни вероисповедание, ни шерсть на пузе не должны ставить границы общения между людьми, а людьми считаем всех тех, с кем удастся общаться и достигать некоторого демократического понимания.

Красочный восход в прекрасном эльфийском лесу тронул даже мою заскорузлую душу, хотя как-то не до красот вообще-то, но все-таки я оценил и даже повертел головой, глядя, как яркий солнечный свет сползает по стволам деревьев, будто жидкий огонь.

Из зелени раздался грозный, так он должен быть или казаться, голос, только вот слишком звонкий и писклявый, словно кричит перепуганная девочка-подросток:

— Стоять!.. Дальше смерть! Поворачивай назад!

Я помахал рукой.

— Эй-эй, полегче... Свои, не видишь разве? Хотя да, вы больше на слух...

Зеленые ветви пышного и с виду непролазного куста почти не шелохнулись, но с той стороны на эту шагнул стройный изящный эльф в зеленой одежде, зеленой шапочке, даже лук украшен зелеными листьями.

Он проговорил удивленно:

— О, это вы, сэр Ричард?

Я поправил строго:

— Конт Астральмэль к вашим услугам. А Ричардом стану, когда контесса Гелионтэль разродится наследником и род благородного конта Астральмэля продолжится.

Он сказал виновато:

— Простите, это я от усталости. Всю ночь торчал тут...

— Тогда вам пора сменяться, — сказал я. — Можете отправиться со мной.

— А вы... к контессе Гелионтэль?

— Да, — согласился я. — Иду выполнять, так сказать, супружеские обязанности.

Сказал и ощутил себя как-то странно, вот надо выполнять супружеские обязанности, а нет тоски, что всегда охватывает любого при слове «обязанности». Возможно, потому, что выполняю не свои, а чужие, и не совсем как бы лес корчую.

— Долг, — сказал он с сочувствием, — святое дело.

— За друга, — пояснил я, — ничего не тяжело. Есть такое святое слово «надо».

Он кивнул.

— Да, мы ведь эльфы? Но как хорошо, что кроме «надо» есть еще и «можно», когда делаешь то, что хочется!

Мы улыбнулись друг другу понимающе, тут и тролль все поймет, Пес понесся вперед, я не стал останавливать, у эльфов к нему совсем другое отношение, никакой паники, вообще эльфы со всеми зверями, птицами и, наверное, даже червяками уживаются настолько хорошо, что даже не знаю.

С седла видно поверх кустов, но когда вдали блеснула золотая крыша, я соскочил на землю, почвы не видно под плотным ковром изумрудно веселой травы, и пошел вперед, держа Зайчика за повод.

Деревья раздвинулись, на огромной площади, язык не поворачивается назвать ее поляной, блистает оранжевым огнем, словно янтарная игрушка под прямыми лучами солнца, сказочно прекрасный замок, изящный. Вычурный и в то же время настолько огромный, что даже я не запомнил, куда ведут эти длинные мостики на огромной высоте, переходы от башни к башне, почему столько окон в одних и ни одного в других, и что за странный дизайн, от которого радостно и тревожно стучит сердце.

Основание дворца горит в пурпурном огне, а мраморные ступени, ведущие ко входу, сегодня желтые, как мед, хотя в прошлый раз, как мне помнится, были снежно-белыми.

Я выпустил повод и пошел по ступенькам, напоминая себе, что я по делу, и вообще я аменгер, а не кто-то, я по праву, а что не сразу к жене, так это ж уважение хочу высказать королеве Синтифаэль, рожденной из Света и Солнца.

В воротах двое эльфов заступили дорогу, я покачал головой.

— Ребята, вы меня не узнаете?

Один сказал недружелюбно:

— Узнаем. Но только по своей воле и без приглашения можете заходить разве что в свой хлев.

— А в ваш?

Он не врубился, эльфы вообще-то простые, не зря же красивые, ответил резко:

— Ждите здесь. О вас доложат.

Ждать пришлось недолго, буквально через пару минут появился совсем молоденький эльфенок и прочирикал сладеньким голоском:

— Конт Астральмэль, Ее Величество королева Синтифаэль, рожденная из Света и Солнца, готова принять вас!

— Благодарю, — ответил я. — Веди, существо. Ты паж?

Он помотал головой:

— Нет... Хотя я слышал, у нас будут, как и у людей, пажи!

Глазенки его вспыхнули восторгом, явно вообразил себя в костюме пажа с уменьшенным мечом на поясе и кокетливой шляпкой с пером.

— Да-а, — сказал я, — у людей чему только не научишься... Иногда и хорошему можно, правда-правда! Хотя, честно говоря, я и не знаю, чему...

В огромном зале трон пуст, придворных эльфов почти нет, везде рассеянный свет, я заметил движение у дальней левой стены. Там на фоне красочных барельефов со сценами из эльфийской мифологии почти не отличимая от них блистательная Синтифаэль в ярко-оранжевом платье и на этот раз с распущенными по спине волосами беседует с двумя седовласыми эльфами, но все еще не потерявшими осанки.

При моем приближении оба поклонились королеве и удалились. Она повернулась, вперила в меня пронизывающий взгляд, все такая же строгая и божественно прекрасная.

Я с великой готовностью, красуясь, грациозно опустился перед нею на колени, склонил голову.

— Ваше Величество...

Она помедлила, я чувствовал её взгляд на моем затылке и, надеюсь, широких плечах, в стране эльфов вообще широчайших, да и эполеты хорошо выделяются в такой позе, а если чуть поднапрячь руки, то трицепсы просто загляденье, это бицепс у меня маловат, и хорошо, что не видно...

— Приветствую вас, конт Астральмэль, — произнесла она с подчеркнутым холодком. — Что привело вас в Эльфийский Лес?

— Жажда сообщить Вашему Величеству, — ответил я, поднимаясь и неотрывно глядя в ее прекрасное лицо, — что всем моим войскам дан приказ не рубить здесь лес, не собирать хворост и не охотиться на эльфов...

Она переспросила:

— Войскам?

Я поклонился, скрывая досаду, все-таки заметила, зараза, то, что могла бы пропустить мимо ушей, если бы они не были такими торчащими и нежно-розовыми, что хочется куснуть за кончики.

— К сожалению, — сказал я честно, — королевство пока еще не все в моей власти. Крестьяне могут считать себя подданными прошлого короля, которого я сверг... они как раз и могут еще по неразумению наносить вам вред... но я намерен здесь закрепиться и принять меры... А также, пользуясь случаем, я хотел бы, с вашего позволения, повидаться со своей женой, контессой Гелион-тэль.

Она не сводила с меня испытующего взгляда.

— Вы же не знаете, — произнесла она медленно, — может быть, она уже забеременела?

Я скромно потупил глазки.

— Ваше Величество, в интересах продолжения эльфийства я предпочел бы перестраховаться. А вдруг, знаете ли, ну, не клюнуло, надо бы для надежности повто-

рять, я же не для себя, для всемирного эльфизма стараюсь!

Она произнесла ровным голосом, но мне почудился не свойственный эльфам сарказм:

— Ну разве что не для себя...

— Точно! — сказал я клятвенно. — Как хорошо, что вы все понимаете! Что значит королева.

Она произнесла с некоторой безгловостью:

— Я понимаю больше, конт, чем вы можете предположить. Хорошо, отправляйтесь к милой Гелионтэль.

— Вот прям шас и побегу!

— Передайте ей мою любовь и милость.

— Не забуду, — пообещал я. — Все на свете забуду, но ваши слова, блистательная Синтифаэль, моя королева...

Я начал кланяться, отступая жопой вперед, но она вдруг, словно только сейчас вспомнив какую важную мелочь, поморщилась и произнесла небрежно:

— Да, кстати... Нам только что стало известно, что вы останавливались на ночь у некой Элизаэль... Она живет вне нашего племени...

— Любит одиночество?

— Она преступница, — ответила королева холодно, ее лицо стало чуточке злее, хотя оставалось прекрасным. — Не признавала законы, не подчинялась... За ее дикий и жестокий нрав ее изгнали!

Я охнул:

— Такую тихую ласковую кошечку? Ваше Величество, ее пора простить и вернуть!

Королева не спускала с меня пронизывающего взгляда.

— Она должна была вас убить и выпить кровь.

— Должна? У нее был такой приказ?

— Нет, именно за такое злодейство она и была изгнана.

У меня пробежал по спине запоздалый холодок, но я

постарался растянуть губы пошире в примирительной улыбке.

— Ваше Величество, но разве то, что меня не сожрала, не доказывает, что уже исправилась, и ее можно на свободу с почти чистой совестью?

Она покачала головой:

— Не знаю, не знаю... Вы спали вместе?

Я зябко повел плечами.

— Ваше Величество, у бедной Элизаэль нет даже хатки, что есть у последнего зайчика в таком темном лесу! А ночью там холодно. Это ж так естественно, что мы прижались друг к другу, надо ж как-то сохранить остатки тепла!

Она произнесла хмуро:

— И всю ночь прижимались... Это мой лес, Ричард Завоеватель, в нем от моего взгляда таиться глупо и бесполезно.

Я смущенно опустил глазки и шаркнул задней ножкой.

— Ваше Величество, а вот у людей подглядывать не совсем как бы принято, хотя да, интересно... Так вы ее простите? Я это, милость к падшим призываю! Из великого гуманизма, не корысти ради, Ваше Величество, вы ж гуманистка?

Она нахмурилась, долго рассматривала меня, наконец проговорила с непонятной интонацией:

— В самом деле странные существа... Заступаетесь за чудовище, что едва не убило вас. А вам в самом деле ее жалко, вижу.

Я кивнул.

— Жалко, Ваше Величество... И еще, могу я к вам обратиться к небольшой, но весьма деликатной просьбой?

Она смерила меня холодным взглядом.

— Можете. Но не обещаю, что смогу ее удовлетворить. Или даже сохранить в тайне. Я не верю вам, сэр Ричард.

Я опустил глазки и пробормотал:

— Да это не меня касается, Ваше Величество... Могу ли я просить, чтобы этот вот мой небольшой... совсем крохотный грешок остался между нами? Я бы не хотел, чтобы моя милая Гелионтэль узнала, что я провел ночь с этой... бедной изгнанницей.

Она спросила холодно:

— Вы хотите, чтобы я солгала?

Я замотал головой:

— Ни в коем разе! Но если Гелионтэль не спросит, вы же не станете сами рассказывать о чем-то, что может ее огорчить?.. То, о чем не знает, как бы и не было, Ваше Величество! В интересах ваших подданных, во имя их счастья и блаженного спокойствия духа и всяческого умиротворения!

Она поморщилась, подумала, вздохнула.

— Вечно у людей всякие неприятности... Хорошо, я ничего не скажу милой Гелионтэль. Я ее люблю.

— И я, — сказал я искренне. — Вот видите, как много у нас общего?

Она смотрела на меня пристально и молчала. Я поклонился и отступил, но осталось странное ощущение, что между нами появилась какая-то связь благодаря общей тайне.

Глава 9

Мраморные ступени странного оранжевого цвета закончились в траве, хотя в прошлый визит, насколько помню, вся площадь была засыпана золотым песком по щиколотку.

Зеленые стебли, тугие и упругие, не позволяют коснуться земли, я шел по памяти, выбрал на знакомую дорожку из золотого песка, навстречу иногда попадаются эльфы, чаще — эльфийки, почти у всех золотые волосы с

зеленью, а у некоторых и вовсе зеленые, как свежая молодая трава.

Эльфы, как понимаю, бдят и добывают, а эльфийки украшают жизнь и общество. На кухне, насколько известно, не парятся, еда и питье у них вырастают прямо в деревьях, надо бы попросить отводки или семена, и хотя разнообразия маловато, но зато без хлопот, а на халяву и укус сладкий, так что все довольны, чирикают и щебечут, щебечут и чирикают, миленькие такие...

В сравнении с людьми все здесь выглядят как дети, в смысле, с детскими личиками, несмотря на вполне развитые фигуры, но даже у стариков морды выглядят свежими, с молодой здоровой кожей.

Еще заметил, что у эльфов множество домашних животных, самых разных и просто причудливых. То ли одомашненных, то ли прирученных или подчиненных, не понял, а докапываться некогда — впереди вон кукольный домик, такой яркий и милый, что защемило сердце от тихого счастья.

— Гелионтэль, — произнес я шепотом, — как люди много потеряли, что не обэльфились!

Я осторожно приоткрыл дверь, Гелионтэль в зеленом платье, целомудренно длинном, у дальней стены стоит у окна спиной ко мне и кормит с ладони мелких птичек. Тонконогие, писклявые, они скачут по подоконнику, садятся ей на плечи, трогают за уши.

Мои ноги остановились сами по себе, заскорузлая душа встрепенулась, слушая ее тихий счастливый смех.

В какой-то момент она вздрогнула, ощутила присутствие за спиной большой и грубой силы, торопливо оглянулась.

В огромных, удлиненных к вискам глазах метнулся испуг.

— Ой, как ты меня...

Я протянул к ней руки, и она послушно пошла ко мне

навстречу, дала себя обнять. Я прижал ее к груди, тонко-станную и трепещущую, мягкую, теплую и нежную, жадно вдохнул запах волос, пахнувших травами и цветами.

— Я люблю тебя, Гелионтэль.

— Я люблю тебя, Астральмэль, — ответила она тихо и, закрыв глаза, подняла лицо.

Я нежно поцеловал ее в полные нежные губы, а потом уже впился зверски, подхватил ее на руки и понес к ложу, почти не слыша ее испуганные протесты.

Волосы ее золотыми волнами раскинуты по двум большим подушкам, щеки полыхают стыдливым румянцем, а голубые глаза стали совсем синими, яркими и блестящими.

— Астральмэль, — произнесла она почти шепотом и снова опустила веки с длиннющими пушистыми ресницами, — ты... щади меня. Ты слишком... силен.

— Прости, — сказал я с раскаянием, — просто не могу удержаться, нежная ты моя, светлое существо...

— Удержаться? Ты терзаешь меня уже несколько дней!

— Ой, правда?

— И... нельзя днем... Нехорошо...

— Ты прекрасна, — заверил я. — Тебе можно все и везде.

Она пыталась прикрыть ладонями наготу, но я убрал ее руки и жадно целовал всю от кончиков ушей до розовых пяточек, таких нежных, словно она никогда не ходит по земле.

Наконец она робко приоткрыла дивные глазищи и повела ими по сторонам. У меня перехватило дух, настолько прекрасны пышные золотые волосы, в беспорядке разбросанные по подушке, во взгляде некоторый испуг и напряжение.

— Астральмэль...

Мне показалось, что она хочет сказать что-то важное, но не решается. Поцеловал ее в живот и спросил:

— Да?

Она выговорила с трудом:

— Я люблю тебя, Астральмэль...

— Я тебя тоже, — сказал я и нежно поцеловал ее дивные эльфиные перси, — только скажи! Все для тебя...

Она вздохнула с неясной печалью.

— Мне кажется, у меня будет ребенок...

— Обязательно, — заверил я. — У тебя какой сейчас день?

Она в удивлении приподняла брови.

— День? Вроде бы солнечный...

Я сказал бодро:

— Га-га-га, точно! Когда ты в моих объятиях, мне всегда тепло и солнечно. Но я про твой день... в смысле, от начала менструации.

Она вздрогнула, съежилась, будто я загнал ее в угол, как мелкого зверька, и уже луплю большой толстой палкой.

— Что?... Перестань!

Я сказал деловито:

— Но надо же знать, какой день! И вообще, сколько она у вас длится?... Как у людей или как у кроликов?... В любом случае овуляция случается обычно в середине, ближе ко второй половине, но у вас могут быть особенности.

Ее нежное лицо густо залила краска, покраснела даже шея, а кончики ушей вспыхнули оранжевым огнем.

— Как ты можешь, — прошептала она в ужасе, — такое спрашивать? Как тебе не стыдно? Это... нельзя!.. Мужчины вообще не должны знать о таких вещах!..

— Почему? — удивился я. — Разве ты не самое дорогое для меня на свете?

— Нельзя! — твердила она. — Нельзя!.. Это стыдно!.. Ты не должен о таком знать!

Я пробормотал:

— Но я как-то узнал... Гм, тогда как же планировать рождение... неужели зависеть от глупой случайности?

Она помотала головой, не открывая глаз.

— А как иначе? Богиня Лесов сама решит, какой день лучше...

— Ага, — сказал я, — тогда в сем невежестве надо не пропустить важный час и заниматься подобным исполнением супружеского долга каждый день. Что, впрочем, меня пока вполне, да, вполне... Хотя весь месяц не могу... Конечно, могу, но я же мужчина, а не только самец, должен вершить судьбы, а не только, ага...

Она закрыла уши ладонками и отвернулась, поджав колени почти к подбородку. Я обхватил руками этот трепещущий от стыда комочек, начал переливать в него свое тепло, свою нежность, шептать в торчащее пылающее стыдом ухо, что я ее безумно люблю, что она самая замечательная, теплая, мягкая, кусательная... и в доказательство легонько куснул за сладкий бочок, а потом, не удержавшись, начал покусывать и дальше.

А если Гиллеберд оставит попытки отыскать меня и убить, всплыла беспощадная мысль, а ринется напрямую к своим войскам, что противостоят натиску армии Фальстронга?

Впрочем, там войск нет, только отдельные крепости и замки, которые Фальстронг обходит, а отряды местных феодалов, осмелившихся выйти навстречу, сбивает сравнительно легко...

Впрочем, Гиллеберд может воодушевить, привлечь из сел простолюдинов, пообещав им что-нибудь, например, отмену налогов лет на пять, призвать на помощь герцогство Ламбертинию, или Гиксию, а в Скарляндах

раскрыть планы сыновьей Фальстронга, что замыслили на нее напасть, едва получают власть...

И хотя Гиксия и Скарлянды, несмотря на свои размеры, пока еще слабы и не оправились от прохода через их земли армии Тьмы под началом императора Карла, но вполне могут помочь Гиллеберду против их исконного врага...

Гелионтэль повернулась в моих застывших объятиях, ее прекрасные глаза с тревогой посмотрели в мое суровое лицо.

— Что случилось, супруг мой?.. Плохое видение?

— Да, — прошептал я, — очень... Я люблю тебя, дорогая. Но мне, увы, пора снова в седло. Дорога зовет всегда, но как редко ее слышим!

Она робко обхватила меня за шею, руки тонкие и нежные, в глазах печаль.

— Береги себя...

— У меня есть, — заверил я, — ради чего беречь! Я люблю тебя, моя солнечная контесса.

Она послушно подставила губы под поцелуй, но стыдливо отпихивалась, когда я начал целовать ниже, а я вздохнул и заставил себя подняться с такого уютного сладкого ложа.

Пес примчался на зов моментально, глаза горят восторгом, чем-то этот мир ему знаком, вижу по довольной харе, а Зайчик вышел из-за деревьев с вопросительным выражением на удлинённой аристократической морде.

— Едем, — сказал я со вздохом. — Мы же мужчины или как?.. Если как, то можем остаться, если мужчины... в бой!

Пес подпрыгнул и ухитрился лизнуть меня в нос уже в седле. Арбогастр недовольно повернулся к нему задом и с намеком показал копыта.

Как много люди приобрели, что не обзельфились,

мелькнула мысль, но тут же ушла бесследно, ибо деревья распахнулись, как занавес, мы вылетели на простор.

Мысли снова вернулись к тому моменту, когда за мной ломались стальные гиганты и едва не настигли. Вообще-то, наверное, я сглупил от страха. Рамку для картины зачем ломать, хватило бы и того, что передвинул бы рисунок на что-то нейтральное. Скажем, на ту же Кри. Нет, это опасно, вдруг в мое отсутствие кто-то проник бы в кабинет и сумел бы повторить то, что и я со своим неистребимым любопытством? А потом от Кри пошел бы двигать картинками, пока не выпустил бы тех двух неуязвимых чудищ...

Но можно бы отыскать изображение далекого леса, а то и вовсе стены с узорами, в которую не влезешь... Эх, да ладно, что сделано, то сделано, я и побольше глупости творил. Надо смотреть вперед, а не назад. Я еще такое сотворю, что и на голову не налезет...

Это чужое королевство, напоминал я себе, мы с ними воюем, надо быть настороже, мало ли чего, а тем более я не простой ратник. За мою голову много бы дали...

Однако народ все так же работает в поле, собирает хворост на опушке леса, строит сараи и амбары, мимо нас проносятся поля, и нигде я не видел войск и сражений.

Впрочем, в эти эпохи еще не существовало понятия линии фронта, войска двигаются только по дорогам навстречу друг другу, а для битвы вдвоем заботливо выбирают удобное для обоих поле.

И только миль за двести от границы с Варт Генцем увидел отряды вооруженных людей, а чуть погодя и войско местных полководцев, что сдерживают натиск армии Фальстронга.

Я всмотрелся издали, сперва увидел знамя с гербом рода Вигфридов, этот шатер в окружении десятка тяжеловооруженных воинов в блестящих стальных панци-

рях, а чуть дальше такой же, но покрупнее и с прапором повыше — клана Аттельстана, второго опытного полководца Гиллеберда.

Зайчик посматривал вопросительно, но я покачал головой.

— Нет уж, нет уж... Дважды в ту же пасть льву не полезем...

Арбогастр набрал скорость, мы проскочили мимо войска, а потом и мелких отрядов, перекрывших баррикадами дороги, наконец я увидел огромный лагерь вартгенцев: окруженный глубоким рвом и деревянным частоколом из свежеструганных бревен остриями вверх, чем-то римским повеяло, но на самом деле просто самое удачное расположение, можно не страшиться ночного нападения.

Пес на этот раз держится рядом, тихий и смирный, арбогастр сам убавил скорость, а к воротам лагеря мы подъехали шагом.

Из двух башенок меня уже держат на прицеле, очень неуютно, когда и луки, и арбалеты смотрят в твою сторону, вдруг у кого-то дрогнет палец.

— Стой, кто идет?

Я вздохнул с облегчением, некоторые удачно найденные фразы становятся вечными.

— Ричард Длинные Руки! — прокричал я. — Или Ричард Завоеватель, как вам удобнее!

В меня всматривались с сомнением, вызвали кого-то из старших, наконец после бурных переговоров ворота распахнули, мы вошли на всякий случай осторожно и не делая резкий движений.

Из громадного шатра пурпурного цвета быстро вышел высокий лорд в блестящих дорогах доспехах, но с непокрытой головой, пошел в мою сторону, медленно распахивая объятия.

На меня взглянули ярко-синие беспощадные глаза, но суровое лицо тронула улыбка.

— Сэр Ричард!

Я соскочил на землю, обнял его крепко за плечи.

— Граф, счастлив вас видеть!

Фальстронг в свое время обронил, что граф Фредерик Меганвэйл отвечает за королевскую армию еще и потому, что ему нравится ею заниматься, он любит это дело больше, чем уют родового замка.

— Здоров ли Его Величество? — спросил я.

Меганвейл кивнул.

— Да, здоров как бык. Но, к сожалению, недавно отбыл, дорогой друг. Армия временно под моим руководством...

— Этого и следовало ожидать, — сказал я со всей любезностью, — она для вас, как вечно молодая жена, сэр Фредерик. Жаль, что Его Величество отбыли, но я подожду его возвращения...

Глава 10

Он обнял меня за плечо и повел к своему шатру. Оруженосцы, перехватив его указующий взор, забежали от обоза к шатру, уставляя широкий стол напитками и блюдами.

В шатер иногда заглядывали любопытствующие, одному граф махнул рукой, а когда тот вошел, держась достаточно скромненько, представил его с апломбом:

— Моя правая рука, барон Эванс, лучший стратег из всех существующих, которого я наконец-то выдергал из его кельи и утащивал на подлинное поле битвы!

Барон Эванс, бледный, и с первого же взгляда видно, насколько комнатный, застенчиво поклонился.

— Садитесь с нами, — пригласил граф, — если, ко-

нечно, сэр Ричард, наш благороднейший союзник, не возражает...

— Конечно же, — ответил я любезно, — я только рад присутствию ученого человека. Приятно бывает послушать что-то, кроме нового способа заточки мечей!

Граф хохотнул, первым ухватил жареного гуся, оторвал лапу и принялся жрать, подавая нам пример. Некоторое время мы ели молча, потом начали запивать вином, наконец я, уже ощутив приятную тяжесть в желудке, поинтересовался:

— А почему Его Величество вдруг решил вернуться? Насколько помню, он планировал руководить войной до полной победы.

Меганвэйл поморщился.

— Вы ее уже одержали. Честно говоря, победа над Гиллебердом наполовину обесценилась.

— Наполовину? — переспросил Эванс с намеком.

Меганвэйл вздохнул.

— Да, конечно, захват столицы — это больше чем наполовину. Да еще и ваш договор... Две трети королевства теперь ваши?

— Их еще надо дозавоевать, — напомнил я скромно.

Он вздохнул.

— Теперь уже дозавоеуем, раз уж начали... Только наши люди перестали так уж яростно ломиться вперед, как в первые дни. Эх, тогда все сметали с пути! Хотя, конечно, Его Величество отбыл совсем не потому, что потерял интерес к разгрому Турнедо.

— А почему?

— Письмо из дому, — объяснил он. — Он сам велел все время сообщать, как там дела в столице. Пока все шло хорошо, но вчера прибыл гонец с сообщением, что лорды устраивают заговор, хотят сместить короля...

Я насторожился.

— И посадить принца Эразма?

Он помотал головой.

— Как раз Эразм и предупредил, что зреет заговор. И просил приехать. Боится, что сам не справится. Хотя мне кажется, он просто боится пролить чью-то кровь, это же не враги, а знатные люди королевства, кто-то даже из родни...

Я нахмурился, что-то чуеться нехорошее, хотя вроде бы все так и должно быть; принц не хочет ни с кем ссориться, пусть приедет строгий отец и сам арестовывает, допрашивает и даже казнит, а он будет старые рукописи читать да с женщинами в большой ванне плескаться...

— Письмо прибыло вчера? — переспросил я.

— Да.

— Можно мне взглянуть?

Он заколебался, развел руками.

— Вообще-то, сэр Ричард, не обижайтесь, но вы наш доблестный и благородный союзник, к которому мы преисполнены всяческого уважения и даже почтения, однако надо быть членом королевской семьи, чтобы получить доступ к королевской переписке.

Я стиснул челюсти, тревога все растет, что-то здесь очень неправильное, опасное. Даже очень опасное...

— Вы были там, — напомнил я, — когда мы пировали по поводу захвата пограничной крепости...

Он кивнул, заулыбался.

— Да, это была ваша блестящая операция! Вы удивили всех, захватив ее, не потеряв ни человека!.. Это войдет в наши летописи, как пример умелой тактики...

Я прервал:

— Его Величество сказал мне на пиру при всех насчет того, что я ему как сын...

Он кивнул, а барон Эванс сказал с удовольствием, гордясь отменной памятью:

— Его Величество изволил сказать, держа кубок в ру-

ке: «Пью за сэра Ричарда, очень хотел бы иметь такого сына. Или хотя бы внука...»

Я спросил у графа Меганвэйла:

— Этого, думаю, достаточно?

Он кивнул, и хотя в глазах было сомнение, но взял ключ, открыл шкатулку и вытащил свернутый в рулон листок, густо облепленный сломанными сургучными печатями.

— Сэр Ричард... только для ваших глаз.

Я сказал быстро:

— Не сомневайтесь, граф! Я давно уже не пастух.

Пальцы мои задрожали, я торопливо схватил и впил-ся взглядом в неровные буквы послания.

В письме крик отчаяния, просьба о помощи, младший сын страшится упустить ситуацию из-под контроля и умоляет отца срочно вернуться, чтобы подавить мятеж, пока он не разросся до опасных размеров, но чем больше я всматривался, тем больший холодок заползал в сердце, и наконец там разрослась ледяная глыба.

— Это ложь, — прошептал я.

Меганвейл спросил в тревоге:

— Где? В чем?

— Все письмо, — проговорил я с трудом, — ложь...

Он вскрикнул:

— Подложное? Не от принца Эразма?

— Лучше бы подложное, — выговорил я с трудом. — Это в самом деле от принца... Но составлено слишком умело, слишком... бьющее в цель. И очень точно представлены акценты...

Все смотрели на меня с испугом, граф переспросил:

— Акценты? Что это?

— Колдовские знаки, — пояснил я, — чтобы заставить поверить... Боюсь, граф, и вы дорогие друзья, дело намного хуже... Никакого заговора вельмож нет...

Граф вскрикнул:

— Так это же прекрасно!

— ...но есть заговор самого принца Эразма, — договорил я. — Он всегда держался в тени и поддерживал отца, потому что в случае гибели короля им станет Родерик, а у Эразма отнимет и то, чем тот владеет. То же самое сделал бы и Марсал... Но сейчас оба принца погибли, как и внук Дуглас, которому Фальстронг намеревался уступить трон! И только Эразм теперь единственный претендент, а он — самый расчетливый и коварный из сыновей Его Величества!

Граф охнул, побледнел.

— Вы полагаете...

— Подумайте, — предложил я. — Вы лучше меня знаете змеиное гнездо, в котором живет благородный король. Это письмо — ловушка! Короля заманивают во дворец, торопят.... Взгляните, вот здесь как бы вскользь просят побыстрее прибыть одному или с небольшой охраной, чтобы якобы не волновать и не пугать народ...

Он сказал хриплым голосом:

— А во дворце его встретят убийцы... Сэр Ричард, я велю общий сбор! Мы поспешим вслед за королем!

— Поспешу я, — сказал я, — у меня конь побыстрее. Если догоню, постараюсь убедить Его Величество вернуться.

Он вскрикнул в тревоге:

— Вы не успеете! Он уже подъезжает к воротам стольного града!

— Буду торопиться, — ответил я.

Воины отпрыгнули, когда я с бешеными глазами выбежал из шатра, свистнул, и, опрокидывая людей и прыгая через костры, примчался арбогастр, огромный и черный, а следом Пес с блестящими от возбуждения глазами и оскаленной пастью.

Я прыгнул в седло, развернул коня на север и пустил вскачь прямо через лагерь.

Справа и слева проносились широкие квадраты полей, в Артании обычно мелкие лоскутки, надо узнать, как это здесь умеют держать большие площади под пшеницей или гречкой, под конским пузом иногда проскакивали полосы дорог, мы же прем напрямик, нам главное — перехватить Фальстронга до въезда в столицу, дважды неслись по краям озер, поднимая справа и слева стены из брызг так, что казалось, будто у черного коня выросли по бокам серебристые крылья...

Впереди из-за горизонта начал подниматься пологий холм с блеснувшими крышами дворцов, когда впереди я увидел отряд скачущих всадников. Над передними, если не обманывает зрение, ветерок треплет знамя короля Фальстронга.

Я поспешно придержал Зайчика, а когда осталось с полмили, вообще пустил в простой галоп, чтобы там успели меня рассмотреть и не всадили десяток болтов из арбалетов с перепугу и так, на всякий случай.

Фальстронга окружили плотным кольцом, я вскинул обе руки в приветствии, подъехал шагом.

— Ваше Величество!

Телохранители расступились, узнали, мы сблизилась, я сказал настойчиво:

— Ваше Величество, ваши военачальники настаивают на вашем возвращении.

Он смотрел исподлобья, никому не нравится, когда появляются так внезапно, это всегда предвещает неприятности. В седле он не выглядит стариком, хотя и на троне с его огненными глазами смотрелся моложе многих парней.

— Что случилось? — спросил он резко.

— Текстологический анализ показал, — ответил я со значением, — что письмо, полученное вами, хоть и написано принцем Эразмом, но под диктовку... Гиллеберда.

Он охнул:

— Что-о?

Я сказал твердо:

— Ваше Величество, я допустил серьезный промах... Гиллеберда я захватил в плен и бросил в темницу...

Воины зашумели, Фальстронг вскрикнул:

— Поздравляю!

— Но он сбежал, — признался я. — Наслал на меня все резервы дворца, пришлось удирать... А он, как я и предположил, ринулся к своим войскам, что противостоят вашей армии. Но и там не задержался, а понесся сразу же в Варт Генц.

Он крикнул при известии, что Гиллеберд сумел вырваться из темницы, переспросил:

— В Варт Генц? Вы уверены?

— Полностью, — ответил я. — Сперва, правда, было только предположение, но когда ваши военачальники показали мне письмо принца Эразма к Вашему Величеству...

Он слегка нахмурился, королевская переписка не предназначается для посторонних, спросил мрачно:

— И что в письме не так?

— Ваше Величество, — сказал я твердо, — вас просто заманивают! Нет того заговора, о котором пишет принц Эразм, но есть другой... вижу, вы догадались, Ваше Величество. Сами заметили, да, что младший сын поумнее и похитрее старших братьев?.. Да плюс еще влияние Гиллеберда... Вас убьют, Ваше Величество. Вас убьют, а на трон сядет принц Эразм. Если вам это как бы все равно, жизнь не дорога, но мне вы живьем все же симпатичнее... Хотя бы потому, что принц Эразм тут же свернет наступление на Турнедо, заключит с ним союз, а Гиллеберд пообещает помочь завоевать Скарлянды.

Фальстронг помрачнел, я видел, как тяжелая кровь прилила к векам, те покраснели, даже глазные яблоки побагровели, наконец из груди вырвался тяжелый вздох.

— Сэр Ричард, — проговорил он сумрачно, — я надеюсь, все не так, как вы говорите. Но... спасибо за предупреждение! Я не Гиллеберд, но у меня во дворце тоже кое-что припасено.

Я предостерег:

— Вы можете не успеть. С вами слишком мало людей, Ваше Величество! А погибнуть можете, едва переступите порог. Гиллеберд тоже понимает, что кое-что могли запасти для защиты.

Он нахмурился, с неудовольствием пожевал губы.

— Не думаю, — произнес он хмуро, — что Гиллеберд рискнет появляться там открыто. А дальше я разберусь. Надежные люди по моему приказу все-таки за тронном присматривают... как вы могли догадаться тоже.

— И за принцем Эразмом?

Он тяжело вздохнул.

— Увы, да. Такова судьба монархов — не доверять даже детям.

— Недоверие обоснованно, — заверил я. — Это не лесть, сами знаете. Ваше Величество, вернетесь?

Он подумал, посмотрел на далекие стены города, я видел, как на лице проступило колебание, но то ли усталость после долгой дороги верхом, то ли вера в свою несокрушимость заговорила и передала разумные доводы, но он вздохнул и сказал сравнительно твердым голосом:

— Не в моем характере, дорогой друг, уклоняться от вызова. Я сомну противников, как делал всегда!

Глава II

Наверное, будь я в самом деле такой умный и предусмотрительный, каким стараюсь казаться, что-то, возможно, сумел бы сделать, как-то остановить Фальстрон-

га, предостеречь, но... все еще не могу говорить с королями на равных, хоть пыжусь и делаю вид, что для меня это как два пальца о дерево.

Да и начало казаться, что Фальстронг вообще-то не уступает Гиллеберду, они даже внешне похожи, только Фальстронг бороду подрезает коротко. А так была бы такая же длинная и серебристая. Дворцовая жизнь, полная интриг и заговоров, научила Фальстронга быть предельно внимательным и подозрительным. Гиллеберд может напороться, как коса на камень, на себе подобного монстра...

Я не решился ехать следом, это глупо, но и возвращаться рано, есть шанс, что если Фальстронг справится, то завтра-послезавтра он вернется к войску, и мы продолжим трудное, но все же наступательное движение...

В небольшой деревушке я остановился на ночлег в крайнем доме, что вообще на отшибе, будто там ведьма или кузнец, который тоже, по народным поверьям, знается с нечистой силой.

Бобик побегал вокруг дома и сараев, доложил, что везде тихо, даже неинтересно, а Зайчик сам ушел на конюшню и задремал стоя. Крестьяне с ног сбивались, пытаясь угодить знатному рыцарю, я попросил не беспокоиться, сам создал мяса, сыра и хлеба, поужинал. Остатки велел им взять себе, а сам лег и долго пытался заснуть, но перед глазами все время вставало бледное решительное лицо Фальстронга.

Когда уже засыпал, острая мысль кольнула, как шилом: а не потому он идет в столицу навстречу гибели, что ему вдруг все обрыдло? Заговор старшего сына и подлость внука, переход на сторону врага среднего, а теперь еще и младшенький, самый любимый, вознамерился убить всего лишь для такой малости, как захватить трон и стать королем?

А вдруг он все понимает и едет навстречу гибели, что-

бы разом покончить со всей этой гнусностью и уйти в рай, как невинно убиенный?

Я вскочил, сердце колотится с такой силой, что в ушах звон. Что-то я чересчур размерехлюндился. Ну не может железный и нестигаемый Фальстронг настолько уж пасть духом, чтоб вот так махнуть на все рукой и сказать, будь что будет!

Значит, у него, как и у Гиллеберда, что-то да припасено на подобные случаи. Очень даже неплохое. И неожиданное. Если даже мне ни слова...

Предраассветный ветерок заставил зябко поежиться, на светлеющем небе луна сияет мощно, победно, и в ее серебристом свете я увидел то, на что не обращал внимания: роща по ту сторону деревни, в некотором отдалении от нее, вовсе не роща. Внизу под сенью деревьев аккуратные холмики с крестами.

Мне показалось, что в дальнем углу что-то шевелится, присмотрелся: два покрытых шерстью оборотня торопливо разрывают могилу. Один то и дело зыркает в мою сторону, хотя не столько в мою, как на Бобика, что вышел следом сонный и широко зевает, не раскрывая глаз, оба готовы удрать при малейшем моем движении в их сторону.

Я хотел вернуться в дом, но чувство долга заставило сделать шаг в их сторону, поднял кулаки, и ночные жители, глухо ворча, отступили в темноту.

В дом я возвращаться не стал, зашел к Зайчику. Он мрачно посмотрел на Бобика, тот помахал ему хвостом и сообщил, что спал со мной на одном ложе, причем — посредине, а их хозяин — на самом краешке.

— Не могу заснуть, — признался я. — А тут еще это кладбище выпрыгнуло... поневоле в приметы начнешь верить.

Бобик подпрыгнул и предложил мчаться, ловить птиц, зверей, пугать стрекоз, топтать траву и ломать кусты,

А пусть не стоят на дороге, а Зайчик с сочувствием подышал мне теплым в ухо.

— Бобик прав, — пробормотал я, — давайте-ка... съездим.

Зайчик с готовностью подставил бок, стремя приглашающе звякнуло. Я уже давно перестал расседлывать загадочного друга, как только разобрался, что ему ничего не натирает, но помалкиваю, когда ухаживают за ним другие люди.

Бобик довольно оскалился и в нетерпении подпрыгнул на всех четырех, мы такие медленные, все еще не сказали, в какую сторону поедem.

— Сам не знаю, — пробормотал я. — Наверное, все-таки вслед за Фальстронгом...

Он с места сделал рывок, я крикнул вслед, чтобы далеко не уходил, мы не в лесу, а среди людей, здесь опасно.

Крепостные стены в утреннем тумане выглядят сырыми и неопрятными, а стражники наверху — нахохлившись воронами. Даже не ходят взад-вперед, как положено, а спят стоя, прислонившись к каменной кладке.

Я намеревался подъехать ближе и крикнуть, как там, дескать, дела, но подумал, что светиться не стоит, мое звери приметнее, чем я, их наверняка запомнили.

Отыскав небольшую группку деревьев вблизи, я оставил обоих и строго приказал:

— Ждать. И не высовываться. Я скоро. Ненадолго, поняли, морды?

Арбогастр кивнул, звякнув удилами, Бобик заискивающе повилял хвостом, дескать, а может, все-таки возьмешь хоть меня одного?

— Ждите, — повторил я и ушел.

На стене в это время что-то произошло, там появились еще трое, размахивают руками, говорят быстро, не

по-утреннему. Потом все повернулись и уставились на шпиль королевского дворца.

Я посмотрел туда же, сердце екнуло и остановилось. Там двое отвязывают знамя с личным гербом Фальстронга, ветер мощно трепещет полотном и бьет по их лицам, наконец древко отделили от шпиля, я стиснул челюсти, когда этот красноречивый символ власти полетел, подхваченный ветром, косо во двор, исчез за стеной, а на его место водрузили знамя... принца Эразма!

Деревянными ногами, весь похолодев, я приблизился к стене, прокричал, подражая грубому простонародному говору:

— Эй, ребята, что там стряслось?

Они продолжали возбужденно спорить, размахивали руками, наконец один крикнул вниз:

— Король Фальстронг умер...

— Господи, — вырвалось у меня, — убит?

Он ответил недружелюбно:

— Всякое говорят, но это не наше дело. Нам как скажут, так и будет. Принц Эразм взял корону и сказал, что беспорядков не допустит.

— Еще бы, — пробормотал я. — Спасибо, буду знать.

Он крикнул вдогонку:

— И в деревне своей скажи, ничего не изменилось, кроме имени короля!.. Никаких волнений, а за всякие разговоры будут, думаю, карать строго.

— Спасибо, господин, — поблагодарил я и с гудящей головой вернулся к своим зверям.

Они смотрели на меня серьезно и с сочувствием, видят, что у меня за лицо, Бобик шумно вздохнул и, подойдя ближе, лизнул руку, дескать, зато они у меня всегда есть и оба меня любят.

— И я вас люблю, — сказал я, — очень...

Арбогастр снова подставил бок, я вдел ногу в стремя и тяжело поднялся в седло. Бобик посмотрел вопро-

сительно, понял и пошел ровными скачками в сторону юга.

Голова гудит, словно улей с разъяренными пчелами, в ушах звон. Я мычал и бил себя кулаком по чугунному лбу, снова сглупил, поверил, согласился, уступил, а ведь был же прав, почему вот так глупо, нельзя так уж отступать перед авторитетом и почтенным возрастом, Фальстронг мудрее, но мне со стороны было виднее, чем закончится, почему не уговорил, не переубедил...

И что теперь? Наверняка Гиллеберд с принцем Эразмом, теперь уже королем Эразмом, срочно заключили мир, Эразму обещана полная поддержка в завоевании Скарляндов и даже Гиксии.

Возможно, к войску графа Меганвейла уже мчится гонец с приказом остановить наступающие войска. Более того, вероятен и такой вариант, когда обе армии обяжут действовать заодно...

Волосы зашевелились у меня на затылке, когда представил, что вся эта мощь подойдет к Савуази. Мы не продержимся и суток, если полезут на стены по всему периметру, а войска королей Барбароссы и Найтингейла еще слишком далеко, они еще даже не подошли к границам Турнедо...

Но даже если армию вартгенцев Эразм просто отзовет на родину, северная армия Гиллеберда тут же пойдет быстрым маршем на столицу, и мы окажемся в западне.

Да, наверняка такой важный для Гиллеберда приказ уже отправлен, эта сволочь не теряет ни минуты, это я растерялся и глупо прятался у эльфов, полагая, что ах как умно провел Гиллеберда, здесь он меня не достанет, а я ему на самом деле был совершенно не нужен, он знает, как убить меня по-другому...

Мелькнула мысль как-то перехватить, убить гонца, написать совсем другое, но кто знает, какими дорогами

тот несется сейчас к войску. Кроме того, всегда можно использовать голубиную почту или даже магов, что умеют переговариваться друг с другом на расстоянии...

Лагерь вартгенцев, привольно раскинувшийся в середине долины, вынырнул из солнечного марева раньше, чем я что-то придумал. Арбогастр хоть и сбросил скорость, но все же ворвался в лагерь, как черный вихрь, напугав как охрану, что не успела и рта открыть, так и стража у шатра графа Меганвэйла, перед которым мы остановились.

Бобик сразу сунулся к походному котлу проверять, чем будут кормить, а я бросил повод воинам и соскочил на землю. Меня шатало, я сам чувствовал, что бледный, как мертвец, все сосуды во мне пережаты, будто жгуты наложены даже на сердце.

— Ваша светлость, — вскрикнул один из стражей, — что с вами? Может быть, воды... в смысле, вина?

Я покачал головой и, откинув полог, шагнул в шатер, опередив бросившихся ко мне пажей и оруженосцев.

Граф расположился в удобном низком кресле, ноги забросил на специальную лавку, сапоги с него стащили, и две молодые крестьянки разминают ему уже покрасневшие ступни.

Он охнул, увидев меня.

— Сэр Ричард! Что стряслось?

Я мотнул головой девушкам.

— Вы можете идти.

Они посмотрели на графа, тот кивнул, хоть и с неудовольствием. Они тоже очень неохотно ушли, поглядывая на меня осуждающе, я хоть и знатен, но чужак, не вартгенец, нечего тут позволять распоряжаться всяким пришлым.

Когда полог за ними опустился, я сказал горько:

— Я успел догнать Его Величество и передал наши предупреждения...

Граф вскрикнул:

— Но это же замечательно! У вас очень быстрый конь!

Я тяжело сел на лавку, она протестующе скрипнула, словно я от плохих новостей потяжелел вдвое.

— Если бы все зависело от коня, — ответил я. — Да, было такое, а сейчас я на том уровне, когда ни конь, ни пес, ни мое умение дать в зубы уже не помогают. И с Его Величеством я не сумел...

Он сказал встревожено:

— Но вы же ему все сказали?

— Все, — ответил я, — и даже то, что вы согласны с моими предостережениями.

Граф на миг запнулся, переспросил:

— А я был согласен?

— Да, — сказал я, — вы тоже не хотели, чтобы Его Величество так собой рисковал. Но Фальстронг заупрямился. Почему-то полагал, что сумеет перехитрить Гиллеберда...

— Он... там?

Я кивнул.

— Лично не видел, врать не буду, но чувствовал его присутствие во всем. Фальстронг отверг мои... наши уговоры, он всегда шел навстречу опасностям и всегда побеждал. Но не на этот раз...

Он вскрикнул:

— Что? Что с Его Величеством?

— Полагаю, — ответил я, — Гиллеберд понимал, что у Фальстронга во дворце тоже есть особая тайная защита, о которой знает только он... и потому нанес удар, как только Его Величество с отрядом миновали городские ворота.

Его лицо начало бледнеть, он спросил сдавленным голосом:

— И... что дальше?

— Его Величество, — сказал я упавшим голосом, — защиту задействовать не успел. Думаю, он был убит сразу. Мгновенно. Дальше Гиллеберд действовал быстро и решительно: принц Эразм был той же ночью провозглашен королем, я сам видел, как сегодня утром с крыши дворца сбросили знамя с гербом Фальстронга и подняли взамен прапор Эразма...

Меганвэйл громко хлопнул в ладоши, вбежал паж, учтиво поклонился.

— Созови всех военачальников, — отрывисто велел граф. — Немедленно!

— Будет исполнено! — прокричал тот светлым детским голоском и выскочил из шатра.

Меганвэйл мрачнел и мрачнел, и к тому моменту, как начали собираться его лорды, был уже темный, как грозовая туча. Сапоги на ногах, меч в ножнах стоит в углу, но вид у графа таков, словно расхаживает с оголенным клинком в руке.

— Лорды, — произнес он глухим голосом, — должен сообщить вам очень горькую весть... нет, пусть лучше это сделает сэр Ричард! Он все видел своими глазами, да и... молодость не так чувствительна, а у меня в сердце уже рвутся какие-то жилы...

Он в самом деле морщился и растирал ладонью левую половину груди. Я поднялся, все смотрят встревоженно, я развел руками.

— Вижу, многие догадались... Я догнал Его Величество и безуспешно пытался отговорить ехать в столицу, сказал, что все мы беспокоимся за него и просим вернуться. Но Фальстронг... вы же его знаете! Он не послушался, въехал в город и был убит принцем Эразмом, который тут же объявил себя королем.

Военачальники сперва потеряли дар речи, потом на-

чали вскакивать, что-то выкрикивали бессвязное, я вслушивался и понял, что принца Эразма все-таки никто не знает и не любит, в то время как у Родерика и даже Марсала в армии были сторонники.

Я сказал горько:

— Отцеубийство — грех... но все же иногда случается. Обычно в таких случаях отвечают за него на небесах, такие идут напрямик в ад... но в нашем случае важнее даже не сам факт, что Эразм убил отца...

Они снова обратили на меня внимательные взгляды. Один из лордов спросил раздраженно:

— А что же?

— Изменение политики, — ответил я четко. — Гиллеберду не голова Фальстронга была нужна, хотя смерти своего врага только порадуются... куда важнее для нас то, что он убедит Эразма заключить мир с Турнедо в обмен на помощь и поддержку в захвате Скарляндов и даже Гиксии!

Снова зашумели, я видел растущую тревогу на их лицах. В самом деле, короли меняются, для большинства подданных особой разницы нет, как именуется очередной правитель, но вот воюет страна или в ней царит мир — это касается всех.

Граф Меганвэйл произнес растерянным голосом:

— Знамя принца Эразма на шпиле дворца... да, это уже понятно, кто на троне... но насчет мира с Турнедо...

Я вскрикнул:

— Вы еще не поняли, что за этим стоит Гиллеберд? Да для него, уже сказал же, важнее всего разбить нашу коалицию!.. Принц Эразм первым же декретом отменит наступление на Турнедо, вот увидите! Я просто опередил гонца, но через пару дней уже прискачет с королевским приказом...

Военачальники зашумели, растерянные, как гуси, лишившиеся вожака, граф сказал потерянно:

— Но такой приказ принц не мог отдать...

— Почему?

— Требуется утверждение Верховного Совета, — пояснил он, — а его собрать непросто. Не меньше недели, а то и двух. Не все же при дворце, большинство в своих замках.

Я пожал плечами:

— А принца это волнует? Он издал приказ, а утверждают потом... Он успел подготовиться, сейчас город в его руках, да и многие лорды на его стороне.

Он сказал с сомнением:

— Но Его Величество не мог так ошибиться...

— Его Величество был хорош везде, — сказал я, — кроме как в семейных делах, что бывает очень со многими. Он справлялся с королевством, но не с детьми. Да вы и сами знаете, не так ли?

Он отвел взгляд, лорды выглядят не просто растерянными, но даже потерянными. И нелепая гибель короля оглушит кого угодно, и понимание, что принц Эразм наверняка внесет изменения во взаимоотношения с соседними королевствами... а если там в самом деле замешан Гиллеберд, то трудно предсказать, во что выльется.

Граф Меганвэйл проговорил наконец с подчеркнутой уверенностью, что все наладится:

— Дождемся гонца. Тогда многие из наших опасений отсеются...

— А другие подтвердятся, — сказал один из лордов мрачно.

Он кивнул.

— Да, другие подтвердятся. Но мы точно будем знать, что произошло, что от нас требуют, что можем, а что нет...

Глава 12

Лагерь гудел еще трое суток, гибель короля обсуждали как военачальники, крупные и мелкие, так и простые воины. Мне совсем не понравилось, что все больше простого народу начало склоняться к мысли насчет замирения с Турнедо. В то же время все понимают четко, что я очень хотел бы продолжать начатое, дескать, война до победного конца, но нужно ли это Варт Генцу?

Граф Меганвэйл выслушал меня, тяжело вздохнул и указал на кресло по ту сторону стола, где в вазах громоздятся сочные гроздья винограда и прочие местные фрукты.

— Присядьте, дорогой друг. Вы весь день на ногах, а я устаю, только глядя на вас!

Я опустился в кресло, на виноград даже не посмотрел. Спросил настойчиво:

— Что намерены делать?

Он пожал плечами:

— До прибытия гонца — ничего. А слухи распускают вовсе не лазутчики Гиллеберда, как можно подумать. В любой армии хватает трусов, что хотели бы вернуться в теплые хаты и там пить вино, не вылезая из постелей.

— Мнение простого народа меня не интересует, — сказал я, — он пойдет туда, куда поведут. Но военачальники... мне кажется, некоторые тоже хотели бы замириться с Турнедо.

— Их ждет война со Скарляндами, — напомнил он.

— То легкая добыча, — сказал я.

Он кивнул:

— Да, конечно. Сэр Ричард, на вас лица нет!.. Ответьте вина, виноград просто чудо, я не знал, что в Турнедо он уже хорош. Правда, в Армландии лучше...

— Там теплее, — пояснил я. — И Большой Хребет защищает от любых ураганов. Ну где же гонец?

Гонец прибыл, когда терпение начало рваться и у самых спокойных. Граф Меганвэйл сразу же собрал в свой шатер всех лордов, они расселись, он только тогда, выказывая свое уважение собравшимся, сломал королевские печати и развернул свернутую в трубку послание.

Все слушали молча, а граф читал громко и отчетливо приказ уже не принца, а короля Эразма, в котором тот жестко предписывал немедленно остановить любые враждебные действия по отношению к войскам королевства Турнедо, собрать все отряды в одно место и ждать дальнейших приказаний.

Кто-то спросил, не выдержав:

— Ваша светлость, а если турнедцы сами нападут?

Граф Меганвэйл, к которому был обращен вопрос, раскрыл уже рот, чтобы ответить, но я сказал быстро:

— Они не нападут. Уверен, они получили такой же приказ! Потому что если нападут, здесь поневоле будут защищаться. А королю Гиллеберду сейчас важен каждый солдат, чтобы поскорее перебросить высвободившуюся армию на южное направление. Я имею в виду на встречу наступающим войскам королей Барбароссы и Найтингейла.

Граф Меганвейл нахмурился, но кивнул, проговорил рассудительно:

— Вы правы, сэр Ричард. Если, конечно, за всем этим стоит Гиллеберд.

— Еще не убедились? — спросил я горько.

Он сказал так же медленно:

— А если дело только в принце Эразме, что, как и его братья, давно мечтал сесть на трон? Он поступил бы точно так же и безо всякого Гиллеберда.

Я ощутил себя припертым к стене, развел руками:

— Да, но... Думаю, принц Эразм сам не решился бы убивать отца. Трон и так бы ему достался. Пусть не сейчас, а через несколько лет...

Меганвэйл сказал мрачно:

— Эх, не знаете вы принца...

— Не знаю, — согласился я, — но знаю, как и вы знаете, короля Фальстрога!.. Не принцам переиграть такого мастера. Если бы убить его попытался принц, Фальстронг легко бы избежал покушения, в его арсенале предусмотрено и такое...

Военачальники заговорили между собой, мнения снова разделились, наконец Меганвэйл постучал ладонью по столу:

— Прошу внимания!.. Содержание королевского приказа вы отныне знаете. Так что с сегодняшнего дня наступление на Турнедо прекращаем!.. Да-да, я сказал, прекращаем!

— Разосланные отряды отзывать? — спросил кто-то из лордов.

Он подумал, покачал головой:

— Нет, пока рано. Подождем еще гонцов... Других.

Я не понял, о каких гонцах речь, но уже на следующий день, к владетельному лорду со странным именем Арнубернуз, что значит «орел + медведь», прибыл гонец от его клана.

У знатных семей и кланов, пользующихся влиянием и располагающих богатствами и обширными землями, есть свои соглядатаи, в том числе и при дворце.

Каждый из таких гонцов прибыл к своему лорду, и тот принимал его лично, но на следующий день снова все собрались, многие военачальники взволнованные и расстроенные, многие в раздумьях, явно на перепутье.

Я ждал с нетерпением и трепетом сердца, моя судьба висит на волоске, один из гонцов начал рассказывать, как именно был убит король Фальстронг, и во время его жаркой исповеди то один, то другой из лордов бросали

на меня хмурый взгляд, словно я лично причастен к гибели их сюзерена.

— Ему не дали даже поздороваться! — рассказывал гонец с жаром. — Он только въехал через городские врата... а оттуда к дворцу еще с четверть мили!.. как из-за парапета поднялись двадцать арбалетчиков. Десять выстрелили в короля, а десять в его охрану. Король умер сразу, я видел, как стальные стрелы пробили ему грудь, горло, а две попали в голову... Лорды, что ехали с ним, обнажили оружие и бросились к арбалетчикам, но тех заступили целые отряды, что прятались там же... Погибли почти все, кто ехал с ним...

Меганвэйл вскрикнул:

— И брат мой Салимериз?

Гонец сказал виновато:

— Простите, ваша светлость, он погиб в то же мгновение, что и король... Видимо, вашего брата страшились так же сильно.

Военачальники зашумели, посыпались вопросы, в основном спрашивали о лордах, отправившихся с королем, гонец бледнел, краснел, разводил руками и все повторял:

— Убит... Погиб... был убит... упал с коня под копыта, пронзенный стрелами... убили на ступеньках... погиб в рукопашной...

Я видел гневные лица, каждый скрипит зубами, хватается за рукоять меча. У многих на глазах слезы, кто-то плачет навзрыд, кто-то откровенно рыдает, о короле не столько слез, как о предательски убитых друзьях или родне...

Вот оно, сказал я себе и вышел вперед, отодвинув гонца.

— Так помянем же нашего короля и его благородных героев, что не сложили оружия, а дрались с несметными силами врага, на пиру в их честь!.. Это мы обязаны сде-

лать в их светлую память, а потом решим, как поступить правильно и разумно.

Сразу несколько голосов поддержало, а лорд Арнубернуз сказал горько:

— Да, это обязательно... Да и зачем все эти запасы, если придется оставить такой прекрасный лагерь?

Застолье по убитому королю решили было организовать в шатре графа Меганвэйла, но показалось тесновато и перенесли под открытое небо, благо день ясный, а небо чистое.

По справедливому замечанию лорда Арнубернуза на столы выставили практически все вино, что оказалось в лагере, а также большую часть припасов.

За столами разместились лорды и младшие командиры, гордые оказанной им честью, а простым ратникам вино и мясо передавали к кострам.

Я пил со всеми, расточал комплименты, говорил об их доблести, расхваливал отвагу и умение вести позиционные бои, а когда все уже набрались так, что морды бурякового цвета, а вино вот-вот хлынет из ушей, поднялся и прокричал гневно и страстно:

— Вы все были с нами на пиру в честь взятия той пограничной крепости, когда мы под покровом ночи перешли реку и победно вторглись в Турнедо! Вспомните, Его Величество, благороднейший король Фальстронг, сказал мне при всех: «...Я очень хотел бы иметь такого сына...» Он для меня в самом деле как отец... да что там отец, он больше и выше, я черпал горстями его мудрость, упивался ею, поглощал и сейчас вот применяю как в боях, так и в жизни! Я живу Фальстронгом, я руководствуюсь его мудрыми правилами, его законами, его понятиями!

Военачальники одобрительно заревели, а лорд Фродвин, грузный и солидный старый лев, проревел мощно:

— Да, я слышал слово в слово! Он сказал: «...Я очень

хотел бы иметь такого сына. Или хотя бы внука, вы мне больше во внуки...» Спасибо за добрые слова в память о нашем короле, сэр Ричард...

Я прокричал:

— И вам спасибо, лорд Фродвин, вы полностью оправдываете свое имя, ибо вы хороший друг короля и помните его заветы! Но я полагаю, как и вы, я уверен в этом, память о славном короле Фальстронге не должна быть забыта после этого пира!.. Его дух жив, память о нем вечна, а мы просто обязаны довести его дело до конца!

Граф Меганвэйл напомнил с грустью:

— Мы получили приказ остановить наступление.

— И вернуться назад, — добавил лорд Арнубернуз.

— Это работа Гиллеберда, — вскрикнул я, — разве не видите? Он сперва склонил на свою сторону старшего сына, потом сумел как-то одурманить и переманить принца Марсала, а теперь вот наконец, хитро убежав из моей тюрьмы, он ринулся в Варт Генц и... вы видите, что он наделал?

Арнубернуз пробормотал:

— Принц Эразм должен ответить за свои дела перед Верховным Советом лордов... но, боюсь, уже поздно. Как-то он сумел все это обойти.

— Гиллеберд подсказал, — крикнул кто-то озлобленно. — Этот найдет способы!

Я сказал напористо:

— Мы все прекрасно знаем, что все три сына давно добивались трона, но отец держал власть в железном кулаке. Вы знаете о судьбе Родерика, о предательстве Марсала и о том, как погиб его внук Дуглас... Но когда Его Величество отправился в далекий поход, что должен принести всем нам почет и славу, принц Эразм сумел быстро в оставленной столице собрать сообщников, а

тут еще недостаточно быстрые победы над турнедцами, разочарование от потери столицы...

Граф Меганвэйл посмотрел на меня косо.

— Да уж, — произнес он тусклым голосом, — обставили вы всех, ваша светлость, с захватом столицы. Кто бы мог подумать... Недаром Его Величество хотел бы вас иметь своим сыном...

Я сказал громко:

— Я и есть его сын! Пусть не по крови, но принц Эразм запятнал свои руки отцеубийством, а это смертный грех. Он мог бы остаться безнаказанным... и останется, если промолчим. Но мы не промолчим, братья!.. Бог с нами, и сила тоже!.. Мы должны вернуться, как и приказывает принц Эразм, объявивший себя королем, но мы вернемся только для того, чтобы предать суду отцеубийцу! А на трон посадим лучшего из ваших лордов, что давно и честно служат королевству, ничем не запятнан, и кому вы готовы принести присягу!

Лорд Фродвин, поймав мой требовательный взгляд, то и дело гоняет слуг, чтобы кубки у лордов были всегда полными, что-то ощутил, а я, помимо него, уже высмотрел среди военачальников тех, на кого могу надеяться, а также тех, на кого могу положиться полностью.

Глава 13

К середине ночи выработали план и поклялись на Библии быть верными клятве вернуться в столицу и, свергнув отцеубийцу, очистить трон для новой династии.

Король Фальстронг был силен и жесток, часто беспощаден, потому сейчас даже неустрашимый полководец граф Меганвэйл охотно переложил на меня ответственность за то, что я изъясил из армии почти всю конницу, тя-

желую и легкую, и повел ее быстрым маршем обратно в Варт Генц.

Сам он остался, как и велел Фальстронг, руководить армией, но я подтвердил приказ короля ничего не предпринимать, с места не двигаться, никаких наступлений, только оборона, хотя я так распорядился совсем по другой причине.

Фальстронг просто желал всем руководить сам, а я понимаю, что с прибытием Гиллеберда ситуация резко обострилась, а боеспособность турнедцев резко возрастет.

Со мной рядом скачут графы Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт, то и дело подъезжает барон Хельмут, могучий и широкий настолько, что уже проломил бы спину простой лошадке, но под ним такой битюг, что даже непонятно, как может так долго и без видимой усталости идти галопом, а то и карьером.

— Будем надеяться, — приговаривал граф Фродвин через каждые полчаса, как молитву, — что успеем избежать большого кровопролития... будем надеяться...

Я наконец сказал раздраженно:

— Граф? Вы воин или где?

Он вздрогнул, посмотрел на меня скорбно. На лице два шрама, один так глубоко рассек бровь, что глаз уцелел буквально чудом, явно не трус и с битвами знаком.

— Ах, сэр Ричард, — ответил он со вздохом. — Чем старше становлюсь, тем больше не хочу воевать с теми, с кем вместе дружил в детстве, пировал, ездил на охоту, играл в кости... турнедцы — другое дело, эти уроды даже пояса не так носят, их всех можно перебить, а вот начинать распри в моем Варт Генце...

— Нет ничего хуже, — согласился я, — чем гражданская война, когда сосед на соседа, брат на брата, сын на отца... Но я уже сталкивался, знаю, как не допустить ее ужасов.

На меня смотрели с надеждой не только графы Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт, но подъехали Габрилас, Елиастер, Фитцуильям и другие военачальники отрядов.

Я сказал с нажимом:

— Всех виновных в заговоре... а также поддерживающих или даже одобряющих — карать на месте быстро и без разговоров!.. Только так успеем погасить огонь в зародыше и не дать разгореться в пожар!

Они малость опешили, граф Фродвин сказал нерешительно:

— Я понимаю насчет схваченных с оружием в руках... но что значит «одобряющих»?

— Это значит, — сказал я резко, — людей, которые, сидя в своих поместьях, нанимают тех, с кем будете драться до скончания века, потому что те будут идти и идти!.. Змею надо бить в голову, вы это понимаете?

Он тяжело вздохнул, лицо омрачилось, но кивнул, взгляд стал невеселым, но понимающим.

Я опасался, что кто-то из нашего лагеря может помчаться впереди нас, чтобы предупредить принца Эразма о расколе в войске, когда большая часть осталась, а меньшая пошла на столицу, потому торопил и даже вечером всего лишь дал отдохнуть немного лошадям, покормиться и перевести дух, а затем мы продолжили опасный рейд на столицу и ночью.

Небо скрыто облаками, луна едва просвечивает сквозь темную пелену, звезды проглядывают в разрывах туч, везде темень, только сама дорога желтеет впереди смутно и призрачно, как ненастоящая.

Далеко слева проступила темная неопрятная роща и снова исчезла, едва луна пошла блуждать по недрам туч.

Я сновал взад-вперед, проверяя, нет ли сильно отставших, Пес рыскал по окрестностям, выискивал вра-

жеских лазутчиков, заодно давил зверей прямо в их норах или лежбищах, я указал ему на графа Фродвина, и Бобик совал обомлевшему лорду в руки то оленей, то кабанов, то просто откормившегося толстого барсука, так и не успевшего проснуться.

Я все присматривался и прислушивался к разговорам, составлял в уме характеры, приклеивал ярлыки, распределял, кому что можно поручить, а что ни в коем случае, наконец кивком подозвал к себе одного из молодых уже рыцарей, битого и повидавшего жизнь, барона Бальдфаства Бредли из старинной, но сильно обедневшей дворянской семьи.

Он моментально подъехал и, сняв шляпу, отвесил учтивый поклон. Наши кони пошли рядом, я нарочито подал Зайчика в сторону, чтобы остальные не слышали наш разговор.

— Барон, — сказал я негромко, — надеюсь, вам недавно дали такое славное имя.

Он ответил осторожно:

— Да, оно обязывает ко многому.

— Смелый и быстрый, — сказал я, — прекрасное имя. Мне кажется... вы ему соответствуете. Я бы еще добавил «рэд», потому что вы проявляете мудрость и понимание проблем...

Он смотрел прямо, лицо невозмутимое, только по глазам я заметил, что похвалой все-таки польщен.

— Ваша светлость...

Я бросил быстрый взгляд по сторонам, нет ли кого на расстоянии слышимости, заговорил, понизив голос:

— Мне показалось, что именно вы лучше всех в нашем отряде понимаете опасность и пагубность гражданской войны в королевстве.

— Ваша светлость?

— И потому, — продолжал я, — на вас возлагаю особые надежды. Я поручаю вам отобрать в свой отдельный

отряд наиболее быстрых и решительных воинов. Желательно простолюдинов или из разорившихся дворян...

На этот раз он смолчал, только слушал, но и сам пару раз зыркнул по сторонам, не слышит ли кто про особое поручение от сэра Ричарда.

— Как вы понимаете, — сказал я, — не о своем благополучии пекусь, а токмо о благе Варта Генца. Если же заговорщики будут обезглавлены очень быстро... в прямом смысле, сэр Бальдфаст!.. пламя не успеет разгореться, и королевство не будет кормиться в кровавых раздорах.

Он медленно наклонил голову, лицо потемнело, голос его прозвучал мрачно:

— Да минует меня чаша сия, так сказал Господь, входя на крест... но не миновала. Я понимаю, сэр Ричард, необходимость малой жестокости, чтобы успеть не допустить большую. Не хотелось бы этим заниматься, но... опять вы правы, другие будут действовать строго по правилам... и гражданская война неизбежна!.. В Варте Генце каждый третий против войны с Турнедо, и двое из трех за вторжение в Скарлянды, что значит полную поддержку принца Эразма...

Я спросил быстро:

— А как сами вы?

Он ответил несколько смущенно:

— Скарлянды и мне кажутся более легкой добычей, ваша светлость... Однако король решил идти на Турнедо, я повинуюсь. Да и Турнедо, если честно, все-таки угроза, хоть и не самая близкая, а Скарлянды никогда нам не угрожали и... не смогут. Так что, думаю, нужно сперва с Турнедо решить, а Скарлянды как-нибудь на потом... если не передумаем.

— Благодарю за честный ответ, — сказал я. — Вы правы, Скарлянды можно завоевывать или не завоевывать, но если не помешать Турнедо захватывать земли соседей и усиливаться за их счет, то в конце концов они завоюют

и вас. Потому я даю вам право вершить суд быстро и на месте, ответственность беру на себя. Если знатное лицо предстает перед судом, то самое тяжкое наказание, что удастся наложить, чтобы не вызвать взрыва возмущения многочисленной и могущественной родни, — это высылка в отдаленные владения и запрет появляться при королевском дворе. А это, как вы понимаете, не есть решение...

Он поклонился.

— Понимаю.

— Действуйте, барон, — заметил я. — Езжайте к своим людям, а то в нашу сторону уже начинают посматривать.

Он вздохнул.

— Теперь все подозрительные...

— Да, поздновато, — согласился я.

Он послушно удалился, я подумал, что этот сценарий я отработал еще в Сен-Мари, затем частично повторил в Савуази, везде сработало, хотя до сих пор чувствую тяжесть в груди, не хотелось бы такое брать на себя, нам всем если бы кто-то сделал за нас, а мы чтоб всегда в белых перьях и никаких кровавых мальчиков в глазах.

По тому же сценарию, доказавшему эффективность, я велел отбирать у всех встречаемых коней, если те выглядят лучше наших, государственная необходимость, получите назад в столице через два дня...

Так двигались, часто останавливаясь и давая коням передышку, двое суток, граф Фродвин сообщил, что ночью из лагеря сбежало восемнадцать человек, но это хороший признак, идем против короля, трусивших могло быть намного больше.

Вечером на закате вспыхнули пышные необыкновенные облака, весь мир внизу показался крохотным и ничтожным.

Я огляделся, место удобное, велел графу Буркгарту:

— Передайте всем приказ остановиться. Отдых и ночевка.

Он кивнул.

— Да, до столицы еще два конных перехода, не успеваем.

— Вот именно, — согласился я. — Караулы удвоить! Из лагеря никому, если кто попытается — стрелять, а потом спрашивать, зачем и почему.

— Будет сделано, ваша светлость!

Оставив Зайчика в середине лагеря, я бродил между торопливо устраивающимися на ночевку и со стесненным сердцем думал, удастся ли моя отчаянная, просто безумная попытка переломить неудачный для меня поворот событий, очередной неудачный поворот, когда оказываюсь все ближе и ближе к гибели?

Усталых коней поводили по кругу, давая остыть, потом напоили, подвесили к мордам торбы с овсом, и люди расположились вокруг костров, жар от огня разгоняет кровь по телу и заставляет его восстанавливать силы быстрее.

Арнубернуз, Фродвин и Габрилас беседуют у шатра Арнубернуза, подозревали Елиастера и Фитцуильяма. Интересно, кем был его отец, что сын носит гордое имя «Сын Вильяма»?

К ним подбегали младшие командиры, я сходил к Зайчику, сообщил, что я его люблю, наконец ко мне подошел несколько смущенный Арнубернуз.

— Сэр Ричард... У нас весьма деликатный вопрос...

— Да, слушаю.

Он внимательно взглянул в мое настороженное лицо, оглянулся на своих ратных друзей.

— Собираетесь ли бросить все войско на королевский дворец?

Я полюбопытствовал:

— У вас есть идеи лучше?

Он покачал головой:

— Не то чтобы идеи... но во дворце или вокруг него войск не будет много, там они просто не поместятся. Мы сошлись во мнении, что основная часть отрядов, охраняющих принца... сосредоточится между дворцом герцога Людвига фон Эрлихсгаузена и большим домом графа Брайана, у них и в столице обширные владения, несмотря на исполинские земельные угодья.

Я кивнул.

— Прекрасно! Вы берете на себя эту самую трудную задачу. А я беру то, что полегче: ворваться в королевский дворец и задать там вопросы...

Он вздохнул с немалым облегчением.

— Мы надеялись, что вы именно так и ответите!

— Люблю оправдывать ожидания, — сказал я любезно.

Глава 14

Среди ночи я подошел к дремлющему у костра барону Бредли, тихонько тронул его за плечо.

— Сэр Бальдфаст... увы, пора. Прикажите трубить подъем! Общий.

Он вздрогнул, посмотрел на меня ошалелыми глазами.

— Но сейчас только полночь!

— Прекрасное время, — сказал я с чувством. — Барон, мне тоже жаль усталых людей. Но... надо.

— Хорошо, хорошо...

Он поднялся, ушел в темноту, и через минуту во всех концах лагеря раздался такой бодрый зов труб, что будь мы поближе к столице, там бы подняли тревогу.

Воины вскакивали ошалелые, сталкивались лбами, хватались за оружие и торопливо осматривались безумными глазами в поисках напавших турнедцев.

Ко мне подбежал граф Буркгарт, очень недовольный, лицо брезгливо-брюзгливое.

— Что случилось?

— Подъем, — велел я. — В колонну по двое!.. Быстрый марш на столицу!

— Но... какая необходимость?

Я повернулся к нему и посмотрел зверем.

— Граф, — проговорил я медленно и зловеще, — вы в самом деле полагали, что это король Фальстронг был строг и беспощаден?

Он побледнел, отступил на шаг.

— Простите, ваша светлость. Сейчас все будет готово к выступлению.

Я кивнул, он исчез, некоторое время в суматохе и топоте слышался его требовательный голос, наконец отдалился и растворился в конском ржании, звоне металла, хриплых спросонья криках.

Люди успели отдохнуть разве что наполовину, кони и того меньше, и остаток ночи мы двигались то на рысях, то шагом, а когда на востоке забрезжила светлая полоска приближающегося рассвета, на фоне звезд проступили башни столицы Варт Генца.

Ко мне подъехал граф Буркгарт, взгляд его тоже устремлен на город, проговорил виновато:

— Прошу простить меня, ваша светлость...

— За что?

— За глупый вопрос, — сказал он с неловкостью. — Я бы не решился будить усталых людей, что только-только заснули. Но вы правы, лучшего времени ворваться в город не выбрать... Самый сладкий и крепкий сон — под утро.

— Вы бы разбудили, — буркнул я, — если бы отвечали за них.

Он покачал головой.

— Вряд ли. Для этого надо быть человеком с... жесто-

ким сердцем. Но мягкосердечных правителей, сэр Ричард, не бывает! А если есть, страна под их правлением страдает... Потому вы правы, а я нет. А иду я за вами потому, что вы вину берете на себя.

Я ответил нехотя, стараясь не встречаться с ним взглядом:

— Знали бы вы, чего мне это стоит! Но вам ничего не грозит, а меня гоняют, как бездомную собаку. Поневоле тут... проверьте готовность и... двинемся полегоньку. Действуем, не отклоняясь от плана. Вы захватываете город, быстро и жестко зачищаете его от сторонников принца Эразма, ясно?... Граф, я вам доверяю, но все же повторите приказ!

Он помялся, ответил глухо:

— Мы должны ударить на отряды, что расположены между дворцом герцога Людвиг фон Эрлихсгаузена и домом графа Брайана.

— И?

Он договорил со вздохом:

— Если понадобится, то и ворваться в их дома, чтобы довершить, как вы говорите, наше благородное деяние...

— Хорошо, — одобрил я жестко. — Помните, граф, сейчас война! А неповиновение в такое время — измена!.. Из каких бы прекрасных побуждений вы ни отказались исполнить приказ. Потом вас, возможно, реабилитируют, а меня проклянут демократы, но сейчас мы строим огнем и мечом гуманное и правовое государство!

Он сказал обидчиво:

— Ваша светлость! Чего бы я пошел с вами, если бы думал, что вы не правы?

— Спасибо, граф. Действуйте.

— А... вы?

Я небрежно отмахнулся.

— С небольшим отрядом постараюсь пробраться через стену и открыть ворота. А дальше мне понадобится

не больше сотни крепких ребят в доспехах и с мечами в недрогнувших руках. Да еще с десятков арбалетчиков на случай, если кто во дворце успеет натянуть доспехи... хотя, надеюсь, не успеют.

Он охнул:

— Ваша светлость! Вам нельзя так рисковать!

Я пожал плечами:

— А что я теряю? Мне сейчас пан или пропал. Грудь в крестах или голова в кустах... Ну, это такие боевые заклятия... Эй, Шнайдер! Поди-ка сюда...

Шнайдер подбежал не один, с ним те же пекарь, ткач, каретник и кузнец, то есть Беккер, Вебер, Вагнер и Шмидт, а сам он — портной, судя по имени, так что у таких нет рыцарского гонора, когда то исполнять не хочу, а это не буду, достоинство не позволяет, эти сделают все, что велю, как я запомнил сразу, с первой нашей операции, слушаются истово, гордые до невозможности.

Я с ними тогда захватил башню Прибрежную, еще ее называют замком и даже крепостью, турнедцы — чтобы пугать соседей, а вартгенцы — хвастаясь ловкостью, с которой взяли в бою, не потеряв ни человека.

Фальстронг щедро наградил и пообещал освободить их деревни от налогов навеки, а сейчас я туманно намекнул, что в моих силах дать им дворянство...

В слабом утреннем свете под покровом густого тумана, когда и друг друга почти не видим, подобрались к городской стене слева от ворот, я осторожно взял лук и наложил стрелу.

Шнайдер шепнул с беспокойством:

— Далековато, ваша светлость...

— Зато ветра нет, — ответил я. — Не снесет...

Он вздохнул, не очень-то веря в способность благородного человека пользоваться простонародным оружием, я же следил за движениями часового, рассчитывая его шаги, чтобы не только заорать не успел, но и опус-

тился прямо на стене, где и устроился для дежурства, нам только грохота падения тяжелого тела в металлическом доспехе недостает...

Стрела сорвалась в темноту, я спешно ухватил другую и быстро-быстро вставив расщепом в тетиву, рывком оттянул до уха.

Часовые и здесь по двое, явно Гиллеберд настоял, чтобы удвоили стражу. Стрела ударила одного в горло, его колени подломились, он начал опускаться на камень, второй оглянулся, ощутив неладное, мы увидели его испуганное лицо, рот начал открываться для истошного вопля тревоги.

Стрела ударила в рот, грузное тело повалилось на труп своего напарника, мы увидели блестящий кончик, высушенный из затылка.

— Ваша светлость! — прошептал восхищенный Шнайдер.

— Я еще и крестиком вышивать умею, — ответил я. — Наверное... Вперед!

Но они и без моего подталкивания уже бегут, пригибаясь, к стене. Я почти не пригибал голову, туман настолько плотный, а в низинах его столько, что и всадника скроет, в такое время часовым нужно прислушиваться к каждому подозрительному шороху...

Шнайдер и Беккер забросили веревки с крюками, а я превратился в слух и уже хотел подбежать и быстро лезть наверх, как вдруг из башенки распахнулась дверь. Вышел плотный осанистый воин, явно не рядовой, икнул и вытарашил глаза: прямо перед ним за край стены ухватилась рука, а за нею поднялась и голова...

Он открыл рот для вопля и выхватил меч, Шнайдер сжался, готовый к тому, что острое лезвие отсечет голову, спрыгивать обратно — тоже смерть... над ним хрюкнуло, это моя стрела пробила охраннику горло и вышла с той стороны.

Шнайдер охнул под обрушившейся на него тяжелой тушей в доспехах, тихонько свалил ее в сторону, удерживая, чтобы не рухнула с высокой стены.

Я уже быстро карабкался по веревке, Шнайдер прошептал, когда моя голова поднялась над краем:

— Спасибо, ваша светлость...

— Быстро к воротам, — велел я. — Там бей насмерть!

— Все будет...

Они с Беккером быстро сбежали вниз, следом ринулись Вагнер, Вебер и Шмидт, а я некоторое время всматривался в далекие окна замка, везде люстры сияют так, что едва не плаваются, свечей не жаль для праздника, новый король угощает соратников, точнее — сообщников, раздает награды, должности, титулы, земли погибших сторонников Фальстронга...

Снизу донесся единственный вскрик, а дальше слышались только глухие удары, тяжелое дыхание, затем натужно заскрипело колесо барабана, натягивающего трос.

Легонько позвякивая, наверх поползла металлическая решетка. Почти бесшумно снаружи вбежала толпа пеших ратников, потом донесся нарастающий конский топот, под аркой пронеслась тяжелая рыцарская конница.

От общей массы отделился отряд, сам граф Буркгарт во главе, отсалютовал мечом.

— Ваша светлость!.. Позвольте выразить свой восторг...

— Вы почему не со своими людьми? — прорычал я в бешенстве.

Он крикнул:

— Мои здесь!.. А там справятся Арнубернуз и Фродвин, у них войск побольше, чем у меня. А я, чтобы загладить свою вину, пойду с вами во дворец.

Я посмотрел на него с недоверием.

— Хорошо, граф. Но если я заподозрю вас в несвойственной демократу мягкотелости....

Он помотал головой.

— То была понятная слабость, ваша светлость. Приказывайте!

— Тогда вперед!

Мы пронеслись через город до площади, где в центре высится величественный замок, могучий, рыцарский, который Фальстронг начал было перестраивать во дворец, по крайней мере, внутри, но снаружи это тот же суровый замок...

У ворот многие соскакивали и с мечами в руках бросались к воротам. Короткая схватка со стражами, с десятков крепких мужчин навалились своими телами, створки начали расходиться в стороны бесшумно и величаво.

Навстречу ударил яркий свет от множества свечей, зеркал. В зале почти нет людей, кроме двух-трех слуг, они вскрикнули и прижались к стенам, а наши с оружием наголо ринулись вверх по лестницам.

Стражников, как и ожидали, вдвое, но мы готовы, кто не бросал оружие сразу, видя бегущих на него озверелых людей с нацеленными ему в живот копьями, сбивали с ног, слышалось азартное хэканье и тяжелые удары топоров, тут же бежали дальше.

Я сказал быстро Шнайдеру:

— Щадить только слуг, понял?.. Так и другим передай. Он кивнул.

— Ваша светлость, не сумлевайтесь...

Вместе с ним ринулись еще с дюжину таких же из простого народу. Думаю, Шнайдер успел еще раньше передать таким же ратникам мой секретный приказ: пленных не брать, мы не знаем, что с ними потом делать, нам не нужны неприятности...

Тяжеловооруженные рыцари графа Буркгарта с проклятиями бежали по ступенькам позади, уступив честь

ворваться первыми простолюдинам. К тому же один гигант в сверкающей броне поскользнулся на ступеньках, вступив во что-то мерзко воняющее кислым, упал и с грохотом покатился вниз, сшибая товарищей, не успевших отпрыгнуть с его совсем не победного пути.

Другие брезгливо огибали блевотину, пир в честь нового короля все еще гремит, наверху веселые крики, песни, звучат тосты, по пьяни еще не сообразили, кто уже распоряжается внизу...

В коридорах тоже стражники, одни сразу же вступили в бой. Кто-то из них заорал истошно:

— Тревога!.. Нападе...

Он дернулся и сполз по стене, пронзенный тремя копьями, из дверей зала выглянула пьяная морда, ойкнула и скрылась. Наши, как стальной поток половодья, с грохотом и лязгом ворвались следом.

Я слышал дикие крики ужаса из зала, но там справятся и без меня, а главные фигуры не будут ждать завершения резни, Гиллеберд не таков...

— Ваша светлость?

Я оглянулся, сэр Бальдфаст, бледный и напряженный, с мечом наголо замер в ожидании приказаний, за ним люди его отряда, такие же готовые к немедленной схватке.

— Обойдем, — сказал я, — наша цель — иностранный поджигатель войны Гиллеберд!

Они послушно ринулись за мной по широкому коридору, что не коридор, а такая анфилада небольших залов, пронесли с грохотом и звоном металла, распугивая слуг и редких гостей, что отыскиали уединение с дамами.

Я увидел, как впереди мелькнула знакомая фигура, ринулся следом, а сэру Бальдфасту прокричал:

— Проверьте все помещения! Ищите тайные ходы!

Они послушно рассыпались в стороны, Шнайдер со

своими людьми по взмаху моей руки ринулся с ними, а я на рывке попытался догнать человека. что так похож на Гиллеберда...

Он успел вскочить в одну из комнат, я услышал щелчок задвигаемого засова, но с такой яростью ударил с разбега плечом, что там хрустнуло и болезненно заныло, однако с той стороны заскрипели выползаемые из дерева гвозди, звякнуло о мраморный пол железо, а дверь распахнулась.

В глубине комнаты на звук оглянулся Гиллеберд, но я тряхнул головой, сбрасывая магическое марево, и рассмотрел принца Эразма. Он быстро выдернул меч из ножен и встал в боевую стойку, но глаза затравленно зыркали по сторонам.

— Что, — спросил я люто, — доигрался? Где Гиллеберд?

Он прошипел:

— Боишься? Ничего, он сам тебя найдет...

— То-то приходится за ним гоняться, — ответил я. — Ты молился на ночь?

Он прошипел сквозь зубы:

— Марсала убил?..

— Догадлив, — одобрил я. — Напрасно твой трусливый брат бросил меч...

У него было такое лицо, что вот уже бросает меч на пол и сдается, однако молниеносно сделал резкий выпад, я едва успел отшатнуться, хотя острый клинок задел скулу.

Неожиданная боль ожгла, разозлила, но я подавил острое желание тут же спасти лицо, позволил струйке сбегать по щеке, пусть видят, Ричард Завоеватель пролил кровь за Варт Генц!

Эразм начал задыхаться и отступать, едва-едва отражая удары, прокричал хрипло:

— А если я сдамся?

— И сдашь Гиллеберда?

— Я не знаю, — выкрикнул он, — где он!

— Тогда зачем ты мне?

Он отшвырнул меч и крикнул громко:

— Я сдаюсь!.. Сдаюсь!

— Не позорь отца, — сказал я и шагнул к нему с вытянутым мечом острием вперед. — Он сейчас в гробу переворачивается...

— Он не...

Острие меча вошло ему в горло с такой силой, что уперлось в шейные позвонки. Я выдернул клинок и торопливо отпрыгнул от тугих струй горячей красной жидкости, у такой мрази именно жидкость, а не кровь.

Простучали подошвы солдатских сапог, в проемах выросли запыхавшиеся Шнайдер и Вебер.

— Погиб? — спросил Шнайдер.

— А что, — спросил я все еще злым голосом, — выглядит очень живым?

Я прошел мимо трупа, Шнайдер крикнул вслед:

— Куда его, ваша светлость?

— В выгребную яму, — велел я жестко, — как велит наша всемилостивейшая церковь в отношении отцеубийц!

— Сделаем, ваша светлость!

Глава 15

Последние из сторонников принца Эразма отступили в левое крыло, традиционно женское. Вzbешенный бессмысленностью этого размахивания оружием, когда все уже кончено, я вломился через выбитую дверь, не дожидаясь подкрепления.

Их восемь, но я прыгнул вперед с поднятым мечом, принял два удара на щит и пошел неистово крушить, ру-

бить и повергать сам. Перед глазами заколыхалась розовая пелена, а выплескивающая после ударов кровь выглядит медленными темными струйками.

За спиной раздались крики подбегающих моих воинов, я с наслаждением разрубил лицо возникшего передо мной красавца в роскошной шляпе, нечто темное, как чувствую отчетливо, вот сейчас вторглось в меня и руководит моими руками, ногами, всем телом.

Когда я ощутил, что рубить некого, мои воины уже добивали раненых и срывали с их поясов мешочки с деньгами, я увидел знакомое бледное лицо сэра Клифтона, он смотрел с ужасом и прижимал к груди большую потрепанную тетрадь.

— Азарт, — объяснил я хриплым голосом.

Он спросил трепещущим голосом:

— И сейчас?

— Уже проходит, — заверил я. — Просто за мной так долго гонялись, били, клевали, топтали, что вот как бы сдачи... за все разом.

— Ох, ваша светлость, — проговорил он, — ох, нехорошо...

— Что? — спросил я, жарко дыша.

— Надо ли было убивать их всех? — спросил он. — С вашей мощью и силой можно было бы отделаться сломанными носами, выбитыми зубами, переломом руки, а то и вовсе парой кровоподтеков... Вы не слишком... жестоки?

— Слишком, — прорычал я. — Наверное, слишком. Раньше таким не был. Зверею, сэр Клифтон, признаю.

— Очень быстро, — сказал он с укором.

— Не просто быстро, — уточнил я нехотя, — а как-то сразу. Наверное, много Тьмы тут впиталось в землю и стены. Даже воздух пропитан Тьмой.

Он кивнул.

— Да, это точно. Но все-таки другие так не звереют...
Есть, правда, всякие, но не все же...

Я сказал хмуро:

— Или вся эта мразь слишком уж осточертела?.. Думаю, если уничтожить именно ее, а не истреблять хороших людей в дурацких войнах, мир станет лучше. Вы не подумывали просить Ватикан, чтобы оттуда прислали опытных священников? И еще нужно заложить побольше монастырей, освободить их от налогов, чтобы там развивалось народное хозяйство...

Он грустно улыбнулся и посмотрел вслед воинам, что бегут вверх по лестницам, сверху уже несутся крики, звон оружия, пронзительный женский визг, яростные голоса и лязг металла.

— Да-да, — проговорил он с едва заметной ноткой сарказма, — нам как раз сейчас думать о развитии монастырей...

— Простите, сэр Клифтон, — сказал я с раскаянием, — но я заранее принял меры, чтобы это вот быстро вернулось в берега.

— Какие? — полюбопытствовал он.

— Встречный пал, — объяснил я.

Лорды, прибывшие со мной, расставили вооруженных людей по всему замку и вокруг, выставили доверенную стражу, которой велели никого не пропускать без моего или графа Буркгарта позволения.

Кроме того, охрана с высоких башен осматривает окрестности, на стенах я велел удвоить часовых, особенно бдительно охраняются ворота и перекидной мост, ров с водой достаточно глубок и широк, никто не рискнет пересекать ни вброд, ни вплавь, с этой стороны нет берега, сразу отвесная каменная стена замка, по которой не всякая ящерица рискнет подняться.

Прибывшие со мной лорды поспешно разослали гонцов к своей родне, призывая явиться немедленно, это и

шанс продвинуться, застолбить за собой освободившиеся места при дворе, и нам самим необходима поддержка местных лордов, на армию полагаться нельзя, завтра она разойдется по домам...

К барону Бальдфасту Бредли я чувствовал особое доверие, потому поручил охрану моих покоев и моей особы, то есть он еще назначен и временно исполняющим обязанности сенешаля и моего личного секретаря.

Он лично перетасовал охрану, кого-то заменил, кого-то переставил, а сам выбрал себе место за дверью моего кабинета и первым весьма подозрительно встречал каждого, желающего пообщаться со мной.

Я торопливо перебирал бумаги Фальстронга, много весьма любопытного, кое-что сразу сунул в сумку, разберусь потом, что-то надо принять к сведению сразу же...

В дверь просунул голову сэр Клифтон.

— Ваша светлость, — проговорил он со всей почтительностью, я же сижу в кресле самого Фальстронга, — к вам Варвик Эрлихсгаузен, князь Стоунбернский, властелин Реверенда и Амберконта!

Я поинтересовался:

— Это тот, с которым мы скрестили клинки в прошлый мой визит?

— Не совсем, ваша светлость.

— А как совсем?

— То был его сын.

Я сказал злорадно:

— Очень хорошо... Приятно, что у него сын — такой допотопный свинтус грандиозус...

— Вам виднее, ваша светлость.

Я посмотрел на него волком.

— В чем дело? Разве не он предоставил свои площади в городе для расквартирования отрядов принца?..

Он покачал головой.

— Напротив, ваша светлость.

— Это как?

— Он не позволил там расквартироваться, заявив, что он верен даже погибшему королю. И будет добиваться расследования...

Я в удивлении покрутил головой.

— Гм, у него еще и принципы. И почему пришел, как думаешь?

Он продолжал смотреть на меня бесстрастно, подчеркивая, что он только удобная и необходимая мебель, а решения принимаю только я.

— Его сын, ваша светлость... Сдуру примкнул к мятежникам.

Я подумал, кивнул.

— Ладно, зови этого гада.

Я не успел договорить, как в кабинет по-хозяйски вошел высокий и очень немолодой лорд, я подсознательно ожидал что-то моложе и живее, лицо просто пергаментное, глубокие морщины испещрили не только щеки, но даже лоб и подбородок, тяжелые мешки под глазами в три яруса, крючковатый нос, что говорит об очень преклонном возрасте, однако сухощавая фигура не потеряла осанку, и этот князь, видимо, не дожидался разрешения войти, а шел следом за Клифтоном, который его немного опередил...

Он остановился и рассматривал меня критически и с неодобрением. Я поднялся, чувствуя раздражение, не люблю, когда инициативу пытаются взять в свои руки, обогнул стол и чуть-чуть склонил голову, все-таки теперь вижу, что этот князь Стоунбернский втрое, если не вчетверо старше меня.

— Сэр Варвик, — произнес я вопросительно.

Он рассматривал меня с бесцеремонностью хозяина, которому привели нового раба.

— Уважаю рыцарей, — заявил он холодно, — не люблю паладинов.

Я ответил холодно:

— Сочувствую, ваше высочество.

Он сказал так же враждебно:

— Но вы где-то очень здорово хитрите, сэр Ричард. Только вот где, не пойму пока...

— Почему, — поинтересовался я, — обязательно хитрю?

Он фыркнул.

— Скажите, что нет!.. Я что-то не припоминаю за всю свою совсем не короткую жизнь, чтобы паладины хоть когда-либо становились даже владельцами крупного поместья. Да что там крупного, мелкопоместных нет. И не было.

— Паладины могут только странствовать? — уточнил я. — И выполнять за других их грязную работу?

— Грубо сказано, — обронил он, — но в общем... верно.

Я осведомился с холодком в голосе:

— По-вашему, почему?

— Дураку понятно, — едко ответил он. — Рыцари — за короля, паладины — за справедливость. Так?

— Так, — согласился я. — Вы объясняете очень понятно, ваше высочество.

— Благодарю, сэр Ричард. Паладинов не люблю потому, что у них понятия справедливости могут быть другими, и тогда обнажат оружие против меня, их сеньора!.. Это, думаю, вам понятно. Паладины... слишком уж чистенькие. Потому не могут быть, как я уже сказал, даже владельцами поместий...

Я кивнул.

— Ваше высочество, ваши намеки куда уж более ясные, мне разжевывать не надо. Но Господь все еще не снял с меня паладинства, хотя моя мощь не уступает королевской. И владения мои несколько побольше поместья.

— Вот я и говорю, — сказал он резко, — как вы можете быть паладином и... политиком?

Я перекрестился и сказал предельно скромно, даже глазки потупил:

— Видимо, Господь считает, что могу. Потому ваш сын, Людвиг фон Эрлихсгаузен, герцог Ньюширский, — вы ведь пришли из-за него?.. — будет завтра повешен. Ничего личного, как вы понимаете, все в интересах дела, интересах дела... Как вам такой расклад?

Он не дрогнул лицом, хотя речь о его старшем сыне, на которого столько надежд, даже слегка искривил губы.

— Как я понимаю, вы сообщаете мне лишь затем, чтобы о чем-то поторговаться?

Я охнул.

— Ваше высочество! Что за блажь? Торговаться? С вами?.. Это вы можете попытаться мне предложить нечто, что хоть на миг привлечет мое внимание...

Он кивнул:

— Да-да, именно для этого вы мне и сообщили, иначе зачем?.. Что вы хотите, чтобы я вам предложил?

Я пожал плечами:

— Откуда я знаю ваши возможности?.. Но не пару кур в лукошке, это вы понимаете.

Он смотрел на меня с холодным презрением.

— Вы торгош, сэр Ричард, а вовсе не паладин. Что вас интересует? Золото, драгоценности, древнее оружие?

Я произнес холодно:

— Я крупный торгош, ваше высочество, не оскорбляйте меня. Это может быть опасно.

Он нахмурился.

— Тогда что вас интересует?

— Где ваши владения?

Он фыркнул.

— На юге, в одном месте даже граничат с Турнедо. Но

это фамильные владения Эрлихсгаузенов, вам оттуда не получить ни пяди!

— И не нужно, — сказал я. — Насколько помню, там два очень хороших рудника по добыче железной руды... Я правильно говорю? И вроде бы плавильные цехи там же на месте... У вас хорошие управляющие.

Он подтвердил мрачно:

— Все так. И лучшие в Варт Генце оружейные мастерские. Изготавливают как доспехи разного класса, так и любое оружие.

— Это я как раз имел в виду, — сказал я. — Вы удвоите выпуск оружия и доспехов... пока накапливайте в складах.

— Зачем?

— Я скажу, — сообщил я мирно. — Если, конечно, хотите увидеть своего сына не совсем... повешенным.

Злой и ненавидящий меня от макушки до пят, он произнес с каменным лицом:

— Даю слово.

— Отлично, — сказал я, — договорились. Вы — человек слова, я — человек слова. Оружие начинайте накапливать с сегодняшнего дня. Казнь вашего сына пока... отсрочена. А будет ли отменена вовсе, зависит полностью от вас.

Он изумился с державной надменностью:

— Но я же дал слово! Вы должны немедленно освободить!

— Освободить, — проговорил я в удивлении, — даже еще немедленно? Ваше высочество, вы как-то подзабыли, что я не какой-то там принц Эразм или эти ваши сопляки Родерик с Марсалом... Я — Ричард Завоеватель! Это серьезно, уразумели? И вас могу вздернуть легко и безо всяких угрызений совести. По законам военного времени, никто даже не спросит, за что. Таких, как вы, всегда есть за что. Теперь поняли? Все, убирайтесь, пока я

не передумал! И... выполняйте в точности, я не всегда так добр и милостив. Видите, в чьем кресле я сижу?.. Фальс-тронг не зря сожалел, что я не его сын!

Он вздрогнул, сразу стал меньше ростом, сник, еще больше посерел, в глазах впервые метнулся испуг, что-то, видимо, изменилось в моем лице, ну почему никогда под рукой нет зеркала, торопливо повернулся и ушел, чуть не побежал, а я перевел дыхание и с трудом разжал кулаки, где ногти врезались в ладони.

Сердце колотится, словно выдержал долгую битву, да это и была битва с очень сильной и могущественной сволочью, перед которой все три принца — щенки.

Но я одолел, хотя сам от себя такого не ждал. Расту... Понять бы, в какую сторону.

Глава 16

В большом зале идет шумный и бестолковый пир, я нахмурился, кто разрешил, почему без моей санкции и соизволения, с трудом и большой неохотой напомнил себе, что пока еще не восточный сатрап, к чему неосознанно иду, а здесь даже власть королей сильна лишь до тех пор, пока ее признают и поддерживают лорды.

Правда, такая власть крепче и надежнее, чем у восточного владыки, там правит страх, а здесь добровольное служение, у него отдача намного выше, так что да, ладно, я только лишь первый рыцарь в этом рыцарском братстве равных...

Я вошел в зал, улыбаясь довольно, именно как равный к равным, мы делаем вместе наше общее дело — защищаем Армландию, пусть и далеко за ее пределами, вскинул руки.

В зале в ответ подняли чаши, прокричали здравицу, а потом умолкли, приготовившись слушать, что я скажу.

Я сказал:

— Люблю я вас, други мои!

И пошел к своему креслу, а зал взорвался таким до-вольным мощным ревом, что камни стен беспокойно задвигались в гнездах, а птицы в саду встревоженно слетели с веток.

Пока снова наполняют чаши и хвастаются подвигами, я напряженно думал, что хотя дворец обшарили сверху донизу и даже простукали молотами стены, однако от Гиллеберда ни следа. Более того, все слуги, а они замечают больше господ, клянутся и божатся, что король Турнедо не показывался. Никто его не видел, никто с ним не общался.

Сейчас я поднимаю чашу с широкой победной улыбкой, но ощущение поражения грызет внутренности. Хотя да, вроде бы выполнено все, что намеревался: принц Эразм убит в ходе святого и справедливого отмщения за отца, короля Фальстронга, которого уважали за умелое управление королевством вот уже почти сорок лет, а еще подтверждено... ну, почти, участие королевства Варт Генц в нашей коалиции.

Как выяснилось, захват власти принцем Эразмом произошел все же с кровью. Погибли не только телохранители Фальстронга, им за эту возможность хорошо платят, но два десятка знатных рыцарей, что не отходили от короля, а в самом замке убита прекрасная Элизабет, я хорошо запомнил жену Фальстронга, настолько молодую, что могла быть ему внучкой. Говорят, о чем-то прознала и выбежала навстречу мужу, стремясь предупредить, но ее убили двумя арбалетными болтами в спину.

Улучив минуту, я оставил пирующих и вышел во двор, где простые воины пируют по-своему: у костра и выкаченной специально для них бочки простого вина.

Тело принца Эразма, как я и велел в злости, сброше-

но в выгребную яму, а его сторонников, утыканных арбалетными стрелами, сложили вдоль стены.

Я подозвал сэра Бальдфаста, он подбежал, поклонился, на лице восторг, все удалось как нельзя лучше, а удачные дела всегда повышают уважение к вождю.

Я кивнул на трупы.

— Поставьте возле убитых пару писцов, пусть тщательно записывают, за телом какого заговорщика кто именно прибыл.

Он не понял, зачем такое, судя по лицу, но сказал послушно:

— Все будет сделано, ваша светлость!

Я подумал, что здесь хоть и не Савуази, который фактически уже мой город, но отрабатывать полезные приемы по управлению государством никогда не мешает и на чужих пациентах.

Фальстронга из-за споров сторонников принца Эразма, где его захоронить, так, к счастью, и не погребли еще, мы объявили о торжественнейшем захоронении в древнем Склепе Королей, где покоятся его отец и мать, а также целый ряд предков.

Церемония тем более пышная, что хороним последнего из легендарной династии Лаутергардов, что и создали королевство в нынешнем виде из разрозненных владений враждующих лордов. Фальстронг в самом деле будет лежать последним. Ни один из его сыновей не удостоился чести попасть сюда, даже внук Дуглас был похоронен на заднем дворе в саду.

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да, сэр Бредли!

Он быстро подошел, поклонился.

— Ваша светлость?

— Как можно более срочно, — велел я, — разошлите сообщение по всем землям Варт Генца! Дескать, законность восстановлена, убийцы короля Фальстронга нака-

заны по всей строгости. Слово «закон» пока не употребляйте, просто по всей строгости военного времени. В королевстве все будет по-прежнему, а любые попытки дестабилизировать обстановку пресечем со всей решительностью военных людей.

Он ответил четко:

— Отправлю гонцов сегодня же!

— Еще кое-что, — добавил я. — Отдельно нужно будет направить письма наиболее могущественным лордам. Дескать, предполагается большой съезд, на котором будет избран новый король.

— Сделаю...

— Можете упомянуть ненавязчиво, — сказал я, — пару раз, что это по инициативе сэра Ричарда Завоевателя. Он жаждет справедливых и демократичных выборов новой династии...

Он посмотрел на меня внимательно, наклонил голову.

— Ваша светлость, я все понял. Сделано будет все в точности.

— Как настроения в городе?

Он ответил осторожно:

— Ваши быстрые и решительные действия по подавлению мятежа всех успокоили или хотя бы напугали, мой лорд! Однако прибывших с вашей светлостью людей я не стал выводить из города.

— Вообще?

Он кивнул.

— Отборные части останутся охранять дворец, ваша светлость, как снаружи, так и внутри, а остальных... со временем можно и убрать. Но не сейчас.

— Хорошо, — сказал я величественно, — выполняйте.

В залах и переходах не ступить, чтобы не наткнуться на рослых и крепких здоровяков в броне и обвешанных оружием, дворец за пару дней принял прежний вид в том

смысле, что трупы убрали, а разбитую мебель заменили, но обилие сверкающих доспехов говорит, что мы все еще готовы ко всему, что может замыслить Гиллеберд еще.

Когда все более-менее устаканилось, стражи доложили угрюмо, что ко мне просится на прием какой-то вельможа, с виду важный.

— Пусть войдет, — сказал я. — Но вы заглядывайте в дверь... Кто знает, вдруг Гиллеберд умеет принимать другие личины так, что даже я не различу?

— Ваша светлость!

— Пусть войдет, — повторил я.

Через порог переступил и низко поклонился вельможа в самом деле важный и осанистый, хотя и в простой одежде, только по холеному лицу можно угадать знатного придворного.

— Ваша светлость...

Я сказал обрадованно:

— Сэр Фридрих!.. Сенешаль, лорд малой печати!.. А где ваша роскошная золотая цепь?

Он посмотрел на меня исподлобья, губы дрогнули в сдержанной улыбке.

— На месте. Просто на всякий случай спрятал под рубаху.

— Разумно.

— Сэр Ричард, — произнес он церемонно и опустил-ся на колени, — я готов выполнять ваши указания честно и ревностно, как исполнял приказы Его Величества короля Фальстронга.

Я сказал с великим облегчением:

— Ну, я не король Фальстронг, но тем более приятно такое слышать. К тому же вам вроде бы и подсказывать ничего не надо, сами знаете. Встаньте, сэр Фридрих. Вы же с Фальстронгом лет десять, не меньше?

— Двадцать четыре, — ответил он с достоинством.

— Господи, — сказал я с ужасом, — это же вечность!

В общем, я лишь восстановил законность, ничего нового вводить не собираюсь, это не мое королевство, тут со своими владениями не знаю что делать... Я скоро вернусь в Савуази, как бы там не, понимаете?

Он вздохнул.

— Еще бы. Отчаянный вы человек, ваша светлость.

— Меня несет, — признался я, — а так вообще-то я ботаник, то есть книжник и червячок такой смирный. Сидел бы в норке, но когда вот так...

Он взглянул с удивлением, слабая улыбка тронула губы.

— Правда? А с виду не скажешь.

— Внешность обманчива, — сказал я, — в моем случае это на пользу, я и стараюсь выглядеть страшнее, чтоб уважали. Но это мало помогает, когда нужно везде успеть и везде подставить плечи под падающую кровлю.

Он чуть наклонил голову.

— Вы правы, но надо будет издать пару декретов, чтобы успокоить народ...

— Издайте, — предложил я. — Или хотя бы подготовьте вчерне, а я подтвердую.

Он покачал головой.

— Такие декреты надо подкреплять большой королевской печатью.

— А где она?

— У личного секретаря короля Фальстронга, — произнес он с непроницаемым лицом.

— У Клифтона Джонса?

— Да, ваша светлость.

Я спросило нетерпеливо:

— Где он? Я его видел мельком при взятии дворца, а потом он исчез. Нет ни среди живых, ни среди трупов.

Он ответил ровным голосом, но я уловил гордость за секретаря Фальстронга:

— Когда произошел переворот и король был убит,

сэр Клифтон поспешно захватил печати и все важные бумаги и успел унести их из дворца...

— Ого, — сказал я с удовлетворением. — То-то послание принца Эразма не было скреплено большой королевской... И где сейчас Клифтон?

Он посмотрел на меня внимательно и произнес с расстановкой:

— Думаю, я могу послать за ним. Вы были другом покойного короля и наверняка продолжите его политику.

Вечером я вышел из кабинета и почти наткнулся на одетого в оранжевое немолодого человека с почтительно склоненной головой и толстой книгой в руках. Он стоял перед сэром Бальдфастом Бредли и что-то смиренно ему объяснял.

Сэр Бредли покачивал перед ним обнаженным мечом.

— Сэр Клифтон! — вскрикнул я.

Оба повернули в мою сторону головы. Клифтон Джонс, доверенный слуга Его Величества, его личный секретарь, поклонился со всем уважением.

— Ваша светлость...

— Давно здесь? — спросил я в нетерпении. — Сэр Бредли, наконец-то явилась ваша смена!.. Теперь он будет докладывать мне и вести личные дела правителя, а вы сосредоточитесь только на охране дворца... плюс особые поручения.

Сэр Бредли чуть поклонился, на личного секретаря Фальстронга взглянул с недоверием, но в голосе прозвучало явное облегчение:

— Спасибо, ваша светлость. Слава Господу, что сэр Клифтон на нашей стороне! А то я чувствовал, что не успеваю.

Я обратился к сэру Клифтону:

— А ну быстро ко мне в кабинет, бить буду!

Часовой, наблюдающий за нами с другой от сэра Бредли стороны, с облегчением вздохнул и, не вкладывая меч в ножны, пошел вдоль коридора.

Клифтон переступил за мной порог, очень сдержанный и не делающий лишних движений.

— Только что подошел, — ответил он. — Сэр Геббель передал мне ваше пожелание...

Я отмахнулся.

— При чем тут сэр Геббель, вы сами понимаете, что я без вас, как без рук. Нужно быстро наладить дело так, чтобы Фальстронг был доволен и не вертелся в гробу. Я хочу отбыть в Савуази, твердо зная, что Варт Генц не откажется от союзнических обязательств, кто бы ни был избран королем, понимаете?

Он кивнул, лицо очень серьезное.

— Понимаю, ваша светлость.

— И поддерживаете?

— Всецело.

— Всецело потому, — спросил я въедливо, — что я зверь, или потому, что я прав?

Он хмуро улыбнулся.

— Вы сами ответили, ваша светлость. Потому что продолжаете политику покойного короля, которому я был всецело предан. А я был предан не потому, что я вот такой, а потому что его политика была единственно правильная и выверенная. Из всех возможных в его положении.

Я вздохнул, провел ладонью по глазам.

— Знаете ли, при такой власти начинаешь не доверять самым доверяемым... Представляю, в каком мире живут короли. Бр-р-р-р... В общем, начинайте готовить все необходимые бумаги. Печать при вас?

— Да. Передавать вам сейчас?

Я отмахнулся.

— Потом-потом. Да и зачем мне? Я становиться королем здесь не собираюсь.

Он посмотрел на меня остро, что-то вертится на языке, но смолчал, только поклонился еще раз и вышел.

Страж заглянул в кабинет и сказал грубым пропитым голосом:

— Ваша светлость, тут к вам жена принца Марсала просится, но мы пока задержали на всякий случай...

Я поинтересовался:

— А где мой личный секретарь... такой, весь в оранжевом?

— Вот тоже пришел, — объяснил он, — и говорит, что можно пропустить.

— Хорошо, — ответил я, — значит, пропустите. И еще... отныне это сэр Клифтон решает, кого пропустить или нет. Спрашивайте у него.

Он сказал с облегчением:

— Слушаюсь, ваша светлость! Ежели верный человек, то нам легче...

Отодвинув его в сторону, а то еще речь закатит о трудной жизни стражей, вошел сэр Клифтон, поклонился и сказал строго:

— Ее высочество Вирландина Самондская, ваша светлость.

Он отступил, а из коридора в кабинет шагнула теперь уже вдова Марсала, хотя я не увидел даже внешних признаков скорби. Платье все такое же строго-торжественное, сдержанно-нарядное, волосы красиво убраны под сеточку с множеством жемчужин, вырез достаточно глубокий, чтобы заметить полушария груди, но не слишком, как позволяют себе большинство модниц.

Я поднялся навстречу, произнес тепло:

— Ваше высочество...

— Сэр Ричард, — произнесла она с некоторой заминкой.

Я понял, что хотела сказать «ваша светлость», но такое может прозвучать как намек на ее более высокое положение, а это может показаться оскорбительным для мужчины, военной силой захватившего столицу, в то же время «сэр Ричард» звучит теплее и намекает на менее формальные отношения.

— Прошу присесть, ваше высочество, — сказал я и церемонно придвинул ей кресло. — Буду счастлив помочь вам во всем, что пожелаете.

Она села, прямоспинная, красивая и величественная, лицо строгое, но взгляд дружественный.

— Мне хотелось бы узнать одну вещь...

Голос ее прервался, я выждал, сказал негромко и дружелюбно:

— Все, что угодно, ваше высочество.

Она прямо взглянула мне в глаза, в ее строгом голосе прозвучало сдерживаемое нетерпение:

— Он... точно погиб?

Она не сказала ни «мой муж», ни «принц Марсал», я ощутил, как ей неприятно произносить то и другое, как же столько лет выносила этого мерзавца, поклонился с почтением.

— Ваше высочество, он погиб. Как и подобает, в бою и с мечом в руке, смертью мужчины...

Она резко покачала головой, глаза дико сверкнули.

— Уж в это не поверю! Но... это неважно. Сведения точные?

Я вздохнул, развел руками.

— Простите, ваше высочество, но судьбе было угодно свести в поединке именно нас двоих.

Она вздрогнула.

— И?..

— Как видите, — сказал я скромно, — я жив.

— А он...

— Мертв, — сказал я терпеливо. — Уж поверьте. Ска-

жу честно, я просто не мог оставить его в живых, если правильно меня понимаете. У нас были некоторые расхождения во взглядах на внешнюю политику Варт Генца, а это, как вы знаете, весьма серьезно. Намного серьезнее личной неприязни, и потому заслуживает немедленного умерщвления, как говаривал наш добрейший покойный король.

Она медленно перевела дыхание, выпрямилась еще больше и как будто стала даже выше ростом. Бледное лицо начало наливаться жизнью, щеки слегка порозовели, а в глазах тусклый блеск сменился живым.

— Было бы лицемерием говорить, — произнесла она с нажимом, — что я скорблю, но ради всеобщего... порядка, я скажу именно так, как вы, я вижу, желаете.

Я кивнул и сказал с печалью в голосе:

— Даже простолюдинам приходится иногда лгать! А уж людям, облеченным властью...

— Хорошо, сэр Ричард, — сказала она. — А теперь о деле. Я обещала вам свою полную поддержку...

Я ответил так же тихо:

— Увы, в моих проблемах это не поможет.

— Напрасно вы так думаете, — произнесла она негромко. — Меня взяли из бедной семьи, но раз уж я сюда попала, то сделала все, чтобы дать своей семье и своему клану возвыситься. Теперь практически все важные должности в руках моей родни. Наше влияние не стоит недооценивать!

Я вскинул брови.

— М-да? Seriously?.. А как к этому относился Фальстронг?

Улыбка проступила на ее губах.

— Благоклонно. Люди, обязанные возвышением лично ему, обычно были благодарны и весьма преданны.

— Вам? — уточнил я.

— И королю, — уточнила она на мое уточнение. —

Он всегда все знал и все важные нити держал в своих руках. Без его ведома никто не мог получить при дворце даже самую крохотную должность, а уж имение или титул так и вовсе...

— Да, — согласился я, — это вполне в характере короля. Простите за неуместный вопрос, который мог показаться несколько обидным. Тогда давайте посмотрим, что мы можем сделать, чтобы стабилизировать ситуацию...

Не знаю, от рождения она такая умная, или же это от недостатка любви и семейного уюта женщины становятся такими вот разбирающимися в политике и хитросплетении взаимных интересов кланов и могущественных семей, но вскоре в разговоре о делах королевства и противоборстве могущественных семей я ощутил, что побивает меня по всем статьям.

— Вы удивительно быстро все схватываете, — сказала она, подсластив горькую пилюлю, — все-таки вы даже не вартгенец, но так разбираетесь в методах управления людьми...

— Люди везде одинаковые, — заметил я, но ощутил, что польщен, это вовремя она, а то я совсем было приуныл, нас подкомплиментировать нужно почаще, тогда мы горы свернем. — Мне управлять уже приходилось, хотя чаще управляли мной...

Она снисходительно улыбнулась.

— Ну, это было временное, как я понимаю?

— Не совсем, — возразил я. — Глупо не передать рулевое весло тому, кто умеет им орудовать лучше.

Она проговорила с интересом:

— Потому вы всегда у руля?

Я наклонил голову.

— Ваше высочество, вы умеете смотреть прямо в корень. Дело не в том, что я так уж хорош, дело в том, что другие управляются еще хуже.

— С этим согласна, — ответила она, — но и вы не принижайте свое умение справляться с обстоятельствами. Я помню, как вам пришлось здесь вначале... Другой бы давно сдался.

— Мне сдаваться нельзя, — признался я. — Просто отступать некуда.

Она подумала, не сводя с меня очень серьезного взгляда серых внимательных глаз.

— Тогда... может быть, вам стоит подумать о таком месте...

— Ваше высочество?

— Месте, — пояснила она, — куда можно отступить.

— Э-э-э...

— Удачная женитьба, — сказала она уже нетерпеливее. — На огромных землях с могучим замком, который у вас никогда не отнимут, потому что это не подарено королем, а принадлежит большому и знатному роду...

— Хорошая идея, — признался я. — Если бы только в придачу не пришлось брать какую-то знатную дуру...

— Знатные не всегда дуры, — сообщила она. — К тому же... какая вам разница? Все равно дома почти не будете! Это так, безопасная нора для отступления.

Я сказал с чувством:

— Ваша светлость, именно эти слова я говорю своим рыцарям, когда наделяю их землями с уже существующими поместьями.

— И как они, — спросила она с интересом, — воспринимают?

Я поморщился.

— Ваше высочество, вы даже предположить не можете, какие мы все-таки романтические дураки и все еще верим в любовь! Ему даешь богатый кусок земли с настоящим замком, а он спрашивает, что делать с женой погибшего лорда!.. И выгнать жалко, и брать в жены не хочет, хотя, как вы мудро сказали, а какая нам разни-

ца?.. Нет, оказывается какая-то есть, хотя и я не знаю, какая и в чем...

Она спросила неожиданно:

— А вы, сэр Ричард, кого-нибудь любили?

Я ответил со вздохом:

— Да, безумно, искренне, страстно и нежно... Несколь-ко раз. Наверное, я чудовище, но в самом деле лю-бил! Теперь уже, понятно, все сгорело в моей душе, там один пепел, но что было, то было, и любовь была...

Она мягко улыбнулась.

— Вам сколько лет?.. И вы полагаете, что больше ни-когда не полюбите?.. Да, мужчины в самом деле смеш-ные... Ладно, сэр Ричард, я пойду, а то ваши люди неиз-вестно что подумают, я же фрейлин оставила за дверью...

— В следующий раз, — предложил я, — можно дер-жать дверь приоткрытой. Пусть видят издали, что вашей чести никакого ущерба.

Она поднялась, улыбнулась, я не сразу понял, что среа-гировала на слова насчет следующего раза. Возможно, это был первый и единственный.

— Сэр Ричард, — произнесла она церемонно.

— Ваше высочество, — ответил я и поклонился.

Уже у самой двери она обернулась, по ее губам скользнула легкая улыбка.

— Вы молоды, сэр Ричард, — произнесла она с неко-торой печалью. — Красивы и весьма импульсивны... ос-терегайтесь попасть в женские силки. Здесь женщины умеют расставлять такие сети, горный великан не разо-рвет...

— Ваше высочество, — ответил я, — да как я могу при таком обилии обязанностей!.. Даже во сне ко мне прихо-дят не женщины, а сэр Клифтон с вот такой кипой бумаг на подписание!

Она покачала головой, глаза смеялись, а голос про-звучал дружески:

— У меня очень красивые фрейлины. Они только и говорят о вас, сэр Ричард. Поверьте, это лучше, чем сорваться во что-то непредсказуемое...

Я ответил со всей галантностью:

— Ваше высочество, если уж говорить о женщинах, с которыми я хотел бы разделить постель, то это именно вы, ваше высочество, и только вы! Такой другой женщины во всем королевстве нет. Но вы и я заняты настолько важными делами, что на постель уже не остается ни времени, ни сил.

Ее брови взлетели на середину лба, она посмотрела на меня с новым интересом, как-то странно оценивающе, в глубине ее крупных и чуточку выпуклых серых глаз возник жемчужный свет.

Я ждал в почтительном полупоклоне, она после крохотной паузы мягко улыбнулась.

— Благодарю за изысканный комплимент, сэр Ричард...

— Это не комплимент, — сказал я и сам вдруг ощутил, что говорю искренне. — Вы здесь лучшая, да и сами знаете.

Она улыбнулась.

— Ах, сэр Ричард... Ни от кого не слышала таких великолепных слов. Желаю вам успеха, сэр Ричард!..

Я поклонился.

— Благодарю, ваше высочество.

Она взялась за ручку двери, оглянулась через плечо. Глаза весело и дерзко блеснули.

— Но я запомню ваши слова насчет постели!

Часть 3

Глава 1

Король мертв, как и все его прямые наследники, Родерик сам убил своего сына, а потом был казнен, у Марсала три дочери, а женщинам сидеть на троне и править не положено. Самый младший из сыновей, Эразм, жениться так и не успел.

Я вызвал в кабинет сэра Клифтона, он почтительно поклонился и посмотрел на меня преданными глазами.

— Ваша светлость?

— Что говорят законники? — потребовал я. — Королевство не может долго находиться без правителя!

Он вздохнул, в его взгляде я уловил неясный мне укор.

— Ваша светлость... что законники? Они на то и законники, что ни на шаг от правил, установленных неизвестно в какие времена. Почти все ринулись отыскивать бастардов всех трех сыновей.

— Понятный шаг, — согласился я.

Он поморщился.

— Да как сказать... Если правду, то любой из лордов, постоянно обретающихся при дворе, гораздо лучше смог бы управлять королевством, чем найденный где-то в глуши бастард, умеющий только пасти коз.

— И то верно, — согласился я, — однако в этом случае все признают его власть по факту рожде-

ния, а вот любому лорду, способному, как вы говорите, управлять королевством, придется с оружием в руках доказывать свое право сесть на трон.

— Да, — согласился он неохотно, — таких наберется, вы правы, мой лорд. Довольно бедный выбор, верно? Либо дурак-король, при котором будут править хитрые советники, либо гражданская война за право посадить на трон одного из действительно достойных править.

— Вы уж простите, — сказал я, — что распоряжаюсь, как у себя дома, и если что не так, скажите, я сразу заткнусь. Но прошу немедленно созвать военный совет, он же Государственный или Королевский, как здесь именуется? Пусть даже Высший, Тайный и все такое. Я уже велел сэру Бредли послать им весточки, но, боюсь, этого мало. Главное, чтобы в столицу съехались самые могущественные и достойные, чьи слова весомы. Кого выберут, тот и будет королем. И не надо искать никаких бастардов, это сказки для убогих умом, что где-то в глуши можно найти ничего не подозревающего пастуха... конечно же, каждый думает о себе, и посадить на трон!

Он коротко усмехнулся.

— Я бы тоже велел прекратить поиски. Хотя это и вызовет недовольство. Уважение к правам, полученным по рождению, у нас велико. Но... ваша светлость, не стоит идти на конфронтацию с законниками! Их тоже... уважают.

— Сколько времени понадобится, — спросил я, — чтобы собрать лордов?

Он подумал, возвел глаза к потолку, пошевелили губами, словно читал там подсказку.

— Где-то с месяц...

— Что? — ахнул я. — Да за месяц можно объехать весь мир!

Он коротко усмехнулся.

— Ну, если иметь такого коня и ваш возраст, ваша светлость... Но многие могущественные лорды не только живут в дальних землях, но и весьма обременены возрастом. Увы, ко многим богатство и влияние приходит с возрастом...

— Да-да, — сказал я терпеливо, — приедут не верхами, а в колясках? И с лекарями?

— А еще им надо там, на местах, — добавил он, — собрать управителей и отдать приказания, что делать в их отсутствие. А если земли обширны, кладите хотя бы дня три на то, чтобы гонец домчался до управителя, потом дня четыре на то, чтобы управитель прибыл в замок и получил указания...

— Понятно, — прервал я, — значит, времени много. Даже слишком.

Он посмотрел с вопросом в спокойных глазах.

— Слишком?

— Да, — сказал я, — слишком.

— Для чего, ваша светлость?

— А для всего, — ответил я хладнокровно. — Жаль, но, надеюсь, вы здесь все закончите без моей помощи. В смысле, мои скромные услуги больше не понадобятся. А мне надо взад, у меня там все горит!.. Хоть и стараюсь отойти от единоначалия, но как-то еще не выстроил систему...

В самом деле не выстроил, мелькнула в черепе темная мысль, пошла вниз и отозвалась в груди едкой горечью. Многое, что создал с таким трудом, приходится оставить... иногда потому, что уже пошел по другой дороге, иногда просто руки не доходят. Как вот та крепость, названная моими соратниками «Слово Ричарда», построил с такими сложностями и опасностями, а сейчас она не то что заброшена, но уже не выполняет той ключевой роли, какую я ей отводил.

Армландия — моя, вся моя, и никто из лордов не посмеет мне бросить вызов, потому что я уже не барон Ричард, даже не грессграф, а курфюрст, во владения которого входят как Армландия, так и почти две трети Турнедо. Уж молчу о королевстве Сен-Мари...

Но все-таки много начинаний осталось неоконченными, а некоторые вообще только начатыми. Или это и есть жизнь? Либо все начатое неторопливо и скрупулезно доводить до логического конца, либо начинать с жаром, но тут же бросать, если в тумане промелькнет что-то более грандиозное, манящее, обещающее...

Первое беспронгрышнее, однако второе обещает больше... если рискнешь играть по-крупному.

Похоже, я инстинктивно бросаю начатое и бегу за новой целью, если она выглядит грандиознее.

В кабинет вошел сэр Клифтон, поклонился.

— Ваша светлость, к вам леди Мисэлдон.

Я буркнул:

— А это еще кто? Ах да, помню. Проси.

Она вошла красиво и порывисто, не вплыла, аки важная и церемонная лебедушка, а влетела, как роскошная цветная и трепетная бабочка, вся — радостное изумление, девичий восторг, сияющие счастьем глаза и милые ямочки на взрумянившихся щечках.

— Ах, сэр Ричард!

Присела в смиренном поклоне, но голову не склонила, а смотрит снизу вверх, нам такая поза почему-то нравится даже больше, когда мордочка на этом уровне, а в глазах готовность выполнить любое повеление.

— Леди Мисэлдон из Ланнуа, — произнес я, — урожденная Цвейбрюккен... Как же, помню. Да и кто не запомнит вас, милая леди?.. Думаю, тот, от кого вы тогда возвращались, вас доныне забыть не может...

Она дождалась знака подняться, я должен был уви-

деть все, что старалась показать в глубоком вырезе, грациозно выпрямилась, в глазах тот же знакомый смех.

— Ах, ваша светлость, я только помню, что на вас наткнулась в саду... Наверное, просто зацепилась прической за ветку? У меня такие длинные и пушистые волосы, что никак не справлюсь...

Я улыбался и продолжал смотреть на нее не совсем уж державно, это оскорбительно и даже бросает на меня подозрение в недостатке мужественности, но и не по-мужски, Вирландина предостерегала о слишком энергичных женщинах Варт Генца, а я хоть и не параноик, но к предупреждениям отношусь серьезно.

— Леди?

Она спохватилась, сказала как бы серьезно, хотя продолжала усиленно источать зов плоти:

— Ваша светлость, женщины поговаривают, что для укрепления власти вам стоит объявить бал!.. Мы не правим, но можем нашептывать мужьям такое, что меняет их отношение...

Я наклонил голову.

— Леди Мисэлдон... вы еще и очень умная женщина. Это приятное открытие.

Она польщенно улыбнулась.

— А что первое? Я красивая?

— Обворожительная, — сказал я. — Восхитительная. Обольстительная... могу продолжать долго, но сейчас вернемся к вашему разумному предложению. Зачинщику, как говорят, в одной темной стране, первый кнут, а в переводе это значит, что вам и организовывать этот бал. Да и вообще все в мире держится на энтузиастах! Беритесь, леди Мисэлдон. Успеха вам.

Она счастливо взвизгнула, явно не ждала такой немедленной реакции, присела еще раз и вышла в коридор раньше, чем сообразила, что вообще-то приходила с идеей бала как прикрытием для более теплого разговора...

Я вышел в коридор минуту спустя, кивком подозвал стража, морда знакомая, однажды плечом к плечу рублись на лестнице.

— Ты как, — поинтересовался я. — Голова в порядке? Тогда тебя здорово треснули.

Он польщенно заулыбался во весь рот.

— Ваша светлость, у меня голова, как у кабана, все выдержит. А второй раз ударить вы не дали... Ах, как вы его красиво рубанули!

— Ага, — сказал я, — приятно вспомнить. Слушай, если эта вот придет сегодня еще раз, то скажи, что меня нет.

Он сказал с готовностью:

— Понял, ваша светлость. После этих кукольных рож хочется что-нить настоящее?

— Точно, — согласился я. — Зеленое, толстомордое, с вот такой задницей.

Он хохотнул:

— И с выменем до пояса?... Ваша светлость, это сегодня... а завтра?

— Завтра я уже отбуду, — сказал я. — У меня еще и Турнедо висит на плечах.

В столицу начали прибывать из ближних земель Варт Генца, но и этих не так уж и много. Большинство владельцев рыцарей здесь из моего войска, пока не разъезжаются, остановившись кто во дворце, кто у родственников в городе, все кланы имеют добротные просторные дома, а то и дворцы, где охрана подчас не уступает королевской.

Я дергался, как на иголках, наконец велел вызвать ко мне барона Бальдфаства Бредли, графа Арнубернуза, Фродвина и Буркгарта, а также барона Хельмута, Габриласа, Елиастера, Фитцуильяма и других военачальников, что

прибыли со мной и хорошо зарекомендовали в ниспровержении нелегитимного, с нашей точки зрения, режима.

Также присутствовали сенешаль и лорд малой печати Фридрих Геббель, Клифтон Джонс, личный секретарь покойного Фальстронга, все смотрят очень серьезными глазами, я заранее облачился в дорожную одежду, показывая, что мое решение твердое и пересмотру не подлежит.

— Мы многое сделали, — сказал я. — Мы восстановили законность, а также предотвратили гражданскую войну! А теперь я отбываю на поля сражений. На поля славы, чести, доблести и геройства!.. Туда, где остались войска доблестнейших вартгенцев, сдерживающих напор озверелого врага под командованием графа Меганвэйла.

Граф Фродвин торопливо поправил:

— Граф Меганвэйл — это наш, вартгенец!

— А я как сказал? — удивился я. — Эх, вот что значит не следить за интонацией! Я отбываю на поля сражений, поля славы, чести, доблести и геройства!.. Туда, где остались войска доблестнейших вартгенцев под командованием графа Меганвэйла, сдерживающих напор озверелого врага.

— Вот теперь правильно, — одобрил Фродвин довольно и лихо подкрутил ус. — Мы с вами, сэр Ричард! Вот только сообщу родне, что все в порядке, и сразу же...

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Гиллеберд потерпел очередное поражение, как видите!.. Да, он подло убил благородного короля на пороге его дома, однако не добился своей главной цели — вывести Варт Генц из войны и даже сделать его союзником Турнедо!..

Граф Арнубернуз пробормотал:

— Ну, вывести он, может быть, и смог бы... но сделать союзником, когда против Турнедо пошли Фоссано

и Шателлен, а еще и южные королевства с их дикими варварами...

— Принц Эразм был глуп, — возразил граф Бургарт, — он уже фактически стал союзником... но больше ничего не успел. Сэр Ричард, мы все-таки ждем вас непременно к началу Великого Собрания всех лордов Варт Генца.

Хельмут поддержал густым и всегда недовольным голосом:

— Да-да, сэр Ричард, выборы нового короля... это событие! Мы ж не просто короля, а новую династию, что должна править так же долго и мудро! Вполне возможно, понадобится ваш совет.

Я сказал растроганно:

— Спасибо за дружбу, за такое... отношение. Я передам от вас привет графу Меганвэйлу и заверения, что скоро он сможет вас обнять лично!

— Вам спасибо, сэр Ричард!

— Прошу только не забывать о союзническом долге, — напомнил я. — И... кроме того, это было страстное желание предательски погибшего короля, который, как помните, так много сделал для королевства! Он называл меня сыном, как помните, но вступил со мной в тесный и доверительный союз вовсе не из-за родственных чувств, как понимаете, а ради безопасности Варт Генца. В планах Гиллеберда был захват королевства Варт Генц, полное истребление местной знати и раздача земель своим лордам!.. Мы это обнаружили, захватив Савуази и дворец так внезапно, что там не успели ни спрятать, ни уничтожить эти документы! Когда все это я показал королю, он пришел в ужас и поклялся всегда быть моим верным другом и союзником...

Они все пошли провожать меня, я то и дело слышал голоса за спиной:

— Сэр Ричард, наши сердца и души с вами!

Во дворе я свистнул Бобику, он тут же появился, словно вынырнул из-под земли, Зайчика повели в поводу, так принято с конями, редкий может побахвалиться, что конь прибегает на свист. По дороге мне кланялись и желали доброго пути, но я остановился у входа в левое крыло, традиционно предназначенное для женщин.

Привратнику сказал внушительно:

— Передайте ее высочеству Вирландине Самондской, что я уезжаю и хотел бы попрощаться.

Он поспешно кивнул, даже побледнел от волнения.

— Да-да, ваша светлость, я мигом!..

Он исчез, хотя вообще-то мог бы послать любого из слуг, их головы свесились из окон на втором этаже и рассматривают нас с живейшим интересом.

Ричард Завоеватель, вспомнил я. Похоже, меня простой люд побаивается. Пусть не любят, как сказал король Людовик, лишь бы боялись...

Через несколько минут навстречу выбежали пышно одетые придворные, угодливо кланялись, один сказал с восторгом:

— Ваша светлость! Позвольте проводить вас?

— Позволяю, — ответил я куртуазно.

Залы оформлены со вкусом, меня провели в большую комнату, дверь оставили открытой, что понятно, женщина в отсутствие мужа должна общаться либо в присутствии двух фрейлин, либо вот так, чтобы ее видели полностью.

Она поднялась из кресла и сделала несколько шагов навстречу, на губах улыбка, в глазах затаенный смех. Я с запозданием подумал, что она может подумать, что я как-то хочу затащить ее в постель. Я же брякнул тогда неуклюжий и связывающий мне руки комплиментище, дурак, думать нужно сперва, а не потом, однако ее взгляд скользнул по моему плащу, глаза посерьезнели.

— Сэр Ричард?

Она протянула руку кистью вверх, я с поклоном припал к ней губами, задержался намекаяще, так надо, женщинам в любом случае это приятно, со вздохом сожаления выпустил из ладони.

В ее глазах смех зазвучал отчетливее, а губы из розовых стали пурпурными.

— Отбываю, ваше высочество, — сообщил я безо всякой необходимости, это она и так видит, — в расположение войск. Граф Меганвэйл волнуется, у него сейчас положение тяжелое.

Она не отрывала от моего лица внимательнейшего взгляда. Я видел краем глаза, как в зале мимо открытой двери проходят взад-вперед целые стайки фрейлин, зыркают любопытными буркалками, чуть шеи не сворачивают, и старался держать между мною и вдовствующей принцессой дистанцию в один-два шага.

— Вы сумеете его успокоить, — произнесла она и снова посмотрела мне в глаза.

Не спросила, как я отметил: «Что-нибудь еще?» — это чтоб не торопился выкладывать цель прихода и убирался, ей тут, возможно, скучновато, а я не самый назойливый собеседник.

— Ваше высочество, — сказал я вполголоса, — вы были правы, когда сказали, что можете мне помочь.

— Сэр Ричард, — произнесла она с чувством, — вы сделали меня свободной! Я снова... человек. Даже без данного мною обещания помогать вам я бы помогла.

— О, ваше высочество!

Она произнесла с чувством:

— Только скажите, что вам нужно.

Я посмотрел в вырез ее платья, я же светский человек, на этот раз он значительно ниже, хотя все еще в пределах, и заговорил, не отрывая якобы жадного взгляда:

— Да нужно мне... весьма... как бы это вот так... ах да,

было бы весьма неплохо, если бы какие-то лорды предложили корону Варт Генца именно мне...

Она вскинула брови, несколько мгновений всматривалась в меня. Взгляд стал строже, но деловым, приценивающимся, наконец проговорила задумчиво:

— Вы знаете, а это вообще-то неплохая идея... хотя сперва каждый из лордов отбросит, как дикую...

— Она очень дикая, — согласился я.

— Но, — уточнила она, — не слишком.

— Ваше высочество?

— Фальстронгу, — пояснила она, — трудно будет найти замену, он был очень уж хорош как король. Но я не вижу лорда, который был бы хоть вполовину так же хорош...

— Я отомстил и за смерть короля, — напомнил я, — и даже сумел разрушить хорошо просчитанные планы Гиллеберда! Это мне плюс?

— Еще какой, — заверила она. — Хорошо, сэр Ричард. Я постараюсь в этом направлении. При ближайшем рассмотрении эта идея выглядит не такой уж и нелепой. Нам нужен великий король! И хотя все сперва думают только о местных лордах, вартгенцах, но... просто не сразу приходит в голову, что любой чужак, одев корону, станет вартгенцем.

— Ваше высочество, — проговорил я с восторгом, — вы оцениваете ситуацию, как редко кто умеет из умудренных политиков!

Она грустно усмехнулась.

— Сэр Ричард, когда я стала женой Марсала, я не только добросовестно рожала ему детей, но и пыталась давать советы! Представляете такую дурочку? А вы говорите, что я умная. К счастью, он был слишком самолюбив и самоуверен, чтобы слушать женщину! А я старалась быть хорошей женой, раз уж так получилось...

— К счастью? — переспросил я.

Она сдержанно улыбнулась.

— Если бы он слушал мои советы, то, возможно, сегодня короновали бы его? Но он всегда был самовлюбленным дураком, чем блестяще пользовался Гиллеберд...

Она зябко передернула плечами.

— Мы навсегда избавлены от этого кошмара, — заверил я. — Ваше высочество, не смею больше злоупотреблять вашей любезностью и снисходительностью...

Она кивнула.

— Счастливого пути, сэр Ричард! Надеюсь, увидимся скоро.

— Как только лорды съедутся на выборы короля, — сообщил я. — Просто мне за это время нужно сделать очень много!

Глава 2

Свежий ветер в лицо, впереди пустыня из мелких глинистых гор, каменистые долины да огромные катыши камней, настолько округлые, словно окаменевшие орехи из допотопного мира, когда и деревья крупнее, и вода слаще...

Копыта звонко стучат по ржавой земле, я уж подумал, что нужно было прежней дорогой, безопаснее, но странное чутье подсказывает, что мне здесь еще придется повозиться, это мои земли, и потому лучше будет, если буду узнавать вот так неторопливо, попутно, проездом, а не нарываться потом, когда будет поздно.

В десятке миль слева тянется, уходя за спину, горный кряж Валаама Меонтийского, где он жил в пещере и откуда выходил к народу проповедовать. Здесь всегда ветрено, часто набегают тучи и хлещет проливной дождь, грязная вода сбегает с гор и долго пропитывает землю в долине.

Это хорошо, сказал я себе деловито, будут хорошие

урожаи. Нужно только сперва выяснить, почему здесь никто не селится...

Однако для выяснения нужно остановиться или хотя бы перейти на шаг, вдруг что-то да выскочит из-под земли и бросится, а мне совсем некогда, я сказал встревожившемуся Зайчику:

— Вперед, вперед!.. Это я так, помечтал...

Ров вокруг лагеря вартгенцев за время моего отсутствия стал еще глубже, а за высоким частоколом вырос еще один. Граф Меганвэйл мудро осторожен: узнав о возвращении Гиллеберда, турденцы могут обнаглеть и пойти на приступ, учитывая, что конницу я увел за собой обратно в Варт Генц.

Шатры военачальников и палатки простых воинов выстроились в идеальном порядке ровными рядами, хотя в прошлый раз я наблюдал весьма художественный беспорядок. Костры по одному на палатку, все просчитано, доспехи блестят, как солнце, даже у рядовых воинов, никто не лежит, предаваясь безделью.

Граф Меганвэйл заспешил навстречу, в глазах тревога, я сразу помахал рукой и крикнул:

— Все-все наладилось!.. Как вы и предполагали.

Как он предполагал, не помню, но польстить ничего не стоит, а человеку приятно.

Он сам перехватил повод коня, выказывая крайнюю степень доверия и подчинения, а я спросил быстро:

— У вас-то как?.. Не усилили натиск турнедовцы, когда я у всех на виду увел часть войск?

Он помотал головой:

— Что вы, ваша светлость! Они видели вас и наверняка подумали, что это какая-то хитрость.

Я сказал кисло:

— Вот какая у меня репутация? Ладно, пусть думают, что я хитрый, хотя я вообще-то святая казанская простота. Извините, граф, я к вам проездом на минутку, спешу

в Савуази, что-то мне чутье говорит, будто Гиллеберд уже там что-то затевает...

Он спросил жадно:

— А там... у нас, как? Он сумел или вы остановили?

— Только Фальстронга погубил, сволочь, — сказал я зло, — да принца сбил с пути, но дальше я с войсками, которые вы любезно послали со мной, успел погасить пожар.

— Вы предполагаете, Гиллеберд...

— Уже покинул Варт Генц, — сказал я. — Там все для него потеряно. Хоть и убил Фальстронга, но я в свою очередь устранил принца Эразма, так что ничья с перевесом в мою сторону. Послушного своей воле лорда ему посадить не получится, там еще неизвестно, кого выберут, и вообще это произойдет не скоро. К своим войскам, что противостоят вам... тоже, думаю, не помчится.

Он насторожился.

— Почему? Даже не знаю, хорошо это или плохо. Хоть он и опасный противник, но наши горят гневом, жаждут поквитаться за убийство короля.

Я покачал головой.

— Самое уязвимое место — Савуази. Мы там чужаки, и нас там мало. А у него там могут быть еще какие-то ловушки. Так что, граф, я поспешу.

Он придержал мне стремя, я поднялся в седло и повернул Зайчика в сторону юга.

Адский Пес довольно всхрапнул и ринулся вперед.

Зайчик долго несли мимо финиковых рощ, что казались бесконечными, и я вспомнил, что кроме лучшей в мире пшеницы Турнедо славится еще и финиками, огромными и сладкими, что сохраняют запах и свежесть до следующего урожая.

Армландия — в основном это виноградники, потому что ни в одном королевстве нет более нежного и сладкого, хотя он растет сам по себе безо всякого ухода, а вот

Турнедо, да, пшеница и финики... Ну а лёс, рыба, овцеводство, рудники и прочее — это есть здесь и там, хотя в Турнедо побольше.

Я начал издали высматривать Савуази, и когда на горизонте появились крохотные черточки, похожие на карандаши с остро заточенными кончиками, велел Зайчику сбросить скорость, приподнялся, вылезая из-под защищающей от свирепого урагана гривы.

Город еще далеко, но на дорогах кое-где груженные телеги, однажды увидел двух верблюдов с тюками по бокам. Конечно, еще не полное оживление, но люди не могут не торговать, эти вот направляются в город...

Я опередил их, Савуази быстро вырастает, раздвигается, самый огромный городище из всех, какие я только видел, чудовищная стена и десятки, если не сотни башен, и только в одном месте как будто небесная палица ударила со всей дури: выбила огромный кусок, не замечая, что вместе со стеной снесла и башню, оказавшуюся посередине...

Часовые узнали издали, отсалютовали. Я помахал рукой, отец народа должен замечать рядовых, они расскажут таким же, и обо мне пойдет слава как о заботливом и чутком отце-командире.

Во дворе слуги перехватили повод арбогастра, Пес сразу же унесся во дворец, а я соскочил на выложенную мраморными плитами площадку и по-курфюрсты надменно огляделся.

Военным комендантом города, с наказом жестоко подавлять малейшие признаки недовольства, оставлен барон Саммерсет, и, похоже, с этим справляется. Жители столицы приучены к грубой силе и авторитарной власти, уважают мощь кулака, и барон дает им понюхать кулак в железной перчатке.

За охрану периметра города отвечает сэр Геллермин,

как и за своевременный подвоз продуктов из сёл, с этим, как вижу, тоже налажено.

Из дворца бегом выскочил барон Вайтхолд, все такой же сухощавый и поджарый, в пышном малиновом кафтане и таких же брюках, на груди поблескивает золотая цепь, на сапогах позванивают золотые рыцарские шпоры: в чужом городе приходится напоминать о своем статусе.

Не доходя двух шагов, преклонил колено.

— Барон? — приветствовал я его дружески и, подойдя ближе, поднял и обнял тепло. — Как тут без меня?

— Трудно, — признался он. — вы многие вопросы решали играючи, а мы тут семь потов проливаем... сэр Клемент вообще очень беспокоился за вас, хотел даже гонца посылать!.. Только не знал куда.

Я изумился:

— Сэр Клемент? Вот уж не поверю!.. Это не человек, айсберг...

Но в черепе что-то щелкнуло, я быстро пошел по ступенькам к главному входу, бросив на ходу:

— Разыщите и — ко мне! Я буду в кабинете.

— Королевском?

— Моем, — отрезал я.

В кабинете полный порядок, я ощутил с порога, снова приняли меры безопасности. Сильно пахнет ладаном, все следы битвы ликвидировали. И гобелены явно новые взамен пострадавших, но, правда, повесили точно на те же места.

Я прошел к столу и со злостью демонстративно резко сел в кресло, надоело всего бояться. Надеюсь, священники и маги сумели хоть что-то да найти...

На столе прибавилось бумаг, все складывают в ожидании моего возвращения, никто не пытается рулить таким громоздким и почти неуправляемым кораблем в такой шторм.

Я начал разбирать бумаги, дверь приоткрылась, заглянул Тэд.

— Клемент Фицджеральд, — выпалил он, — ваша светлость!

Я кивнул в нетерпении.

— Зови.

Сэр Клемент вошел так же размеренно и мощно, как и при первой встрече, гигант выше меня ростом, хотя на самом деле всего на палец-другой, явно потяжелее, а стальные плиты доспехов сидят на нем, как на рыбе чешуя.

Мне даже показалось, что стал еще огромнее, чем при первой встрече, сейчас поклонился с той же тяжеловесной грацией закованного в добротную сталь носорога.

— Сэр Клемент, — сказал я нетерпеливо.

Он поднял голову и взглянул мне в глаза, суроволицый, с немногими морщинами, что не портят, а придают значительность, видно, что человек мужественный и умеющий как держать удар, так и отвечать на него.

Он сказал как можно тише, стараясь смягчить раскаты гроыхающего голоса:

— Ваша светлость, уже второй день в башне некрманта что-то происходит...

— Что? — спросил я и тут же ощутил, как это звучит глупо.

Он произнес с той же солидной основательностью:

— С виду там все мертво, однако амулеты показывают, что от башни протянулся свет в виде луча, как вот когда в окно падает от богомерзкого лунного. Днем такое не видно, а вот ночью... можно бы и не заметить, но когда в него влетают вот такие летучие мыши... бр-р-р, отвратительно!.. Эти твари просто вспыхивают! Кто видит, в страхе крестится.

— И летают взад-вперед? — спросил я. — Может, просто жуков ловят?

Он покачал головой.

— Ваша светлость! Какие-то выскакивают из башни и не возвращаются... точно-точно!.. я вчерашнюю всю ночь просидел у окна, присматривался, а две как будто бы прилетели откуда-то издалека.

— Именно издалека? — спросил я.

— Да, ваша светлость, — сообщил он серьезно. — Летели медленно, усталые, крылья обтрепанные. Пролезли через прутья решетки в окно, там скрылись.

Я подумал, спросил с надеждой:

— А можно ночью, когда этот луч видно, проследить, куда он указывает?

— Если кони хорошие, — ответил он, — думаю, можно...

— Полагаешь, — спросил я, — ехать далеко?

Он в самом деле подумал, вот уж серьезный человек, посмотрел на меня в упор.

— Да кто знает... Может, далеко. Может, сразу за городской стеной... Что делать будем, ваша светлость?

Я посмотрел на небо. Солнце уже скрылось, в небе догорает пламенный закат, на каменные стены пал грозный багровый отсвет.

— Вы правы, сэр Клемент, — сказал я и постарался, чтобы в голосе прозвучали тепло и благодарность. — Как хорошо, что я оставил город на внимательных и надежных людей! Вы заметили то, на что другие не обращают внимания... Конечно же, мы поедем туда. Только чтобы здесь ничего не было заметно. Если в городе у вас нет надежных людей, то выведите отсюда с десятков, но по одному, не привлекая внимания. Мы все-таки в чужом мире...

Он поклонился и отбыл, а я бросил беглый взгляд на бумаги, вытащил из сумки и бросил к ним кипу, которую прихватил у Фальстронга, он вряд ли обидится.

Некоторое время смотрел оценивающе, все-таки Фальс-

тронг самые важные не показывал даже личному секретарю, так что мне будет в чем порыться и даже покопаться... когда вернусь.

И если вернусь.

Глава 3

Сэр Клемент Фицджеральд, в прошлом безземельный рыцарь на службе у барона де Пусе, а теперь один из самых доверенных людей на моей службе, встретил меня за воротами дворца. За его спиной застыли в угрюмом молчании с десятков арбалетчиков и те два гиганта, которых он подобрал себе в спутники на длинном пути к Югу.

Я полагал, что это все, однако за городской стеной к нам начали молча подъезжать и так же безмолвно становиться в хвост колонны рыцари, лучники и снова арбалетчики.

— Предусмотрительно, — заметил я.

Он повернул голову, глаза очень серьезные.

— Ваша светлость, — заметил он почтительно, — вы же не знаете, что нас встретит?

— Не знаю, — признался я. — Вы все сделали правильно, сэр Клемент.

Он продолжал смотреть перед собой, никаких лишних движений, выглядит замедленным, но я видел при взятии дворца Гиллеберда, когда он двигался со скоростью хорошо смазанной шаровой молнии.

Свою преданность доказал, когда зачищал внутренние покои, большинство рыцарей отказались бы от такого поручения: кто с негодованием, кто уклончиво, а сэр Клемент, подрастерявший за свою долгую службу многие иллюзии, смотрит на жизнь трезво, и хотя рыцарь с головы до ног, но понимает необходимость ино-

гда ударить первым и пролить кровь тех, чью проливать вроде бы не принято...

Закат догорел в пепел, мы пустили коней шагом, пусть никто не заподозрит ничего экстренного, хотя уже то, что отряд воинов выехал не утром, а в ночь, должно бы насторожить любого, но здесь люди не слишком задумываются над тем, что их не касается лично.

Я прервал затянувшееся молчание:

— Как там барон де Пусе?

— Благодарю, ваша светлость, — прозвучало в ответ ровное, — он здоров. Внимательно следит за вашими подвигами.

— Вот как?

Он чуть наклонил голову, повторил.

— Барон каким-то образом узнает новости раньше своих соседей.

— И это дает некоторые преимущества, — заметил я.

— Очень даже некоторые, — согласился он. — Очень.

Я сказал неторопливо:

— Сэр Клемент, вы хорошо себя показали при захвате дворца. Постарайтесь не оплошать и на этот раз. Задача ждет нас посложнее...

Он ждал продолжения, но я умолк, и он сказал вежливо:

— Да, ваша светлость.

— Мы не знаем, — сказал я, — что нас ждет. Потому нужно быть весьма, даже зело весьма...

Он чуть наклонил голову.

— Да, ваша светлость. Мои люди не боятся действовать самостоятельно. Если, конечно, оказываются без командира.

— Вы очень хорошо их обучили, — сказал я с облегчением.

Он вскинул руку. Едва заметный в ночи луч уходит по прямой в сторону от дороги.

— Насколько помню, — сказал я, — в трех-четыре-х милях отсюда начинается лес?

— Все верно, ваша светлость.

— Возможно, — сказал я, — именно там и творится нечто... Может быть, и я есть та пуганая ворона, что на куст садится, но теперь руку Гиллеберда вижу во всем.

— Опасный противник, — подтвердил он.

Я посмотрел на него косо.

— Правда?

Он только хмыкнул. На темном небе луна смотрит слабым пятном сквозь тучи, а когда прячется совсем, слабый луч со стороны города различают даже всадники за нашими спинами.

Я слышал, как они перешептываются, но так тихо, что редкое пофыркивание коней кажется излишне громким.

Лес вырастает медленно, а когда мы подъехали вплотную, я поежился: деревья держатся достаточно плотно, и не обязательно так только на опушке. Во всяком случае, на конях туда не пробраться...

...да и глупо, напомнил я себе, а вслух сказал уверенно:

— Всем спешиться!.. Двое останутся с лошадьми, остальные — за мной! Сэр Клемент, прошу вас быть рядом.

— Почту за честь, милорд.

Едва въехали под сень деревьев, тьма наступила крошечная, опричная, я услышал за спиной сдавленное чертыханье, вздохи, слышно, когда кто-то натывается на дерево.

Через минуту, когда весь отряд вошел в лес, впечатление было такое, что ломится стадо буйволов. Из-под ног сплошной треск, по деревьям словно бы бьют топорами, хотя, понимаю, это мои закованные в сталь герои стучаются лбами.

Лунный луч уже не отсвечивает наверху, но я его вижу так же отчетливо, как и деревья, только здесь все в

черно-белом, а наверху вижу серую, слабо светящуюся полосу, уходит в высокие кроны, выныривает дальше и свободно струится, лишь изредка ярко взблескивая влетающими в нее с разгона ночными жуками или мохнатыми бабочками.

Клемент в который раз крепко ударился о дерево, я велел строго:

— Та-а-ак, всем остановиться! И ждать!.. Я схожу один... посмотрю там. И сразу же вернусь.

Клемент охнул:

— Ваша светлость!

Я прервал:

— Тихо-тихо. Думаете, зря вас ташил сюда? Как же, размечтались. Вернусь, когда поймем, что делать дальше.

Мне показалось, недовольно заворчал не только он, но и остальные, но я уже пошел вперед быстрым шагом, наступая только на траву и землю, избегая коснуться подошвой веточки или сухих сучьев.

Деревья неслышно проходят мимо и пропадают за спиной, ни одно не топает и не сопит, все выглядит немножко нереальным, все-таки наше зрение не для темноты, а когда все-таки принуждаешь, то выдает не совсем то, что есть на самом деле.

Я шел сотню ярдов за сотней, указывающий дорогу луч прерывается в высоких кронах, уже начал сомневаться, не проще ли объехать лес и посмотреть, не идет ли эта штука дальше, как вдруг впереди блеснула сиреневая искорка.

Я ускорил шаг, искорка начала разрастаться. Еще через полсотни шагов чаща поредела, открылась широкая поляна, деревья вокруг стоят стеной, как великаны-часовые, а в середине зловеще блещет сиреневый купол, отсюда похож на пленку мыльного пузыря, даже слегка подрагивает от малейшего дуновения ветра.

Присмотревшись, я разглядел под этим куполом две фигуры. Сердце стукнуло чаще — Гиллеберд!

Второй ко мне спиной, но, похоже, некромант, трудится вовсю, обеими руками рвет траву и бросает в котел, там уже, судя по поднимающемуся пару, кипит некое зелье...

Обратно я почти бежал, сэр Клемент и его люди терпеливо ждут там, где я и оставил.

Я сотворил шарик света, все тихонько охнуло, я сказал быстро:

— Идите за мной. Еще далеко. А там погашу, будете в потемках.

Быстро добрались до края поляны, сэр Клемент спросил с напряжением в голосе:

— И... где?

Я указал на сиреневый купол.

— Да вон же!.. Там Гиллеберд и его маг. Гиллеберда я рассмотрел хорошо. Если, конечно, не двойник.

— Двойник? — переспросил он и добавил чуточку виноватым голосом: — Ваша светлость, я там ничего не вижу.

— Гиллеберда?

Он покачал головой:

— Ничего. Пустая поляна. Только трава. Хорошо, деревьев нет, луна хоть малость да светит.

Я посмотрел на его людей, у всех такой же вид, только некоторые начали шарить по карманам, перебирать амулеты.

Сэр Клемент сказал просительно:

— Ваша светлость, вы же паладин?.. А это нечестивое дело. Вам уничтожить такое... гм... не совсем трудно.

— Ну да, — сказал я нервно. — Я несколько однобокий паладин. Больше к мечу как-то, хоть и древние книги держал в руках, когда меня заставили переносить их из старого помещения библиотеки в новое... Я и молитв

таких не знаю, чтобы вот так р-р-р-раз!.. и гнусное марево развеялось под ударом Божьего слова.

Со всех сторон на меня смотрели с надеждой, а сам сэр Клемент проговорил почти просительно:

— И все-таки, сэр Ричард, попробуйте... Если не вы, то кто?

Один из его рыцарей-гигантов сказал гроыхающим шепотом:

— Как с ними драться, если даже не видим?

Я повернулся к лиловому шару, собрался с духом и сказал тихонько, но с некоторой надеждой в сердце:

— Во имя Господа... сгинь!

Судя по лицам моих воинов, ничего не изменилось, а сэр Клемент проговорил с сочувствием:

— Что-то молитва ваша, мой лорд, показалась Господу коротковатой.

— Видать, — сказал я, — маловато веры в моем сердце для такого серьезного дела. Возможно, Господь желает, чтобы мы придумали что-то сами, чем всякий раз бежать к нему и просить помощи... А пока все-таки окружите эту поляну.

Сэр Клемент обернулся к своим людям и сказал негромко:

— Арбалетчики — окружить поляну. Но чтоб и комар носа не подточил!

Сердце мое колотится отчаянно, я проговорил так тихо, словно Гиллеберд стоит совсем рядом:

— Лучше приготовить два ряда арбалетчиков. Первый как бы засветится, а второй — тайный. И еще...

Он смотрел с беспокойством, я мямля, не зная, как выговорить то, что стучится в череп.

— И еще... поставь вон там двух-трех лучников.

— Зачем?

— Так, — проговорил я, — на всякий случай. Что-то

меня морозит.. Мы окружили Гиллеберда, но у меня такое чувство, что это он окружил нас.

— Ваша светлость?

— Он не тот, кого можно схватить так вот просто.

Он проговорил озадаченно:

— Но мы в самом деле окружили это место!

— Я бы, наверное, все-таки вырвался.

— У Гиллеберда, — возразил он, — нет вашего коня!

Я сказал со вздохом:

— Боюсь, у него мозги лучше.

— Нет! — сказал он с нажимом. — Нет!..

Когда пришел сигнал, что кольцо сомкнулось, двойное кольцо, я взял в руки лук Арианта, наложил стрелу и прицелился, как казалось сэру Клементу, в пустое пространство середины поляны. В последний момент ослабил натяжение тетевы и положил стрелу обратно в колчан. Сделал три шага вперед.

— С Богом, — прошептал сэр Клемент с надеждой.

Я сосредоточился, чувствуя поддержку каждого из нас, собрался и метнул стрелу в этот пузырь. Сначала, казалось, ничего не изменилось, но через мгновение посреди поляны вспыхнул яркий лиловый свет, мгновенно собрался в купол и с запасом накрыл приличное пространство, внутри разместился бы добротный двухэтажный дом. Помимо Гиллеберда и некроманта, которых я уже видел, на этот раз стали видны головы четырех арбалетчиков, что устроились за поваленным деревом. Арбалетчики в кожаных панцирях и железных шлемах, колдун в плаще лилового цвета, только Гиллеберд в блестящих рыцарских доспехах и даже в шлеме с поднятым забралом.

Еще грубо сколоченный стол, на нем три кувшина разных размеров, прочая разная мелочь.

Сэр Клемент выдохнул счастливо:

— Получилось!

— Это вы призвали Господа, — напомнил я.

Он благочестиво перекрестился, а я ощутил нарастающую неуверенность и даже страх. Гиллеберд с некромантом даже как будто не заметили, что их тайное убежище раскрыто, молча показывают свою мощь, а она в самом деле намного больше, чем я предполагал и на этот раз.

Сэр Клемент прошептал устрашено:

— Такие магические стены ничем не пробить, мой лорд. Я как-то видел в детстве...

— Еще посмотрим, — пробормотал я. Во рту пересохло, пальцы дрожат, я нервно сглотнул и повторил: — Еще увидим...

— Ваша светлость, что делать будем?

Я прошептал:

— Если они так сильны, почему не нападают?

Он подумал, сказал тяжеловесно:

— Думаю, совсем не потому, что добрые...

— Мне тоже так кажется, — сказал я. — Значит, либо я дурак, либо мы оба умные. Как думаешь?

Он помялся, пробормотал:

— Ну вообще-то... как бы сказать... в дураках ходить как-то не очень...

— Тогда проверим этот купол на прочность, — сказал я. — Он же только защитный? Значит, в ответ по голове не вдарит?

Он сказал с неуверенностью:

— Не должен бы... Прикажете попробовать?

— Близо не подходи, — предупредил я.

— Ну так если не дурак...

Он подозвал одного из лучников, простой жилистый мужик в легкой одежде, это арбалетчики шеголяют в толстой коже, по команде Клемента вышел из-за дерева. Под куполом ничего не изменилось, будто не замечают, затем стрелок наложил стрелу, вскинул лук.

Я смотрел в напряжении, если что, его смерть на моей совести, одно дело послать в бой тысячу человек, другое — вот так одного...

Стрела сорвалась с тетивы, мгновенно прочертила пологую дугу и ударила в купол. Я успел увидеть короткую синюю искорку, словно клюнула железным острием в камень, тут же исчезла в такой же голубой, как и сам купол, вспышке.

Он натягивал тетиву еще дважды, но стрелы сгорели точно так же. Вернулся обескураженный и виноватый, хотя, думаю, и сам не ждал, что стрелы пройдут стенку магического пузыря насквозь.

Я вытащил из седельного мешка, что захватил с собой, малый арбалет. Сэр Клемент встретил его непонимающим взглядом, но когда я натянул тетиву на среднее деление, прошептал почтительно:

— Магия против магии?

— Нет, — сказал я, — это честное оружие. Хотя... и не наше.

Глава 4

Из-за дерева не достать, можно бы попробовать из лука Арианта и дальше, он же борется с нечестивой магией, однако уж взял арбалет, надо действовать, полководцы должны быть решительны или хотя бы выглядеть такими.

Я сделал несколько шагов в сторону купола, арбалетчики там зашевелились и взяли меня на прицел.

Холодок пробежал по спине, а вдруг стена магического купола стрелы задерживает только снаружи? Я остановился, до тех арбалетчиков не достану, но купол...

Я вскинул арбалет к плечу, хотя из такого можно стрелять с любого положения, нажал на спусковую скобу. Легкий толчок, на стене купола вспыхнуло жаркое голу-

бое пламя диаметром в несколько футов. Некромант и Гиллеберд оглянулись, но первый продолжал рвать траву, а Гиллеберд с неожиданной легкостью, несмотря на доспехи, опустился с ковшиком к земле, а там, судя по движениям, набирает воды из родника.

Я взвел тетиву на последнее деление, выждал, когда стрела неспешно появится в канавке и затвердеет, потеряв туманные очертания, снова приложил к плечу и выстрелил.

Стена купола заметно вздрогнула, словно мыльный пузырь под легким порывом ветра. От дерева донесся ликующий вопль какого-то арбалетчика.

Голубой свет охватил повернутую к нам часть свода и несколько секунд трепетал, медленно теряя краски. Некромант повернулся, взмахнул руками и что-то прокричал. Купол съежился, стал вдвое меньше, но, как я понимаю, вчетверо плотнее.

Для проверки я еще дважды ударил из арбалета с той же силой, но теперь вспышки на стенке совсем тусклые, а сам купол перестал мыльнопузырьно колыхаться, выглядит, как будто выкован из несокрушимой стали.

— И все-таки, — сказал я громко, — кое-что прояснили. Купол не сам по себе, а его мощь надо подпитывать.

— Чем? — спросил сэр Клемент. — Похоже, воду черпают совсем не простую...

— Проверим, — сказал я, — раньше кончатся наши стрелы или же их запасы?

Некромант вскинул голову, хотел что-то крикнуть в нашу сторону, однако Гиллеберд велел кивком продолжать работу. За моей спиной слышались осторожные шаги.

Один из помощников сэра Клемента приблизился, держа наготове обнаженный меч.

— Ваша светлость, — прогудел он мощным голо-

сом, — а не проще ли попытаться поговорить с их людьми? Мы же с ними не ссорились...

— Попытайся, — сказал я.

Он крикнул:

— Эй, говорит сотник Куньявалд из Лагардии!.. У нас есть счеты с королем, но не с вами, солдатами. Если выйдете и сложите оружие, вам всем оставим жизнь!.. Вы же воины, выполняете чужие команды, так? Сейчас выполняете их, а завтра будете выполнять мои, все верно?.. Такова наша не такая уж и плохая доля. Решайте!.. Вас окружила целая армия, вам не уйти отсюда живыми, если не бросите оружие.

Арбалетчики не двигались, только один взял рыцаря на прицел и сделал вид, что готовится выстрелить. Тот поспешно отступил на пару шагов.

— Дураки, — сказал он сердито. — Хотя да, мы далеко, а те двое близко. Вздумай кто бросить оружие, тут же убьют.

— А побежит к нам, — добавил я, — в спину выстрелят. Ладно, пробуем иначе...

Я убрал арбалет, вытащил из-за плеча лук Арианта. Даже сэр Клемент смотрел скептически, лук Арианта прекрасен, но не выглядит достаточно мощным, чтобы пробить такую стену.

Некромант и Гиллеберд бросили в мою сторону по взгляду и торопливо продолжали работу. Я наложил стрелу, поймал в прицел голову некроманта и, резко оттянув до уха, отпустил оперенный кончик. Некромант охнул, я ощутил дикую радость, когда стрела из лука святого подвижника прошла пузырь насквозь, почти не потеряв в скорости. Колдун вскинул руки, вскрикнул тонким поросячьим голосом и ухватился обеими руками за торчащий из плеча конец стрелы.

Сэр Клемент сказал ликующе:

— Ваша светлость, ваши стрелы проходят!

— Стена отклоняет, тормозит, — пробормотал я. — И здорово... Но это как бы поправимо...

Мои руки замелькали, я выпустил еще пять стрел, пока некромант собрался с силами и укрылся под добавочным куполом, темно-фиолетового цвета и почти непрозрачным. Я только видел по смазанным движением, что он вытаскивает из себя стрелы и корчится от боли.

Гиллеберд заорал, я рассмотрел наконец в высокой траве тигель, там огонь из пурпурного стал багровым, вот-вот погаснет, некромант торопливо высунул руку из своего добавочного щита, но я мстительно обрушил на нее град стрел. Одна попала, пронзив насквозь, он с криком вдернул обратно под защиту добавочного, а Гиллеберд, перекосив лицо, пытался сдвинуть огромный тигель собственными силами.

Я перенес внимание на него, стрелы пошли одна за другой, все клюют часто и напористо, как куры зерно. Он морщился, одна ударила в щеку, потекла кровь, но моментально загустела и осыпалась коричневыми струпьями. Гиллеберд небрежно тряхнул головой, забрало со звучным металлическим щелчком опустилось и закрыло лицо. Движения короля становились все торопливее, некромант не показывается из-за своего магического щита.

Я осмелел и медленно начал подходить ближе, продолжая выпускать стрелы.

— Ну что?.. Не пора ли сдаваться?

Гиллеберд даже не услышал или сделал вид, что не слышит. Я подошел ближе, еще ближе, что вообще-то опасно, до самой внешней пленки осталось два шага, сейчас снова похожа на мыльный пузырь, даже легкие разводы бегут по поверхности, быстро меняя прихотливые узоры...

Я дернулся и попытался отступить, понимая с ужасом, что опоздал, когда сквозь темно-фиолетовую стену защитного купола высунулась рука, за нею быстро вылез

некромант, сразу же с торжеством стремительно выбросил в мою сторону, словно выстрелил ими, руки с напряженными, будто хватает дичь, пальцами.

Зеленый свет вспыхнул в его растопыренных ладонях и метнулся в мою сторону. Я похолодел в страхе, напрягся, неприятный холодок пронесся по коже, словно попал под мелкий дождик и... все.

Уронив лук, я торопливо ухватил арбалет, торопливо взвел тетиву и быстро выстрелил. Болт ударил колдуну в живот, оттуда швырнуло во все стороны широкие красные струи, словно в густое вино бросили большой камень.

Я успел увидеть ошметки внутренностей, а на лице некроманта вместе с гримасой смертной боли проступило дикое непонимание, как же так...

— Невежда, — сказал я, — даже не знаешь, что в каждом регионе своя магия?

Он упал, переломившись пополам, вряд ли понял, но я говорил больше для сэра Клемента, чтобы объяснить непонятную ему свою нечувствительность к магии.

Я перестал пятиться, напротив, сделал шаг вперед. Гиллеберд торопливо ухватил большую медную чашу, я успел рассмотреть в ней раствор и поднял над котлом, где нечто булькает, оттуда поднимается зеленый пар.

Голос Гиллеберда прозвучал торжествующе.

— Вот ты и... — начал он говорить и охнул, когда стрела из лука Арианта прошла сквозь пленку защитной магии и с силой ударила в чашу. Он не удержал в руках, она упала ему за спину, расплескивая желтую жидкость.

Он пытался ее удержать, но выпустил с гримасой боли.

Я сказал резко:

— Сдавайся! Твой маг мертв.

Он пригнулся, словно дикий зверь перед прыжком, сквозь прорезь шлема видно, как глаза просто полыхают

диким огнем, зато изумление медленно гаснет, что мне очень не понравилось.

Я поднял лук и прицелился ему в грудь. Он медленно покачал головой:

— Думаешь, победил?

— Разве нет?

— То всего лишь слуга, — произнес он холодно. — Или воин, неважно. А у меня... свое оружие. И своя защита. И твои удивительные стрелы, что даже не замечают магию, не пробьют мои доспехи.

— У тебя не такие уж и узкие щели в забрале, — сказал я.

— Ты можешь пытаться, мальчишка.

Голос его звучал слишком уверенно, я придержал стрелу, что уже готова была вылететь, опустил лук.

— Против тебя армия, — сказал я. — Думаешь, я вот так пришел один?... Здесь за каждым деревом — воин, за каждым холмом — отряд. Тебе все равно не вырваться, Гиллеберд.

Он процедил сквозь зубы:

— Мальчишка... Кого пытаешься обмануть? Если бы пришел хотя бы с отрядом, даже не армией, ты бы показал всех, чтобы напугать, сломить... но ты один!

— Можешь думать так, — ответил я, — твое право. Но не рискнешь выйти на поединок, а за это время подойдет и армия, не то что легкая конница! Потому просто сдайся сейчас.

— И что?

— Будешь судим королевским судом, — пообещал я.

Он внимательно взгляделся в мое лицо.

— В самом деле?... С чего бы?

— Потому что злодей, — сказал я. — Это раз. За убийство моего ценного союзника и друга, короля Варт Ген-та, Фальстронга — это два. И вообще, пусть все увидят, что Гиллеберд осужден за преступления, а не по моей

прихоти. И пусть знают, что моя власть будет держаться на справедливости ко всем!

Он спросил с интересом:

— Но, конечно, я буду осужден?

Я пожал плечами:

— Если не случится чудо и не сумеешь переубедить суд.

Он некоторое время всматривался в мое лицо, усмехнулся и сказал почти с одобрением:

— Хороший ход. Я в самом деле на какой-то миг поверил, что, если выйду, меня схватят и отвезут в Савуази. Там соберется суд, а я за это время, дескать, должен успеть продумать, как ускользнуть... Заманчиво, признаю. Другой бы на моем месте мог бы, да, мог бы!.. Еще раз признаю, я недооценил вас, сэр Ричард! А вроде бы совсем мальчишка...

— Значит, — прервал я, — так и останетесь? Ты чудовище, ты чудовище, Гиллеберд!

Он поморщился, ответил с вызовом:

— Не пытайтесь, сэр Ричард, приписать мне вину за что-то, чего я не делал. Я попытался захватить Армландию?.. И что? Все великие правители всегда старались расширить земли своих владений. Только за это они и остались в памяти потомков!

— То были дикари, — сказал я.

— Дикари? — ответил он с сарказмом. — Тогда почему их имена и сейчас повторяют с почтением?

— По инерции и дурости, — отрезал я. — Ашшурбанипал, Саргон, Кир, Ксеркс, Македонский, Цезарь, Атилла... все дикари! Сейчас другой мир, а церковь запрещает завоевания! Люди должны развиваться, а не истреблять друг друга!

Он сказал с тяжелым сарказмом:

— То-то ты пришел в мое королевство просто посмотреть, как тут живут!

— Напавшего зверя, — отрезал я, — нужно преследовать и добить в его берлоге, дабы не было от него бед снова. А берлогу разрушим, да не поселятся в ней другие звери... И будет здесь мирная жизнь, Гиллеберд, и никто из турнедцев не возьмет в руки оружия.

Он поморщился.

— Сам знаешь, безоружных тут же сомнут соседи.

— Охрану границ возьмет на себя армия, — напомнил я.

— Турнедцев будет охранять чужая армия?

— Чужой не будет, — пояснил я. — Будет общая армия из всех земель, что окажутся под моей дланью. А турнедцы просто не будут ими называться...

Дикая ярость перекосила его лицо.

— Ты... — прошипел он так, словно готовился прыгнуть и вонзить зубы мне в горло, — хочешь, чтобы слово «Турнедо» было забыто?

— Так и сделаю, — сказал я злорадно. — Потому что...

Я не договорил, он напрягся и, ухватив стол за край, с силой дернул кверху и тут же ударил ногой по тиглю. Тигель с раскаленными углями, все три кувшина — все полетело на землю.

Глава 5

На всякий случай я отскочил на пару шагов и напряженно всматривался, но от земли пошел такой ядовито-желтый пар, что совершенно скрыл, что там творится. Я попытался проникнуть через завесу тепловым зрением, но пар горячий, сплошная пурпурная стена, словно Гиллеберд и это предусмотрел, хотя, может, и в самом деле предусмотрел...

Из-за стены огня донесся страшный хриплый крик, будто кричит огромная ящерица, размером с быка, ко-

торой прищемили лапу, затем донеслись тяжелые удары по земле, похожие на учащающийся топот.

— С той стороны! — заорал я. — Стреляйте все!

Ринулся я с такой скоростью, что арбогастр бы не обогнал, но Пес оказался рядом и понесся ровными скачками, поглядывая на меня серьезно и с вопросом в больших карих глазах.

Обогнув синий купол, я со злостью увидел огромного ящера, в самом деле похожего на обыкновенную ящерицу, только в сотни раз крупнее и с высоким гребнем на спине.

Гиллеберд припал к загривку, чтобы не снесло встречным ветром, он без седла и поводьев, хватается за толстую шею.

Я заорал в бессильной ярости, за спиной слышались крики моих людей, и вдруг знакомый конский топот...

Арбогастр появился, как сгусток черного мрака, я не стал размышлять, как он протиснулся между стволами, вспрыгнул в седло и понесся следом, покрикивая:

— Догони!.. Догони эту сволочь... Хотя на этот раз не дать ей ускользнуть...

Деревья мелькают, как тени, но сейчас и луна наконец-то полностью вышла из-за туч, и лес сильно поредел, серебристый свет высвечивает все кочки на земле.

Наконец арбогастр догнал чудовищного ящера и начал обходить слева. Я ухватился за рукоять меча и в бессилии разжал пальцы, разлапистая ящерица — не конь, не подступить ни справа, ни слева. Бобик бежал рядом, поглядывая на меня в ожидании команды.

Впереди появились и начали стремительно приближаться мелкие деревца, какие-то хилые, каргалистые, с неприятными проплешинами гнилой стоячей воды, мясистыми листьями болотных кувшинок и темно-зеленой тиной.

— Бобик! — крикнул я. — Придержи эту ящерицу!

Он весело ринулся за убегающими, словно это игра, прыгнул на хвост ящери и с азартом сомкнул на нем челюсти.

Тот закричал тонким, режущим уши голосом, резко дернулся в сторону. Гиллеберда инерция швырнула по прямой, он упал, трижды перекувыркнулся. Шлем от удара о землю слетел и откатился, звякая.

Я был уверен, что так и останется лежать в тяжелых доспехах, убитый падением или с переломанными костями, однако он сумел подняться и, сильно хромя, бросился прочь.

— Стоять! — заорал я.

Арбогастр тревожно фыркнул, под нами захлюпало, его копыта уже в зловонной жиже, неприятный запах ударил в ноздри. Гиллеберд с разбега вбежал в гнилую воду, его роскошный плащ лег на поверхность и медленно тащился за ним, а сам Гиллеберд погрузился по грудь, но упорно стремится к противоположному берегу, что всего в десятке ярдов.

Я соскочил с седла, под сапогами противно чавкнуло, выбрызнула мертвая тухлая вода. Бобик подошел, испачкал лапы и брезгливо попятился, отряхивая их, как кот.

— И что? — крикнул я. — Это конец великого Гиллеберда?.. В вонючем болоте?.. Даже мне поверить трудно.

Вдали слышались крики, топот, в нашу сторону несутся сэр Клемент и его люди на взмыленных конях. Они торопливо натягивали поводья, а сэр Клемент покинул седло и подбежал ко мне.

— Ваша светлость?

— Все нормально, — заверил я. — Это же нормально, когда наши противники тонут вот в таком?

Он напряженно улыбнулся.

— Как скажете, ваша светлость... Что под ним за черт был?

Я отмахнулся.

— Уже удрал? Ладно, пусть побегает. Такая магия недолговечна... наверное.

Он указал взглядом на барахтающегося короля.

— А что с ним?

— Понаблюдаем, — сказал я.

Он последил за ним, сказал с беспокойством:

— Я лучше пошлю людей на ту сторону.

— Только осторожнее, — предупредил я. — Болото, судя по траве, ширишь больше, чем в длину.

— Постараемся успеть, — сказал он.

Я вошел в болото до середины голени, от невидимого дна по темной воде к поверхности устремились серебряными жемчужинами пузырьки воздуха, но когда лопались, уже не казались жемчужинами из-за тошнотворного запаха.

Гиллеберд погружается в вязкую топь быстрее, чем продвигается на ту сторону, он это вроде бы понял, движения стали замедленнее, экономнее, но все еще стремится на ту сторону, она так близко, и наших людей там еще нет...

В какой-то момент с трудом повернул голову, в покрасневших от напряжения глазах я увидел наконец-то страх и понимание, что все, болото не одолеть, из десяти ярдов топи он одолел пока только три... Если бы не рыцарские доспехи, еще можно бы...

Я не остыл от схватки, злость распирает сердце, и пока ни капли милосердия, но если пробарахтается слишком долго, могу увидеть только красивого седобородого старика, что в отчаянии борется за жизнь в засасывающей его трясине.

Он изо всех сил старался удержаться, раскидывал руки и набирал в грудь воздуха, единственно правильное решение, даже сейчас не запаниковал, вот только тяже-

лые доспехи, рыцарские сапоги и пояс с мечом вся равно тянут в глубину.

Подбежал сэр Клемент, крикнул с ходу, что уже побежали с двух сторон, успеют обойти, хотя болото в самом деле подлое, двое с разбега уже окунулись с головой.

— Вытащили? — спросил я.

— Да, — ответил он виновато. — У нас людей хватит, ваша светлость. Может быть, вам лучше его стрелой?

— Я не убийца, — отрезал я. — Тонущего еще и добить? Нет, это негуманно, Господь не простит.

Гиллеберд снова повернул в нашу сторону голову, лицо багровое от натуги, серебряные волосы уже покрыты грязью, а усы тонут в грязи.

— Я... — прохрипел он, — сдаюсь...

Я переспросил громко:

— Что-что?

Он выкрикнул с яростью:

— Да будь ты... сдаюсь я!.. Сдаюсь!

Я спросил:

— Безо всяких условий?

— На милость победителя, — простонал он. — Все... я побежден...

Я огляделся, увидел вблизи длинную сухую ветвь, стоящую жердь, подобрал ее, а хмурому сэру Клементу бросил шепотом:

— Будьте готовы, дорогой друг.

Он взглянул с вопросом в темных запавших глазах, я посмотрел зло, он поспешно кивнул.

Я вошел в болото по шиколотку и протянул шест по болоту, пригибая мясистые листья кувшинок. Гиллеберд попробовал ухватить кончик, но пальцы лишь взболтнули грязь. Я сделал шаг и сразу же погрузился до колен.

Шест продвинулся еще, Гиллеберд сделал чудовищ-

ное усилие, погрузился в болотную жижу почти с головой, но я ощутил, как дернулось в моих ладонях дерево.

— Держись, — крикнул и бросил на сэра Клемента взгляд, — тяну!..

Мокрый шест выскользнул из пальцев Гиллеберда, но он успел придвинуться к берегу на ладонь. Я протянул снова, теперь король ухватился уже двумя руками, я начал тащить медленно, чтобы его руки не сорвались снова, налипшая зловонная грязь старается не отпустить ценную добычу, не каждый день здесь тонут короли, удивительно цепкие пальцы у этого моего самого опасного врага...

Последние футы пошли легче, хотя Гиллеберд совсем изнемог, но держался за облепленный грязью шест, пока я не вытащил его наполовину на берег.

Он остался лежать в полном бессилии, упершись руками в растоптанное нашими сапогами месиво, стараясь не задохнуться, дышит часто и хрипло, а сэр Клемент перехватил мой требовательный взгляд, вытащил меч из ножен, поднял над головой.

— Правителя, — сказал я, — очень трудно столкнуть с первого места на второе... зато как легко со второго на последнее!

Гиллеберд не ответил, дышит тяжело и хрипло, сэр Клемент побледнел, в глазах ужас, никто не смеет поднять руку на священную особу помазанника Божьего, но никто и не смеет послушаться Ричарда Завоевателя...

— Знаешь, — сказал я с отвращением, — если бы тебя задушили в подвале, я бы все-таки корчился бы какое-то время в муках совести... хоть и надо, но как-то нехорошо и даже грубо убивать вот так человека, да еще с такой седой бородой, хоть и остриженной, прям патриарха...

— А сейчас что изменилось? — спросил он хрипло.

— Ты убил человека, — сказал я, — которого я чтил, короля Фальстронга. Ты убил его молодую красавицу-

жену!.. Ты убил многих знатных и благородных рыцарей, не считая простой люд... ну, тех не жалко, ладно. Ты слишком много пролил крови, потому убиваю тебя не как человека, а как взбесившегося волка.

— Ты убил мою дочь, — прошептал он.

— Принцессу Изагельду, — спросил я, — которую ты предлагал мне в жены?.. Ее спасла одна из нянек. Спрятала в груди грязного белья, а потом вынесла в корзине за пределы дворца. Я знаю, где ее прячут, но не трону. Ей никогда не быть королевой, но хорошим человеком... может быть, станет... А вот ты... ты не только поджигатель войны, но и активный развязыватель!.. Потому я, как уполномоченный представитель Высшей власти, осуждаю тебя на смерть.

Он прохрипел:

— За то же самое, что делаешь сам? Я завоевывал земли, оставленные сюзереном, только для того, чтобы принести туда богатство и достаток... Ты сам признавал, что в моем королевстве люди живут зажиточнее...

— Это не оправдывает захваты, — отрезал я. — Надо было остановиться на возможностях экономического грабежа посредством преимуществ в экономике! Но ты перешел грань... Эй-эй, не шевели пальцами!

Сэр Клемент перехватил мой злой взгляд, вздохнул, сверкающее лезвие застыло на миг, потом исчезло, с такой скоростью нанес удар, очень точный, несмотря на дрожащие руки.

Голова Гиллеберда не откатилась, все как застыло, только теперь ее отделяет от туловища тускло блестящая широкая полоса стали, медленно погружаясь в грязь.

Сэр Клемент с трудом вытащил меч, но трепещущий взгляд все еще прикован к отрубленной голове.

— Благодарю вас, сэр Клемент, — сказал я. — Вы проявили настоящее, а не картинное мужество.

— Ваша светлость?

— Хотя понятно, — спросил я, — зачем мы это сделали?

Он кивнул, проговорил осевшим голосом, все еще не в состоянии оторвать взгляд от испачканной грязью головы недавнего повелителя королевства Турнедо:

— Война не окончена, пока король жив...

— Хотя и в плену, — сказал я.

— Хотя и в плену, — повторил он глухо. — Нехорошо мы сделали, но... надо было, ваша светлость. Хотя и гадко это.

— Рассуждаете, — сказал я, — как политик. Вы умный человек, сэр Клемент, вам это говорили? Несмотря на такой рост и такие мускулы. Возьмите голову с собой, нам нужны доказательства. Если бы добились стрелами и дали утонуть, по королевству пошли бы слухи, что король жив и где-то готовит новую армию.

— Да, ваша светлость. И кровь бы лилась еще долго.

Глава 6

И все-таки гадкое чувство угнездилося в груди и не желает ее покидать. Сэр Клемент, похоже, хоть и не подает виду, но ему тоже не по себе, по всем правилам я должен был дать Гиллеберду меч, чтобы у него появился шанс защитить себя и убить меня, а потом все как бы решить в поединке и убить «по-честному»...

Но это глупо, к тому же Гиллеберд всю пользовался магией. Сама магия мне повредить не может, но вдруг догадается сделать землю под моими ногами скользкой, как мокрая глина? Я грохнусь, а его меч, что только и ждет этого момента...

Нет, поступить так — дать преимущество нечестному человеку. А мы помним, что хорошая девушка должна

уметь делать все то же, что умеет нехорошая, а так как она хорошая, то должна делать еще лучше.

Арбалетчик по имени Фридо, что значит — защитник, деловито смыл грязь с головы Гиллеберда и сунул ее в кожаный мешок.

Подъехали отставшие, Фридо похлопал ладонью по мешку и хвастливо сказал:

— Ну, кто догадается, кто здесь?.. С того кружка эля!..

Сэр Клемент покосился на меня, но я погружен в угрюмое молчание, и он сказал твердым голосом:

— Война, можно сказать, закончена!.. Победой закончена. Его светлость собирается сразу же сообщить турнедскому войску, что король только что убит.

Рыцарь, что прибыл с ним с севера, Куньявалд из Лагардии, сказал густым голосом:

— А семья Гиллеберда погибла еще раньше при взятии Савуази, не оставив наследника!

Они требовательно смотрели на меня, я вздохнул, уже все за меня решили и расписали, что и когда делать, но все верно, это очевидно, и я сказал, стараясь, чтобы звучало так же твердо:

— Благородные люди воевали из верности королю! Однако его больше нет, а все остальное останется. Землепашцы, торговцы и даже лорды вообще не заметят, что изменилось что-то, разве что войны больше не будет, а отвагу и воинскую удаль можно показывать на турнирах.

— И в дальних странах, — громыхнул сэр Клемент. Перехватив мой взгляд, поспешно пояснил: — Есть же такие, кому дома не сидится?..

— Все верно, сэр Клемент, — сказал я. — Устройте здесь привал, если нет желания возвращаться ночью в город, а я проеду, как вы мудро сказали, к лагерю турнедцев.

Он запротестовал:

— Ваша светлость, но не сейчас же!.. Почему не утром? А то в потемках и виконта Каспара не отыщете!

Я удивился:

— А где он?

— Взял небольшой отряд, — объяснил он, — и отправился к лагерю турнедцев. Говорит, нельзя так жить, чтобы ничего не знать о противнике...

— Мудро, — согласился я. — Знаете, сэр Клемент, если честно, я просто не могу смотреть на этот мешок! Хотя бы Гиллеберд помоложе был!.. А то убили старика...

— Этот старик стоил десятерых молодых, — напомнил он. — А еще знался с черной магией. Но, если уж так, ваша светлость...

Арбогастр подошел, красивый и величественный, гордо и царственно выгибая шею, тяжелые копыта бьют в землю так мощно, словно каменные колонны, сейчас и не подумать, что может мчаться, обгоняя птиц.

Я вскочил в седло, Пес забегал кругами, стараясь угадать, в какую сторону поедет.

— На север, — объяснил я. — Хотя и не на Север.

После долгой и стремительной скачки дорога взметнулась на холм, я поспешно придержал Зайчика. Оттуда должен открыться вид на лагерь турнедцев, а охранные посты могут быть выдвинуты прямо сюда...

...Из груди вырвался вздох облегчения, турнедцы и не подумали воспользоваться удобным случаем, когда часть армии теснящих их вартгенцев внезапно покинула расположение своих войск и ушла обратно в свои земли. Гиллеберд бы обязательно ударил со всей мощью, а потом бы гнал рассеянные части по всему Варт Генцу, истребляя их безжалостно.

Напротив, оставленные без новостей турнедцы укрепили за это время частокол, вырыли ров поглубже, приготовились держать оборону, то есть авторитет Гиллеберда был настолько высок в воинском искусстве и не-

пререкаем, что под его крылышком так и не выросли достойные полководцы с самостоятельным мышлением.

Я пустил коня с холма, властный и надменный, стараясь выглядеть раздувающимся от важности, это почему-то впечатляет, как будто нельзя раздуваться от ложной гордости или притворной важности. Но здесь народ честный, что видит, тому и верит.

Они смотрели с высокого помоста над воротами в лагерь, мрачные и настороженные, уже и здесь знают, что победного марша на одинокую Армландию не получилось, приходится сражаться против трех или даже больше королевств и надеяться на гениальность короля Гиллеберда, который всегда находит правильный выход.

— Переговоры! — прокричал я. — Где ваши Вигфрид и Аттельстан?

После паузы кто-то крикнул лениво:

— А ты кто, чтобы ради тебя тревожить лордов?

Я крикнул гневно:

— Разуй глаза, сено-солома!.. Я Ричард Завоеватель, который трясет ваше королевство, как щенок тряпочку!

На стене испуганно ахнули, зашевелились, забегали. Слышно было, как кто-то, споткнувшись, катится вниз, считая ребрами все ступеньки, и щедро рассыпает проклятия.

Вряд ли меня не узнали, хотя бы по описанию, просто не могут поверить, что верховный лорд может появляться лично вот так без огромной свиты, хотя слухи должны бы не только дойти даже к этим, но и укрепиться.

Наверху снова появились люди, один крикнул:

— Что нужно?

Я прокричал зло:

— Что мне нужно? Или что нужно вам?.. По-моему, одно и то же!.. Чтобы вы открыли ворота, вышли все, как смирные зайчики, и сложили оружие. Я со своей сторо-

ны обещаю, что всем будет оставлена жизнь и свобода... И, кстати, кто там каркает с верха стены?

Тот, который кричал, промолчал, видимо, не считая возможным общаться с таким грубияном, а второй, явный подхалим, крикнул во весь голос:

— Вы говорите с самым великом лордом Аттельстаном, сэра Ричард!

Я проорал, распаляясь в гневе:

— Если эта крыса не понимает, что для переговоров нужно слезть со стены и выйти наружу, чтоб стоять вровень, то всем вам гореть в аду, и мы вам это обеспечим, идиоты! Вы даже не понимаете, в какой вы заднице!

Аттельстан снова не изволил ответить, зато второй крикнул:

— Прошу со всей любезностью объяснить, сэра...

Я крикнул:

— Я вашего короля утопил, как крысу. В гнилом болоте!.. Хотите, чтобы и вас тоже?... А что вы скажете вот на это?

Я развязал мешок и, ухватив голову Гиллеберда за длинные волосы, вытащил и поднял над головой.

В крепости на стене все перестало двигаться. Замерли даже облака в небе, стих ветер, перестали стрекотать кузнечики. Люди едва не падали вниз, перевешиваясь через края и стараясь рассмотреть голову Гиллеберда.

После долгого ожидания, когда боевые маги могли своими заклятиями искать короля в мире живых и не нашли, в воротах открылась небольшая калитка. Вышел, пригибая голову, крупный человек в одежде лорда, медленно пошел ко мне.

Я велел Адскому Псу сидеть рядом и не двигаться, сам хотел слезть с Зайчика, чтобы стоять на одном уровне с переговорщиком, но решил, что моя вежливость неуместна, здесь каждым жестом должен подчеркивать, что я выше, сильнее, у меня больше власти.

Он медленно подошел ближе, кося одним глазом на неподвижного Бобика, а я опустил руку с головой Гиллеберда и дал ему осмотреть со всем тщанием.

Крепко сложенный, с широкой талией, но мускулистый и плотный, он выглядит достаточно солидно, лицо изрезано морщинами, среди них прячутся шрамы.

Пока он осматривал голову, я всматривался в него. Когда он наконец поднял на меня скорбный взгляд, я спросил:

— Сэр Вигфрид?

Он хмуро кивнул и снова обратил тоскующий взгляд на голову своего венценосного сюзерена.

Я протянул руку и дал осмотреть кольца с печатями, которые снял с пальцев Гиллеберда.

— Узнаете? — спросил я. — Я много слышан о вас, сэр Вигфрид! Говорят, вы лучший из полководцев Гиллеберда.

Он поморщился, не обращая внимания на комплимент, взгляд внимательно пробежал по всей россыпи колец.

— Это недостойно такого прославленного правителя, как вы, сэр Ричард.

— Почему? — удивился я. — Ах, вы намекаете на простой грабеж? Совсем напротив, сэр Вигфрид!.. Это теперь мои земли, и я намерен править ими... во многом, скажу честно, по-гиллеберды, разве что не буду бросаться на соседей, это непродуктивно и экономически неоправданно. Я знаю методы грабежа получше... И этими печатями буду скреплять документы!.. Конечно, до тех пор, пока ювелиры не изготовят замену.

Он кивнул, принимая объяснение, даже вроде бы чуть посветлел, когда я сказал, что буду проводить политику Гиллеберда и даже скреплять документы его печатями.

— Значит, Его Величество, — проговорил он с гру-

стью, — наконец-то нарвался на достойного противника. Хотя мне кажется, вам просто повезло.

— Я разве спорю? — спросил я. — Конечно, повезло. Только мне везет уже давно, сэр Вигфрид. И, думаю, если не буду ходить с открытым хлебалом и мощно хлопать ушами, будет везти и дальше. А сейчас я еще раз предлагаю сложить оружие.

Он пробормотал:

— Насколько я знаю, Варт Генц уже вышел из войны... А там выйдут и другие...

— В Варт Генце восстановлена законная власть, — заверил я. — Заговорщики убиты, а сюда на помощь армии, что осталась, идут полные ярости лорды со своими отрядами, чтобы мстить за подло убитого Гиллебердом короля, которому присягали и которого чтили!.. Это будет что-то, сэр Вигфрид! Эта неуправляемая сила разольется, как половодье, по всему Турнедо и будет жечь, рубить, уничтожать, убивать всех и каждого, ибо праведная месть требует выхода, а это реки крови турнедцев, и даже, я бы сказал, море...

Он зябко передернул плечами, но ответить не успел, с площадки над воротами прокричали:

— Заканчивайте переговоры, сэр Вигфрид! Иначе мы объявим вас изменником!

Он вздохнул, развел руками.

— Вы...

— Разве это не ошибка Гиллеберда? — прервал я. — Нельзя поручать командование двум полководцам.

— Он не поручал, — вступился он за покойного короля. — Мы сами объединили здесь силы после ряда тяжелых боев.

— Это другое дело, — согласился я. — И кто из вас решает?

— Никто из нас, — признался он, — не может решать за всех.

Из крепости через ту же калитку вышли и направились в нашу сторону несколько военачальников, судя по регалиям, рангом пониже, все со злыми решительными лицами.

Я кивнул в их сторону и сказал быстро:

— Каково ваше решение?.. Если сдаетесь и признаете мою власть, я не позволю вартгенскому войску жечь и грабить на моих землях. Если нет... что ж, это ваши земли, жизни ваших жен и детей...

За моей спиной послышался нарастающий грохот копыт, я быстро оглянулся, к нам во весь опор мчится Каспар Волсингейн, а за ним нестройная дикая орда его недисциплинированных, но верных горцев.

Турнедские военачальники пошли медленнее, но и виконт Каспар вскинул руку, заставляя своих горцев остановиться, а сам шагом подъехал ко мне, отсалютовал обнаженным мечом.

— Ваша светлость, — произнес он почтительно, — я рад, что успели. Мы наблюдали за лагерем с восточной стороны...

Не глядя, я передал ему голову Гиллеберда, виконт с хищной радостью вскрикнул, поднял над головой, показывая своему отряду, те завопили, завизжали.

Турнедские лорды настороженно взяли Вигфрида в кольцо, один сказал резко:

— Если вы немедленно не вернетесь, сэр Вигфрид, вы арестованы...

Я заорал бешено, выкатив глаза и чувствуя, как у меня трясутся губы:

— Я — варвар с Юга, зовут меня Ричард Завоеватель!.. Если немедленно не сложите оружие и не принесете мне присягу верности, то дни Карла Черного покажутся вам раем!.. Я уничтожу все города и села, а людей посажу на колья — старых и малых! Мы изнасилуем ваших женщин, а потом скормим их тела собакам! Со мной

сто легионов диких варваров Гандерсгейма, вы о них уже все слышали!

Я орал и вдруг ощутил, что меня трясет в настоящем бешенстве, я в самом деле готов уничтожить города полностью... так и делали, насколько помню, в те времена, зато все остальные в ужасе сразу же открывали ворота и выносили ключи от города... я в самом деле могу насаживать на колья живых людей, не особенно и разбираясь, кто из них виноват, а кто лишь рядом стоял...

Лорд Вигфрид смотрит, побелев, в мое лицо, военачальники турнедцев замерли, в глазах начали проступать страх и внезапное осознание, что с такими силами ада еще не сталкивались.

Младшие командиры за их спинами застыли белые, как деревья с сорванной корой.

Вигфрид проговорил осевшим голосом:

— А что будет с нами, если... сложим оружие?

Я незримо пальцами сдвинул свою черную ярость, заставил себя вынырнуть из безумия, взор прочистился, и произнес уже без хрипоты в голосе, властно и четко:

— Разве непонятно? Мне нужно мирное и богатое королевство, соблюдение законов, почтение к старшим... Все, кто сложит оружие, возвратятся домой или туда, откуда явились. Те воины, которым война стала профессией, могут отправиться в Сен-Мари.

— А что... там?

Я ответил раздраженно:

— Там всегда есть где подраться, завоевать богатство, земли, честь и славу.

Вигфрид смотрел с недоверием, но за его спиной слышались вздохи облегчения. Он все же некоторое время поколебался, наконец произнес совсем другим голосом:

— Гибель нашего сюзерена меняет очень многое. Сэр Дрогон, прошу вас вернуться в крепость и сообщить, что я со своими людьми сдаюсь на милость победителя.

Молодой военачальник бросил на меня хмурый взгляд, повернулся и ринулся бегом в сторону крепости. Долгое время там ничего не происходило, только донеслись крик и лязг оружия, потом ворота распахнулись, начали выходить пешие воины, за ними арбалетчики и лучники, копейщики, а затем и знатные рыцари...

— Мои люди, — пояснил сэр Вигфрид. — И... я не считаю это предательством.

— Разумеется, сэр Вигфрид! — сказал я. — И никто не упрекнет...

— Упрекнут, — возразил он. — Но у нас нет короля, нет наследника, которого мы обязаны защищать и любой ценой возвести на трон. Потому воевать просто бессмысленно.

— Вы приняли мудрое решение, — сказал я быстро. — Все ваши земли, замки и титулы будут сохранены, как и всех ваших соратников, сложивших сейчас оружие. Я же сказал, править буду так же, как и покойный король Гиллеберд. Он за всю свою долгую жизнь сделал одну-единственную ошибку, — когда напал на мои земли... Здесь только ваши люди?

Он оглянулся.

— Да нет... кое-кто все-таки рискнул оставить сэра Аттельстана... Увы, ваша пламенная речь была очень... убедительной.

Его воины приближались медленно, чтобы с нашей стороны не заподозрили атаку, отстегивали перевязи и бросали ножны с мечами в кучу.

Я понаблюдав немного, потом обратился к сэру Вигфриду:

— Все лорды и даже младшие командиры пусть оставят оружие при себе. Я верю в мужское слово, пусть даже там не все рыцари.

Он передал мои слова командирам, я видел по их глазам, что это польстило им безмерно. Отчаяние и злость

начали покидать их лица, фигуры выпрямлялись, только теперь начали ощущать, что погибать вообще-то не обязательно.

Когда гора мечей, топоров и пик стала выше человеческого роста, я поморщился, кивком подозвал лорда Вигфрида, что так и стоит, как вкопанный в землю столб, похожий на памятник вечной скорби..

Он послушно подошел, теперь уже неважно, что с утра был одним из верховных лордов Турнедо.

— Ваша светлость?

— Разрешаю забрать оружие обратно, — ответил я и, наткнувшись на его непонимающий взгляд, пояснил: — Мне, как и всем нам, важнее жест, разве не так?.. Оружие сдали, почти все сдали, а теперь пусть берут обратно, им еще пригодится, а нам хватает своего, выкованного на Юге.

Он перевел дыхание, что уж подумал, и не знаю, сказал с почтением:

— Мы все заметили, что у вас даже у простых воинов доспехи отменной выделки. А ваши мечи рубят наши, будто те деревянные.

— На Юге много чего удивительного, — ответил я уже дружеским тоном. — Вы все увидите, лорд Вигфрид! Я не верю, что упустите шанс повидать дивное королевство за Великим Хребтом.

Его скорбное лицо впервые осветила сдержанная улыбка.

— Спасибо, ваша светлость. Уверен, я не один такой.

Глава 7

К вечеру из крепости вышли и сдались остатки турнедского войска. Последним появился пешим герцог Аттельстан, огромный, грузный, такого ни один конь не

поднимет, смерил меня недружелюбным взглядом из-под заплывших жиром бровей.

— Счастье на вашей стороне, сэр Ричард!

Голос его звучал мощно и глухо, больше похожий на рев допотопного зверя.

— Значит, — согласился я миролюбиво, — я счастливый. Что собираетесь делать, герцог?

Он тяжело качнул глыбами плеч.

— Моя судьба в ваших руках, сэр Ричард.

— Тогда отправляйтесь домой, — посоветовал я. — Проверьте, не разворовали за ваше отсутствие имение? Платят ли налоги?.. А то с вас я потребую их в той же мере, в какой вы платили Гиллеберду.

Он хмыкнул недоверчиво.

— А не больше? Вы же победитель!

— Рискованно вводить новые налоги, — пояснил я, — без необходимости. Гиллеберд не зря же установил некие суммы, а не выше или ниже? Мне хватит, так как военные расходы можно будет даже малость урезать, а высвободившиеся средства вложить в горнодобывающую промышленность...

— Чего?

— Рудники, — пояснил я. — Выплавку металла.

Он подумал, вид у него такой, что это ему делать труднее, чем махать мечом, но, похоже, с задачей не справился, просто махнул рукой.

— Да ладно, победителю виднее...

Оруженосцы подвели ему огромного жеребца, больше похожего на носорога, подставили массивную табуретку. Лорд Аттельстан встал сперва на нее, она тут же ушла ножками в землю, а потом все-таки сумел, к моему удивлению, довольно легко подняться в седло.

Я со своими людьми наблюдал, как он уезжает, за ним с развернутыми знаменами его вассалы, подчеркивают, значит, что они побеждены не противником, а обстоя-

тельствами, но мне все равно, с души свалился еще один тяжелый камень.

Виконт Каспар смотрел вслед со странным выражением на лице, где и восторг, и недоверие, и дикое изумление, что вот так война закончилась, по крайней мере — на северном фронте.

— Что теперь, ваша светлость?

Голос его звучал настолько почтительно, что мне стало неловко, будто я что-то украл и выдаю себя за человека более высокого ранга.

— Возвращайтесь в Савуази, — велел я. — Только сейчас и начнется самое трудное...

— С вами оставить охрану?

— Нет, — отрезал я.

— Но, ваша светлость...

Я посмотрел на него в упор.

— Сэр Каспар, вы еще не уяснили, что это и есть моя основная... особенность?... Король Барбаросса — великий турнирный боец, король Гиллеберд — чернокнижник, король Фальстронг — мудрец... а я вот — всадник на могучем и быстром коне и в сопровождении своей страшной собаки?.. Этим я отличаюсь от остальных: знатных, умных, богатых, родовитых!

Он поклонился, отступил на шаг.

— Да, мой лорд, понятно. Но только не дайте своей уверенности погубить вас. Мы все будем... огорчены.

— Езжайте, — сказал я сердито. — Я вас тоже люблю так же нежно.

Он усмехнулся, повернул коня и, махнув воинам, чтоб следовали за ним, направился в сторону дороги.

Я повернул Зайчика к ближайшему болотцу, его присутствие чувствуется по влажному воздуху с ароматом гниющих водяных растений. Когда под копытами начала чавкать и разбрызгиваться земля, что уже не земля, а грязь, я придержал, позволил войти по колено. Пес ос-

тался на сухом и раздраженно скулил, не решаясь вступить в гнилую воду, где аромат уже перешел в смрад.

Я перебросил мешок на свою сторону, с трудом развязал туго затянутый узел, во влажном воздухе он стал склизким и упорно не дается подцепить себя, наконец кое-как ослабил, открыл, торопливо сунул руку вовнутрь и нащупал там все еще мокрые волосы.

— Ну, Гиллеберд, — сказал я, — прощай... Наша война закончилась.

Я замахнулся, выбрав шагах в десяти впереди местечко поглубже, там даже водяных лилий нет, только зловещая чернота, как вдруг прямо передо мной, испугав, возник призрак, я не сразу узнал Логирда, он как будто даже запыхался, хотя им вроде бы такое неведомо.

— Не-е-ет! — прокричал он тонким, как у комара, голосом. — Не делайте этого!

Я задержал руку в воздухе.

— Логирд? Ты чего...

Он прокричал слабым голосом:

— Спрячьте. Спрячьте ее снова!.. Ох, как хорошо, что я успел... Зачем, зачем в болото?

Я сказал недовольно:

— А есть вариант лучше? В болоте черви, хоть какая-то польза, нажрутс я вволю. Нужно и о них заботиться, они ж полезные... в чем-то. А главное, никто не сделает могилу бывшего короля объектом паломничества, на ней не будут клясться в верности гиллебердизму и гиллебердичности, ветераны не приведут к ней детей и не будут брать с них клятвы верности кровавому прошлому режиму!

Он отчаянно замахал призрачными руками.

— В мешок ее!.. Поскорее в мешок!

Волновался он нешуточно, я поспешно, хоть и с неудовольствием сунул голову в кожаный мешок и затянул веревку потуже, а то скоро начнет подванивать.

Белесый призрак колыхался рядом, словно проверяя, не выберется ли голова обратно.

— Ну? — спросил я. — Говори. Чем это опасно?

Он сказал слабо:

— Да всем...

Полупрозрачная фигура призрака за последние дни стала вообще едва видимой, а голос истончился, что меня несколько встревожило.

— Ты вообще как? — спросил я. — А то выглядишь... нездоровым.

— Я и есть нездоров, — ответил он голосом, похожим на шелест сухих листьев. — Я уже говорил, силы мои иссякают. Скоро меня развеет, как утренний туман на солнце...

— Очень поэтично, — сказал я, — вообще-то я соболезную, это я хотел сказать, но как-то такое призраку... Мне тебя будет не хватать.

— Мне будет не хватать больше, — прошелестел он. — И вас, сэр Ричард... и всего мира...

Я спросил:

— А теперь об этой голове. Почему нельзя в болото?

— Черви сожрут только мясо, — ответил он, — а сам череп останется цел. А в нем, как я ощутил, заключена великая колдовская мощь.

Я поинтересовался:

— А если по черепу мечом?

— Все равно, — ответил он, — только приблизите опасность. Гиллеберд, я им восхищаюсь, и такое предусмотрел!.. Но я знаю, как уничтожить наверняка.

— Говори быстрее!

— Я осмотрел лабораторию убитого некроманта, — прошелестел он бесцветным голосом, похожим на шуршание высохших листьев. — Мне бы в свое время такую!.. Там есть даже кровавые камни Генлера, шкура Октондиса, кости двенадцати крыс Ильмита...

Я прервал:

— Логирд, меня уже тошнит. Что с ними сделать, сжечь или закопать?

Он прошептал:

— Такие сокровища? Я понимаю, вы сделаете, мой лорд, все по-своему, у паладинов свои правила, но я бы умолял вас совершить один ритуал... Только один!

Я отшатнулся в отвращении.

— Я? Да ни за что!..

— Нужный, — донесся тихий голос. — Вам нужный...

— Ни... за... что! — сказал я строго и раздельно.

— Нужный и королевству, — проговорил он совсем тихо, — и тому делу, которому вы служите столь искренне и ревностно...

Мне приходилось напрягать слух, слова иногда звучат совсем невнятно, а самого Логирда уже не видно, только иногда по мирозданию проходит едва заметная рябь, словно тень от прозрачной кисейной шторы на залитом солнце окне.

— Какому делу? — буркнул я с подозрением.

— Вы хотите создать могучее и просвещенное королевство, — ответил он, — это все, что я понял твердо. И чтоб в нем все жили мирно, богато и счастливо, чтоб не было вражды между людьми, эльфами и гномами... что совсем уж невероятно, но я верю, что у вас и такая невероятная дикость может получиться.

Я буркнул:

— И как мое занятие некромантией может помочь этому благородному делу?

Шелест вроде бы стал чуть громче, но чувствовалось, что Логирд выкладывает последние силы:

— Только один раз... потом все это можно уничтожить... я подскажу как, чтобы даже изощренные не могли восстановить череп Гиллеберда... и никто им не воспользуется...

— Логирд, — сказал я, — жертвы точно не нужны?

— Нужны...

Я сказал резко:

— Тогда вообще никогда не предлагай мне такое!

— У вас она есть, — прошептал он.

— Что? — спросил я с подозрением.

— Голова Гиллеберда.

— Чего-чего?

В его шелесте проступила нотка отчаяния:

— Гиллеберд очень силен... он перестраховался с помощью особо сильной и редкой магии на случай своей гибели... За этой головой сейчас уже начали охоту могущественные некроманты, сэр Ричард! Как только отыщут... И смогут восстановить дух Гиллеберда в чьем-то теле. На вас вроде бы магия не действует, но вот как на ваших соратников? Если кто-то завтра по виду останется вашим другом, а на самом деле это будет Гиллеберд?

Я вздрогнул так, что застучали не только зубы, но и кости в теле.

— Господи, что за страшный мир! Как тут жить...

В ухе шелестнуло:

— Да еще и так быстро расти по лестнице титулов...

— Не язви, — сказал я сердито. — Говоришь, нужно только раз? Для пользы Отечества? А потом можно сжечь и покаяться?

— Все так, — прошептал он. — Только последнее не обязательно...

— Ну, это для успокоения души, — огрызнулся я. — Думаешь, молитвы наши для того, чтобы Господь помогал? Ага, щас он бросится делать за каждого его грязную работу!.. Кому-то козу доить, кому-то прыщи убирать с морды, какой-то дуре сиськи побольше...

— Сиськи да, — прошелестел он звонче, — сиськи — важно. Для колдовских ритуалов всегда выбирают жен-

щину с самой крупной грудью, потому что чем выше чувственность, тем мощнее хтоническая мощь дикой магии...

Я поморщился.

— И ты о них? Куда мир катится, даже призраки о сиськах. У тебя вон и голос стал сильнее! И весь ты как-то неприлично поживчиковел... Давай, сперва расскажи, что надо, а я подумаю, стоит ли в такое болото, когда неизвестно, отмоюсь ли...

Он начал объяснять, что если над головой Гиллеберда совершить некий ритуал, то можно будет вызывать дух убитого короля и заставить его служить себе. А дух короля — это не дух плотника или землекопа, как вы догадываетесь, ваша светлость. Это сильная личность, что знает и умеет намного больше...

Я прервал резко:

— Нет!..

— Но, ваша светлость, почему? Вы же согласились...

— Нет, — повторил я, — я думал, просто нужно отвести какую-то угрозу от королевства или людей, даже от себя, замечательного, но вот так пользоваться... нет, Логирд. У нас рабство давно отменили.

Он вскрикнул тихо-тихо:

— Здесь тоже!.. Но духи и демоны — не люди.

Я сказал твердо:

— У нас даже у собак есть свои права, так что не надо меня ввергать в нарушители, вот так. Лучше выкину...

Он снова завизжал так, что хоть и едва слышно, но я уловил отчаяние в его пiske:

— Ваша светлость!.. Тогда передайте его остаток жизни мне!.. Я умираю, я исчезаю... Это ужасно, когда и без того непрочная плоть тает, как утренний туман на солнце...

Я спросил сердито:

— А после ритуала?

— Буду снова полон жизни, — объяснил он.

Я подумал, сказал с досадой:

— Логирд, ты свинья бестелесная. На чем меняловишь, на чувстве дружбы... Это нечестно. Хорошо, говори, что надо.

Глава 8

Я вернулся в Савуази на всей скорости, но Логирд все равно был уже там, даже не запыхался. Я въехал в город, держа в вытянутой руке голову Гиллеберда. Народ в ужасе падал на колени, кто-то вскрикивал, кто-то плакал, кто-то проклинал меня, так я проехал во дворец, там едва не оглох от ликующих воплей.

Подбежал сэр Вайтхолд, я сказал с неохотой:

— Я отлучусь ненадолго... нет, останусь во дворце... потом полностью в вашем распоряжении, дорогой друг. Можете сразу затевать пир, повод в самом деле достойный — окончание войны!

— А войска в Армландии?

Я помрачнел, напоминание неприятное, но махнул рукой.

— Думаю, при таком известии либо сдадутся Барбароссе, либо отступят и начнут договариваться с нами. В любом случае войне конец. Как мне кажется и видится...

Возле башни некроманта то и дело мелькает Логирд, похожий на клок растрепанного тумана, я кивнул Вайтхолду и отправился к Логирду.

Вместе поднялись по витой лестнице, он все маячил прямо передо мной, проверяя, не повернул ли назад, лорды такие капризные, наконец поднялись наверх, комната огромная, хоть и захламленная.

— Все это можно сдвинуть вон в тот угол, — сказал он. — Сожалею, что не могу таскать мебель, но я же мыслитель, а вы, мой лорд, грубая физическая сила, вам и все эти сундуки в руки...

Я молчал, пыхтел, таскал, толкал, наконец взмок, но

большую часть помещения освободил, спросил, едва переводя дыхание:

— Что теперь?

— Нарисуйте на полу красную звезду, — шепнул он.

— Сколько углов?

— Пять...

— Ага, понятно, — сказал я. — А серп и молот?

В шепоте слышалось изумление:

— Зачем?

— Да так, — буркнул я измученно, — это из более продвинутого ритуала... Так, рисую... что дальше?

— Свечи по углам, — сообщил он. — Зажженные... Только рисуйте поровнее, сэр Ричард! Что у вас вон там совсем криво?

— Щас поправлю... — заверил я, долго возился, стирал старые линии, рисовал новые, получалось плохо, весь взмок от непривычной работы, наконец выпрямился, вытер лоб и спросил с надеждой: — Ну как?

Он сказал одобрительно:

— Намного лучше.

— Магия станет сильнее?

Он покачал прозрачной головой:

— Нет, на нее это не влияет.

Я спросил с подозрением:

— Так зачем я мучился? Я что, Рембрант?

— А так красивше, — объяснил он. — У вас что, нет эстетического чувства прекрасного? Благоуханной соразмерности пропорций?

Я сказал с эстетическим чувством сквозь зубы:

— Твое счастье, что не могу взять тебя за ногу да о стену...

— Я вообще счастливый, — сообщил он мрачно. — Мне существовать осталось несколько минут, а я на что их трачу?

— Хорошо-хорошо, — сказал я, — давай ближе к де-

лу. Эти свечи к чему? Какая-то эклектика... Что-то здесь явно лишнее, но не мне зерна от плевел, извозчики тогда на что, как мудро сказала леди Простакова... Свечи зажигать?

— Да... — прошелестел он, — хорошо бы черные... ну да ладно, нигде нет совершенства...

— И с ароматом гнили?

Он не понял моего изысканного юмора, ответил совершенно серьезно:

— Ну, это бы желательно, даже очень, однако в такой спешке обойдемся и простыми...

— А гниль для чего?

— Для полноты картины, — объяснил он. — Разве вас не коробит, когда что-то чему-то не соответствует?

— Нет, — отрезал я. — Что дальше?

— Вы уже распорядились подобрать пять большегрудых женщин, чтоб по одной на каждый угол?

— Нет, — огрызнулся я. — Кому такое поручишь? Сам знаешь, что начнется... Сам схожу.

Он прошелестел:

— Это да, это конечно, такую работу всегда беремся выполнять сами...

— Не хаами, — предупредил я. — Уверен, что они согласятся?

Он сказал едва слышно:

— Во-первых, вы хозяин, что значит — почти король. Во-вторых, некромант наверняка их уже использовал. Я осмотрел его лабораторию, она вполне... А кроме того, для них это развлечение, ваша светлость... Только вина захватите, а то здесь кувшины все пустые...

В самом ли деле это так важно, или же Логирд пользуется моим невежеством, но пришлось пройти по дворцу в той части, где располагаются службы. Среди прачек

я отобрал двух с вот такими глазами, третью отыскал среди белошвеек, четвертую нашел среди стряпух, подружки проводили ее завистливыми взглядами, а с пятой застопорилось, я уже готовился удовольствоваться размером поскромнее, Логирд же не указал минимальный, а просто сказал, что нужны с самой крупной, как вдруг увидел на подъезжающей к кухне телеге с огромными кувшинами из-под молока юную девушку с вожжами в руках, у нее под платьем как будто спрятаны две дыни.

— Милая, — сказал я с чувством, — вот ты мне как раз и нужна!

У нее в испуге приоткрылся рот, глаза тоже округлились, потом на пухлых щеках проступил нежный детский румянец.

— Ваша светлость?

Я требовательно протянул к ней руки.

— Или сюда.

Она послушно подалась навстречу, я сравнительно легко снял ее с телеги, хотя девочка тяжеленькая, у нее не только массивная грудь, но и задница размером с Армландию, тело горячее, молодое, от жары в подмышках влажно, но запах приятный, еще детский.

— Ох, ваша светлость...

Ее щеки из розовых стали пунцовыми, глазки смущенно опустила, как будто я не случайно коснулся ее пышной груди, а долго и старательно ощупывал.

— Иди вон туда, — сказал я и указал на башню. — Там это... ну, ты все поймешь...

Ее щеки стали багровыми, даже шея покраснела, а уши вспыхнули алым.

— Ах, ваша светлость... я еще девственница... но как скажете...

— Поторопись, — велел я и пошел в подвал за вином.

Логирд возник на миг рядом, проследил, какое вино наеживаю в кувшин, деловито пояснил, что по его при-

кидкам покойный Гиллеберд сам подбирал женщин с крупной грудью для таких же ритуалов, да и вообще чем больше с такими вот глазами мелькает во дворце перед нашим мудрым взором, тем жизнь интереснее, не так ли, мой лорд?

Я возразил с достоинством, что это низкие интересы, нижепоясные, а мужчины должны думать о великом, высоком и чистом. Это простолюдины ничего больше не видят, а мы не они, хоть и они, мы должны быть выше, чище, дальше и длиннее.

Он сказал, что доярка, которую я привел последней, особенно хороша, у нее каждое вымя крупнее головы сэра Растера в турнирном шлеме.

Я молча вернулся с огромным кувшином в руках, все женщины уже в башне, хихикают и щебечут, только доярочка выглядит испуганной.

— Пора, — шепнул Логирд. — Сперва вина всем...

— Ритуал? — спросил я.

— Ритуал, — согласился он.

— Ну да, — сказал я, — знаем этот ритуал... Итак, девочки, берите вон по чаше, выпьем хорошего королевского вина. Он приберегал только для себя и родни! Повеселимся...

Они разобрали чаши, я собственноручно налил всем, сам выпил с ними, вскоре уже все глупо хихикали и двигали плечами, такими белыми, округлыми и сочными, позволяя платьям сползать ниже и ниже, ага, вот щас кинусь лапаты, щупать и мять, а как же, только об этом и думаю... вообще-то да, думаю, но все-таки дело важнее, я же мужчина, а не просто самец, как все простолюдины и демократы, да и не стану рисковать шкурой ради такого вот простенького, хотя и понятного удовольствия, когда вот-вот нагрянут по мою душу некроманты, о которых даже Логирд, когда говорит, сжимается в комок.

Доярочка смотрит испуганными глазами, ей навер-

няка виделось, что мы окажется только вдвоем, я буду зверски лишать ее невинности, упиваться нежным сочным телом, рычать и терзать, наслаждаясь и упиваясь...

Я налил ей еще в чашу и взглядом велел выпить. Она послушалась, щечки покраснели еще больше, на них проступили милые такие ямочки, их зовут еще умильными, а краска стыда сползла на пышную грудь.

— Пусть раздеваются, — прошелестел над ухом голос Логирда.

— Ох, — сказал я с беспокойством, — а нельзя без этого?

Он сказал сердито:

— Мы должны высвободить хтоническую магию!.. Дикую, животную, ваша светлость.

Я вздохнул, повернулся к женщинам и широко улыбнулся.

— А теперь, дорогие мои, сбросьте эти совершенно лишние здесь платья.

Одна из женщин тут же откликнулась жеманным голосом:

— Да-да, тут так жарко...

Она начала снимать платье так медленно и покачивая бедрами, что я пожалел, что нет музыки, было бы самое то. Остальные, еще больше хихикая, уже пьяненько, начали сбрасывать платья, как молодые стрекозы, что вылетают из старого хитина, а так как понятие нижнего белья пока практически не существует, сразу становятся голенькими, пышные такие, сдобные фигуры, только две худенькие, их груди выглядят особенно огромными. Одни стыдливо закрывают пышную поросль внизу, другие — груди, кто-то ухитрился спрятать то и другое.

Только одна из дворцовых возится с тугим шнурком, да еще доярка стоит вся пурпурная, как закат в небе, смотрит испуганно-умоляющими глазами.

— Ваша светлость...

Я указал взглядом на остальных женщин.

— Видишь? А когда ты сбросишь это вот, тебе будут завидовать...

Она все еще стеснялась, я велел ей поднять руки и сам стащил с нее платье, довольно плотно обтягивающее ее пухлое, но совсем не рыхлое тело.

Когда обнажилась грудь, доярка сразу же попыталась прикрыть ее обеими ладонями, но такое разве прикроешь, даже Логирд охнул, затем завистливо крикнул, а наконец как-то странно хрюкнул, и все в пищащем дисканте.

Я указал ему взглядом на обнаженных женщин.

— Вообще-то, насколько знаю... да и ты, уверен, знаешь... эта вот самая дикая магия не должна зависеть от размера женской груди. Даже с самой крупной бывают такие сонные коровы...

Он прошептал:

— Да, но... считается, дьявол предпочитает большегрудых...

— Ну, — шепнул я тихонько, — не только он...

— Это в нас от дьявола, — прошелестело у меня над ухом. — Когда он в виде змея соблазнил Еву, она понесла от него двух детей. В каждом из людей теперь есть его кровь, она-то и роднит нас...

— От такой родни надо подальше, — буркнул я. — Потому узы дружбы должны быть выше, чем узы крови.

— Конечно, ваша светлость, — ответил он с убеждением. — Хотя пользоваться иногда не мешает и родственными связями.

— Ну да, — согласился я, — но не давать таким родственникам пользоваться тобой по их усмотрению. А то такое напользуют...

Он кивнул на женщин.

— Еще по чаще вина и... можно приступать.

Они хихикали и жеманились, расковываясь все боль-

ше и больше, я наполнил кубки, но только не вином, а сразу коньяком, чего тянуть, нам нужен результат, а не наслаждение процессом спаивания.

Первая же, что выпила по-мужски залпом, охнула и долго стояла с широко раскрытой пастью, потом довольно заулыбалась во всю лабораторию.

Я проследил, чтобы выпили все, Логирд сказал оценивающе, что еще по кубку, и можно будет, ага, я сказал, что уже и так готовы, он возразил, что должны слегка оскотиниться, потерять стыд, даже остатки стыда, и тогда их животная суть позволит высвободить много дикой магии...

— Ты на что намекаешь? — спросил я.

Он сказал настойчиво:

— Чтобы ускорить, сэр Ричард, вы хоть одну пощупайте как следует...

— Ни за что, — ответил я твердо.

Он изумился:

— Кодекс паладина мешает?

— Мне ничто не мешает, — огрызнулся я. — Но тут такие сочные коровы, что я могу не остановиться на одном шупанье...

— Так это же прекрасно!

— Щас, — сказал я с достоинством. — Я человек или тварь визжащая?.. Ладно, девочки, хватит стесняться, убирайте руки со своих прелестей... Чего стесняться, тут все свои, а я не чужак какой-то, а ваш господин, так что все законно и по правилам...

— Пусть станут в круг, — шептал Логирд, — и возьмутся за руки... Так, чтобы каждая стояла на конце луча звезды. Вон та с оттопыренными, правда, особенно смачная?..

— Логирд, — упрекнул я таким же шепотом, — давай о деле, а?

Женщины взялись за руки, из-за чего пришлось от-

крыть то, что закрывали, но так как открылась не одна, а все, то вроде и сраму нет, только жаркий румянец на щеках и уж очень откровенные взгляды в мою сторону.

— Надо ускорить, — напомнил Логирд.

— Что?

— Высвобождение дикой магии, — пояснил он. — Или вы тут хотите до утра топтаться?

— Если бы это помогло, — пробормотал я.

— Сэр Ричард, опасность может быть ближе, чем мы думаем!

— А ты ощутить ее не можешь?

— На свете есть некроманты и посильнее меня.

Я хлопнул доярку по толстой заднице, пышные булочки пошли раскачиваться. Я некоторое время смотрел на них, стараясь понять, правда ли, что могут вот так весь рабочий день, но уловил краем глаза смутное движение Логирда, нырнул под сцепленные руки и, оказавшись в середине круга, повернулся к счастливике, половинки которой заставил ходить из стороны в сторону.

Да, сейчас особенно хорошо видно, насколько совсем еще молоденькая, рано созревшая и начинающая полнеть, ибо склонна к ней весьма, она зарделась уже вся, пурпур со щек перекинулся на шею, потек на руки и вниз, окрасив нежным стыдливым румянцем пышную белоснежную грудь и даже нежный белый животик с вкусными складками на боках.

Над ухом зудел Логирд, рассыпая инструкции. Я улыбнулся девчужке, она совсем засмушалась и даже сделала движение прикрыть стыд ладонями, но подруги крепко держат сцепленными пальцами и не дают опустить руки.

Я проговорил, едва-едва двигая губами:

— Может, им еще по чаще?

Он шепнул:

— Вы чем-то их и так чересчур крепким угостили!.. Сейчас самое то, а если еще вина, осоловеют, уровень похоти снизится...

— Не бойсь, — сказал я девушке, — видишь, твои подруги не боятся же? А они уже бывали здесь...

Она пролепетала:

— Совестно...

— Это только тело, — сказала я успокаивающе, — дай ему волю. Как вот они...

Остальные, уже хмельные вдрабадан, хихикали и строили глазки, выпячивали груди, принимали томные позы. Я прошелся внутри круга, одних трогал за вымя, других за оттопыренные дойки, на открытом воздухе они у всех вытянулись и затвердели, уже у самого в висках начала стучать горячая кровь, а в череп пошли ломиться мысли, что вообще-то можно, это же ради дела, ради Отечества, Логирд говорит, что больше всего дикой магии рождается при самой разнузданной оргии, а нам сейчас чем больше, тем лучше, чтоб уж наверняка, у нас большие планы по оздоровлению экономики... или не экономики, а какого-то подъема...

— Хорошо, — сказал Логирд тихохонько, — теперь берите вон тот синий кувшин, лейте на угли...

— Не погаснет?

— Совсем наоборот...

— Рванет? — спросил я с беспокойством. — В смысле, взорвется?.. Всех нас не поубивает?

Он удивился:

— Почему вдруг?.. Ох, сэр Ричард, вы что-то знаете намного больше, чем я... Потом поучите, хорошо?

— А оно тебе такому надо? — спросил я. — Та-а-к, теперь что?

Глава 9

Струя синей жидкости, такого же точно цвета, как и сам кувшин, лилась и лилась на раскаленные угли, ничего, к моему удивлению, не происходило. Потом сами

угли начали расти и превращаться в огромные сияющие торжествующим пурпуром глыбы, громоздились, поднимались выше и выше, но на стол не выпадают, ограниченные незримыми стенками.

От них пошел мощный сухой жар, Логирд сказал быстро:

— Голову!..

Я торопливо сунул руку в мешок, женщины сперва чуточку испугались, увидев голову Гиллеберда с оскаленными зубами, но я по команде Логирда положил на красные угли, сразу затрещало, пошел резкий запах горящего мяса и окутал синим дымом, как плотным занавесом, скрыв от глаз.

Только я вижу сквозь дым отчетливо, что плоть стекает быстро, обнажая прекрасный череп с высоким лбом мыслителя. Запах непостижимо быстро улетучился, череп остался на углях, настолько чистый, словно вываривали в котле сутками, кости грозно и победно заблестели.

— Теперь вон из того кувшина, — скомандовал Логирд. — Прямо на этот череп!

— Не лопнет?

— Сэр Ричард, это же не вода!

— Ладно-ладно...

Я лил, а череп, странное дело, жадно впитывал толстую струю жидкости, словно переливаю в полный сосуд, ни капли не скатилось по блестящей и вроде бы плотной, как камень, кости.

— Хорошо-хорошо, — приговаривал Логирд, в едва слышном шепоте сильнейшее возбуждение, — вот теперь моя очередь...

Я отступил с кувшином в руках, череп блистает грозно и величественно, словно из отполированного золота.

Женщины пошли по кругу, не дожидаясь сигнала, но Логирд ничего не сказал, и я понял, что все правильно. Они все, кроме той юной крестьянки, уже участвовали в

этом деянии, запомнили. Ай да Гиллеберд, он еще и некроромантил, сволочь седобородая, как же внешность патриарха бывает обманчива...

Череп медленно накалялся. Я с трепетом увидел, как стал малинового цвета, словно металл в огне, от него пошло тепло, затем резко покраснел и наконец пооранжевел. Теперь только я ощутил сильный жар, хотя кость уже сгорела бы, чертовы некророманты, что за странная магия...

Логирд, уже не призрак, а едва заметная тень, скользнул к черепу и втянулся, грациозно извиваясь, через глазницы. Я замер в ожидании, ничего не происходит, однако череп начал медленно менять цвет с оранжевого на желтый, красный. Наконец вроде бы совсем остыл...

...а дальше случилось совсем уж дикое: покрылся изморозью, от него пахнуло холодом, по стенкам побежали трещины. Сухо щелкнуло, череп рассыпался на мелкие осколки, и уже только они начали быстро истаявать, словно льдинки на жарком огне.

Я стоял, замерев, не зная, что делать, Логирд не сказал, а из меня еще тот маг, льдинки исчезают стремительно, будто под ними раскаленная плита. От них струится легкий пар, я даже не обратил внимания, что под сводами формируется в некую фигуру, и только вздрогнул, когда сверху раздалось:

— Свершилось!

Голос сильный, победный, я сразу узнал Логирда, так он говорил, когда был еще в живом теле.

Призрак опустился к полу, достаточно плотный, я рассмотрел даже морщинки на грубом массивном лице.

— Ваша светлость, — произнес он церемонно, — позвольте еще раз подтвердить вам мою полную лояльность и покорность!

Я сказал нервно:

— Ну, Логирд, в этом нет необходимости...

— Таковы правила, — произнес он высокомерно, — я все-таки из старинного рыцарского рода, хоть и был изгнан за нечестивые, по мнению моего родителя, занятия... вы мой сеньор, ваша светлость!

— Как ты? — с беспокойством спросил я. — А то я так ничего и не понял...

— Не дело сеньора во все вникать, — ответил он с учтивостью исследователя. — Иначе он ни на что другое не будет способен. Я в порядке! Силы восстановлены, сэр Ричард. Даже больше, чем ожидал.

Женщины явно увидели призрака впервые, все пятеро в ужасе попадали на колени и закрыли ладонями лица.

— Это наш призрак, — сказал я успокаивающе, — он не враг.

Они начали подниматься, все-таки вино — великая сила, снова пошло хихиканье, я хотел было спросить Логирда, что если уже все, то можно ли женщинам одеться и выматываться, но в этот момент у дальней стены вспыхнул грязно-лиловый свет, похожий на перезревший нарыв с кровавым гноем, ударил в потолок и остался мерцать отвратительными искорками, похожий на светящийся столб.

Через долгую минуту в потоке этого неприятного света появилось очертание высокого худого человека в черном плаще до пола, лицо зловеще-бледное, глаза почти белые, только зрачки жутко черные, мелкие, как будто пробитые в яичной скорлупе отверстия. Длинные неопрятные волосы падают на плечи, отдельные космы свисают даже на грудь.

Он шагнул в нашу сторону, что-то дернуло его сзади за плащ, он нетерпеливо потянул за полу, оглянулся. Я видел, как еще больше побелело его лицо, когда увидел уходящий в камни край плаща и понял, что случилось бы с ним, если бы ошибся с координатами еще на несколько дюймов.

Сбросив плащ на пол, он вышел из круга, по лицу пробежала болезненная судорога.

— Успели! Неужели... я спешил зря?

Голос его был хриплый, страдальческий, словно его мучает постоянная резкая боль.

Я произнес осторожно:

— Сожалею, но... да. Мы уже закончили.

Он посмотрел на меня с ненавистью.

— А, вы и есть тот Ричард Завоеватель, которого не берет никакая магия?.. Берегитесь, юноша, вы не загворены от острых клинков.

Я выдернул меч из ножен и моментально приставил к его горлу.

— А вы?

Он застыл, глаза его стали огромными, теперь я видел, что радужка все-таки есть, но настолько светлая, что почти сливается с белком.

— Уберите, — прошипел он, едва двигая кадыком. — Я вам не враг...

— А кому? — поинтересовался я, но меч не убрал.

Логирд сказал достаточно громко:

— Да никому он не враг, а если и убивает, то не из вражды, а как волк... только ради дела.

Я поинтересовался:

— Почему бы мне его не убить? Тоже ради дела?

Прибывший некромант злобно кривил губы, я начал опасаться, что начинает заклятие, что обрушит на меня потолок или хотя бы люстру, прижал клинок в его горлу так, что натянулась кожа.

Логирд произнес равнодушно:

— Вам виднее...

Он не успел договорить, я резко двинул рукой вперед, клинок пропорол некроманту горло. Кровь брызнула во все стороны, а он крутанулся на одном месте, зажимая руками рану, упал и забился на полу в конвульсиях.

Логирд произнес с сарказмом:

— Да, это вполне в духе христианского милосердия, о котором столько слышу.

— Милосердие применимо к людям, — возразил я, — а ты сам сказал, что это волк!

— Ну вот, это по-христиански, всегда найти виновного, а самому оставаться таким чистеньким... А вообще я удивляюсь христианам, честно!

— Чему?

— Вы только что убили человека, — напомнил он, — но мечтаете, чтобы с людьми в одном обществе мирно жили эльфы, гномы и даже тролли, что уж совсем ни в какие ворота... И как с ними уживетесь?

— С трудом, — признался я, — но будем уживаться, если хотим быть христианами. С точки зрения христианина, человек — это не нечто двуногое и без перьев... а идея...

— Идея? Как это?

Я объяснил путано:

— Человечность — это собрание всего лучшего, бесчеловечность — худшего. Потому хорошие тролли будут считаться людьми, а нехорошие...

— Троллями?

— Нет, — сказал я, — просто нечеловеками. Как и нехорошие люди. Все человеческое будем лелеять, а бесчеловечное... ну, понятно, мы не совсем уж сладкие зайчики... Этот некромант точно мертв? Не поднимется?

— Ни в коем случае, — заверил он. — И никуда не денется, к сожалению, так что придумать что-то придется.

Я кивнул на женщин.

— А с ними?.. Если расскажут, нам несдобровать. Я христианский рыцарь, а все скажут, что продал душу черту!

— Дайте им еще вина, — посоветовал он. — Утром проснутся уверенные, что все приснилось. Причем, самое важное, всем будет сниться по-разному!

— Ого! Сделаешь?

Он произнес скромно:

— Это непросто, но я могу.

— Это дело, — сказал я. — Им одеться уже можно?

Он проговорил с сожалением:

— А это действительно нужно?

Я процедил сквозь зубы:

— Еще как! Я же не привидение!

— Ну, — сказал он нехотя, — пусть одеваются. Какой-то вы, сэр Ричард, слишком правильный.

— Правильный? — удивился я. — А меня тут некоторые обвиняют, что я весь и постоянно по бабам. А я уже и не помню, какие они... гм...

Вконец пьяные женщины не могли одеться, да и не хотели, одна все пыталась схватить Логирда и уверяла, что только с привидением еще не спала, пора бы лишиться девственности и с ним, другие начали петь похабные песни, две пустились в пляс, и Логирд зачарованно уставился на подпрыгивающие задницы и раскачивающиеся груди.

Доярка поспешно оделась, я перехватил ее укоряющий взор, в нем смиренное обвинение в подлом обмане, я вздохнул и сказал ей тихонько то, что обязан сказать в подобном случае мужчина:

— Это был всего лишь смотр... Чтоб все увидели, что ты — лучшая. Загляни ко мне вечером в спальню? Я велю стражам пропустить.

Глава 10

Небо серое и набухшее, как вымя у давно не доенной коровы, воздух настолько влажный, что насекомые сперва летали совсем низко, а сейчас с намокшими крылышками уже и не пытаются подняться.

На всех башнях дворца гордо висят, как уши охотничьих собак, знамена с моим гербом, а еще их повесили и на городской стене по всему периметру. Глашатаи разъехались во все концы города с объявлением, что король Гиллеберд убит, а мощная группировка войск, что удерживала наступление вартгенцкой армии, сдалась на милость сэра Ричарда Завоевателя.

Сэр Вайтхолд распорядился послать гонцов в дальние земли Турнедо, а также к армии, что противостоит войскам Барбароссы и Найтингейла.

Я лично проинструктировал городских герольдов насчет того, что посягательств на чьи-то жизни не будет, просто сменилась династия, а также политика станет менее воинственной, а более... все поняли?

Они кивали и уверяли, что именно так и скажут. Я отпустил их, сам чувствую невероятное облегчение, хотя иногда и кольнет нечто с напоминанием, что убил благородного такого старика с седой головой и такой же бородой, но тут же другой голос кричит, что убил не старика, а монстра в обличье старика, и если не можешь этого понять, то иди коз пасти, а не пытайся править тем, что нахапал вольно или невольно.

Я велел уменьшить количество стражей во дворце, а тех, кто останется, переодеть в одежду прежних часовых: пышные красно-оранжевые одеяния, не стесняющие движений, а под них можно незаметно надевать кольчуги, хоть мелкочешуйные, хоть так называемые пластинчатые доспехи, что те же кольчуги, но пластинки идут внахлест, как рыба чешуя.

Сэр Вайтхолд поморщился.

— Ваша светлость, — спросил он с укором, — это же одежда побежденных!

Я перекрестился и сказал благочестиво:

— Для Господа нашего все люди — его дети. А кто по-

бежден... о том уже можно и забыть, сейчас это наши сограждане.

Он посмотрел, сперва слегка опешив, потом pokrutil головой, на лице проступило непонятное выражение.

— Ваша светлость... Другому бы хватило на всю жизнь помнить, ликовать и праздновать, а вы уже эту победу оставляете за спиной?

Я сказал еще лицемернее:

— Господь велел не останавливаться, а крокодилить вперед и вперед, ибо для строительства Храма Небесного на земле и для живых ох как много еще работать...

Он поклонился.

— Да, ваша светлость!.. Но откуда набирать людей, чтобы удерживали власть на местах? Из Сен-Мари?

Я покачал головой.

— Какое Сен-Мари, там тоже все еще шатко, от любого ветерка может рухнуть. Из-за пиратов, Гандерсгейма и этого чертового Кейдана... Разве что из армландцев, что не пошли за мной в Сен-Мари? Это они туда не пошли, а сюда не придут, а прибегут со свирепой радостью и повизгиванием!..

Он подошел к окну, присмотрелся, я услышал бодрый стук колес, повозка явно полупустая, а сэр Вайтхолд обернулся ко мне со счастливой улыбкой на лице.

— Что, — спросил я с подозрением, — женщина приехала?

Он кивнул, с самым довольным видом потер руки, словно перешуupal всех женщин во дворце и около, у него всегда такое выражение, в то время как вот сэр Клемент если и потирает когда ладони, то словно скатывает или соскребывает с них местную грязь.

— Ваша светлость!

— Да, сэр Вайтхолд?

— Вам пора провести прием во дворце, — сообщил он с блестящими глазами и довольной рожей.

Я изумился.

— Вместо пира?

Он отшатнулся в праведном испуге.

— Как это вместо пира? Пир — это святое! Пир ничем заменить нельзя. Но вот после пира...

Я спросил в сомнении:

— Полагаете, уже пора?

Он кивнул, глаза заблестели еще больше, а рот пошел в стороны.

— Король убит, — объяснил он, — все это знают. И понимают, что освободилось много разных вакансий... Уже и так понаехали из ближних земель, а когда всем станет известно о гибели их короля, поспешат из остальных.

— А уже едут? В смысле, самцы, а не только женщины на разведку?

Он подтвердил:

— Как плотину прорвало, ваша светлость! Пока король был жив... то ли боялись, то ли верность все-таки блюли, но теперь ваш дворец не узнать.

Я спросил с недоверием:

— Что, так быстро?

Он пояснил:

— Так не все же в своих замках хрюкают! У многих в столице свои дома. Эти сразу поспешили, как только узнали о судьбе Гиллеберда. Теперь они свободны, ваша светлость!

Пир в честь великой победы, который я велел называть в честь окончания войны, продлился сутки. Мы приглашали и местных лордов, но те предпочли отказаться под благовидными предлогами, что и понятно, пир — похвальба победителей над побежденными. Другое дело — прием, присутствие на нем ни к чему не обязывает, можно вообще постоять под стенкой и уйти, а дома долго

разбирать каждый момент: кто что сказал, как смотрел, с кем стоял рядом, кто был и кто отсутствовал, в каком направлении следует ожидать развития событий...

Я работал в кабинете Гиллеберда, уже вроде бы очищенном и переочищенном от всех ловушек. Вообще-то можно бы выбрать себе другую комнату под кабинет, но это как бы отступление, а вот так всякому ясно: власть сохранена, только изменилось имя повелителя, но он все так же работает в своем кабинете и все так же держит все в своем кулаке.

Сэр Вайтхолд вошел, весь сияющий, в лучшем из костюмов, золотое шитье горит огнем, глаза сияют.

— Ваша светлость, — сказал он с церемонным поклоном, — прошу вас на первый в истории Турнедо прием, когда на трон сядет не король, а тот, кто вышвырнул его отсюда!

Я подумал, сказал с некоторой неловкостью:

— Гиллеберд мертв. Давайте... не то чтобы проявлять уважение к такому человеку, но просто... не пинать его лишний раз. Это умаляет нашу победу. Мы не должны гордиться победами!

Он в удивлении широко раскрыл глаза.

— Не должны гордиться? Почему?

— Потому, — сказал я и поднялся из-за стола, — что мы гордо и с поднятыми головами идем от победы к победе, это наша судьба, это наше бремя, эта наша ноша. Пойдемте, сэр Вайтхолд!

Он сперва вытарашил глаза, потом широко заулыбался.

— Да, мой лорд!.. Но я не отказываюсь от такой ноши, еще как не отказываюсь!

Мы вошли в центральный корпус с задней части, где охраняемыми коридорами и через перекинутый между башнями мост проникли в головную часть, а там через анфиладу небольших залов и зальцев попали уже к па-

радному для больших приемов, только с внутренней стороны.

Я остановился у распахнутой двери, отсюда можно хорошо рассмотреть весь зал, оставаясь вне поля зрения, и я ощутил, что да, впечатлен. Огромный зал, расцвеченный огнями огромных люстр, заполнен почти весь и выглядит роскошным розарием, где все цвета и оттенки, дорогие украшения на изысканных одеждах, величественные и дородные мужчины с лицами, исполненными всяческих достоинств, красивые гордые женщины, а при них их юные дочери, впервые вывезенные в свет, уже созревшие для замужества или только-только созревающие.

Сэр Вайтхолд и барон Саммерсет ждут за моей спиной, я слышал, как приподнимаются на цыпочки, чтобы заглянуть через плечо, дышат жарко и взволнованно.

— Женщин уже много, — сказал сэр Вайтхолд мечтательно. Вздыхнул почему-то и уточнил торопливо: — Нет, еще маловато, но прибывают...

Я сказал ворчливо:

— Мерзкая дилемма. Те, кто нам больше всего нравится — любящие и верные! — остались в родовых поместьях и во дворец без прямого вызова короля не поедут, а всякие охотницы на мужей тут как тут. Сразу раздвинут ноги, а дальше опомниться не успеете, как уже окольцованы, женаты, вы же благородные, обязаны жениться...

Сэр Вайтхолд даже побледнел, отшатнулся, перекрестился, а барон Саммерсет опасливо поплевал через плечо.

— Ведьмы?

— Все женщины ведьмы, — сказал я мудро. — Но есть наши ведьмы, а есть не наши. Вы же знаете, мир разделен на Добро и Зло, так вот все, что наше — Добро, все, что против нас — Зло. Это ликбез для сэра Вайтхолда, а то у него какая-то расплывчатая идеология, местами да-

же соглашательская, а это для нас неприемлемо, мы же рыцари церкви, крестоносцы! Вон смотрите, уже глазками стреляют, пробные такие выстрелы... Даже по оруженосцам бьют, как по чучелам.

— Прицелы проверяют? — спросил барон Саммерсет с интересом. — Не сбился ли в долгой дороге?

— Вот-вот, — сказал я, — прическу, макияж, ленточки в волосах, перси... Ладно, пошли, пора!

Церемониймейстер в зале, уловив мой знак начинать, прокричал мощно и ликующе:

— Его светлость курфюрст Ричард Завоеватель, властелин королевства Сен-Мари, гроссграф Армландии, коннетабль королевства Фоссано, эрцгерцог архипелага Рейнольдса...

Я вышел красиво и гордо, стараясь не торопиться, у меня походка вообще-то быстрая, но здесь нужна державная, правители никогда не суетятся, у них каждый жест должен быть выверен.

Мужчины в зале преклонили правое колено, коснувшись им пола, и в такой позе послушания и смирения замерли, а женщины присели, наклонив головы, и тоже застыли, еще не зная, какой в общении этот новый властелин и можно ли поднимать головы, хитренько играя глазками.

Я прошел к помосту, поднялся на ступеньку и, красиво развернувшись лицом к залу, торжественно опустил зад на королевский трон.

В зале начали подниматься, принимать подобающие позы, лица почтительные, в глазах готовность слушать мои мудрости.

Я улыбнулся широко и чистосердечно, милостивый такой и демократичный, войне конец, все хорошо, начинаем восстанавливать порушенное, его не так уж и много, все теперь заодно, один народ, одна нация, начинаем сливаться в одну общность...

— Да, — сказал я сидя, мне можно, я же не речь перед войском толкаю, — курфюрст, майордом... коннетабль Фоссано, что значит — командую всеми войсками королевства, что идут сюда с юга, если кто не понял... но самое главное — я гаутграф королевства Турнедо, владелец замка Голдфрит и земель Эарнбранта, некогда принадлежавших барону Байру Руаялю! Как вы все помните, Его Величество король Гиллеберд милостиво пожаловал мне эти земли и титул, так что я турнедец, господа! И, как гражданин королевства Турнедо, приветствую вас в этом дворце, откуда мы и начнем нашу новую и, конечно же, счастливую жизнь!

В зале радостно зашумели, захлопали в ладоши, с двух балконов прозвучали серебристые трубы, а с большого, опоясывающего на уровне второго этажа, девушки начали бросать вниз цветы.

— Это самоорганизация? — спросил я сэра Вайтхолда. Он обиделся:

— Ваша светлость, как можно такое на самотек? Конечно, все организовано.

— Вами?

— Ну что вы, ваша светлость, я за всем не успею. Бывший управитель Бальза старается, из кожи вон лезет.

— Пусть лезет, — буркнул я. — Не давайте ему спуску, он вежливость расценивает как слабость... Да, леди?

Женщина, к которой я обратился, присела в низком поклоне, я скользнул взглядом по ее сильно выпуклым глазам, ждал, наконец она подняла голову и проговорила с сияющей улыбкой:

— Никаких просьб, ваша светлость!.. Просто надеюсь, что ваше правление будет милостивым.

Я величественно наклонил голову.

— Наши надежды совпадают, леди...

— Аделаида, ваша светлость!

— Леди Аделаида, — сказал я. — У вас имя дочери ве-

ликого императора Священной Римской империи... гм... она так и не вышла замуж.

Леди Аделаида мягко улыбнулась.

— Я замужем, ваша светлость. Но здесь много незамужних девушек, которым нужно появляться в свете!

— Леди Аделаида, — сказал я с чувством, — наши надежды совпадают полностью! Я надеюсь и жажду милостивого правления, милостивого отношения подданных к правителю и власти. Мы не всевидящие, но с вашей помощью создадим образцовое общество...

Она поднялась, мило улыбнулась и отступила, а на ее место встала другая женщина, что вообще-то удивительно, они обычно на заднем плане, потом я понял, что женщины — действительно пробный шар, на них в любом случае не наору, не буду срывать злость, а по моей речи, жестам, мимике многое можно узнать, если за мной понаблюдают опытные царедворцы...

Щас, сказал я мстительно, много вы увидите в моем честном открытом лице демократа и политкорректника, привыкшем скрывать мысли не только от всех близких, но даже от себя.

— Леди...

— Леди Мальтегарда, — произнесла она и присела низко-низко, так что я рассмотрел не только крупные глаза, но и через ее голову лиру зада. — К вашим услугам, ваша светлость.

— Возлюбленная Карла Великого, — сказал я, — у нее тоже было это имя... И я понимаю великого императора, который боготворил женщину с таким именем.

Она польщенно улыбнулась, произнесла мягким и таким приятным теплым голосом, что я сразу увидел ее с распушенными волосами в своей постели:

— Мы все надеемся, ваша светлость, что худшие времена Турнедо позади. Под вашим мудрым правлением

положение выправится, люди забудут о невзгодах и будут счастливы.

— Это и моя цель, — ответил я.

Глава II

После леди Мальтегарды еще несколько важных вельмож обратились с приветствиями, а потом пришла очередь существ менее значительных, но я принял их с величайшим интересом: старшины цехов бронников, оружейников, каменщиков, плотников, кожевников, дубильщиков, красильщиков, ткачей...

С этими мы говорили долго и заинтересованно, они сперва робели и пытались отвечать казенно, но я щеголял знаниями их простеньких технологий так, что разжег любопытство, потом вскользь обронил о некоторых возможностях ускорения или упрощения процессов, и когда сэр Вайтхолд вмешался и сказал властно, что прием окончен, а сэр Ричард пойдет работать с государственными бумагами, главы гильдий смотрели на меня, как на отца родного и покровителя ремесел.

В своем кабинете я забросил усталые ноги на столешницу, сделал себе и сэру Вайтхолду по чашке крепкого кофе.

— Вроде бы прошло неплохо, — сказал я. — Не бойтесь, сэр Вайтхолд, церковь не запрещает кофе.

Он пробормотал:

— Она и биться головой о стену не запрещает... Ладно, давайте! Я уже слышал, что вас каким-то напитком снабжают прямо из ада.

Он осторожно отхлебнул, прислушался, выпил мелкими жадными глотками, посмотрел на меня. Я с гнусной ухмылочкой придвинул ему вторую чашку.

Он обреченно взял ее в обе ладони.

— Это не из ада, — сообщил он, — но и не из рая. А прием да, прошел неплохо. Я так и не понял, правда, с чего это вы там упорно выставляли себя то ли плотником, то ли кожевником... Уважать не будут! Вы себя опустили с высот до их уровня!

Я ухмыльнулся.

— Ну уж нет! Они усекли, что я знаю и умею больше. И смотрели не просто с уважением, а с великим уважением. Даже с почтением. Снизу вверх.

В коридоре раздались голоса, сэр Вайтхолд сразу же вскочил встревоженно и вышел. Я ждал, через некоторое время он возник на пороге, на лице неуверенность.

— Сэр Вайтхолд? — произнес я.

Он поклонился.

— Стражи задержали некую женщину. Неизвестно, как она прошла незамеченной, минуя столько охранников... Говорит, просится к вам на личный прием.

Я поморщился.

— Женщина? На личный прием? С какой целью?

Он посмотрел с укором.

— Ваша светлость, я осмеливаюсь предположить, что не все женщины мира так уж рвутся в вашу постель...

— Правда? — переспросил я. — Как обидно, верно? Или это вы меня уели, дорогой друг?.. Или утешили?.. Что-то непонятный вы какой-то сегодня... Живот болит? Хорошо, зовите. Но если насчет постели, направлю к вам!

Он поклонился.

— Сочту за честь, ваша светлость. Буду бахвалиться, что вы побоялись, а я вот нет.

— Что, — спросил я с недоверием, — в самом деле такая? Тем более зовите.

Через порог робко шагнула женщина в плаще с брошенным на голову капюшоном, но сразу же откину-

ла на спину. На меня взглянули коричневые глаза из-под нахмуренных бровей.

Она присела до пола и застыла в этой позе подчинения. Я выждал нужное время, сказал покровительственно:

— Леди...

Она поднялась, посмотрела мне в лицо.

— Леди Регина, ваша светлость. Регина Ортенберг.

Я порылся в памяти, посмотрел на нее внимательнее.

— Регина Ортенберг?.. Не родня ли моему знакомому сэру Райдеру?

Она произнесла с некоторым облегчением:

— Я счастлива, ваша светлость, что вы его помните...

— Весьма достойный человек, — ответил я, деликатно не упоминая, что теперь я вообще все помню, таким мусором голова бывает забита. — Понимаю, как вы смогли пройти через все кордоны до самого кабинета... И что вас интересует, леди Регина?

— Мой муж, ваша светлость, — ответила она. — По вашему указанию он заключен под домашний арест.

Я кивнул.

— Да-да, припоминаю. Под честное слово.

— Потому что он тогда сказал вам, — напомнила она, — что сохраняет верность Его Величеству королю Гиллеберду и будет бороться с вторгшимися в его королевство.

— Да-да, так и было, — сказал я, — у вас хорошая память, леди.

— Еще бы, — ответила она независимо, — это же мой муж, что вынужден ходить только по дому, не переступая порог! Однако сейчас, ваша светлость, у него уже нет необходимости хранить верность Его Величеству...

Я посмотрел на сэра Вайтхолда, тот кивнул, я перевел взгляд на леди Регину.

— А вы с ним говорили на эту тему?

— Да, ваша светлость.

— И что?.. Вы уверены, что если верну ему его слово, он не начнет сколачивать партизанские отряды?

Она сказала пламенно:

— Ваша светлость! Он честный и отважный человек, но не дурак же?.. Он был верен королю, но теперь короля нет, он свободен от своей верности.

Я спросил с нажимом:

— Но вы с ним об этом говорили?.. Понимаете, леди Регина, сейчас он всего лишь под арестом, довольно мягким, кстати, символическим, даже можно сказать... но если начнет собирать отряд для борьбы, он будет схвачен и сразу же казнен! И я не смогу его помиловать, иначе это будет самодурный произвол! А я хочу, вы не повесите, чтоб закон был и над королями. Вот дурак, да?

Она опустила на колени.

— Ваша светлость! Клянусь вам, я говорила с ним, он мне сказал, что теперь все кончено. Короля нет, он свободен от слова. А против вас бороться не будет. Хотя против другого узурпатора еще мог бы...

Я отмахнулся.

— Я не узурпатор трона, леди Регина. И хотя сижу на нем, но королем провозглашать себя не намерен. Можете успокоить мужа и на этот счет. Полагаю, это вот высокое, но такое трудозатратное место займет кто-то из местной знати... самые мудрые предпочли отсидеться по родовым гнездам, выжидая, как повернется, а именно такие и годятся в правители. А насчет мужа, гм... можете сообщить ему, что домашний арест снимается. Он волен передвигаться по королевству и выезжать за его пределы, как и любой другой гражданин... Гражданин — это то же самое, что и житель, только почище.

Ее лицо озарилось радостью, глаза засияли.

— Ваша светлость!.. Огромное спасибо!.. Но...

Я спросил нетерпеливо:

— Что за «но»?

— Ваша светлость, — сказала она, — я же только женщина! Разве он мне поверит? Не могли бы вы послать хотя бы простого солдата к нашему дому?

Я повернулся к сэру Вайтхолду.

— Видите? А вы говорите... У наших солдат репутация выше, чем у местных женщин!

Он пробормотал:

— Ваша светлость, какой-то сомнительный комплимент. Хорошо, я немедленно пошлю гонца к дому сэра Райдера.

Леди Регина поднялась, присела в прощальном реверансе и поспешила к двери. Я сказал сэру Вайтхолду вполголоса:

— А вы подумайте, как и где приспособить сэра Райдера на службу. Желательно, на видном для народа месте. Он человек честный, исполнительный и хороший организатор. Если местные увидят, что такой служит нам, мы начнем терять статус захватчиков и будем постепенно становиться просто администрацией. Ее, правда, тоже не любят, но все-таки это свои гады, а свои считаются лучше забугорных, хотя убейте меня, не пойму такого странного мышления.

За несколько дней удалось стараниями моих весьма заинтересованных героев произвести приблизительную перепись земель, лишившихся хозяев. Вообще-то полный реестр земель и владений с подробным описанием, какие сколько дают прибыли, я нашел в столе Гиллеберда, он такое проверял лично, не доверяя помощникам и советникам, очень мудро, кстати. Я только положил рядом список погибших знатных рыцарей, что красиво пали при попытке вернуть Савуази под свой контроль, и подчеркнул красным их имена на карте.

Конечно, кроме этих еще больше наберется тех, кто

пал в боях с наступающей армией короля Фальстронга и войсками Барбароссы и Найтингейла, но это потом, когда все закончится, а сейчас я составил список верных мне рыцарей, что сражались храбро и верно, а также наиболее отличившихся воинов из простого сословия, всех их велел собрать в главном зале.

На это ушло несколько часов, а когда сэр Вайтхолд сообщил, что уже собраны и ждут, я вышел, оглядел их царственно и уселся на королевский трон.

— Рыцари, — сказал я с чувством, — и просто воины, сильные духом и с благородными сердцами!.. Вы отличились в боях, вы рисковали жизнями, вы сражались за дело, которому служит ваш сюзерен. Потому позвольте ему в свою очередь выказать вам его признательность... Итак, сэр Гамлинг!

Вперед нерешительно выступил коренастый воин, опустил на колено и сказал смиренно:

— Ваша светлость, я простой воин, а не сэр...

— Отныне — сэр, — отрезал я.

Они все с широко раскрытыми глазами смотрели, как я поднялся вытащил меч и ударил плашмя по правому плечу, потом по левому.

— Пусть эти удары будут последними, — сказал я, — которые ты стерпишь, сэр Гамлинг. погоди, не спеши благодарить!.. Может быть, еще пожалеешь... Я выделил для тебя надел здешней земли, очень хороша под пшеницу... Не пустая, конечно, там две деревни. Если хорошо хозяйствовать, можно быстро построить имение и начинать копить состояние, не забывая уплачивать налоги... Все, иди!

Он поцеловал мне руку, поднялся, глаза квадратные, отступил к остальным воинам, где его шумно хлопали по плечам и поздравляли.

В рыцарское сословие я возвел еще пятерых и всем выдал наделы земли. Не слишком мелкие, но и не круп-

ные, тот же принцип: одна-две деревни на отличившееся рыло.

Верным рыцарям, что показали себя при захвате столицы, раздал земли с замками, где с большими, где с малыми, у некоторых только название, что замок, но и это лучше, чем ничего, все-таки со мной двинулось в поход великое множество вообще безземельных.

Они ушли пировать, такое нужно обмыть, этот обычай никакие Войны Магов не считают, я вернулся в свой кабинет, только один из намеченных к награждению так и не прибыл, сэра Вайтхолд заверил, что он патрулирует за городом, но за ним послали.

Я снова сотворил кофе и быстро просматривал карту. Взгляд задержался на земле Белых Коней, там два десятка деревень, места компактные, есть поля под пшеницу и прекрасные пастбища, а также густой строевой лес, два озера и река, отделяющая от владений соседа.

Сейчас там, как сообщил сэра Вайтхолд потихоньку, управляет делами леди Камилла, что любопытно — с семнадцати лет. Ее тогда выдали за барона Гендинга, однако он, к своему несчастью, подписал требование фрондистов о больших вольностях, после чего Гиллеберд разогнал мятежников, отобрал у них земли и раздал более послушным. Так в замке появился новый хозяин, лорд Кастерикс, а у леди Камиллы — новый муж.

Брак был счастливым, у леди Камиллы родился чудесный мальчик, однако лорд Кастерикс слишком увлекался охотой, и однажды его принесли израненного кабаном, после чего он умер, не приходя в сознание. Король Гиллеберд бдительно следил, чтобы в казну налоги текли безостановочно, и буквально на третий день прислал в земли Белых Коней нового хозяина, графа Финмира.

К этому времени леди Камилла настолько прекрасно управлялась с хозяйством, что граф ни во что не вмеши-

вался, только занимался псарней, разведением соколов, к жене относился с уважением, супружеских обязанностей не избегал, что дало леди Камилле еще двух детей, на этот раз прелестных дочурок, и если бы не страсть к путешествиям, во время которых граф не раз рисковал жизнью, все было бы прекрасно. Однако во время одного из них он столкнулся с отрядом разбойников и был тяжело ранен стрелой в спину.

В замок привезли его уже умирающим, леди Камилла горько плакала над его телом, но когда могильщики заканчивали вкапывать в свежий земляной холмик гроб, от короля Гиллеберда прибыл лорд Мервин, которому король подарил эти земли и замок. Граф Мервин не успел оставить после себя потомство, он поспешил принять предложение герцога Ярдширского возглавить его ударный рыцарский отряд, что большая честь для любого, и погиб с ним рядом, так что земли снова без хозяина.

Дверь распахнулась, сэра Вайтхолд произнес церемонно:

— Сэр Клемент, ваша светлость!

Я помахал рукой из-за стола.

— Заходите оба. И поменьше церемоний. На людях вы должны мне кланяться, как принято, но здесь мы все рыцари и подчиняемся законам рыцарского братства.

Если они и чувствовали себя скованными в кабинете самого короля, то не подали виду, я придвинул в их сторону карту. Оба уставились со всем вниманием, но карта — это не совсем то, что видишь с высоты седла.

— Сэр Клемент, — сказал я, — вы столь ревностно относитесь к своим обязанностям, что даже не знаю, когда спите. У вас лучший отряд по выучке, вы всегда ухитряетесь снабжать их лучшим оружием и доспехами, у них лучшие кони, и они всегда в первых рядах атаки!.. благодарю вас, сэра Клемент!.. Когда вы прибыли с далекого Севера... здесь те земли считают Севером, вот чуда-

ки, да?.. вы сказали, что хотели бы заработать верной службой земли и титул...

Он торопливо поклонился.

— Ваша светлость, да, я мечтаю о таком дне, но не жду, что это будет скоро. Я не юнец нетерпеливый, я умею ждать...

Я прервал:

— Прекрасно. Вы получаете в управление замок Алгисл, что означает... если правильно понимаю древний язык, «дар альвов», и земли Белых Коней. Вот я отметил их на карте. Кстати, это не так уж далеко отсюда, так что можете совмещать хозяйствование со службой Отечеству. Титул пока не обещаю, его надо заслужить новыми подвигами и верным служением своему сюзерену.

Он охнул, соскользнул со стула и, торопливо преклонив колено, ухватил мою благосклонно протянутую руку и поцеловал перстень с королевской печатью.

— Ваша светлость!

— Это только начало, — заверил я. — Служите верно, сэр Клемент, будет и титул, и... новые владения. Но, как мне кажется, у вас уже есть чем для начала похвастаться перед бароном дэ Пусе.

— Ваша светлость!

— Все в порядке, — заверил я. — Не нужно такой уж особой благодарности, сэр Клемент. Раздаривая земли, я укрепляю и свои позиции. Вы будете не только собирать для меня налоги, но и поставлять определенное число воинов... Так, теперь займемся вами, сэр Вайтхолд. У вас такие владения в Армландии, что и дарить вам нужно что-то по размерам не меньше, чем все Турнедо!..

Они оба вежливо посмеялись, Вайтхолд произнес наконец горделиво:

— Вы правы, ваша светлость. С землями мне повезло...

— Такие владения больше пристало бы иметь графу, —

заметил я. — Но как насчет того, чтобы на следующем приеме обрести графский титул?

Он точно так же соскользнул с кресла и опустился на одно колено.

— Ваша светлость!

— Значит, — сказал я с удовлетворением, — и с этим вопросом все понятно. Сейчас, пока у нас затишье, вы, сэр Клемент, езжайте в свои новые владения и войдите в права, почувствуйте себя в роли лорда. Надеюсь, понравится.

Сэр Вайтхолд сказал намекаяюще:

— Думаю, у большинства глазки горят на владения герцога Ярдширского...

Я нахмурился.

— Пусть подберут слюни. Земли герцога слишком обширны, чтобы ими владеть одному человеку. Мне вовсе не нужны магнаты, что возгордятся и начнут оспаривать мои ценные и даже ценнейшие указания. Те земли разделю, как поступили с Турнедо. Тоже на четыре части... а то и на больше.

Глава 12

У Гиллеберда прекрасные карты не только Турнедо, но и соседей, что просто восхитительно, я сделал бы то же самое. Вечно Зеленый Лес обведен красной чертой, что-то затевалось, да я остановил намеченное...

Кроме Эльфийского Леса на землях Турнедо еще и Орочий Лес, хотя значительная его часть в Шателлене, и почти половина в Армландии, а на земли Турнедо заходит самым краешком. Правда, троллей, что жили в том лесу, я сумел передвинуть Гиллеберду прямо в самую середину земель, уж и не знаю, как он с ним справлялся, и как там сейчас...

Что еще тревожит, полная неизвестность в отноше-

нии императора Карла. Как-то слишком уж внезапно он исчез, словно Аттила, чьи ужасающие орды ввергли всю Европу в панику, но когда умер на пиру, не осталось ни клочка земель как завоеванных, так и родных, не осталось даже гуннов, что вообще непонятно.

После смерти Александра Македонского империя тоже распалась, исчезла, но хотя бы при его короткой жизни была единой, этот же Карл называл себя императором лишь потому, что победно шел со своими ордами через королевства одно за другим, оставляя сожженные города и обгорелые трупы на улицах, но подлинной империи так и не создал.

Однако о нем нужно узнать побольше. Вольно или невольно распространяя свое влияние на северные земли, опасно рискуя вскоре упереться в его владения, а такого соседа могу пожелать только врагу...

В Савуази довольно быстро наладилась прежняя жизнь, тем более что я из-за скудости карательных ресурсов не решился бы на какие-то крутые меры и усиленно поддерживаю слухи, как безмерно чту хозяйственное умение Гиллеберда, и ничего менять не собираюсь.

Верховные лорды Вигфрид и Аттельстан вернулись в свои земли, Каспар послал туда соглядатаев, но те сообщили, что герцоги не собирают войска, не советуются с другими лордами, а просто мрачно пьют и убивают время на охоте.

Королевство затихло, еще не веря, что все кончилось, а я послал еще двух гонцов: одного в Армландию с требованием прислать побольше войск в покоренное королевство, а второе — Барбароссе с выражением сыновьей любви и признательности, а еще напомнил, что мне, как коннетаблю королевства Фоссано, не помешало бы дватри полка тяжелой конницы на всякий случай, я не трусливый, просто осторожный, Ваше Величество...

Каждый день приходится проводить приемы: лорды

съезжаются, приносят клятву верности, а я в свою очередь обещаю соблюдать их права, защищать и представлять их интересы, а также — самое главное! — подтверждаю их права на владение их нынешними землями.

По вечерам с легкой руки особо активных женщин устраиваются балы, все наши лорды и даже мелкие военачальники приходят, а со стороны турнедцев — наиболее знатные и родовитые из живущих в городе.

Правда, начали приезжать и дальние. Сегодня я вел прием, милостиво раздавал награды и обещания наград, подтверждал, в какой-то момент церемониймейстер объявил торжественно:

— Герцогиня Ванесса Каденусская!

Имя вызвало ассоциацию с чем-то ненастоящим, потом вспомнил, что ряд женских имен — типа Стелла, Памела, так же как и это вот Ванесса — придуманы авторами баллад и поэм, а в природе не существовали.

Собравшиеся расступились, женщина идет по проходу медленно, гордо и величественно, вид строгий, одета очень тщательно, чтобы и знатность показать, и в пышности не переборщить, со вкусом у нее в порядке...

Подойдя к помосту, присела в поклоне и застыла в ожидании со склоненной головой.

— Леди Ванесса, — произнес я.

Она подняла голову, лицо грубоватое, выдвинутые надбровные дуги, крупные скулы, ограничивающие глазные впадины снизу, на меня из щелей взглянули острые, как буравчики, серые глаза.

— Ваша светлость...

Я спросил вежливо:

— Что привело вас к нам, леди Ванесса?

Она ответила, глядя снизу вверх:

— Ваша светлость, я прошу не отбирать моих владений, они принадлежат моим детям, а также моим братьям!

— А где ваш муж?

Она заколебалась на миг, но я тоже смотрю с той же строгой внимательностью, и она ответила, как я понял, честно:

— С Его Величеством ушел в Армландию. Я не получала еще от него вестей.

— Леди Ванесса, — произнес я размеренно, меня слушает весь зал, нужно следить за каждым словом, — я не сделаю ничего из того, что не сделал бы на моем месте Его Величество король Гиллеберд... вы понимаете, что это значит. Я за преемственность власти. Перемены — хорошо, но стабильность порой еще лучше.

Она поднялась по едва заметному шевелению моих пальцев, я чувствовал поганенькую гордость, что уже герцогини передо мной вот так склоняются и ждут, когда будет позволено встать, сэр Вайтхолд тоже довольно хрюкнул.

— А она еще ничего...

— У нее очень выразительные глаза, — согласился я.

— Да, — подтвердил он, — крупные, навывкате... И такие открытые! То, что нам больше всего нравится.

Барон Саммерсет, что стоит с ним плечо в плечо за спинкой кресла, в недоумении посмотрел на герцогиню с ее крохотными пороссячьими глазками, потом на нас, снова перевел непонимающий взгляд на леди.

— Садитесь рядом, — велел я. — Оба кресла свободны, королевы у меня нет. Глаза — зеркало души, верно?

Оба вышли из-за спинки трона, важно сели, сэр Вайтхолд согласился учтиво:

— Прекрасные глаза. Такие радуют, не так ли?.. Интересно, что она скажет, когда все-таки отнимете ее владения...

Я сказал наставительно:

— Нельзя закрывать рот тому, кто открывает тебе глаза!

— И чем больше их откроет, — подтвердил сэр Вайтхолд, — тем лучше. Мы должны видеть... гм... всю правду.

Барон не выдержал, проворчал:

— Странные у вас какие-то вкусы. Глаза да глаза... в женщине самое главное вовсе не глаза.

— А что? — полюбопытствовал сэр Вайтхолд. — Неужто ноги? С того места, откуда растут? Эх, барон, низменные у вас вкусы. То ли дело у нас, нужно быть одухотворенным, мы же благородные люди! И подаем пример турнедцам. Ваша светлость, какие примеры им еще надо подать?

Я ответил в затруднении:

— Гиллеберд так все наладил, что лучше ни во что пока не вмешиваться. Королевство вот уже много лет на подъеме, народ все богатеет, золото в казну льется рекой... это одна из причин, почему Гиллеберд решился на экспансию. Но мы и без войны найдем куда потратить золото...

Сэр Вайтхолд спросил нерешительно:

— Пиры?.. Турниры с большими призами?..

— Можно построить большой кафедральный собор, — предложил барон. — А в соборе служить будет уже епископ, а то и архиепископ.

— Пойти войной на соседей, — сказал сэр Вайтхолд.

Барон изумился:

— На кого?

— Справа от Турнедо расположены Бурнанды, — объяснил он, — а слева — Шателлен. Шателлен — союзник, а Бурнанды почему нам не помогли?

Барон сказал ворчливо:

— Тогда можно бы и на Скарлянды или Гиксию, они хоть и соседи Варт Генца, но и Турнедо касаются краешками.

— Та часть Турнедо отходит Варт Генцу, — напомнил я, — так что касаться не будут. Да и с чего у вас такая блажь насчет нападения и вмешательства в суверенные дела других держав? У нас политика мирного сосущество-

вования с разными режимами, в том числе и самыми людоедскими, нарушающими права, свободы и обмен информацией. Они ж права своего нарушают, не нашего! Ну и пусть там нарушаемые борются, а то ждут помощи из-за нашего бугра!.. В общем, никаких войн. Сосредоточимся на мирной экспансии и порабощении.

Ага, мелькнуло зло, щас насосредотачиваюсь, как же. Забыл, что в Сен-Мари вот-вот все рухнет? Вторжение в Гандерсгейм с моря, угроза пиратов уничтожить порт и заодно Тараскон, козни Кейдана, а еще ряд лордов затаились, копят силы втихомолку, вон лучший полководец Сен-Мари герцог Вирланд Зальский так и сидит за высокими стенами в своем городе...

В зале заиграла музыка, пышно одетые рыцари начали церемониальные танцы строем перед точно так же выстроившимися в ряд ледями, очень строгими и неподвижными, одновременно ножку вправо, ножку влево, теперь поворот, как будто наблюдаю сложную механическую игрушку с заводными фигурками....

Мои советники чуть утихли, потом начали предлагать другие варианты, как жить дальше интересно и, главное, красиво, все один фантастичнее другого. Я слушал, слушал, наконец они умолкли и смотрели с ожиданием, что же выберу.

Я скривился.

— Ну вы и хозяйственники!.. Сразу все по ветру пускать, как же, мы щедрые... нет уж, богатства надо приумножать.

— Копить? — переспросил сэр Вайтхолд с отвращением.

— Я сказал «приумножать», — напомнил я, — а не копить! Разницу не видите? Ладно, я вас научу не только драться. Вы у меня такими хозяйственными и прижимистыми станете...

Сэр Вайтхолд спросил с подозрением:

— Ваша светлость, а вы?

— А я драться буду, — пояснил я, — подвиги совершать! Как специалист широкого профиля, это когда ничего не умеешь толком. Кому-то же надо охранять рубежи? А они все ширше и ширше, как морда сэра Геллермина за столом, не при нем будь сказано...

Сбоку раздался могучий голос:

— Кто тут поминает имя мое всеу?

Он прогремел к нам, огромный и широкий, как сарай у бабки, довольный, с сияющим, словно у полной луны лицом.

— Это я, — сказал я, — ставлю вас в пример как умелого хозяйственника! Говорю, никто, как сэр Геллермин, не умеет управляться с хозяйством так хорошо.

— Особенно за столом, — прошептал, чтобы слышали только мы, сэр Вайтхолд.

Сэр Геллермин помялся, я видел, как желание приписать заслуги себе борется с честностью, наконец сказал тяжело:

— Вообще-то я не занимался им уже лет десять. Там управителем один бывший священник, за что изгнали — не спрашивал, но деревни под его рукой процветают, налоги в срок, я получаю на все свои нужды тоже...

— Вот видите? — сказал я барону Саммерсету и сэру Вайтхолду наставительно. — Сэр Геллермин мудр, выбрал самое правильное решение. Кто лучше умеет работать — должны работать, а кто работать не умеет — руководят. А кто и руководить не умеет, тот защищает Родину и Отечество, крышует мирных работников и за подобную безопасность собирает налоги, что вообще-то те же грабежи, но уже постоянные, потому вроде и не грабежи, а налоги... Эх, учить вас, учить! Но ничего, мы еще придем к развитому и просвещенному акульему капитализму...

Сэр Геллермин поинтересовался с напряжением в голосе:

— Ваша светлость... мы тут надолго застряли?

Все трое умолкли и смотрят с ожиданием, я ощутил себя как ящерица на горячей сковородке, никто не любит длительные войны, когда далеко от дома.

— Будем стараться, — сказал я, — наладить побыстрее... Однако, что могу пообещать? Многие из вас армландцы, а у меня дом сейчас вообще за Великим Хребтом на берегу теплого южного моря, и то не поскуливаю. Ну, поскуливаю, но тихонько-тихонько, как нежный полет крокодилов. Мы не хотели этой войны! Но жизнь постоянно меняет наши замечательные и такие мудрые планы... Да и вы вообще-то влипли. Я вам, гадам, всем раздам тут земли без права передачи, куда денетесь? Будете, как и я, на два дома.

Они посерьезнели, морды вытянулись, ощутив угрозу привычному существованию. А земли в Турнедо — это серьезно, вроде чемодана без ручки, когда и нести тяжело, и бросить жалко.

Наконец сэр Геллермин вздохнул тяжело и сказал мрачным голосом, полным сочувствия:

— Ваша светлость... нам хоть близко, а вам мотаться дальше. Да и не два у вас дома, побольше наберется.

— Вот-вот, — сказал я горько, — но будем жить? И как бы жизнь ни изворачивалась, будем сверху.

Они оба умолкли и уставились на дальнюю дверь, там появился гигант, которого нельзя не заметить, пусть даже он сейчас не в полном рыцарском облачении, а только в стальной кирасе поверх изящного кафтана. Коротко оглядевшись, он двинулся через зал в нашу сторону.

Мы смотрели с интересом, я вообще впервые увидел его бездоспешным, но хорошо сшитая и подогнанная по фигуре одежда делает моложе и даже изящнее.

У помоста он преклонил колено и опустил голову.

— Сэр Клемент, — сказал я. — Встаньте и поведайте, что у вас случилось.

Он выпрямился, взгляд прям и честен, лицо спокойное, выражение достоинства струится от всей статной фигуры..

— Ваша светлость, — произнес он четко, — я готов служить дальше!

Я сказал медленно:

— А вы и так служите, когда управляете замком и землями. Платите налог, ремонтируете дороги... ну, я предполагаю, что платите. Или будете платить.

Он дождался, когда я закончил перечислять его достоинства, вообще-то очень короткий список, сказал почтительно:

— Ваша светлость, я сделал все, как вы велели. Прибыл, вступил в права хозяина, ознакомился со слугами, рабочими, осмотрел земли... Все налажено, ваша светлость, я просто побоялся вмешиваться!

Я спросил настороженно:

— Вы не упомянули вдову предыдущего хозяина...

Он развел руками:

— Ваша светлость, это удивительная женщина. Молодая и красивая, чуть полновата, но я как раз таких люблю. Управляется так, что просто чудо... Я про хозяйство, ваша светлость, не подумайте чего дурного! В постели она тоже, да, другой жены не надо, даже и думать про иную не стану.

— Так чего вы здесь?

Он выпрямился, твердо взглянул мне в глаза.

— Ваша светлость, я считаю, что вы наградили меня... слишком. Я должен послужить с вами рядом, поучаствовать в боях, потом и приму имение... ну, вообще-то я его уже принял, но сейчас оно как бы не полностью мое, я же чувствую, что вы дали мне больше, чем я заслужил, а я хоть и беден...

— ...но подачки не принимаю, — закончил я за него, потому что он умолк, не в силах вымолвить эти дерзостные слова.

— Ваша светлость!

Я выставил перед собой руку ладонью вперед.

— Молчи, а то заплачу, прям зареву, весь растроганный за лучшие чувства. Другой жены, говоришь, не надо, но... оставил такое теплое гнездышко, о каком мечтал в тех суровых краях, снова облачился в доспехи, взял меч и пришел? Сэр Клемент, я всегда говорил, что настоящая доблесть к нам приходит с Севера! Вы это доказали, кому-то станет стыдно, я уверен. Ага, вон уже глазки опускают!

Из боковой двери тихонечко появился виконт Каспар Волсингейн, он вообще редко показывается во дворце после его захвата, прошел вдоль стены и поднялся к нам на помост, где остановился у моего трона, глядя неподвижными рыбьими глазами.

— Что там? — спросил я в нетерпении.

— Ничего особенного, ваша светлость, — произнес он ровным голосом, — просто мы перехватили по дороге к городу гонца из Варт Генца. Я счел, что вам будет важно поскорее услышать новости.

Я насторожился, даже сердце стукнуло в радостном ожидании.

— Надеюсь, — сказал я тихо, — новости хорошие. Давайте его сюда.

Он шепнул:

— Может быть, лучше в приватной обстановке?

Я покачал головой.

— Зачем?

— А вдруг?

— Думаю, — сказал я почти уверенным голосом, — новости благоприятные. Пусть войдет!

В зал вошел быстрыми шагами юный лорд, я узнал

сэра Герарда, сына барона Валдуина, он сражался храбро при захвате пограничной крепости и вообще показал себя одним из наиболее преданных мне командиров.

Перед ним расступились, хотя и простой гонец, это видно по тому, как двигается, все лорды входят в зал важно и с величавостью, ни одного лишнего движения, а этот совершенно не думает о личном достоинстве и как выглядит...

Сэр Герард почти подбежал, преклонил колено и посмотрел на меня влюбленными глазами.

— Сэр Герард, — приветствовал его я.

— Ваша светлость! — воскликнул он.

— С чем прибыли, сэр Герард?

Он поднялся по движению моих пальцев и все так же, не отрывая взгляда, выпалил:

— Лорды договорились собрать всеобщий съезд сеньоров на день святого Августина Блаженного!..

Я величаво наклонил голову.

— Прекрасный выбор. И хороший день. Кстати, когда это будет?

— Через три недели, — выпалил он. — Из дальних земель добираться в столицу непросто, да и сперва многим лордам нужно подготовиться, потому положили на сборы месяц... Но я одолел весь путь всего за неделю!

— Наверное, — предположил я, — загнали не одну лошадь?..

— Пришлось, ваша светлость.

— Через три недели, — сказал я медленно, — неспешно собираются. С другой стороны, солидные люди едут, не мальчишки.

— Ваша светлость, — просительно сказал он, — меня послали к вам заранее в знак глубочайшего уважения, чтобы вы тоже могли успеть завершить все неотложные дела и приехать на пару дней... Вас очень ждут!

— Спасибо, — сказал я. — Я очень заинтересован в

этих выборах. Все-таки от них может зависеть и наша дружба с королевством Варт Генц! Передайте мое удво-вольствие и благодарность, я обязательно прибуду!

Глава 13

Вообще-то можно было бы выехать за сутки до съезда лордов, но это будет, как мне кажется, чересчур и слишком демонстративно. Уже и так все знают, что подо мной особенно быстрый конь, не знают только, насколько, я же раньше времени никакие карты раскрывать не стану.

Потому выехал за неделю, объяснил своим бодро, что по прямой как раз и домчимся за эти семь дней. Все завистливо повздыхали, они бы добирались на богатырских конях, укрытых тяжелой броней, как раз все три отпущенные недели.

Заря еще дотлевет на восточной половине неба, на сырой земле после отшумевшего ночью небольшого дождика большие лужи. На Юге к утру бы все высохло, но здесь далеко не Юг, как и далеко, к счастью, не Север. Птички уже орут, вернее, не орут, а доорывают, а начинают этот визг, еще когда небо только-только робко светлеет на самом стыке с землей.

Зайчик начал набирать скорость, когда город остался за пределами видимости, но мимо скользили деревни с хорошо возделанными полями и работающими там людьми, и только когда и они ушли за спину, прибавил...

...но впереди Вечно Зеленый Лес, он же Эльфийский, либо проскочить насквозь, что не получится, либо по широкой дуге обойти, Зайчик все понял и заложил крутой вираж, пошел красиво, выбрасывая все четыре ноги сильно в сторону.

Высокие деревья проносятся так близко, что могу уда-

риться головой, я постарался сесть вертикально, что не просто, когда инерция на повороте так заносит...

— Астральмэль!..

Голос донесся издалека, на грани слышимости. Я чуть придержал Зайчика, вслушался. Зов повторился, идет из глубины Леса и как будто приближается.

Зайчик остановился, Бобик пару раз прыгнул, приглашая мчаться дальше, затем насторожил уши и повернулся к стене деревьев.

— Астральмэль!

Из-за деревьев вынырнул на бегу тоненький эльф, закрылся ладонью от яркого солнечного света, грудь ходит ходуном, лицо в испарине и покраснелось, как нежная юная роза.

— Ох и быстрый же вы, — проговорил он с осуждением и восторгом, — я так бежал, так бежал... и чуть не опоздал...

Я спросил настороженно:

— Что стряслось?

— Гелионтэль умирает, — пояснил он печально. — Она звала вас... тебя, Астральмэль...

— Что за... — ругнулся я в растерянности, — я думал, эльфы вообще даже не болеют...

— Не болеют, — согласился он, — королева полагает, что это от того, что ты ее повредил.

— Повредил?

— Или заразил, — поправился он себя. — У вас, людей, много болезней...

— Пойдем к ней, — велел я. — Побыстрее!

Он вскрикнул:

— Тогда не отставай!

Пес за ним поспевал лучше, чем мы с Зайчиком, но таким деревьям-гигантам требуется простор, мы проносимся как между гигантскими колоннами, поставлен-

ными в художественном беспорядке, только сбавили скорость, чтобы успевать избегать столкновения.

Эльф то исчезал, то выныривал из-за деревьев далеко впереди, но Зайчик вошел в раж, несется с таким азартом, что едва успеваю уворачиваться от проносящихся над головой веток, поднимая ноги на седло, когда справа и слева по стременам чиркают шероховатые стволы.

Пес догнал эльфа и несется рядом, иногда обгоняет, надо же показать свое превосходство над остроухим. Я вжимался в шею арбогастра, наконец ощутил, как он резко замедлил бег, выпутался из укрывающей сверху гривы и ошалело оглянулся.

Мы уже в той части леса, где живут эльфы, не стремящиеся к пышности и блеску королевского двора, а Пес и эльф остановились прямо перед домиком Гелионтэль.

Я птицей слетел с седла, ринулся, не чувствуя ног, стены затряслись, когда я ворвался, как разъяренный кабан. В глубине комнаты широкая постель из шкур, Гелионтэль лежит пластом лицом вниз.

Она не услышала, как я оказался рядом, перевернул ее, и лишь когда поцеловал, а затем похлопал по щекам, медленно подняла веки с громадными ресницами, и на меня взглянули ярко-синие глазищи, от которых у меня всегда на миг останавливается в восторге сердце.

— Гелионтэль, — сказал я требовательно, — что случилось? Ты не думай, я не дам тебе ускользнуть!

Бледная улыбка слабо проступила на ее обескровленных губах.

— Астральмэль... — прошептала она. — Нет, твое умение лечить не поможет...

— Почему?

— Хоть ты эльф... но лечить можешь только людей...

Я сказал горячо:

— Ты лучше, чем человек! Ты моя жена, а это вообще все на свете!.. Гелионтэль, чем ты больна?

Она покачала головой:

— Не знаю... Меня часто тошнит без причины, болит голова, а когда хочу есть, то даже не знаю, чего... Грызла бы кору, как заяц или веточки, как олень...

Я вздрогнул, переспросил неверяще:

— Милая моя, а что, у тебя никогда такого не было?

Она помотала головой:

— Не-е-ет... ох, я умираю...

— И ты никогда не рожала?

— Не-е-е-ет...

Я задал последний вопрос:

— А разве ваши женщины, когда беременеют, не чувствуют себя дурно? Их не тошнит?

Она посмотрела на меня в великом удивлении.

— Тошнит? С какой стати?.. Дать жизнь новому существу — великая радость!

Я обнял ее, прижал очень осторожно и начал целовать в золотые волосы, стараясь добраться губами до заплаканной мордочки.

— Милая моя, ты — беременна. Прости, что так тяжело начинается, но потом все будет лучше. Потерпи.

Она вскинула голову, в глазах недоверие.

— Что? Это из-за беременности?

— Да, — заверил я. — Это значит, что у тебя родится богатырь. Крупный и сильный ребенок со зверским аппетитом. А когда закричит, то птицы будут выпадать из гнезд. И мы с тобой будем ему радоваться... просто не знаю как.

Она не сводила с меня удивленного взгляда.

— Что, правда, именно так?

— Да, — заверил я, — ты мое чудо замечательное!.. Давай я лягу с тобой, обниму, сразу станет легче. Возможно, станет.

Она прошептала тихо, опуская взгляд:

— Да, конечно, станет...

Ближайшие два дерева за ночь дали корму вдвое больше, чем вчера, что значит, учли прибавление в домике. Вообще деревья дают эльфам как питье, здесь его зовут нектаром, так и еду, именуемую амброзией, все восхитительно нежное и вкусное, хоть и однообразно, однако у эльфов вся жизнь идет в очень узкой колее.

Когда-то, как я понял, во имя сохранения рода они отказались от любых перемен, и тем самым сохранились как вид, теперь это их пунктик, ничего нового не принимают, как говорят, хотя вижу, что все собезьянничено у людей. Правда, они уверяют, что это люди когда-то в глубокой древности подражали им, и потому так много общего.

Весь Вечно Зеленый Лес — одно дерево из множества стволов, корневая система едина, я бы даже сказал, что это Дерево разумно по-своему, только реакции замедлены в тысячи раз, потому никогда не успевает среагировать на вторжение врагов, однако если те не уберутся вовремя, может не дать им выбраться...

Однако из-за своей медлительности оно чрезвычайно уязвимо, и хитроумные, хоть и слабые люди быстро научились с ним бороться: обдирают кору на крайних деревьях, где безжалостное солнце сразу же начинает жечь плоть, потом поджигают, засыпают ямы между корнями и продвигаются все глубже и глубже, все это безо всякой вражды и злобы, просто отвоевывают места под свои пашни.

Гелионтэль спит, свернувшись в калачик и так подтянув коленки, что они упираются в подбородок. Я долго лежал, обняв ее нежное хрупкое тельце, подгребая к себе, вжимая в свое твердое. Чувство незамутненного счастья охватило с такой силой, что хотелось остановить мгновение.

— Значит, — напомнил я себе шепотом, — пора вставать. Я ж не эльф... А человек — звучит горденько.

Гелионтэль вздрогнула и распахнула громадные, как у стрекозы, глазищи, когда я уже переступал порог.

— Астральмэль!

Я вернулся, нежно поцеловал ее в мягкий теплый рот, еще сонную и теплую, укрыл шкурой и чуть придержал.

— Спи, набирайся сил. Я вернусь!

Снаружи еще прыгал Бобик, очень довольный, эльфы совершенно не шарахаются, с ними можно даже играть, вообще здесь здорово, давай приезжать сюда почаще, а то и вовсе поселимся здесь...

Арбогастр примчался на свист, тоже сияющий, уж и не знаю, чем его таким угостили, все еще жует, ноздри раздуваются.

— В путь! — сказал я.

Он повернулся боком, я взлетел в седло и повернул к выходу из леса. Эльфы легко и грациозно смещаются с дороги, что-то кричат веселыми голосами вдогонку.

Через несколько минут мы вылетели из темной стены леса на солнечный простор навстречу сухому воздуху и далекому горизонту. Копыта застучали по земле все чаще, заставляя земной шар поворачиваться под нами, а потом и вовсе крутиться все быстрее и быстрее.

Через час мы пронеслись рядом с местом, где посреди широкой долины чернеет четырехугольник глубокого и достаточно широкого рва, за ним еще и высокий часток из заостренных кверху бревен, однако внутри пусто...

Через пару минут увидели впереди почти такой же, на этот раз вартгенцев, но у этих довольно внушительный лагерь, хотя людей стало меньше вдвое, если не вчетверо.

— Ура, — сказал я, ветер сорвал с моих губ слова так быстро, что я сам их почти не услышал. — Ну и ладно, лишь бы не было войны...

Еще через час пересекли реку, отделяющую Турнедо

от Варт Генца, я начал всматриваться в далекую линию горизонта, хотя еще и рановато, впереди пара рек, их одолеем с ходу, одна довольно глубокая трещина в почве, почти ущелье, но перепрыгнуть сумеем, и, наконец, приличных размеров лес, к счастью, достаточно редкий, можно насквозь, почти не сбрасывая скорости...

Мы и влетели в него, как большие черные птицы, но без крыльев. Правда, скорость пришлось не просто сбросить, а почти перейти на непристойную для таких орлов рысь.

Я начал прикидывать, как пойдут выборы короля, в это время между деревьями что-то мелькнуло. Я чуть было не послал Зайчика дальше, но подумал и повернул.

Под могучим стволом сидит на вылезшем из земли корне худой мальчишка лет семи, мордочка заплаканная, волосы торчат, как у сердитого ежика, обхватил руками коленки и положил на них голову.

Я крикнул, не покидая седла:

— Заблудился?

Он посмотрел испуганно, потом помотал головой:

— Нет.

Я соскочил на землю, подошел ближе.

— Давай отвезу домой.

Он снова помотал головой:

— Я не заблудился!.. Я не хочу туда.

— Почему?

— Я убежал, — ответил он и вздохнул, как вздыхают дети после очень долгого плача. — Я не вернусь туда больше.

— А куда же ты?

Он выкрикнул отчаянным голосом:

— Пусть меня лучше съедят злые волки!

Я сказал озадаченно:

— Ничего себе желание... С чего вдруг? Тебе плохо дома?

Он угрюмо молчал, я сел на корень рядом, угостил его сыром и булочкой, он сперва отнекивался, потом слопал с жадностью, даже руки тряслись, я с жалостью видел, до чего же ребенок беззащитный и несчастный.

— А теперь, — сказал я решительно, — поедем. Я — Ричард Завоеватель, это теперь моя страна! Какой я правитель, если под моей властью будут плакать дети?

Он упирался, но я усадил его перед собой, Пес выбежал вперед и указал не только деревню, но и дом, откуда, судя по запаху, вышел мальчишка.

Навстречу выбежала встревоженная женщина, затем появился угрюмого вида мужчина в кожаном фартуке и с пятнами сажи на лице.

— Джон! — закричала женщина отчаянно. — Где же ты был?... Мы тебя обыскались... ваша светлость, спасибо вам!

Я придержал ребенка на коне, смерил их строгим взглядом.

— Вы знаете, кто я?... Гиллеберда нет, теперь правлю я!.. И вот думаю, что этого ребенка стоит забрать в город и отдать там в ученики шорнику или кожевнику.

— Ваша светлость, пощадите!

Я повернул мальчишку к ним лицом.

— Этот вот кровоподтек откуда?... А этот?... Хорошее правление в любом королевстве начинается с защиты детей. Если вы избиваете ребенка...

Женщина упала на колени, заливаясь слезами. Мужчина уронил руки вдоль тела и смотрел на меня отчаянными глазами.

— Ваша светлость, — проговорил он с трудом, — день был тяжелый, колесо треснуло, дрова кончились, еще и единственная коза что-то съела и сдохла... А тут он лез с вопросами, вот я и... о чем очень жалею... сынок, прости своего несчастного отца...

Мальчишка вдруг соскользнул с Зайчика, бросился к

коленопреклоненной матери и обнял ее за шею. Я посмотрел строго, погрозил пальцем и с великим облегчением довольно поспешно пустил Зайчика в галоп.

Глаба 14

Впереди прямая как стрела дорога вдруг пошла в сторону, совершая длиннейшую огромную петлю. Мы как раз взлетели на вершину холма. Оттуда видно, как далеко-далеко, обогнув роскошное зеленое поле, дорога у самого горизонта снова легла на прежний курс.

Не столько встревоженный, сколько заинтригованный, я поймал взглядом далеко впереди две крытые повозки, послал Зайчика вскачь, а Псу велел держаться тише мыши, там же простые крестьяне, такие тени своей боятся...

— Эй! — крикнул я издали. — А почему не прямо? Вроде бы нет болота... Или зыбучие пески?

На повозке женщина с двумя детьми и домашним скарбом, мужчина управляет лошадьми, он и обернулся, донельзя удивленный.

— Ваша светлость, — вскрикнул он, — так Зачарованные же земли!

— А-а-а, — протянул я, — снова эти зачарованные...

— Они самые, ваша светлость!

— Чем именно опасны? — спросил я. Насколько помню, в разных странах и королевствах уже встречались подобные Зачарованные Места, но всякий раз я благо-разумно обходил. — Только для тех, кто туда суется?

Он взглянул на меня с укором.

— Ваша светлость, какое ж тогда оно опасное? Не опаснее болота, в которое тоже не стоит лезть... или реки для тех, кто не умеет плавать.

— Значит?

Он вздохнул тяжело.

— В полнолуние что-то случается, ваша светлость. Оттуда могут выбежать либо дивные волки, такие огромные, что местные перед ними что щенки либо вообще какая-то дрянь...

— Чудовища?

— Иногда чудовища, иногда и похуже...

— А именно?

Он вздохнул так, словно затаскивает на гору мешок с камнями.

— Нечисть, ваша светлость. А то и вовсе нежить. Хорошо, хоть не каждое полнолуние...

— А когда?

Он пожал плечами:

— Когда как. В окрестных селах в ночь полнолуния всегда запирают все дома и сараи, везде малюют кресты, а священники кропят святой водой... Это помогает даже лучше, чем обереги или амулеты. В общем, ночь проходит, а потом снова все, как было.

Я переспросил с недоверием:

— То есть туда можно попасть всегда, в любое время, а оттуда выходят только в полнолуние?

— Да, ваша светлость.

Я поморщился.

— И что, вот так в страхе жить целый месяц до следующего полнолуния?

Он посмотрел на меня с неприкрытым изумлением.

— Ваша светлость, да какие же тут страхи? Это как весенний паводок, о котором знаешь, что придет, затопит, трое суток придется на крыше сидеть, кукарекать, пока вода схлынет... Притерпелись к наводнениям, притерпелись к зиме, люди ко всему притерпеваются, ваша светлость. Кто живет вблизи этого места, научились обороняться. А если порой и гибнет кто, дык в реках тонут или под неправильно срубленным деревом в лесу гибнет

народу больше... А еще кого-то змея укусит, кто-то спьяну в открытый погреб упадет и шею сломает... везде беда, ваша светлость! От всего не уберешься...

— Ты прав, — сказал я со вздохом и пустил коня дальше, — ты прав... А хорошо бы, да?

— Да, ваша светлость... Но так не бывает. И, думаю, никогда не будет.

Женщина и дети провожали меня серьезными взглядами, все-таки разговор не о ценах на перепелок.

Я пустил было арбогастра по дороге, я же не дурак, чтобы без острой необходимости подвергать себя опасности, но что-то во мне противилось, и я даже не удивился, когда Зайчик озадаченно всхрипнул, оглянувшись на меня, я поймал удивленный взгляд больших коричневых глаз и сошел с пробитой до твердости камня земли на мягкую и покрытую сочной травой, направляясь прямо через это самое Зачарованное...

Мелькнула мысль, что я же рыцарь, а они все благородные люди, что с точки зрения простолюдина — дураки, защищают других, очищают земли от чудовищ, терпят лишения, проводя жизнь в скитаниях, получая раны, а то и расплачиваясь жизнью за жажду совершить славные подвиги... но нет, я совсем не потому, это я бы в себе превозмог, я же демократ местами, всегда найду приличное оправдание трусости и малодушию, хотя даже искать не надо, уже придуманы термины «толерантность» и «политкорректность», все жалкие людишки от них в восторге...

Да, я бы благоразумно объехал по широкой дуге, я уже правитель и политик, а они воюют чужими руками, но сейчас весьма хмелен от череды блистательных, будем говорить правду, побед, просто изумительных и замечательных, когда после ряда позорных ретирад начал одерживать сокрушительные и повергающие врага, да что там повергающие, я всякий раз вбивал по ноздри в

землю... так что, немножко одурев от собственной крутости, вот сейчас пру напрямик, дескать, эта область по договору отходит мне, так что разбираться с нею тоже мне.

А на самом деле, сказал я себе уже чуточку более трезво, действительно мне. Это подконтрольные земли по договору, я буду с них получать налоги, а раз так, то обязан и защищать. Но армию сюда двигать как-то не весьма, сперва хотя бы разведать, что там внутри, в самом ли деле опасно...

— Посмотрим, — пробормотал я. — В самом ли деле скатываюсь во Тьму... Если так, то войду запросто, как к своим...

В трех шагах вспыхнул такой яркий слепящий свет, что арбогастр заржал испуганно и встал на дыбы, едва не выбросив меня из седла. Пес вздыбил шерсть и зарычал, оскалив клыки.

Я сообразил, что свет слишком чистый и радостный, ни с каким другим не путаешь, и все же в долю секунды обнажил меч, прикрыв левую сторону груди щитом.

Из слепящего сияния вышел архангел Михаил, весь настолько светящийся, что, кроме глаз и рта, ничего не вижу в огненном овале лица.

— Боец?... — донеслось из пламени насмешливое. — Все еще?

— Мужчина всегда должен быть бойцом, — огрызнулся я. — А ты разве не он? Скажи, это правда, что ты сам собрал ангелов и повел на борьбу с Сатаной... не дожидаясь приказа от Творца?

Он чуть убавил блеск, я смог различить не только красиво вырезанные ноздри, но даже крохотные морщинки у глаз, вот уж чего не ожидал.

— Ты что, — поинтересовался он, — ждал меня, чтобы спросить такое?

Я успокоил вздрагивающего арбогастра, мне кажется, он жаждет ринуться на это светящееся, как медуза, и

растоптать копытами, строго велел Бобику сидеть и ждать.

Архангел молча ждал, я наконец повернулся к нему и сказал с великолепной, сам залюбовался, дерзостью:

— А ты не увиливай! Это очень важно. Ты же вроде бы простой исполнитель!.. Но приказа не было, так?..

Он рассматривал меня с нескрываемым интересом.

— Вот чем твоя голова забита?.. Я думал, только плотскими утехами с разной нечистью.

— Эльфы не совсем уж и нечисть, — возразил я.

— А кто?

— Просто порода такая, — объяснил я. — Раса. Пусть даже вид. Это ведь не Творец назвал их нечистью, верно?

Он поморщился.

— Если их нечистью считают ангелы... тем более архангелы, то, думаю, твое мнение никто во внимание не примет. Эльфы предназначены к истреблению.

Я ощутил гнев, ненавижу этих самодовольных и все якобы понимающих холодных и высокомерных существ, сказал резко:

— А ты не боишься, что мое мнение лучше выражает отношение Творца, чем твое?

Он смотрел с предельным презрением.

— С какой стати?

— Творец вдохнул в Адама свой дух, — напомнил я. — В каждом человеке частица Творца. Пусть и с маленькой буквы.

— Но мы, — возразил он, — мысли и желания Господа!.. Мы чище! Хотя я из тех, кто принял повеление Господа о том, что Адам — царь природы и всего мироздания, и первым ему поклонился. Но это была воля Господа...

— Вот-вот, — сказал я, — все вы так подумали, но только Сатана сказал вслух то, что подумал, а еще он осмелился поступить так, как сказал. А ты, выполняя волю Господа, одобряешь ли ее?

Он потемнел лицом, глаза сверкнули дико, он в этот момент был больше похож на падшего ангела, но тут же поблагодетельствовал и сказал почти елеяно:

— А знаешь ли ты, что я уже дважды посылал за тобой ангела смерти.

— Что-о?

Он кивнул:

— Да-да, ты достаточно погряз во тьме, чтобы можно было призвать тебя к ответу и навеки ввергнуть в ад.

Я сказал, трепеща всем телом:

— И... что помешало?

Он поморщился.

— Да так, мелочи... Видишь ли... Ни сам Господь, ни кто-либо из ангелов, архангелов или серафимов не волен избрать за тебя, что тебе делать. Этот великий дар свободы воли... даже мы, архангелы, не можем до конца уяснить. Мы бы просто дали вам хорошую счастливую жизнь, как изысканные сладости, но по вашей свободе воли ты сам выбираешь, какой дорогой идти: к конфетам или к дерьму...

— Фи, — сказал я, — как грубо, а еще ангел. Не нравится тебе наша свобода, верно?

Он снова чуть поморщился.

— Это неважно.

— Тогда говори, — сказал я. — Ты же ангел, что значит — посланник. Почтовый голубь. Скороход, как бы. С чем тебя послали?

— Ни с чем, — сказал он хмуро, — просто я чувствую необходимость... что исходит, очевидно, от Господа, сказать тебе, что ты в самом деле погряз во Тьме, но тебя удержали от поглощения ею некоторые мелкие поступки...

Я спросил заинтересованно:

— Ну-ну, говори. Люблю, когда обо мне говорят! Да еще хорошее.

— Ты продолжаешь после битв лечить раненых, —

сказал он, — хотя уже почти король... ты не желаешь войн... ты пытался остановить короля Фальстронга...

Я сказал невесело:

— Да, но он погиб... Если бы я сумел его удержать...

Он покачал головой:

— Если бы ты оказался настойчивее и сумел бы его удержать и вернуть к войску, принц Эразм укрепился бы в столице, поставил бы везде своих людей, и король ничего не смог бы сделать даже со всей армией, потому что пришлось бы завоевывать все королевство. В жестокой гражданской войне погиб бы король, принц Эразм, был бы сожжен город, разрушены многие замки, вырублены сады, уцелевшие жители прятались бы в лесах, а в опустевших деревнях селились совы и волки.

Я зябко передернул плечами.

— Жуть. Но смерть короля — это все-таки поражение.

Он посмотрел с интересом.

— Да?.. Ах да, ты же рассматриваешь только эти смешные драки с мечами...

— А какие еще? — спросил я сердито.

Он сказал насмешливо:

— Сам знаешь. Только не догадываешься даже, сколько и какие сражения могут быть. От духовно-идеологических до таких глубинно-метафизических, что их постигнуть может только сам Господь. Но ты дерешься и там, сам того не подозревая. Потому мне было велено отозвать посланного за тобой ангела смерти...

— Ну спасибо, — сказал я с тяжелым сарказмом, хотя всего осыпало морозом, ангел смерти был, оказывается, совсем рядом. — Не забываешь обо мне?

Он произнес без улыбки:

— Я же сказал тебе однажды, буду следить за тобой. И при малейшем промахе...

— Были не только малейшие, — напомнил я, — но пока тебе не позволили?

— Ты успевал совершить хороший поступок, — ответил он неохотно. — И он перевешивал. Ты же не замечал, что ты сражался еще и в тех... уровнях... измерениях... не знаю, как назвать их, чтобы ты понял. У тебя больше той силы, настоящей... мне такое не очень нравится говорить, но... это так.

Я нахально улыбнулся.

— Нравится... не нравится... это вроде бы не должно касаться ангелов? Или от нас блох набираются не только эльфы? Так что все-таки заставило тебя отозвать ангела смерти? Не юли!

Он посмотрел строго и, как мне показалось, с недоверием, словно и сейчас вот дурачу, странный дар, появившийся в человеке то ли от Господа, то ли от Змея, соблазнившего Еву.

— Помнишь мальчика, которого ты спас в лесу?

Я пробормотал:

— Да он и не погибал... Побегал бы, проголодался и вернулся бы.

Он покачал головой:

— Нет, не вернулся бы. И волки бы его не съели, хотя... лучше бы волки. Его подобрали бы разбойники, он научился бы воровать, убивать, стал бы со временем вожаком, а затем создал бы настолько ужасные шайки, что захватывали бы целые города и убивали всех, даже женщин и детей... Но ты не просто вернул, ты поговорил с ним! А потом и с его родителями. Отец после этого станет к ребенку добрее, пусть не так уж. Но все-таки тот вырастет и станет опорой в семье, а потом придумает, как всем жителям собраться и прокопать большую канаву от реки, чтобы вода попадала и на их поля... Урожай станут выше, засуха станет не страшна, все будут богаче, а его выберут старостой, несмотря на молодость...

Я поморщился.

— Что, это все из-за того, что поговорил с ним?

— Я же сказал, — напомнил он, — битвы идут на таких уровнях, что тебе и вообразить никак... Но ты утишил его боль и отчаяние, ты смирил гнев его отца... И ты все еще считаешь, что не воюешь и на другом уровне?

Я пожал плечами:

— Ну, это как бы само.

— У тебя была свобода выбора, — напомнил он. — Ты ехал по своим делам и мог спокойно проехать мимо нищего ребенка в грязной оборванной рубашке. Но ты не проехал. И тем самым спас многие жизни... Но...

Свет вокруг него начал быстро тускнеть. Я спросил настороженно:

— И что за «но»?

Из яркого сгустка донеслось:

— Я все еще слежу за тобой...

Слепящий луч мгновенно прочертил прямую линию в небеса и там исчез.

Я пробормотал:

— Следи-следи...

Но на душе стало тревожно, и даже арбогастр набирал скорость как-то рывками, словно не решил: правильно ли сделал, что не кинулся на дерзкого и не затоптал копытами, только Бобик несся впереди все такими же широкими прыжками, на нем появления архангела никак не сказалось.

Глава 15

Слуги выбежали мне навстречу с такой готовностью, словно только меня и ждут, а без меня тут им и есть не дадут, и пир не начнется, и солнце не встанет.

Бобик держится смирно, смотрит так, что каждый готов ему сам принести косточку, а то и целого гуся.

Первым, кого из вельмож я увидел, был граф Меганвэйл, он вышел навстречу, преклонил колено, чем уди-

вил несказанно, все-таки я в Варт Генце, а не в Турнедо среди своих армландцев.

— Как видите, мой лорд, — произнес он, чем удивил снова, когда-то это станет формой вежливого обращения, а пока что форма подчинения, — мы оставили там большую часть войск, а я с основными лордами прибыл на Великий Сбор.

— А что войска, — спросил я, — все еще воюют? Там все земли, почти по реку Савуази, отходят по договору к Варт Генцу...

Он чуть нахмурился, нервно дернул щекой.

— Да, но, к сожалению, не все местные лорды поняли.

— Граф?

Он пояснил:

— Несмотря на то что Турнедо вышло из войны, сдавшись на милость победителей, один из провинциальных лордов не возжелал принять эти реалии. Откуда-то привел небольшой, но очень сильный отряд прекрасно подготовленных рыцарей, ударил нашим войскам во фланг. К стыду своему, должен признаться, погнал их, растерявшихся от неожиданности, как овец...

— Вас там, граф, не было, — сказал я с сочувствием.

— Не было, — согласился он, в голосе прозвучало и облегчение, не виноват в том позоре, но тут же нахмурился. — Мне надо было предвидеть такое и быть там!

— Все предвидит только Творец, — сказал я. — Да и станет тот турнедский безумец сражаться с целым королевством! Конечно же, смиритсЯ с положением вещей.

Он покачал головой, глаза стали сердитыми.

— Есть настолько твердоголовые, не понимают даже то, что перед носом. Видимо, решил оторвать целый край!

— Сумасшедший, — сказал я с чувством. — Как его зовут?

— Некий Зигмунд Лихтенштейн, — ответил он. — К сожалению, его владения граничат с землями коро-

левства Варт Генц... Ну да ладно, что это я все о наших неприятностях, пойдемте во дворец, там уже пируют третий день!.. Почти все съехались, Великий Сход можно начинать хоть сейчас!

Я сказал с сомнением:

— Сейчас? На пьяные головы?

Он широко улыбнулся.

— Конечно же, вы правы, мой лорд. Это в нас говорило желание поскорее приступить к тому, из-за чего все торчим здесь. Но я поговорил с самыми важными лордами, это Хродульф Горный, Леофриг Лесной, Хенгест Еафор и Меревальд Заозерный, все высказались за то, чтобы начать на следующий день после окончания пира. Причем не с утра, а с полудня. Это чтоб дать лордам отойти от пира, проспаться вдоволь, похмелиться тем, кто в этом нуждается, и быть в большом зале в ясном уме и твердом духе... Пойдемте, я лично покажу приготовленную для вас комнату.

— Ну что вы, граф, — запротестовал я. — А слуги на что?

— Мне приятно услужить вам, — произнес он с обволакивающей улыбкой. — Не противьтесь, мой лорд!

Комната оказалась не комнатой, а настоящими покоями из трех залов, я прикинул, у Фальстронга вроде бы и то было меньше, это весьма знаково.

Я вышел в коридор, подозвал часового и сунул ему золотую монету.

— Слушай сюда, орел. Я щас завалюсь спать, ибо устал зверски. Меня не будить, даже если пожар. И никого не пускать! Так и тверди, что смертельно пьян, лыка не вяжет, спит, как бревно, до утра нечего и думать, не проснется...

Он ответил с превеликим рвением:

— Все сделаю, ваша светлость! Муха не пролетит!

Я закрыл дверь, задвинул засов, а потом опустил еще

и щеколду на крюк. Сейчас, когда все торопливо сбиваются в группки и определяют своего кандидата в короли, очень важно удержаться в сторонке...

На другой день во дворце уже тишина, столы убрали, пол вымыли, на стенах развесили новые гобелены и украсили их свисающими из-под потолка полосами красного полотна.

За мной пришли после обеда, помогли одеться, после чего провели через широкий проход навстречу целому морю яркого света. Я невольно охнул, вроде бы уже не новичок здесь, а зала для торжественных собраний еще не видел: весь расцвеченный огнями, горят все люстры, настенные канделябры, напольные трехрогие подсвечники с пудовыми свечами, а в зале ровными рядами расположились люди, при одном взгляде на которых понимаешь, что это и есть хозяева Варт Генца: важные, в дорогих шубах, на всех тяжелые золотые цепи, пальцев не рассмотреть от обилия золотых колец с крупными драгоценными камнями, символами власти.

На помосте под дальней стеной длинный стол, за ним пятеро, одного я узнал сразу: граф Меганвэйл, хотя в непривычной свободной одежде знатного вельможи, остальные четверо всем обликом источают власть и могущество, это наверняка те, с кем советовался граф: Хродульф Горный, Леофриг Лесной, Хенгест Еафор и Меревальд Заозерный.

Хродульф и Леофриг выглядят облагороженными викингами, Хенгест Еафор полностью оправдывает свое имя: могучий жеребец, да еще и тяжеловоз, высится над всеми на голову, в плечах широк, а блестящие черные волосы падают на спину, как мощная конская грива. Меревальд рядом выглядит книжником, скромным и трудолюбивым, но я перехватил его острый взгляд, он первым заметил меня и оглядел с головы до ног, я скромно опустил голову и прошел к свободному месту в зале.

Мои провожатые зашептали жарко:

— Вам туда, на помост! Вам оставлено кресло!

Я ответил нарочито громко, с той скромностью, что паче гордыни:

— Я всего лишь один из рыцарей и друзей короля Фальстронга. Я дождусь конца выборов короля здесь. Во имя Господа!

— Во имя Господа, — ответили они обескураженно.

— Сильным, — сказал я значительным тоном, — надлежит быть скромным и уважительным к старшим. Идите, друзья мои.

Они ушли, я скромно опустился на лавку и приготовился слушать, не обращая внимания на заинтересованные взгляды справа и слева.

В зале сильный запах добычи, самой богатой, какую только можно представить. Жадно смотрят и на этих пятерых, сидящих за столом лицом к залу, и поглядывают на некоторых из присутствующих в общей массе. Разрыв между мощью той четверки за столом, исключая графа Меганвэйла, может быть не настолько заметным с влиянием некоторых из сидящих в зале, чтобы исключить всякое соперничество.

Граф Меганвэйл поднялся, шум в зале начал затихать под его властным взглядом. Не самый богатый, не самый могущественный из лордов, он уступает многим и в знатности, и в родне, и в древности клана, однако назначен командующим войсками в войне против Турнедо, и все знают, что выполнил долг до конца и что у него хватило отваги выступить против захватившего трон младшего сына Фальстронга, на что решился бы далеко не всякий.

— Благородные лорды королевства Варт Генц, — проговорил граф сильным голосом, привыкшим перекрывать шум битвы. — Мы собрались здесь в тяжелый и скорбный час почтить память нашего благородного ко-

роля... и в то же время светлый день, как надеюсь, когда воцарится новая династия, что принесет в Варт Генц мир, счастье, спокойствие и достаток!

На опоясывающем зал балконе появлялись и пропадали девушки с корзинками в руках, там, судя по запаху, лепестки роз, их сбросят вниз, когда будет объявлено имя нового короля. Возникли музыканты, расселись и начали настраивать инструменты.

Граф Меганвэйл выдержал небольшую паузу, оглядел всех в зале исподлобья.

— Давайте сперва обсудим наиболее достойных, — продолжал он, — кто мог бы сесть на престол и править королевством долго и справедливо. Я, как главнокомандующий, от прений устраниюсь и приму любого, кого выберет общее собрание лордов.

Кто-то из зала выкрикнул бодро:

— А самому стать королем? Армия под вашей рукой, сэръ Меганвэйл.

Послышался шум, Меганвэйл покачал головой:

— Нет, я королем не буду и будущему королю угрозой не стану. Я воин, но не правитель. Править страной намного труднее и сложнее, чем командовать армией. Поэтому меня в списке претендентов нет и не будет.

Из другого угла зала кто-то прокричал хорошо поставленным голосом:

— Хродульфа!.. Лорда Хродульфа!

Сразу несколько голосов подхватили:

— Хродульфа!

— Его все чтят!

— У него самые большие земельные владения!

— Он самый богатый!..

Я всматривался в лица, вслушивался в голоса, ловил обрывки разговоров и старался увидеть общую картину. Расклад в самом деле выглядит интересным: самый богатый и с самыми крупными владениями — Хродульф,

прямо магнат какой-то, у него уже свое королевство в королевстве, однако ни одного сына, а дочери не в счет, зато у Леофрига трое сыновей: старшему тридцать, среднему — пятнадцать, и младшему всего три года... только вот Леофриг весьма груб и невыдержан, перессорился со всеми соседями, и хотя у него самая крупная дружина, но это добавляет ему мощи, однако не уважения.

Третий кандидат, Хенгест Еафор, могучий гигант с жеребьчьим лицом, а не только именем, богат, хотя не так, как Хродульф, у него сын и дочь, есть хорошо подготовленная к боям дружина, однако его род сильно уступает по древности, знатности и, самое главное, за спиной нет многочисленной и разветвленной родни, что могла бы обеспечить тылы.

Последний из сидящих за столом, Меревальд Заозерный, в каком-то очень дальнем родстве с одним из почти забытых королей, это не слишком весомый козырь, но известно, что покойный король часто с ним советовался по важным делам королевства, именно Меревальд настоял, чтобы Фальстронг начал разрабатывать соляные копи в заброшенных землях, где ничто не росло из-за этой проклятой соли, а теперь казна на торговле ею получает большую прибыль...

Я наблюдал с великим интересом, как все это происходит, когда королевство теряет сюзерена, а новый не силой захватывает трон, а местные стараются сделать это самым демократическим путем, все-таки большинство голосов гарантирует потом поддержку при любых потрясениях.

Через несколько часов ожесточенных прений девушки на балконе заскучали и ушли, оставив корзины, музыканты начали дремать, а кое-кто бесстыдно заснул.

В зале накалялись страсти, уже давно от четверки самых могущественных лордов перешли к сидящим в зале, граф Меганвэйл ненадолго отлучился, вернулся посве-

жевший, с блестящими от влаги волосами, призвал к тишине и объявил бодро:

— Когда наберем десять наиболее достойных, их занесем в особый список и будем голосовать за каждого в отдельности. За кого поднимется больше всего рук, тот и займет трон королевства Варт Генц!

Глава 16

Еще около часа кипели страсти, некоторые лорды выходили из зала на свежий воздух, но тут же стремглав вбегали обратно, где торопливо спрашивали всех, ничего ли не пропустили.

Граф Меганвэйл поднялся, вскинул руки. Шум в зале начал затихать, он выждал чуть, голос его прозвучал мощно и раскатисто:

— Могу я предложить?

Из зала прокричали:

— Конечно!

— Просим!

— Говорите, граф!..

Он сказал с расстановкой:

— Мне вот показалось, что есть смысл рассмотреть и несколько неожиданную кандидатуру... Вы все знаете этого человека, но никому, даже мне, в голову не пришло...

Он сделал паузу, из зала крикнули:

— Кто это?

— Сэр Ричард Завоеватель, — произнес он в напряженной тишине, — курфюрст Армландии, майордом Сен-Мари, эрцгерцог архипелага Рейнольдса, маркграф Гандерсгейма, коннетабль королевства Фоссано... Добавлю, что именно он сыграл решающую роль в разгроме могучей армии королевства Турнедо! Именно он уговорил нашего благородного короля Фальстронга выступить

единым фронтом против потенциального захватчика... именно ему мы обязаны тем, что к нашему королевству отходит почти треть турнедских земель с их сказочными урожаями пшеницы, которой у нас всегда недостает!

Тишина длилась и длилась, я замер, не зная, чего ожидать, наконец в зале кто-то заорал просветленным голосом:

— Пральна!.. Как не подумали?

Другой голос поддержал:

— Да в голову просто не пришло... Верный выбор!

— Ура Меганвэйлу!

— Нет, ура сэру Ричарду!

— Ричарда в короли!

— Он не наш...

— Будет нашим!..

Меганвэйл вскинул руки, утихомиривая, в зале начали затихать, поворачиваться к нему, хлопать по плечам соседей, заставляя умолкнуть.

— В этой войне мы потеряли своего сюзерена, — сказал он и на миг в глубокой скорби склонил голову, а когда поднял, глаза блистали победно, и продолжил с подъемом: — Но сумели нанести несокрушимому королю Гиллеберду ряд тяжелейших поражений! Он так и не оправился, как вы знаете! Напомню, по итогам победной войны нам принадлежат все северные земли королевства Турнедо. Туда уже посланы гонцы с сообщением, что вскоре здесь пройдут выборы короля, и можно уже сейчас собираться и приезжать для вассальной присяги новому сюзерену...

Кто-то заорал ликующе:

— Земли Турнедо, где лучшая в мире пшеница!

Другой голос прозвучал еще громче:

— Больше не будут драть за нее три шкуры!

Меганвэйл прокричал с подъемом:

— В зале находятся благородные графы Арнубернуз,

Фродвин и Буркгарт, они уже сказали мне, что отдадут голоса за сэра Ричарда, потому что он, как никто другой, пытался спасти нашего благородного короля Фальстронга, предупреждал, что его ждет ловушка, но вы же знали упрямый нрав Его Величества! А затем сэр Ричард убедил нас дать ему конницу, с которой он ворвался в логово заговорщиков и быстро подавил мятеж.

— За Ричарда! — прокричал кто-то в зале.

— Сэр Ричард умеет действовать очень решительно, — напомнил Меганвэйл, — чем очень напоминает покойного короля, который называл его сыном, все наши военачальники это слышали... Он вправе, как названный сын короля Фальстронга, занять трон!

За столом поднялся граф Хродульф, мне показалось, что в мою сторону смотрит с открытой неприязнью, но когда заговорил, голос его просто источал мед:

— Благородный граф Меганвэйл, мы все очень внимательно выслушали вас. Давайте занесем сэра Ричарда в список и... приступим к голосованию.

В зале закричал:

— Да!

— Давно пора!

— Надоело...

Мне пришлось все-таки выйти и сесть за стол на помосте, я всячески отнекивался, стараясь, чтобы это было незаметно, а когда опустился в кресло, смотрел в зал с виноватой улыбкой, дескать, я не хотел, это так получилось, вы же сами меня сюда вперли...

Граф Меганвэйл пытался рулить и голосованием, но Хродульф и Фродвин умело отстранили, намекнув, что он проявляет некую заинтересованность, а выборы короля должны быть строго нейтральными и без всякого влияния.

Начали, как водится, с самых именитых и могущественных, ибо поступить иначе — нанести им неизгладим-

мое оскорбление. Имя Хродульфа было названо первым, и хотя у него только дочери, но он в таком возрасте, что еще может занять сына, потому в зале руки начали подниматься довольно бодро.

Считали и пересчитывали, покрикивали на тех, кто держит руки недостаточно высоко или ровно, а кроме официальных счетчиков голосов подсчитывали еще и добровольцы из зала, проверяя и перепроверяя.

Я был впечатлен, за Хродульфа проголосовала почти треть, а в списке десять имен. Сам Хродульф улыбался победно и кому-то подмигивал в зале.

Вторым, как я и ждал, голосовали за Леофрига, знатнейшего сеньора, богатого и влиятельно, а еще и обремененного тремя здоровыми и очень развитыми сыновьями.

Он набрал всего на три голоса меньше, что тоже червато за всех остальных. Затем пришла очередь Хенгеста, я охнул, когда этот безродный великан набрал на пять голосов больше, чем Леофриг, и на два — самого Хродульфа!

Я поглядывал в зал на покрасневшиеся от азарта лица, ощущение такое, что лордам больше нравится этот тяжеловес с лошажьей мордой, чем наиболее знатные и кичливые, привыкшие быть везде первыми.

Меревальд набрал меньше всех, хотя достаточно много, так что в королевстве здоровый дух, и книжников ценят не меньше, чем людей с оружием.

Остальные пять в списке набрали в сумме едва ли десятую часть, и наконец уже граф Меганвэйл, беря ведение собрания в свои руки воина, провозгласил мощно:

— Теперь поднимите руки те, кто желал бы видеть на троне сэра Ричарда, курфюрста Армландии!

Сердце мое замерло, я старался выглядеть тихим и незаметным, но когда увидел лес рук, внутри меня все подпрыгнуло, встало на голову и пошло на ушах.

Хродульф помедлил, мне показалось, что очень хочет

как-то переиграть, однако мысли не идут в голову, Леофриг и Хенгест тоже ошарашены, только Меревальд скрывает свои чувства, словно его вообще нет в списке.

— Семьдесят четыре голоса, — произнес Хродульф глухо. — Будем пересчитывать?

— Да, — крикнул Леофриг. — А как же?

Хродульф поморщился, пересчитывать при перевесе в двадцать голосов — лишь подчеркивать триумф победителя.

— Как скажете, граф, — произнес он с холодной любезностью.

Вместе с добровольными помощниками слова пересчитали, но на этот раз голосов на сэра Ричарда оказалось на два больше, словно кто-то одумался и решил, что этот энергичный чужак будет лучшим королем, чем свои толстые и богатые.

Хродульф проговорил сломленным голосом:

— Сэр Ричард, прошу вас... Скажите о своей политике и о том, как будете править королевством Варт Генц. После чего вам вручим корону и горностаевую мантию короля, а также все регалии и ключи от казны.

Молчавший все это время Меревальд сказал громко:

— И принимайте корону поскорее, сэр. Королевство слишком долго находилось без сюзерена, и кое-где уже пошли волнения. Стране нужна твердая рука.

Я поднялся, вышел вперед, став лицом к залу. Там сразу умолкли все голоса, я развел руками, постарался выглядеть смущенным, но в то же время сделал голос твердым и решительным:

— Собственно, я прибыл только для того, чтобы заключить с новым королем союз о вечном мире и вечной дружбе!.. Сейчас же я растроган и растерян... и не могу даже в полной мере выразить благодарность за оказанную честь и доверие, мои дорогие друзья, а вы все — друзья!.. Однако я верю, что найдете компромиссную фигу-

ру человека, который сможет соблюсти интересы и королевства, и ее лучших людей.

Хродульф выпучил глаза, отшатнулся, потом вскричал в диком изумлении:

— Сэр Ричард, но почему... избрали же вас!

Граф Леофриг прорычал громким голосом:

— Как можно отказываться от короны?

Военачальники в зале, среди них я заметил Арнубернуза, Фрондина, Буркгарта, Хельмута, Габриласа, Елиастера, Фитцуильяма, закричали:

— Ричарда в короли!

— Корону — Ричарду!

— Ричард — король!

— Ричард!

— Ричард!

— Ричард!

Каждый из этих полководцев еще и окружен лордами и владетельными хозяевами помельче, так что я мог бы получить большинство и без помощи Вирландины Самондской, но вижу, что она сделала немало, и мое преимущество теперь просто подавляющее.

Мелькнула мысль, а почему бы в самом деле не, зато могу сразу выдвинуть жесткие условия, сослаться на переходный период, военное время, вытребовать себе дополнительные полномочия, а уж потом ничего не выпущу из моих загребуших...

Я покачал головой и сказал громко, перекрывая шум, что тут же начал стихать:

— Не хочу, чтобы кто-то даже подумал... пусть не сказал, но подумал!.. что корысти ради привел сюда почти половину армии. Я привел ради корысти Варт Генца, и вы видите, удалось быстро и малой кровью подавить разгорающийся мятеж. Теперь ухожу в свои земли... и, надеюсь, будем добрыми соседями! Я предпочитаю иметь вас добрыми соседями, чем подданными. Мне важнее не

корона, а друзья на этой стороне реки, а вы теперь друзья, вижу.

Я улыбался, кланялся, снова улыбался и кланялся, а затем поспешил вообще убежать, чтобы никак не влиять на выборы короля, что пришлось начать сначала.

Впрочем, больше неожиданностей не было, большинством голосов избрали Хродульфа, хотя на этот раз разрыв с оказавшимся на втором месте Меревиндом оказался всего в один голос.

Вечером Хродульфа привели к присяге, он сел на трон, и сразу же закатили грандиозный пир. Меня усадили с ним рядом, я снова улыбался мягко и застенчиво, а с другой стороны граф Меганвэйл шепнул мне на ухо, что в городе кричат мне хвалу, и даже в ближайших селах, куда уже достигли слухи.

Я опять же скромно и мило улыбался, да, я вот такой благородный, не скажу же вот так вслух, что при всем щенячьем восторге и жажде сесть на трон прекрасно понимаю, стать королем в Варт Генце — это как раз и быть пешкой в руках могучих родов, семей и кланов.

В Сен-Мари хотя бы армия, зачистка прошла тремя мощными волнами и то оппозиция не дремлет! В Турнедо хотя бы столицу захватил и тоже показал уstraшенных жителям железный кулак, а что здесь?

Хродульф наклонился ко мне и сказал с любезной улыбкой:

— Сэр Ричард, первый указ, который я оглашу, это будет мирный договор с Армландией...

— И той частью, — уточнил я, — что отныне входит в нее... считая и бывшую столицу бывшего Турнедо Савуази!

Он чуть помедлил, что-то соображая, потом кивнул.

— Это уже мелочи, сэр Ричард! Я уверен, мы поладим прекрасно.

— Я надеюсь на это, Ваше Величество, — сказал я.

Он довольно заулыбался. Граф Меганвэйл мощно поднялся во весь рост, громадный и красивый в своем довольстве и полупьяной сытости, вскинул чашу над головой.

— Слушайте все!.. Наш дорогой и ценнейший союзник сэр Ричард волей королей Барбароссы, Найтингейла и ныне подло убитого собственными сыновьями Фальстронга начал этот рискованный путь из наполовину захваченной Армландии курфюрстом... и мог бы закончить королем Варт Генца, вы все знаете это!

В зале заорали, начали вскакивать с мест, двигаются еще бодро, только двое-трое поднялись тяжело, у остальных глаза блестят отвагой и задором, а полные чаши в поднятых руках не дрожат и вино не расплескивают.

— Слава Ричарду!

— Слава Армландии!

— Слава!..

Меганвэйл повел свободной рукой, успокаивая крики, а когда те стихли, заговорил еще громче и с нажимом:

— Я предлагаю отметить эту победу, предложив сэру Ричарду... по меньшей мере титул гроссфюрста!

В зале снова заорали довольно, как мне показалось, даже те, кто ни черта не расслышал. В мою сторону начали поворачиваться и указывать чашами, что пьют за мое здоровье и, так сказать, обмывают новый титул, чтоб не заржавел.

Я вскочил, торопливо возразил:

— Дорогие друзья, не будем нарушать правила!.. Такие высокие титулы волен давать только император. Даже королям такое не по зубам.

Большинство утихло, лица озадаченные, у кого-то даже смущенные, все верно, малые титулы дает король, большие — император, однако граф Меганвэйл то ли уже выпил лишнее, то ли что-то на уме, но вид у него та-

кой, что вот закусил удила и прет, как лось через камыш, не обращая внимания на выпрыгивающих в ужасе из-под копыт лягушек.

— Ваша светлость, — сказал он почтительно, — император правит в своей империи. И волен раздавать титулы только там. Ну, еще в Сен-Мари... хотя у меня насчет того королевства есть сомнения, все-таки великий и ужасный океан разделяет эти материки... но это сейчас неважно. Мы — по эту сторону Великого Хребта!

Кто-то в тишине вскрикнул ликующе:

— И довольно далеко от него!

Снова поднялся шум, Меганвэйл прокричал:

— Здесь от императорской власти нет и тени. И никогда не было. Здесь всегда правили меч, достоинство и рыцарская честь. Рыцари выбирают даже королей!

Кто-то крикнул из глубины зала:

— Как сейчас и сделали в Варт Генце!..

— Спасибо, барон Эванс, — ответил Меганвэйл гулким голосом. — Вот именно, мы по своей воле, а не воле какого-то заморского императора избрали короля, а сейчас торжественно вручим нашему доблестному сэру Ричарду титул гроссфюрста! В ознаменование блистательного захвата столицы вражеского королевства... и вообще победного окончания войны!

Неожиданно поднялся барон Хельмут, огромный и широкий, очень даже заметный и без своего знаменитого битюга, перед которым даже Зайчик выглядит жеребенком.

Он вскинул чашу и рявкнул мощно:

— Граф Фредерик Меганвэйл забыл добавить, что отныне власть сэра Ричарда простирается не на одну Армландию, а еще и на две трети Турнедо. Потому и титул отныне должен быть... так сказать, позначительнее курфюрста.

— Что мы и сделали, — сказал Хродульф важно, он

явно не желал выпускать вожжи из рук. — Бумаги мне! Оформим сразу же!

Все радостно заревели, закричали, вскинутые чаши сверкают золотыми и медными боками в ярком свете люстр, еще ярче блестят глаза пирующих. Я улыбался и, сцепив пальцы в замок над головой, потрясал руками, улыбался и благодарил, ибо глас лордов — глас народа.

В зале приподнялся Габрилас, один из достаточно мелких военачальников, прокричал весело:

— И его светлость сэр Ричард наконец-то сможет именоваться его высочеством! А то надоело...

Хельмут гулко изумился:

— А разве сможет?

— Ну, — сказал Габрилас уверенно, — думаю, да!

— Думаешь или знаешь?

Габрилас отмахнулся в раздражении урожденного лорда:

— У меня слуги все знают, не хотите к ним старшим? А мне зачем думать?

Барон вздохнул.

— Знаете, дорогой сэр, я тоже за то, чтобы к сэру Ричарду обращались как к его высочеству, а то и Его Величеству... Но, увы, не нам двоим менять мир. Гросс-фюрст — это пока что «его светлость».

Габрилас спросил задиристо:

— Почему двоим? Вон и граф Арнубернуз такого же мнения!

Барон оглянулся на графа и сказал очень серьезно:

— Ну, если нас не двое, а трое, тогда да, сможем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	50
Глава 6	62
Глава 7	73
Глава 8	83
Глава 9	92
Глава 10	100
Глава 11	111
Глава 12	118
Глава 13	127
Глава 14	135

ЧАСТЬ 2

Глава 1	146
Глава 2	153
Глава 3	159
Глава 4	166
Глава 5	174
Глава 6	184
Глава 7	191
Глава 8	197
Глава 9	207

Глава 10	215
Глава 11	222
Глава 12	233
Глава 13	239
Глава 14	246
Глава 15	255
Глава 16	263

ЧАСТЬ 3

Глава 1	278
Глава 2	289
Глава 3	296
Глава 4	304
Глава 5	311
Глава 6	318
Глава 7	328
Глава 8	336
Глава 9	345
Глава 10	351
Глава 11	360
Глава 12	369
Глава 13	380
Глава 14	388
Глава 15	396
Глава 16	403

Литературно-художественное издание
БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ГРОССФЮРСТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 15.07.2011.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 65 000 экз. Заказ № 6128.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-51286-7

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-51286-7

9 785699 512867 >

Рицард

Длинные Руки —
гроссфюрст

